Министерство образования и науки Российской Федерации
Горно-Алтайский государственный университет

Древности Сибири и Центральной Азии

№5(17)

Горно-Алтайск, 2013

Министерство образования и науки Российской Федерации

Горно-Алтайский государственный университет

**Научно-исследовательский центр
истории и культуры тюркских народов**

Древности Сибири и Центральной Азии

№5(17)

Горно-Алтайск
2013

УДК 902/904
ББК 63.4

Древности Сибири и Центральной Азии.
Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова.
Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5(17). 184 с.

ISBN 978-5-91425-062-8

Ответственный редактор – к.и.н., доцент **В.И. Соёнов**

Сборник подготовлен Научно-исследовательским центром истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета в рамках реализации проекта госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая», №6.3494.2011, а также проектов Российского гуманитарного научного фонда «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию», №11-01-00191а, «Исследование археологических памятников маргинальной горно-таежной зоны Северного Алтая», №13-11-04601е(р).

Электронную версию издания «Древности Сибири и Центральной Азии»
читайте на сайте ГАГУ ***http://e-lib.gasu.ru/Drev/autors.html***

ISBN 978-5-91425-062-8

© **В.И.СОЁНОВ**, составление, оформление, макет, **2013**

Кузин-Лосев В.И.
(г. Донецк, Украина)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМЫ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Свод изображений самусьской культуры, изданный и всесторонне прокомментированный Ю.Н. Есиным в монографии «Древнее искусство Сибири: самусьская культура» (Есин Ю.Н., 2009), достаточно значителен для специалистов, чьи интересы лежат в области изучения духовной культуры далекого прошлого. Полная подборка Ю.Н. Есина фигуративных изображений с поселения Самусь-4 позволяет на примере самусьской культуры наглядно проиллюстрировать, каким образом реализовался принцип трансформации культурных текстов в древних культурах Сибири. Принцип трансформации (или видоизменения текстов) по определенным правилам, столь универсальный для архаического сознания, что находит в той или иной степени повторение в целом ряде знаковых систем культур традиционного облика. Первоначально специфические черты архаических трансформационных структур (моделей) были описаны на основе фольклорных и мифологических источников, где огромная роль в формировании методологических принципов принадлежит работам В.Я. Проппа, в частности, его «Морфологии сказки» и структурному методу К. Леви-Строса. Относительно древней изобразительности степных народов Евразии мною ранее затрагивались в статьях отдельные моменты трансформации культурных текстов эпохи поздней бронзы, срубной изобразительности, скифо-сибирского искусства. Самусьская изобразительная традиция столь неординарна и во многом уникальна для эпохи бронзы Северной Евразии, что на ее примере удается со всей наглядностью проиллюстрировать приемы трансформаций и реализации инвариативности некой заданной схемы не только для сибирского культурного мира периода бронзы.

Ю.Н. Есин в своей книге, разбирая методологические подходы интерпретации самусьских изображений, делает акцент на перспективности структурно-семиотического подхода в понимании смыслов изображенного. Он исходит из общих методологических положений, что важнейшим принципом для реконструкций является система отношений между элементами и повторение структурных моделей в различных изобразительных текстах. Получает у него характеристику мифологический метафоризм, с конкретной демонстрацией реализации данного поэтического приема на образцах изобразительности Сибири (Есин Ю.Н., 2009, с. 43-46). Смысловые реконструкции Ю.Н. Есина относительно изобразительных текстов на сосудах самусьской культуры направлены в сторону анализа структуры орнаментальных ярусов, как отражения универсальной космологической схемы миров, с последующим наполнением каждого образа смысловыми значениями. В своей работе я сделаю акцент на демонстрировании действия механизма трансформаций в пределах достаточно ограниченного и замкнутого корпуса изобразительных источников, и уже, исходя из выявленных структурных связей в пределах этого достаточно узкого корпуса, попытаюсь выстроить отношения между образами, а это определенный шаг в сторону возможной реконструкцией семантических рядов и кодовых систем самусьской культуры.

Композиционные трансформации будут рассмотрены на примере изображений фигуративного типа. Фигуративные образы в самусьской культуре встречаются редко, чаще на небольших черепках, фрагментах сосудов, поэтому отсутствует представительная группа целых сосудов с означенным видом изобразительности. В своих построениях опираемся на орнаментальные реконструкции, опубликованные в монографии Ю.Н. Есина. Другая достаточно важная особенность представленной сводки состоит в принадлежности изобразительного набора к одному поселенческому комплексу – Самусь-4. Данный набор вариативен в предельно замкнутой традиции отдельного коллектива, проживавшего на поселении достаточно продолжительное время. По сути, мы имеем в своем распоряжении *закрытую в своей системности* изобразительную традицию населения одноименного поселка.

Трансформация – изменчивость элементов до степени, за которой признаки изначального образца еще не теряются. Следует оговориться, что выбор той или иной компо-

зиции в качестве первоначальной для анализа не принципиален, как не принципиальна, по замечанию К. Леви-Строса, исходность того иного мифа при изучении региональных мифологий. Поэтому рассмотрение проблематики трансформ в самусьской культуре можно начать с обращения к любому сосуду с поселения Самусь-4. Все же, будем исходить из того, что геометризм составляет характернейшую черту эпохи бронзы Северной Евразии и количество фигуративных образов в археологических культурах региона было невелико. Отталкиваясь от этой ключевой особенности самой эпохи и культур периода бронзы, было бы вполне логичным начать свой разбор изобразительного материала именно с композиций, не обладавших образами, отмеченными хотя бы какими-либо признаками антропоморфности или зооморфности.

За изначальность в своем анализе выберем изобразительную композицию сосуда с геометрическими элементами – обычный сосуд со схемой тождественных фигур и выраженными свободными зонами по тулову (рис. 1 – 1). На отдельных сосудах в таких свободных зонах появляются антропоморфные безголовые фигуры, у которых вместо головы две вертикальные черты (рис. 1 – 2). Построение композиций с антропоморфными персонажами орнаментально по своей сути, поскольку на сосуде представлены ряды повторяющихся однотипных фигур. Тип безголовых антропоморфных образов достаточно вариативен. Один из вариантов данного типа – фигура в арке (рис. 1 – 3). В отдельных случаях данный мотив претерпевает видимую трансформацию, следствием которой в арках появляется совершенно иной образ, со своими своеобразными чертами: антропоморфная голова (или человекоподобный лик), от которой вниз отходят вертикальные линии (рис. 1 – 4). Вертикальные линии условно названы опорами, столбами для антропоморфного лика, и данный мотив вполне может получить определение «голова на столбах» (Есин Ю.Н., 2009, с. 63-64). Рассматриваемый мотив любопытен тем, что он обладает видимой инверсией с антропоморфным безголовым образом с вертикальными чертами вместо головы. Сопоставляя между собой эти два изобразительные мотива с позиции инверсии (рис. 1 – 5), получаем одно видимое принципиальное изменение (антропоморфного образа) и некоторую повторяемость (геометрического элемента):

1) присутствие человеческого образа как было, так и осталось, только видоизменилось его воплощение – вместо туловища появляется голова;

2) вертикальные черточки повторены в обоих случаях, только изменилось их месторасположение и они увеличились в размерах.

В итоге имеем внешнее видоизменение антропоморфного существа в сторону замены его туловища на вертикальные линии (столбы) при одновременном сохранении неизменности геометрического элемента – в данном случае произошло увеличение его размеров, но не исчез сам элемент. Видоизменение коснулось местонахождения антропоморфного и геометрического элемента в общей схеме: геометрический элемент переместился с верха в центр, человеческий элемент с центра наверх (рис. 1 – 5). Трансформация образа связана с местоположением каждой из двух ключевых составляющих: частей антропоморфа и геометрического элемента, – именно смена зональное расположение дает видимый смысловой сдвиг и новый изобразительный образ. Такая смена относительно антропоморфа (замена человеческого тела столбом) представляет собой смысловой сдвиг, поскольку возникает совершенно иной изобразительный образ, не совпадающий с исконным.

Изобразительный мотив «голова на столбе» довольно вариативен, и в первую очередь, это относится непосредственно к тому, какие изменения претерпевает трактовка головы, лика. Ю.Н. Есин приводит множество вариантов голов и ликов в пределах самусьской традиции (Есин Ю.Н., 2009, с. 204, рис. 28). Многообразны так же изображения столбов, на которых помещена голова или лик, есть даже сдвоенные изображения столбов с двумя головами (Есин Ю.Н., 2009, с. 205-206, рис. 29-30). Вариативность касается и таких усложнений, как помещения образа в арку, так что голова на столбе оказывается в арочном проеме. В отдельных случаях опора для головы исчезает, и в изобразительном поле остаются одни головы или лики.

Модификация образа безголового антропоида в столб, увенчанный головой, не является единственным случаем инвертированной трансформации. Открывается целый ряд дальнейших трансформ. Достаточно большое количество изображений с мотивом

«голова на столбе» позволяет проследить направление трансформации изобразительных образов самусьской культуры. На отдельных сосудах мотив «голова на столбе» превращается в единственный изобразительный элемент на тулове сосуда, и помещенный в арку данный образ превращается в выраженный орнаментальный фриз (Есин Ю.Н., 2009, с. 396, рис. 114). В других случаях пространство между образами заполнено геометрическими элементами, и голова на столбе как бы утопает в геометрической орнаментике (рис. 2 – 1). Примеры еще дальнейшего ухода от изображения человеческого лица обнаруживаются на ряде сосудов, покрытых геометрическим орнаментом, среди которого на венчиках видны лишь очень схематичные лица (рис. 2 – 3-5). Крайним случаем является образец изобразительной композиции со сплошным заполнением геометрическим орнаментом поверхности сосуда, когда на геометрическом фоне проступают только отдельные черты человеческого лица: глаза, нос, рот (рис. 2 – 2). В приведенной системе видоизменений обращает на себя внимание ослабление антропоморфных черт. Сами же трансформации направлены, прежде всего, на изменения видов орнаментов. Параллельно происходит смена месторасположения лика и все большая условность при передаче человеческих черт. При этом инверсии подвергаются орнаментальные элементы, постоянной константой остается лик. Любопытен еще такой момент инверсии. На отдельных сосудах самусьской культуры лик обращен вовнутрь сосуда. Происходит не просто инверсия орнаментальных элементов, кардинально меняется месторасположение лика (рис. 2 – 6). На таких сосудах внутреннее пространство сосуда лишено орнаментики, и орнамент превращается в свой протагонизм – пустоту, чистое, незаполненное изобразительное пространство. В таком контексте лик как бы зияющий в пустоте, или отражающийся в том, что составляет содержимое сосуда.

Приведенная линия трансформаций образа головы (лика), направленная на все большее нарастание в декоре геометрической орнаментики, приводит к ситуации полной инверсии антропоморфного знака в геометрический знак и исчезновению фигуративного типа изображений. Как бы сделав круг, возвращаемся к типу орнаментации, с которой начинали – к геометрическим элементам. Получается некая замкнутая система: геометизм-антропоморфизм-геометризм. Теперь понятным становится непринципиальность выбора первоначального типа изображения. Это та же необязательность при выборе первоначального текста, которая известна для вербальной мифологической системы, продемонстрированная в свое время К. Леви-Стросом на примере мифов индейцев Америки. Механизм трансформации, характеризующегося кардинальным изменением одного элемента и сохранением другого, правда, в некоторой иной позиции или с иным смысловым знаком, достаточно хорошо изучены для вербальных текстов; схема, проиллюстрированная в свое время П. Марандой и Э. Кенгас-Марандой на материалах К. Леви-Строса (Маранда П., Кенгас-Марандам Э., 1985, с. 198-202).

Видоизменение изобразительных образов самусьской культуры можно расценивать с позиций общей мифологической поэтики, для которой характерны два широко известных поэтических тропа: метафора и метонимия. К. Леви-Строс рассматривает приемы переменного использования метафоры и метонимии как основу текстопостроения, когда метафора призвана осуществить переход на новый содержательный уровень (к новому коду), что и создает видимость сюжетики, действия в произведении, а метонимия связана с изменчивостью в пределах заданного образа, или синонимического ряда. В случае с разбираемым примером изобразительной традиции поселения Самусь-4 метонимия видна в замене человеческого туловища головой, т.е. видоизменяется не сам образ (некий антропоморф), а его части. Метафора проявляет себя в том, что на том месте, где ранее располагалось человеческое тело, появляется новое изображение – «столб», «птица».

Помимо мотива «голова на столбе» в изобразительной традиции самусьской культуры имеется еще один примечательный образ – круг, внутри которого помещен лик с человеческими чертами, непосредственно от круга крестообразно отходят четыре ответвления в виде неких отрезков, из которых боковые загнуты вниз (рис. 3 – 2). Сопоставление мотивов «голова на столбе» и «голова в круге» обнаруживает трансформации близкие тем, которые были продемонстрированы на примерах с безголовыми антропоидами. В композициях «голова в круге» трансформации подвергаются геометрические элементы: вместо вертикальных линий, усложненных горизонтальными черточками (ле-

сенкой), появляется круг с крестообразными ответвлениями (рис. 3 – 1). Лик, голова остаются неизменной переменной и наличествуют в обоих мотивах. Перемена затрагивает местонахождение лика: если в мотиве «голова на столбе» лик расположен вверху, то в мотиве «голова в круге» он перемещается в центр. Следовательно, для мотивов «голова на столбе» и «голова в круге» неизменным остается повторение человеческого лика, головы, а трансформация касается геометрических элементов.

Несмотря на ограниченность источникового материала, все же удается проследить дальнейшую трансформацию мотива «головы в центре окружности». Видоизменения направлены в сторону исчезновения лика в центре окружности и его замену геометрическим знаком: косой крест, точка (рис. 3 – 2-4). Данный вид изменений можно представить в качестве замены мотива «голова в круге» на геометрический элемент.

Образ круга с внутренним знаком и с завихрениями по контуру имеет еще одну самостоятельную линию развития – данный изобразительный мотив трансформируется в образ водоплавающей птицы. Круг (яйцевидный овал) с внутренним знаком повторен в изображении птицы, ее туловище (рис. 4 – 1). В данном случае форма (геометрический знак) остается неизменной константой, а трансформацию претерпевает контур – завихрения возле круга превращаются в видимые признаки птицы. Дальнейшая эволюция образа, по видимому, идет по пути замены внутреннего знака внутри тела птицы «личиной» (рис. 4 – 4). Изображения на теле птиц достаточно условны, но все же черты человеческого лица просматриваются. Птица выступает в композициях постоянным элементом, а инверсия относится к преобразованию геометрического знака в лик человека. По логике, дальнейшие изменения в изображениях должны быть направлены в сторону геометризации образа птицы и сохранения в качестве постоянного элемента, лика. В самусьской изобразительности известно небольшое количество изображений птиц, переданных в геометрической манере (рис. 4 – 2-3).

Подводя промежуточный итог, следует признать, что при всем видимом множестве изобразительных текстов все же удается проследить между ними системные связи и выстроить семантические ряды для каждой группы текстов в отдельности. Вот этот последний момент важен с методологической точки зрения для выявления реальных семантических связей между изобразительными образами самусьской культуры. А это первый шаг к реконструкции семантической системы всей культуры, с дальнейшим выходом на содержательное наполнение культурных текстов, в том числе, реконструкцию неких реалий мифо-легендарного типа. В этом отношении самусьская культура во многом уникальна для эпохи бронзы Северной Евразии в открывающихся возможностях для реконструкции мифологической системы глубокой древности.

Предложенная система трансформаций позволяет выделить композицию, характеризующуюся изменчивостью одного образа при сохранении другого. По сути, мы имеем дело со структурой бинарного вида, у которой один неизменный элемент и вариативны другие. В некоторых случаях происходит принципиальная смена базового образа на другой, и уже далее, вариативность продолжается в пределах нового типа текстов. Если исходить из представлений, что структура была содержательным началом (она величина постоянна), то отношения между вариативными элементами и типами текстов можно представить в виде семантических эквивалентов. Таким образом, выделяется группа сосудов, объединенных общей композиционной схемой, устойчивой в сочетаемости принципиально разных элементов, вариативных по своей сущности. В данном случае возникает ситуация, известная для архаических вербальных текстов, где для некоторой группы мифов, легенд, сказок прослеживаются изменения, столь незначительные, что хорошо опознается единство текстов по некой композиционной схеме. Такая группа текстов объединяется часто общей темой. Тема является той основой, вокруг которой становится возможна концентрация текстов.

Уже сейчас можно на основе выявленных связей между образами очертить общее направление семантических реконструкций. С учетом трансформаций в пределах изобразительных композиций с антропоморфным персонажем получим серию изменений семантем по линии:

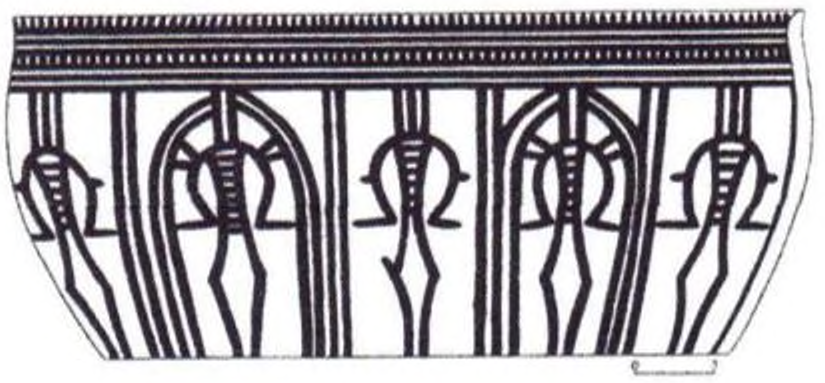
пустота – безголовый антропоморф – антропомофная голова на столбе – голова или лик в круге – птица с ликом на туловище.

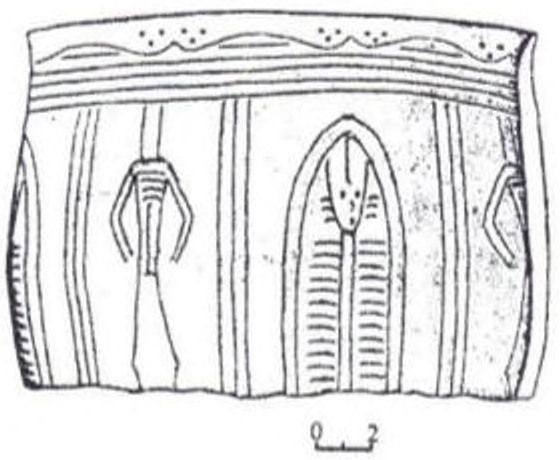
1

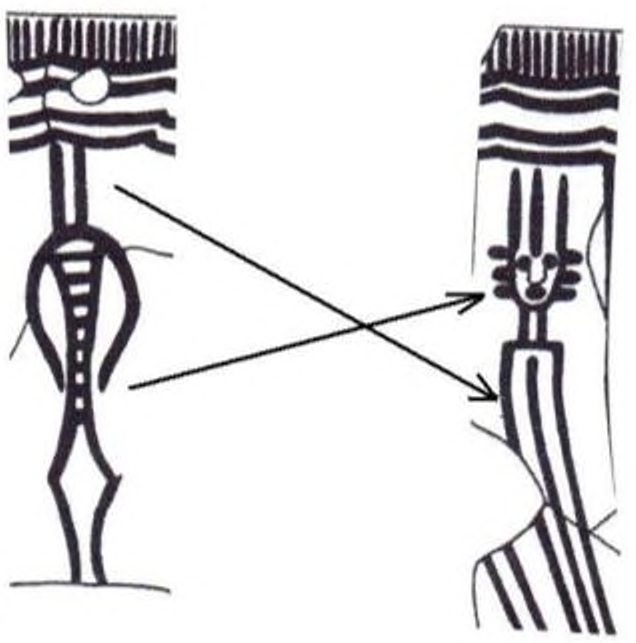
2

3

4

5

Рис. 1. Композиции с антропоморфными образами
(по: Есин Ю.Н., 2010, с. 363, рис. 8; с. 375, рис. 42; с. 384, рис. 76, 7; с. 395, рис. 112).
1 – Орнаментальный декор сосуда без фигуративных образов. 2 – Изображение с антропоморфными фигурами. 3 – Изображение с антропоморфными фигурами в арке.
4 – Композиция с мотивами «безголовый антропоморф» и «голова на столбе».
5 – Схема трансформации безголовой антропоморфной фигуры
в изображение головы на вертикально поставленных линиях.

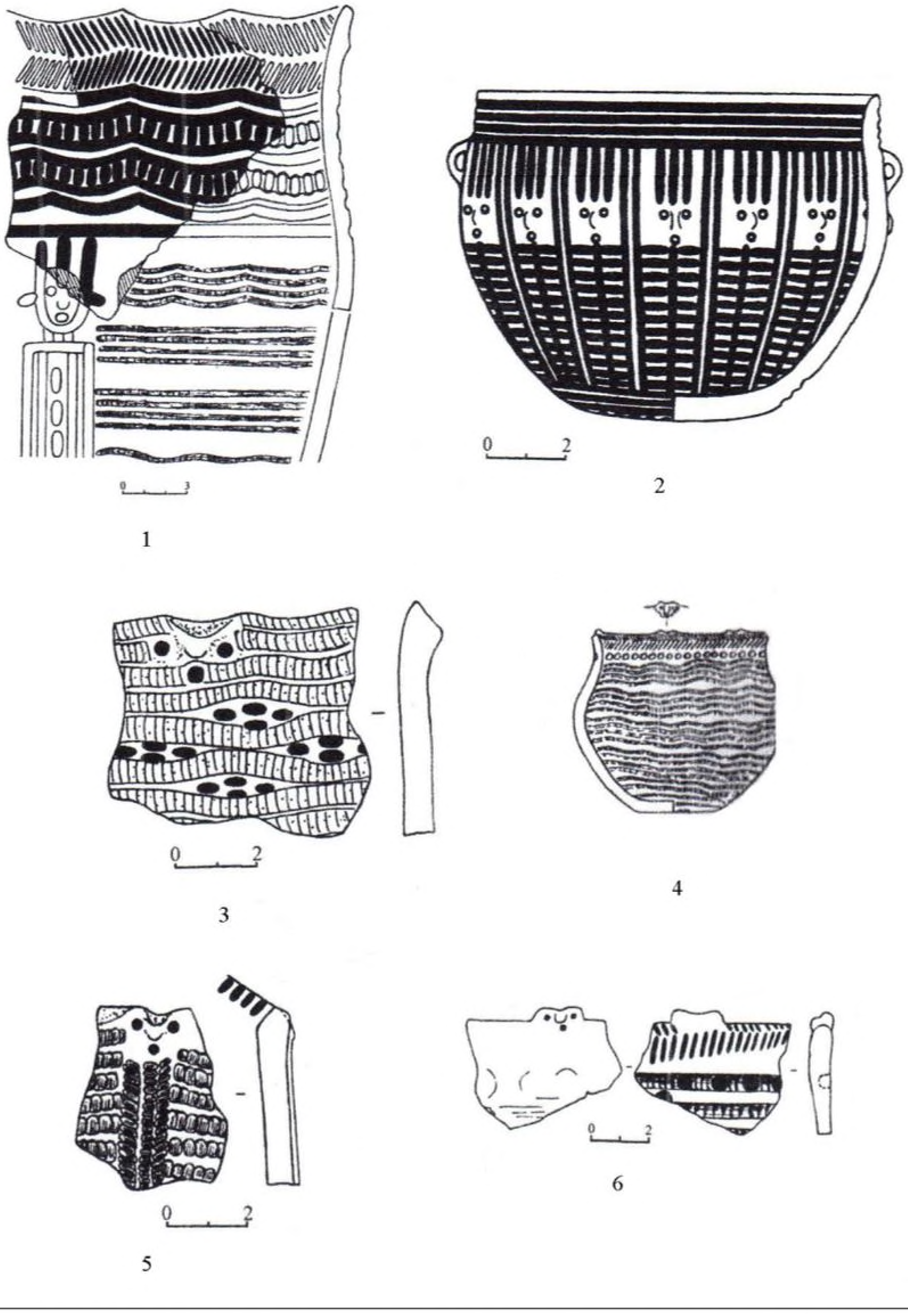
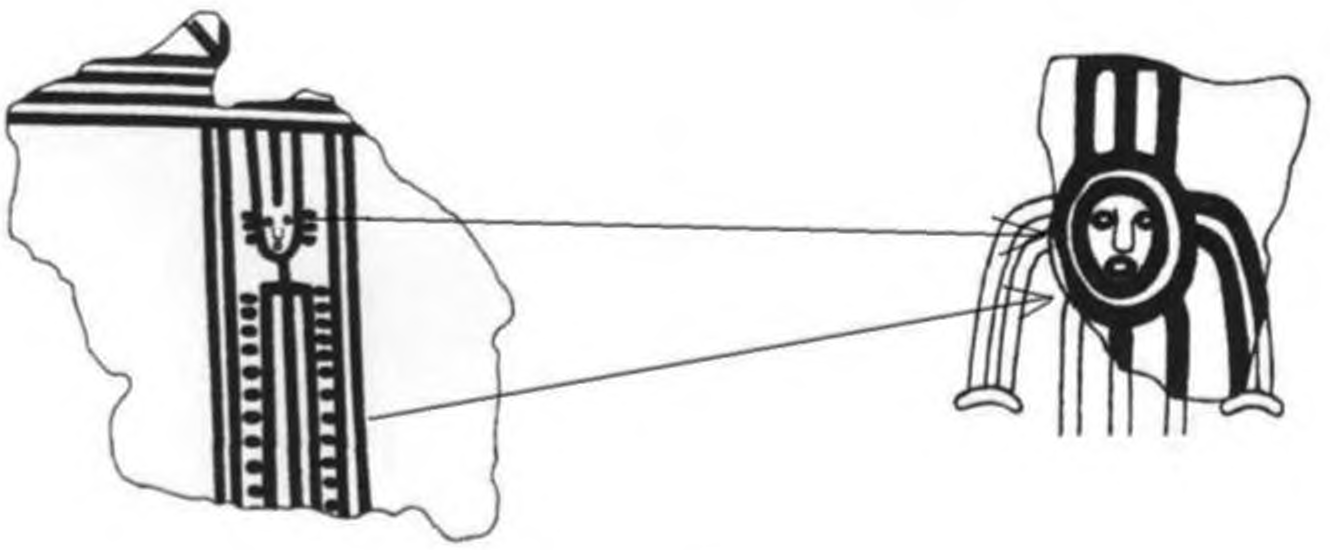
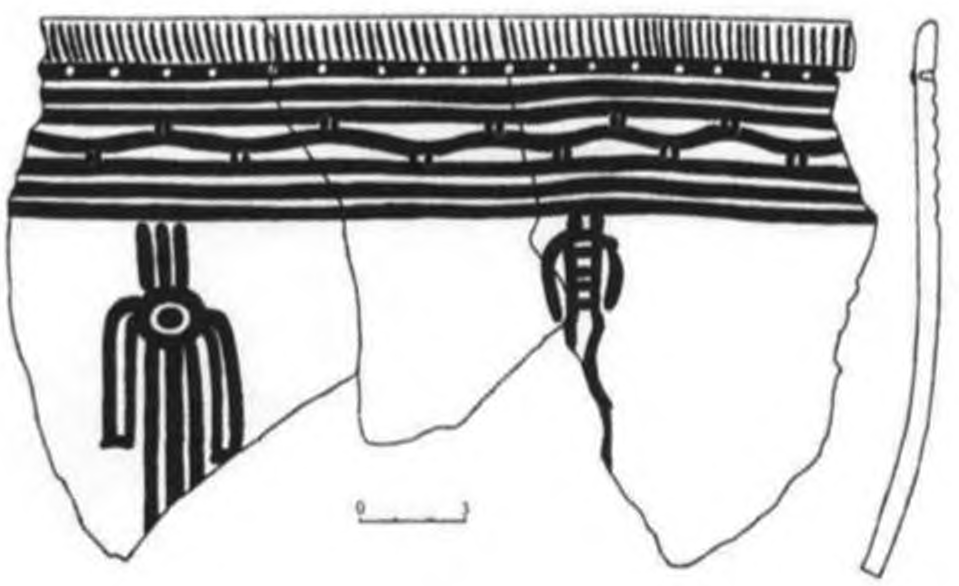

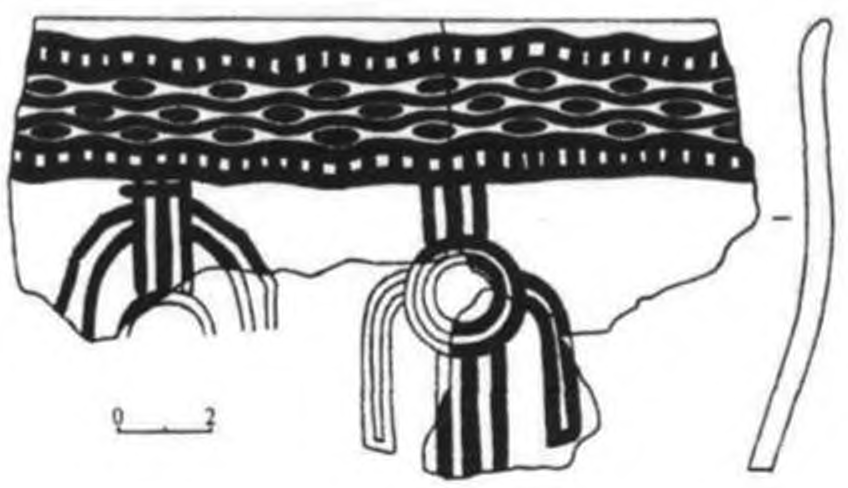
Рис. 2. Композиции с человеческими ликами на керамических сосудах (по: Есин Ю.Н., 2010, с. 392, рис. 103,*1*; с. 394, рис. 109,*2*; с. 414, рис. 194-195; с. 415, рис.199; с. 443, рис. 345). 1 – Образ «голова на столбах» в геометрическом орнаментальном окружении. 2 – Лик в геометрическом орнаментальном окружении. 3-5 – Ослабление антропоморфных признаков в изображениях на сосудах самусьской культуры. 6 – Лик, обращенный во внутрь сосуда.

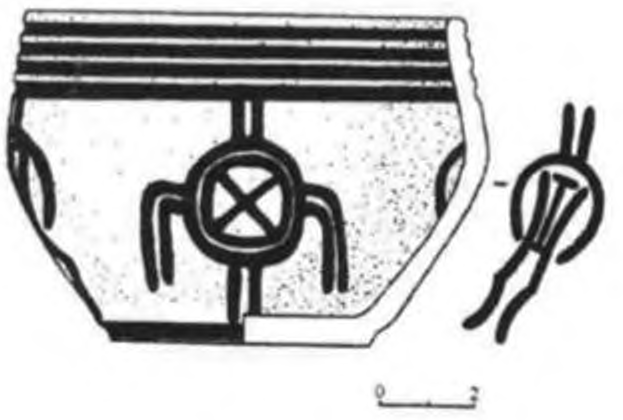
1

2

3

4

Рис. 3. Мотив «голова в круге» (по: Есин Ю.Н., 2010, с. 405, рис. 154-156).
1 – Схема трансформации образа «голова на столбах» в образ «голова в круге».
2-4 – Композиции с мотивами круга с различным геометрическим заполнением круга.

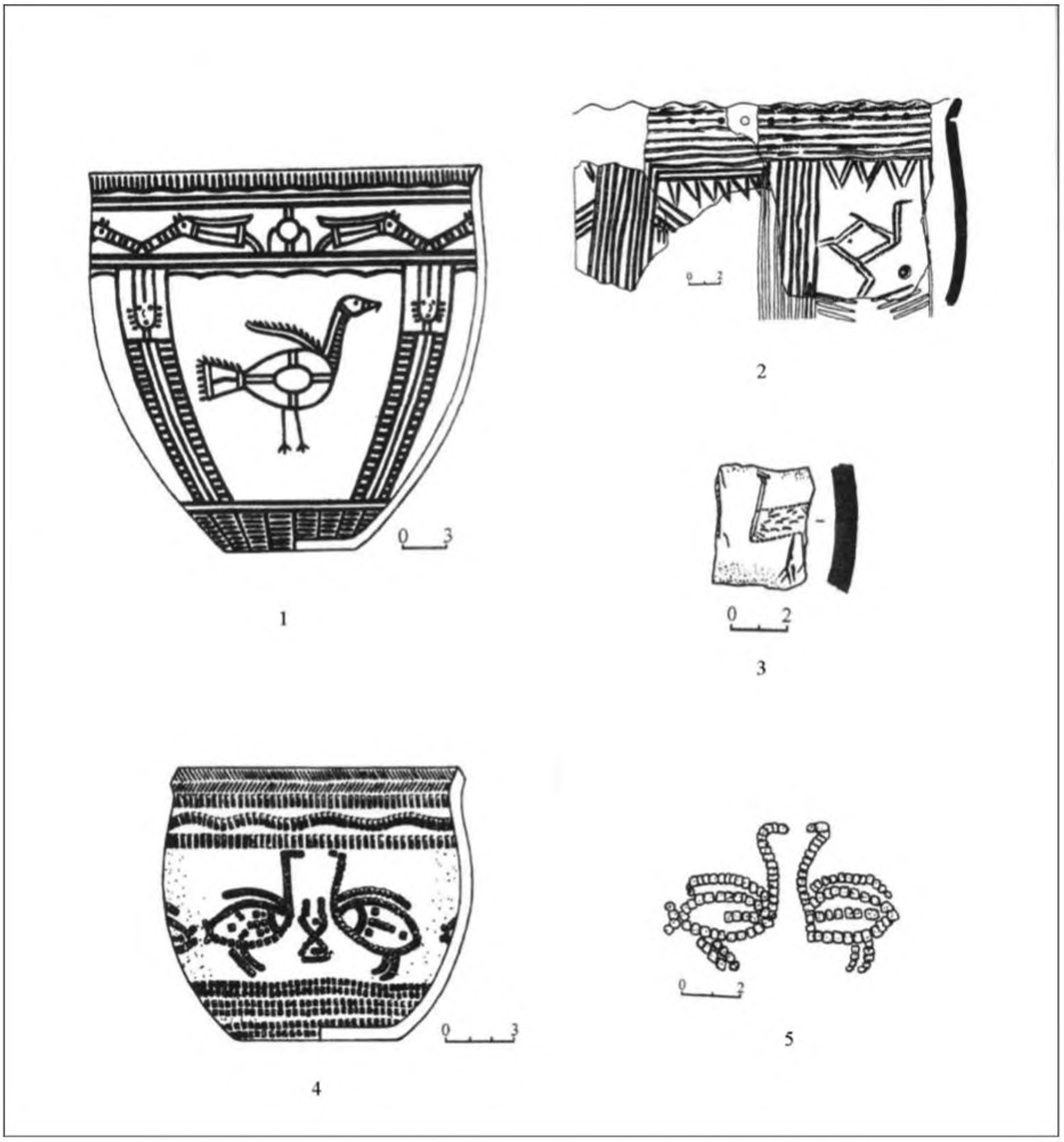

Рис. 4. Изобразительные образы птиц самусьской культуры
(по: Есин Ю.Н., 2010, с. 359, рис. *1,8*; с. 360, рис. 2,*1,4*; с. 495, рис. 10-11).
1 – Композиция птица с мотивом «голова на столбе».
2-3 – Изображение птиц в геометрической манере.
4 – Птицы с изображением ликов на туловищах.
5 – Композиционная схема симметрического расположения птиц.

Параллельно этому ряду выстраивается еще один, с инвертированными образами:

орнамент – безголовый антропоморф в арке – антропомофная голова на столбе в арке – круг с геометрическим элементом – птица с орнаментом на туловище.

Остановимся на первом ряде семантем. Смену образов можно представить в виде смены кодов. Для этого есть основания. Если обратиться к вербальным текстам, то система переходов от эпизода к эпизоду составляет, как правило, видимую смену кодов. Данный переход от одного образа (или замкнутой тематически системы образов) к другому осуществляется на основе метафоризма, а развитие внутри кода совершается на принципах метонимии. Как было продемонстрировано на примерах самусьской культуры, изобразительные трансформации также базируются на принципах метафоризма. Только они происходят не в рамках одного изобразительного текста, а в целой группе тематически близких текстов. Во многом это связано со спецификой разных семиотических систем, каковыми являются вербальная и изобразительная. Вербальные тексты выстраиваются на основе разворачивания текстов во времени, соответственно, и расположение кодов носит синтагматический характер. Изобразительная система принципиально не обладает синтагматической структурой подобной вербальной, для нее характерно единовременность изображаемого, т.е. картина не имеет протяженности во времени. Поэтому видоизменения в изобразительности происходят в пределах тематик.

Система кодов в вербальной системе – это переход от эпизода эпизоду, в ходе которого появляются все новые персонажами, а все эпизоды объединяет главный персонаж, герой произведения. Для изобразительной области трансформации происходят в пределах некоторой группы изображений, объединенных сквозным образом, в разбираемом конкретном случае самусьской культуры – безголовым антропоидом. Сами изображения вариативны. Как в вербальном тексте, в котором между кодами (их составляющими) образуется синонимия и выстраиваются семантические связи, так и в изобразительной тематической системе вариативное окружение сквозного образа обладает синонимией. И выше представленные наборы семантем представляют собой семантические ряды.

Первый семантический ряд позволяет войти в смысловые основы самусьской мифологии. Понятны смысловые аллюзии вокруг безголовости персонажа. Это образ «смерти», «мертвого». Как очевидны и смыслы «головы» – источника жизни, жизненных сил. Каждая семантема имеет определенный круг значений:

пустота – некая изначальность, выраженная в видимом образе отсутствия чего-либо, «недостача» в терминах В.Я. Проппа, с которой начинается цепь событий;

безголовость – смерть в облике антропоморфного образа, лишенного головы;

безголовый антропоморф в арке – арка традиционно знак «верха», «неба», в сочетании с безголовым персонажем, получается значение «смерть, связанная с небом»;

голова на шесте – уже прямое выражение «верха» для антропоида, поскольку он помещен на верху (через его часть);

птица – объединяет низ и верх, но поскольку она водоплавающая, то актуализируется совершенно новое значение «вода», как и ее противоположность, «огонь».

Птица занимает особое место, превращаясь в медиатора между мирами, стихиями воды и огня (молнии), жизнью и смертью, и с нее намечается переход к новой теме, зооморфной.

В данном наборе семантем без труда обнаруживается сходство с Основным мифом Америки о добывании огня (воды). Южноамериканский миф, выбранный К. Леви-Стросом в качестве канонического (М 1), начинается с инцеста, нарушившего равновесие в мире. Отец отсылает сына за волшебными предметами (недостача в вещах), происходит попадание героя «наверх» в мир птиц, его временная смерть (обморок), там он лишается ягодиц, благодаря птицам возвращается к жизни и становится хозяином «огня», через воду (дождь) (Леви-Строс К., 2000). Имеются другие варианты легенд, в которых герой теряет голову (инверсия семы «ягодицы» на «голова»). Вот эти инвентированный вариант с мотивом «отчлененная голова» и близок самусьскому набору семантем. Родственные сюжеты, к слову, известны среди палеоазиатских народов Сибири (Иванов Вяч. Вс., 1982).

Прослеживаемые семантические связи между элементами в пределах одной темы дают понимание, почему сочетаются в пределах одного текста, например, безголовый

антропоид и птица. Приведенные в качестве примера изобразительные образы принадлежат к разным семантическим рядам, где каждый ряд обладал достаточно расширенным набором элементов. Сама же система отношений между рядами, составляющая собственно содержательное начало, выстраивалась на принципах бинарных оппозиций. Принципиальными были не сами образы, а сохранение содержательного начала – системы отношений, основанных на принципах двухстороннего позиционирования. Поэтому достаточно легко менялись образы, отсюда видимая многообразная вариативность, в то время как устойчивой была двухчленная структура разностей. Принадлежность к семантическому единству позволяло явиться тому или иному элементу ряда в любом текстовом контексте, с тем условием, что принципиальным оставалось сочетание элементов противоположных семантических рядов. Пересечение образов обусловлено принадлежностью их к тому или иному семантическому ряду. Ситуация подобна тому, как в мифологических текстах появление некоего персонажа или семантемы удается проследить при анализе нескольких циклов и мифологических групп, разбитых по темам. Переход от темы к теме сопровождается трансформацией образов или их семантики*.

В системе текстопостроения мифопоэтической традиции подвижными являются не только семы, но и более крупные единицы – темы. Изменения на уровне темы позволяют явиться совершенно новой группе текстов. В данном случае трансформация затрагивает некий более высокий структурный содержательный принцип. Система трансформаций может идти все дальше, приводя к все новым тематическим структурам и оригинальным текстам, столь отличным от первоначальных, что теряется видимая связь между текстами. Но отличия между двумя группами, разведенными тематически, не столь сильны, чтобы не заметить между ними общие черты.

Для поселения Самусь-4 выделяется две темы в пределах одной изобразительности, вокруг которых сосредоточен определенный круг образов. Первая тематическая структура (схема), наиболее массовая и представляет собой оппозицию различных по своей сути двух образов. К ней относится вся серия изображений с антропоидами, составляющая подавляющую группу известных на сегодня фигуративных изображений с поселения Самусь-4. Вторая изобразительная композиционная схема представляет собой совершенно особый и редкий вид, связанный с птицами. Данная структура построена на основе сочетания двух тождественных, симметрично расположенных образов: две птицы обращены друг к другу, на отдельных изображениях между ними находится геометрический элемент (рис. 4 – 4-5). При сохранении бинарной структуры – в ней наличествует два тождественных между собой образа птицы – различия касаются вектора расположения образов, которые оказываются противонаправленными. Имеем принципиально различные схемы. За различием структурных композиций видится содержательное различие, получившее реализацию в виде новых тематик. Для самусьской культуры пока выделяется две изобразительные тематические схемы. Подобные наблюдения ценны сами по себе, поскольку удается выделить несколько композиционных схем с определенным набором элементов, где небольшие трансформации не являются признаками, которые не позволили бы объединить между собою некую группу изображений. Фактически, это два изобразительных инварианта, где инвариант понимается как неизменность в однородных системах в виде структурного признака. Выделение двух различных композиционных схем (структур) важно для последующих реконструкций.

Если для понимания построений и трансформаций мифов требуются изрядные усилия, определенная степень абстрагирования и умения исследователя работать с отвлеченными схемами и большой группой вербальных текстов, то для изобразительных текстов (благодаря их наглядности) намного проще увидеть трансформации. Действительно, мастеру самусьской культуры, чтобы создать новый изобразительный образ, особо не приходилось прилагать больших ментальных усилий. Исходный образ видоизменялся на основе инверсии одного элемента при сохранении другого, только с некоторым усилением/ослаблением некоего признака. Было туловище, вместо него изобразили голову,

* Если для двух представленных семантических рядов брать связи по горизонтали, то это метафорические изменения. Если выстраивать отношения меду элементами двух рядов по вертикали – митонимия.

при этом поменяли местами их расположение в пространственном поле. Той же смене местами подвергался и оставшийся неизменным геометрический элемент – был вверху, оказался в центре. И так по цепочке трансформаций, пока ряд не исчерпывался возможными вариациями. По сути, речь идет о приеме вариативности в заданных пределах, своего рода игра возможностями по изменению чего-то ранее уже известного, можно сказать импровизация в определенных рамках. В пределах подобных вариаций мог возникнуть новый знак-значение. Сколь далеко может зайти игра в «вариативность» нового и стремление к построению принципиально иных образов, дает пример появления противоположным антропоидам образов – зооморфным. Это уже полнейшая инверсия первоначальности. Смена уже происходила на смысловом уровне, вытекая из формальных манипуляций. Похожие приемы хорошо видны на примерах мифов и легенд, когда трансформации, связанные с территориальным перемещением текста, приводили исходные тексты к своей смысловой противоположности, или сохранение темы, сопровождалась сильной модификации формальных средств выражения*.

Относительно поселения Самусь-4, которое в системе пространственных категорий представляет собой величину неизменную, можно с достаточно большой долей вероятности допустить, что изобразительные трансформы происходили во временном измерении. Как иной возможный механизм трансформаций – перемещение образа в качестве лекала от мастера к мастеру. Например, кто-то брал в качестве образца уже известный изобразительный мотив, его переносил на керамику, внося что-то свое; в таком движении от мастера мастеру образец неизбежно искажался до своей противоположности. Данный пассаж может показаться противоречащим сложившимся в современной археологии представлениям о мировоззренческих принципах древних людей, как устоявшейся неизменной традиции, но изучение живых мифов, легенд, сказок, ритуалов и обрядов со всей очевидностью доказывает насколько текучими и изменчивыми для традиционного сознания была внешняя форма и насколько устойчивыми содержательные структуры. Как раз содержательные структуры и составляли стержень архаических мифологических систем.

Библиографический список

1. Иванов Вяч.Вс. Кето-американские связи в области мифологии // Кетский сборник. Л., 1982.
2. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Труды музея археологии и этнографии Сибири. Т.2. Томск: Томский государственный университет, 2009. 526 с.
3. Маранда П., Кенгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике и фольклору. М.: Наука, 1985. С. 194-260.
4. Леви-Строс К. Мифологики. Т.1. Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 406 с.

* Нельзя обойти вниманием изображения на приустьевой зоне сосуда. Там имеются безголовые антропоиды, встречаются головы коней, лики одинарные и сдвоенные, широкий спектр геометрических знаков. Возможно, в данной зоне тоже есть свои закономерные трансформации, или они каким-то образом соотносятся с образами на туловах. Все же источниковый материал с поселения Самусь-4 столь фрагментарен, что затруднительно проследить закономерности для всех зон сосудов.

Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А.
(г. Барнаул, Россия)

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПЕСЬЯНОВ МЫС*

В декабре 1972 года в Алтайский краевой краеведческий музей от В.Б. Лунева поступила коллекция за номерами 13108, 13109 насчитывающая 172 единицы хранения. Как указано в книге поступлений и акте передачи, материалы получены в ходе разведки АН СССР под руководством В.Б. Лунева в окрестностях села Песьянов мыс из археологических раскопок жилища №1. Данные находки связанны с работами Алейской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова.

Задачей экспедиции являлось производство аварийно-спасательных раскопок памятников в зоне строительства Гилёвского водохранилища на р. Алей, а также разведки на территории проектируемой Алейской оросительной системы. В ходе обследования последнего объекта Г.Е. Ивановым и В.Д. Луневым было открыто поселение эпохи поздней бронзы, получившие название «Песьянов мыс», откуда и получены вышеуказанные коллекции (Могильников В.А., Конников Б.А., Лунёв В.Б. и др., 1973). Памятник находится в Рубцовском районе Алтайского края на высокой крутой террасе р. Алей в ее излучине, в 150 м от современного русла, в 2 км на северо-северо-восток от не существующего ныне поселка «За урожай» (15 км от с. Бобково, 35 км от г. Рубцовска, 15 км от станции Мамонтово).

При первичном осмотре исследователями было отмечено, что: «На вспаханном поле компактными скоплениями костей животных и фрагментов керамики прослеживались остатки жилищ» (Иванов Г.Е., 2005). На одном из таких скоплений первооткрывателями был заложен квадратный раскоп (36 кв. м), который позволил частично изучить подпрямоугольной формы котлован полуземлянки площадью около 20 кв. м (рис. 1 – 1). Котлован имел размеры 4 х 5 м, глубину около 50 см, выход на север (или северо-запад), был окружен двумя рядами столбовых ям от очень тонких кольев, свидетельствующих о том, что стены его были выполнены из плетня. Крупные столбы, ямы от которых были выявлены вдоль восточной стенки, видимо, поддерживали кровлю, у юго-восточного угла находилась хозяйственная яма, заполненная костями крупного рогатого скота. В плотном суглинке, в котором был вырыт котлован, все конструктивные детали читались очень хорошо (Иванов Г.Е., 2005). Как отмечает Г.Е. Иванов: «Находки локализовались на полу жилища и состояли из фрагментов керамики и большого количества костей животных. Керамика орнаментирована оттисками гладкого и гребенчатого штампа, вдавлениями ногтя. Очень значителен процент сосудов, орнаментированных налепным валиком или имеющих широкий плоский воротничок, которые также орнаментированы косыми оттисками гладкого штампа, датируется эпохой поздней бронзы» (Иванов Г.Е., 2005). Кроме того, «неподалеку (от котлована жилища – *авт.*) были собраны обломки зернотерок, пестов, фрагменты керамической посуды (Клюкин Г.А, 2007), которые в настоящее время хранятся в Алтайским государственном краеведческом музее (коллекции №№ 13108, 13109). В 1991 году поселение обследовалось сотрудниками АлтГУ, которые вновь обратили внимание на аварийное состояние памятника (Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996).

Весной 2010 года сотрудниками НПЦ «Наследие» и Алтайского государственного университета было предпринято повторное обследование современного состояния поселения Песьянов Мыс. К сожалению, в 2010 году ситуация нисколько не изменилась: памятник по-прежнему находится в аварийном состоянии и постепенно уничтожается ежегодной распашкой всей его территории. Именно на свежей пахоте нам удалось собрать подъемный материал, представленный керамикой, камнями, костями животных и бронзовыми изделиями.

Керамический комплекс представлен 132 фрагментами сосудов (неорнаментированных средних частей сосудов (тулов) – 39, неорнаментированных верхних частей со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №12-01-00360).

судов (венчиков) – 20, неорнаментированных нижних частей сосудов (придонных частей) – шесть, орнаментированных венчиков – 32, орнаментированных тулов – 35). Исходя из орнаментации керамики, с достаточной степенью достоверности можно определить культурную принадлежность 45 фрагментов, отражающих три самостоятельные линии развития гончарства.

Численно преобладает посуда саргаринско-алексеевской культурной традиции (рис. 2 – 1, 2; 3) – 21 фрагмент венчиков и пять фрагментов тулов. В орнаментации этой керамики присутствуют такие элементы орнамента как горизонтально расположенные пояски, елочка, сеточка, линии, ряды жемчужника, налепные валики (как без орнамента, так и дополнительно украшенные косыми насечками образующими поясок или сеточку), зигзаг, отпечатки ногтя и пальцевые защипы (последние два элемента встречаются как организованном виде (образуют ровные цепочки), так и в беспорядочно). Как правило, этот орнамент выполнен техникой насечки, прочерчивания, выдавливания или штампования. Кроме того, с большой долей вероятности, к саргаринско-алексеевской культурной традиции относится еще 17 фрагментов сосудов, орнаментированных в аналогичной манере (рис. 4). Подобная керамика широко представлена на многочисленных поселениях эпохи поздней бронзы Алтая и Казахстана (территориально наиболее близкими являются поселения Рублево-VI, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1, Калиновка II, Жарково-1, Жарково-3, Суслово-1, Новоильинка, Малокрасноярка, Трушниково, Шауке-1, Шауке-3 и т.д.) (Черников В.В., 1960; Варфоломеев В.В., 1988а; Варфоломеев В.В., 1988б; Удодов В.С., 1994; Уманский А.П., Ситников С.М., 1995; Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К., 2000; Мерц В.К., Пересветов Г.Ю., Фролов Я.В., Позднякова О.А., 2001; Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М., 2002; Ситников С.М., 2002; Федорук А.С., 2004; Иванов Г.Е., 2004; Иванов Г.Е., Федорук А.С., 2005; Федорук А.С., 2006; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2009).

К станковой керамике принадлежит 13 фрагментов тулов сосудов, в том числе и один декорированный (рис. 5 – 1-12). Кроме того, четыре фрагмента отличаются ангобом яркого красно-оранжевого цвета. Аналогичная посуда известна в Средней Азии по материалам культуры Намазга VI (Массон В.М., 1959), а также в виде примеси к основному саргаринско-алексеевскому комплексу, присутствует на ряде поселений Алтая и Казахстана (Варфоломеев В.В., 1987; Удодов В.С., 1994; Ситников С.М., 2002; Федорук А.С., 2004; Федорук А.С., 2006).

Бегазы-дандыбаевская посуда (рис. 5 – 13-18) представлена пятью орнаментированными фрагментами тулов сосудов и одним венчиком. Орнамент этой керамики представлен горизонтальными, либо свисающими поясками из оттисков мелко и среднезубчатого штампа, фрагментом геометрической фигуры из оттисков среднезубчатого штампа, а также беспорядочно расположенными оттисками V-образного и фигурного гладкого штампа. Вероятно, в данную группу следует включить еще один фрагмент венчика (рис. 5 – 19), на котором частично сохранились отпечатки фигурного штампа (?). Наиболее близкие аналогии керамике данной культурной традиции находятся в материалах эпохи поздней бронзы Казахстана и Алтая. Это посуда из могильников Бегазы, Дандыбай, Сангру, Шоиндыколь, поселений Бугулы II, Мирзашокы (Центральный Казахстан), могильник Измайловка, поселение Мало-Красноярка, Трушниково (Восточный Казахстан), поселений Бурла-3, Кайгородка-3, Гридино (Северная Кулунда), Рублево-VI (Южная Кулунда), Жарково-1, Жарково-3 (Центральная Кулунда) (Грязнов М.П., 1952; Черников В.В., 1960; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966; Маргулан А.Х., 1979; Ермолаева А.С., 1987; Варфоломеев В.В., 1989; Удодов В.С., 1994; Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М., 2002; Ситников С.М., 2002; Федорук А.С., 2004; Федорук А.С., 2006; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2009).

Интерес представляет также наличие в коллекции ряда фрагментов орнаментация которых более характерна для ирменской культурной традиции Верхнего Приобья (рис. 1 – 6-9).

Коллекция вещей, обнаруженных на территории поселения представлена тремя бронзовыми бляшками (рис. 1 – 2-4) и одним глиняным пряслицем (рис. 1 – 5). Бляхи-пуговицы, несмотря на различия по размерам (две имеют диаметр 2,2 см, одна – 3,1 см), относятся к одному типу – полусферических блях с петельками на обороте (Грушин С.П.,

Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В., 2009). Следует отметить, что одна из найденных блях, очевидно, была потеряна незадолго после отливки, поскольку дополнительно не доработана после отливки. Ближайшие аналогии таким изделиям происходят из ирменских могильников Телеутский Взвоз-1 (Папин Д.В., Грушин С.П., 2004) и Камышенка (Членова Н.Л., 1994) расположенных несколько восточнее – на территории Алтайского Приобья. Глиняное пряслице округлой в плане формы имеет диаметр 2,1 см и толщину – 0,8-1,0 см. В центре присутствует сквозное отверстие диаметром 0,3 см. Точных аналогий авторам не известно.

Таким образом, поселение Песьянов Мыс входит в круг саргаринско-алексеевских памятников Степного Алтая. Присутствие бегазы-дандыбаевской, станковой, и иной керамики, указывает на сложные процессы этнокультурного взаимодействия, происходившие на территории региона в эпоху поздней бронзы. Исходя из значительной площади распространения и концентрации находок на предположительной территории поселения, с большой долей уверенности можно утверждать, что данный памятник относится к типу крупных стационарных поселков (зимников) характерных для саргаринско-алексеевского населения степного Обь-Иртышья.

Библиографический список

1. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56-68.
2. Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988а. С. 80-99.
3. Варфоломеев В.В. О культурно-исторической ситуации в Сары-Арке в эпоху поздней бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988б. С. 132-134.
4. Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 76-84.
5. Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2009. 160 с.
6. Грязнов М.П. Памятники карасукской эпохи в Центральном Казахстане // Советская археология. 1952. Вып. XVI. С. 129-162.
7. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64-94.
8. Иванов Г.Е. Керамический комплекс поселения Суслово-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АлтГУ, 2004. С.49-56.
9. Иванов Г.Е. Разведочные работы 1972 г. в степном Алтае // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 52-55.
10. Иванов Г.Е., Федорук А.С. Керамический комплекс поселения Калиновка 2 // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Т. 2. Новосибирск, 2005. С. 59-67.
11. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Изучение памятников бронзового века Кулундинской степи летом 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XIV. С. 275-280.
12. Клюкин Г.А. Археологические памятники Рубцовского района // Русская культура: история и современность. Рубцовск: РИО, 2007. Ч. 1. С. 25-41.
13. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 363 с.
14. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.
15. Масон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. М., 1959. № 73. 215 с.

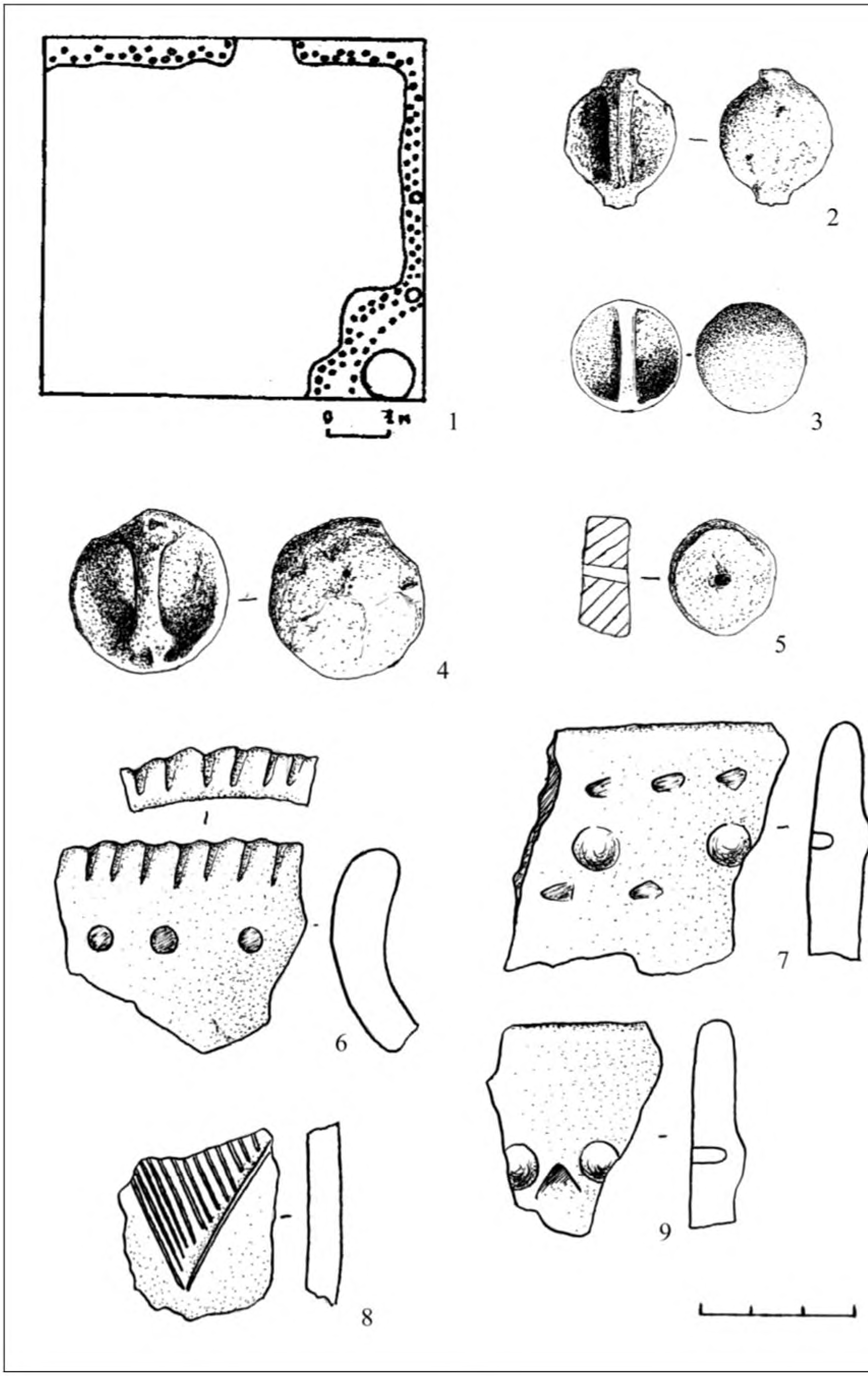

Рис.1.

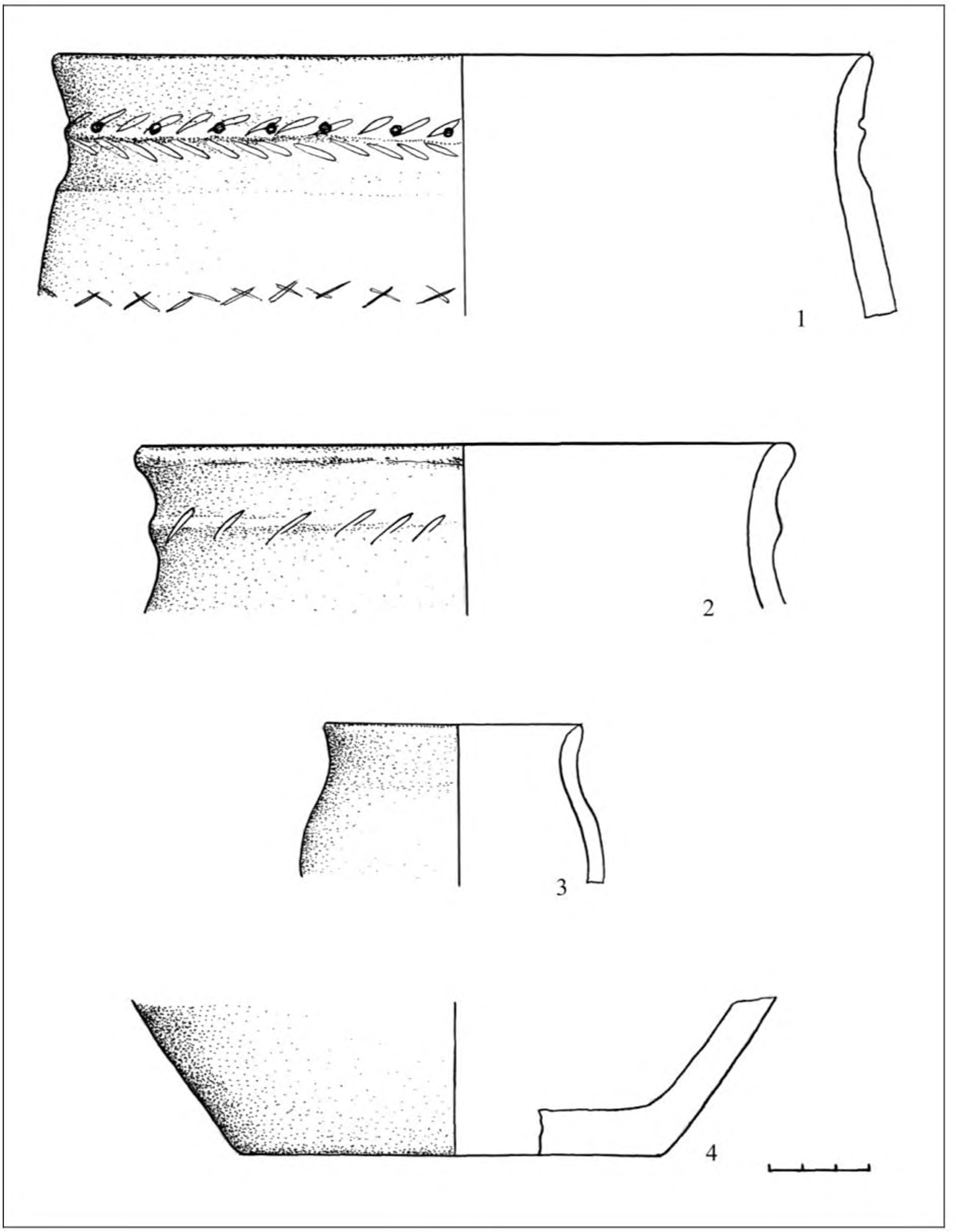

Рис. 2.

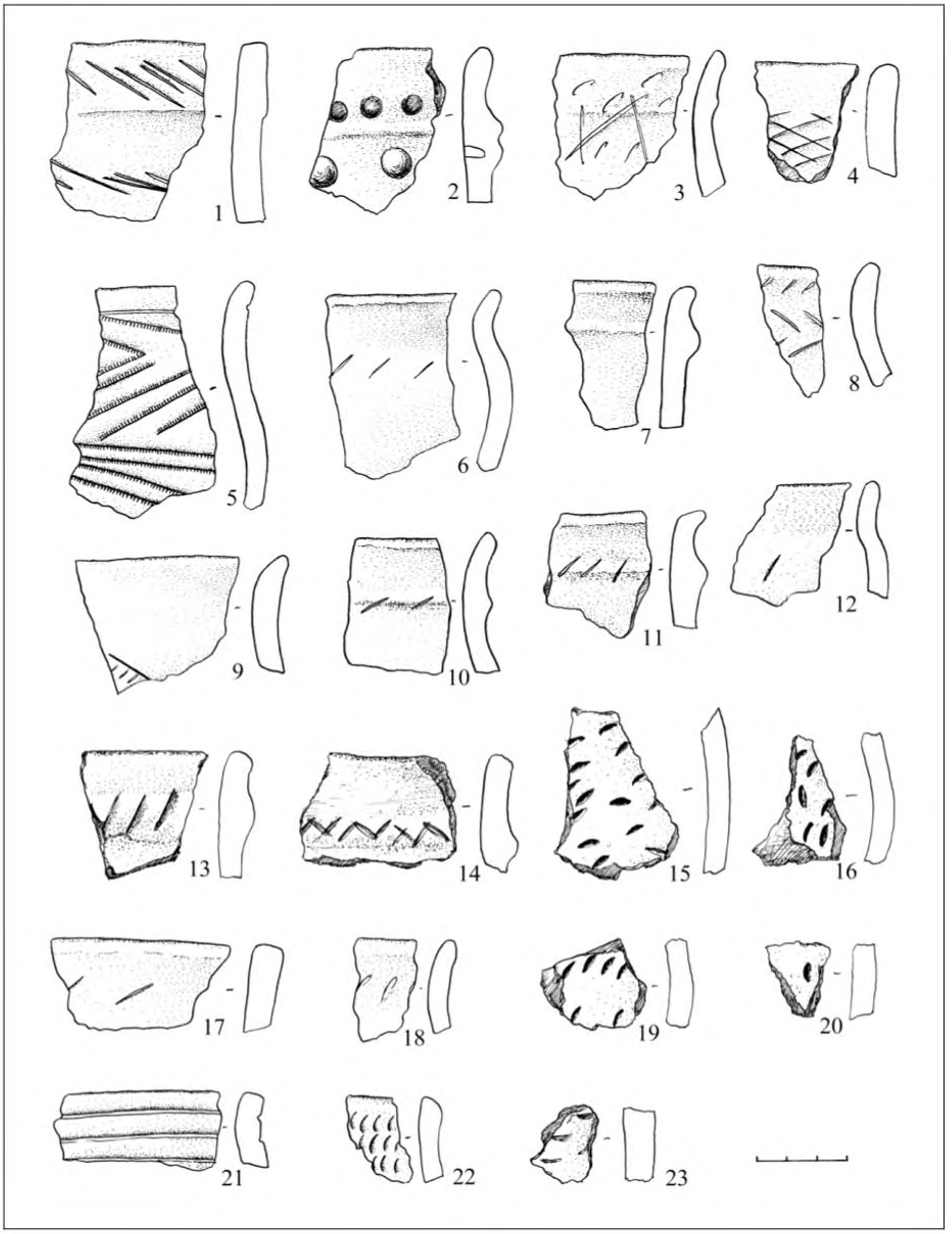

Рис. 3.

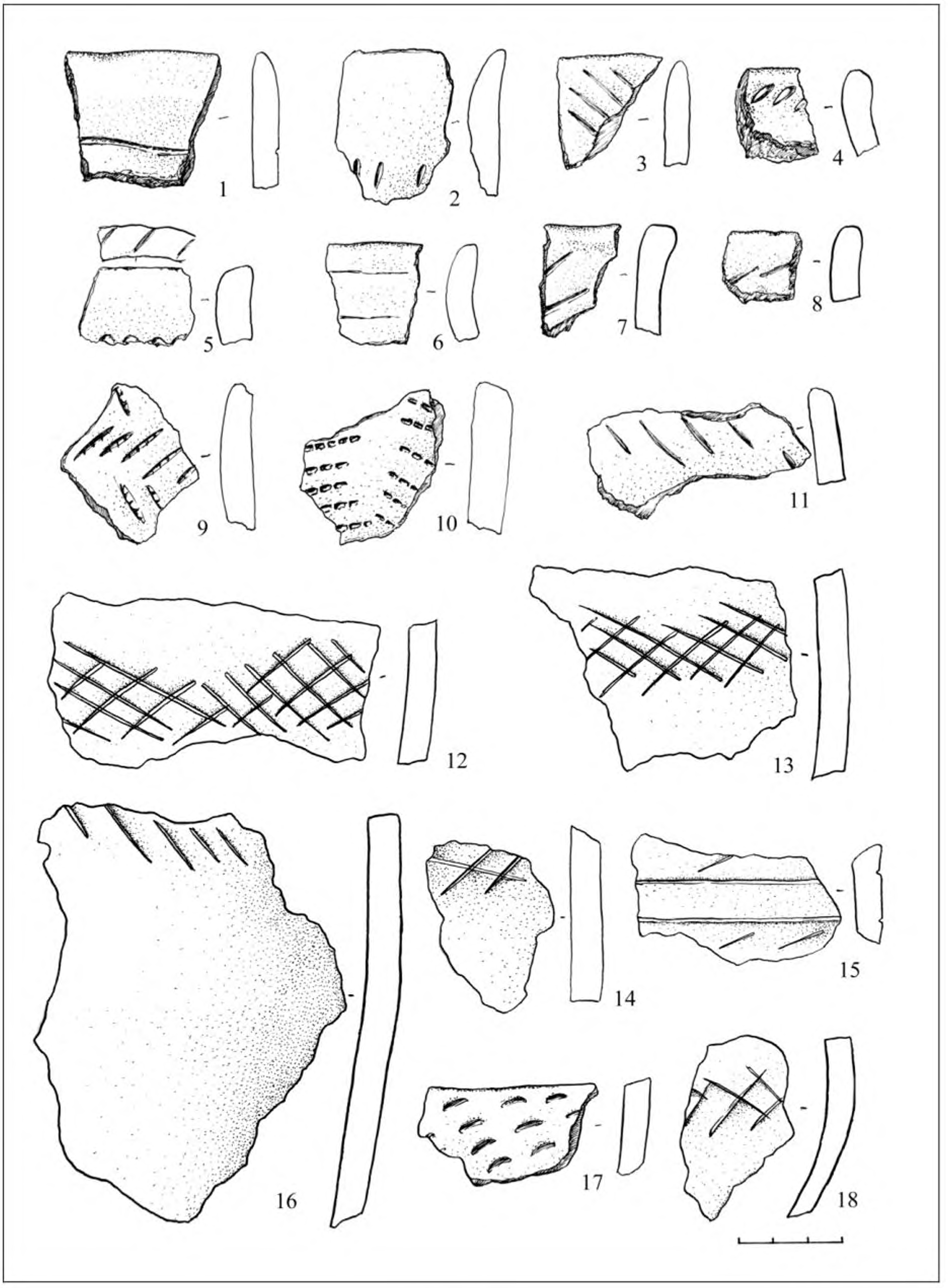

Рис. 4.

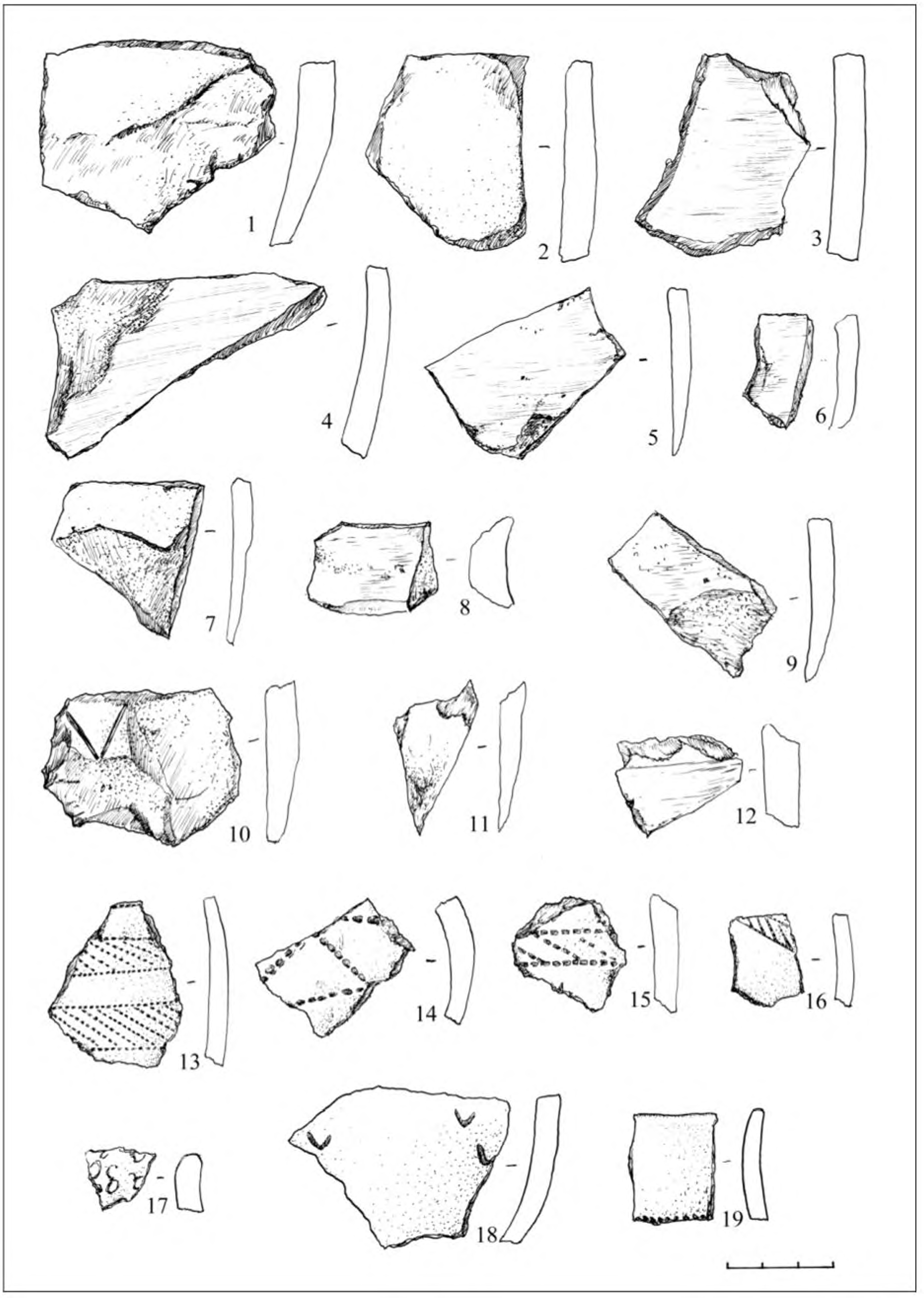

Рис. 5.

16. Мерц В.К., Пересветов Г.Ю., Фролов Я.В., Позднякова О.А. Предварительные итоги охранных раскопок поселения эпохи поздней бронзы Шауке 2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул: Азбука, 2001. С. 190-192.
17. Могильников В.А., Конников Б.А., Лунёв В.Б., Медникова Э.М., Отт В.В., Уманский А.П., Чагаева А.С. Алейская экспедиция. // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 229-230.
18. Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз 1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 93-104.
19. Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: Автореф…дисс. канд. ист. наук; Барнаул, 2002. 21 с.
20. Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии Рубцовского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Алт. ун-та, 1996. С. 149-166.
21. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис... канд. ист. наук; Барнаул, 1994. 21 с.
22. Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С. 46-53.
23. Федорук А.С. Место поселения Рублево VI в системе памятников эпохи поздней бронзы степной Кулунды (по материалам керамических комплексов) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Кемерово, 2004. С. 220-221.
24. Федорук А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук; Барнаул, 2006. 22 с.
25. Черников В.В. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960. № 88. 276 с.
26. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
27. Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 5-20.
28. Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М. Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4. Тюмень, 2002. С. 106-113.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.
(г. Донецк, Украина)

КОНСКАЯ УЗДА – АТРИБУТ ИНИЦИАЦИЙ ? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа)

… Кто меру отмерил
Конской узде? …
Пиндар.
Олимпийские песни, 13, 20-21.

Нам уже приходилось писать о том, что в бронзовом веке псалии широко использовались в различных обрядах и вследствие этого попадали в культовые комплексы – как погребальные, так и поселенческие (Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2010; 2012, с. 90). Последующее накопление информации позволило заметить некоторые новые нюансы культовых манипуляций с данными предметами.

На поселениях эпохи перехода от средней к поздней бронзе, позднего бронзового века и начала железного века псалии, археологизировавшиеся в результате культовых действий, оказывались в различных контекстах. При этом их локализация с некоторой долей условности может быть сведена к следующим вариантам: 1. Пол или заполнение постройки*; 2. Яма в постройке; 3. Яма вне построек; 4. Зольник вне построек; 5. Культурный слой вне построек; 6. Огражденная ритуальная площадка; 7. Ров (оборонительный или иной).

Если суммировать информацию о вариантах локализации псалиев и заготовок данных изделий, приведенную в нашей (Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2010, с. 15-22) и ряде других работ (Грязнов М.П., 1956, с. 52, 89; Vladar J., 1971, s. 7, 8; Lippert A., 1977, p. 176; 1979, abb. 4 – 14, 19; 7 – 4, 10; 8 – 20; Смирнова Г.И., 1982, с. 46-47; Потемкина Т.М., 1985, с. 72-73, табл. 7; Березанская С.С., 1990, с. 18; Матвеев А.В., 1993, с. 39-42; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 9; Гольцева Н.В., Кашуба М.Т., 1994, с. 166; 1995, с. 8-9; Пряхин А.Д., 1996, с. 109-110; Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н., 2001, с. 106, рис. 60, 1,2,4,5; Молодин В.И. Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004, рис. 19 – 6; 31; 35 – 5; 62 – 4; Нелин Д.В., 2004, с. 154, 159, 162; Варфоломеев В.В., 2004, с. 155; Медведская И.Н., 2005, с. 122; Шрамко І.Б., 2006, с. 37; Демин М.А., Ситников С.М., 2007, с. 84, 85; Ильюков Л.С., 2008, с. 621; Alincăi S.C., Mihail F., 2010, p. 190, 192, 193, 196; Кравченко Е., 2011, с. 241; Дараган М.Н., 2011, с. 111; Ромашко В.А., 2011, с. 101**), то можно заметить, что ло-

---

* Резоннее было бы рассматривать размещение псалиев на полу построек, с одной стороны, и нахождение их в заполнении построек, с другой, как разные варианты локализации, но из публикаций не всегда ясно, как располагались псалии относительно пола.

** Согласно автору публикации, интересующий нас артефакт (т.н. «кошка»), обнаруженный в окруженном рвом святилище (Ромашко В.А., 1993, с. 85, 87), служил либо для подвешивания колыбели, либо для свивания шнуров (Ромашко В.А., 2011, с. 103). По мнению одного из авторов нашей работы (А.Н. Усачука), изделие вполне правомерно трактовать как элемент упряжи – своеобразную накладку на удила. А.Д. Пряхин, описывая подобную находку с поселения Мосоловское, заметил, что «…этот предмет связан с тренингом лошадей» (Пряхин А.Д., 1996, с. 111). В.С. Бочкарев обратил внимание на четырехшипные костяные накладки в своем докладе «Дисковидные псалии начальной поры эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана» (1998), отнеся их к деталям упряжи. С определением «кошек» в качестве элементов упряжи согласны А.З. Бейсенов и В.К. Мерц (2010, с. 43). Видимо, мы фиксируем появление подобных накладок в эпоху бронзы и их использование в течение длительного времени (в том числе и в переходное от эпохи бронзы к раннему железу). Затем костяные накладки трансформируются в устрожающие пластинки-насадки на удилах раннежелезной эпохи (Прокопенко Ю.А., 2002; Савченко Е.И., 2006, с.129; Махортих С.В., 2006, с.61; Стародубцев М.В.,

кализация псалиев трех основных блоков (щитковые, желобчатые, стержневидные) была не вполне тождественной (см. Таблицу). Особенно рельефно это видно по материалам культур Восточной и Центральной Европы. Так, судя по собранной нами информации, щитковые и желобчатые псалии, в отличие от стержневидных, не попадали в ямы и рвы. Правда, справедливости ради, следует уточнить, что на юге Восточной Европы поселения бронзового века со рвами единичны. К переходной от средней к поздней бронзе эпохе, когда использовались щитковые и, в какой-то степени, желобчатые псалии, относятся Ливенцовская и Каратаевская крепости, Ростовская обл., Россия, составлявшие один оборонительный форпост (Братченко С.Н., 2006, с. 35; Ильюков Л.С., 2008, с. 621). Во рвах Ливенцовской крепости были выявлены артефакты, которые, очевидно, попали туда в ходе культовых действий. Так, на дне рва 1 обнаружено скопление золы, фрагментов керамики, костей животных (в т.ч. рыб), костяное изделие и камень с чашевидным углублением, в котором видны были следы охры (Братченко С.Н., 2006, с. 44). Последний предмет делает весьма вероятным предположение о том, что данное скопление связано с неутилитарными действиями. На дне рвов 3, 5, и 6, вблизи перемычек-проходов, найдены фрагменты каменных проушных топоров, кости животных, костяные и каменные изделия (Братченко С.Н., 2006, с. 145). Автор публикации полагает, что обломки топоров попали во рвы в ходе происходивших на перемычках рукопашных схваток, а кости животных являются «кухонными отбросами» (Братченко С.Н., 2006, с. 145). Подобная трактовка не представляется нам бесспорной, поскольку каменные топоры и их фрагменты имели высокий семиотический статус (Полідович Ю.Б., Цимідanов В.В., 1995, с. 56-57, 59; Иванова С.В., 1996, с. 27). Другое дело – ров Каратаевской крепости, в котором найдены кремневые наконечники стрел (Ильюков Л.С., 2008, с. 621), попавшие туда, очевидно, как раз во время военных действий. Самое же главное – во рвах обеих крепостей не обнаружено псалиев. И это при том, что практика культовых манипуляций с данными изделиями у населения каменско-ливенцовской группы (или каменской культуры (Кислий О.Є., 2006)), к которой относятся упомянутые крепости, похоже, имела место. Во всяком случае, щитковый псалий был найден в наземной постройке 6 поселения Каменка, Крым, Украина (Рыбалова В.Д., 1974, с. 22), а при раскопках Каратаевской крепости обнаружен обломок желобчатого псалия (скорее всего, в зольнике) (Ильюков Л.С., 2008, с. 621).

Скажем несколько слов и о многослойном Шиловском поселении, Воронежская обл., Россия. Здесь обнаружен ров, относящийся к доно-волжской абашевской культуре. Но в нем не найдено каких-либо артефактов, кроме скопления углей «почти в его основании» (Пряхин А.Д., 1976, с. 23).

Самый ранний на юге Восточной Европы случай попадания псалиев в ров зафиксирован на поселении **Дикий Сад**, г. Николаев, Украина. Памятник, культурная принадлежность которого вызывает споры, относится к *белозерскому времени* (XII-X вв. до н.э.). Здесь во рву, окружавшем «цитадель», было найдено несколько заготовок роговых стержневидных псалиев, бронзовый нож и другие артефакты (Горбенко К.В., 2007а, с.140; Горбенко К.В., Гошко Т.Ю., 2010, с. 99, 105-106).

Отметим, что в белозерское время на юге Восточной Европы, после значительного перерыва*, конская узда вновь начинает попадать в погребения. Наиболее ярким является комплекс из **Подгорного**, 5/1, Волгоградская обл., Россия. Не касаясь крайне дискуссионной проблемы его культурной атрибуции, отметим, что здесь при костяке мужчины находились 4 стержневидных псалия, костяное колечко, костяная подтреугольная подвеска и подвеска из клыка кабана (Мамонтов В.И., 1999, с. 52-53). Важно то, что упомянутая подтреугольная подвеска (Мамонтов В.И., 1999, рис. 2 – 17) находит почти полную аналогию в комплексе *белозерской культуры* из **Широкого**, п. 81, Херсонская обл., Ук-

---

2012, с. 56; др. работы). Добавим, что костяная накладка с шипами найдена среди материалов в землянке 2 поселения Ближние Елбаны I, относящегося к большереченской культуре (Грязнов М.П., 1956, Табл. XI, 11; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 8-9) (точнее – к большереченской культуре переходного времени (Шамшин А.Б., 1997, с. 81-83)). В верхних слоях заполнения этой же землянки найден и обломок стержневидного псалия (Грязнов М.П., 1956, с. 52) (см. Таблицу).

* Псалии известны в погребениях рубежа эпохи средней и поздней бронзы (памятники потаповского типа, покровкая, доно-волжская абашевская культуры) и начала поздней бронзы (срубная культура раннего этапа на территории Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья).

раина (Отрощенко В.В., 1986, рис. 43 – 7). Отсюда правомерен вывод, что в последнее захоронение также была помещена конская узда или, во всяком случае, ее часть по принципу pars pro toto.

Интересен еще один комплекс *белозерской культуры*. В п. 186 из **Брилевского** могильника, Херсонская обл., Украина находилась костяная «пропеллеровидная» пластина (Евдокимов Г.Л., 1999, с. 102, рис. 3 – 14). Данное изделие, скорее всего, является деталью конской упряжи (см.: Вальчак С.Б., 2001, с. 32-33; Горбенко К.В., 2004, рис. 7; 2007б, с. 10,13, рис. 1 – 5; Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Смирнов А.И., 2009, с. 11).

Наконец, в п. 27 *конца бронзового века* могильника **Салок I**, Ростовская обл., Россия (комплекс, на наш взгляд, относится к *финальной срубной культуре*), в могиле женщины 35-45 лет выявлено небольшое костяное изделие удлиненной формы с поперечным отверстием (Алейников В.В., 2008, с. 29; рис. 14 – 12). Очень близкое и по параметрам, и типологически изделие было обнаружено в п. 16 могильника маклашеевской культуры Девичий Городок IV, Татарстан, Россия. Судя по краткой публикации, здесь, помимо интересующего нас артефакта, присутствовали 2 псалия и костяные кольца, подобные тому, что было в погребении из Подгородного (Казаков Е.П., 2002, с. 86, рис. 4 – 1-3). Отсюда вытекает допущение, что рассматриваемый салокский артефакт, скорее всего, также являлся деталью конской упряжи. С уздечными принадлежностями связывает подобные изделия и В.В. Отрощенко (Otroščenko V.V., 1998, S. 357-358).

В Азии ситуация с «текстом» «псалий + ров» аналогична. С одной стороны, известна серия находок щитковых псалиев в постройках (Таблица). С другой – на ряде поселений времени бытования щитковых и желобчатых псалиев были исследованы рвы, но псалии там не выявлены. При этом во многих случаях во рвах и близ них фиксировались более или менее выразительные культовые комплексы. Так, чрезвычайно насыщенным оказался участок рва, раскопанный на поселении уральской абашевской культуры Мало-Кизыльское, Челябинская обл., Россия. В заполнении рва найдены на разных глубинах 2 бронзовых шила, 2 обломка четырехгранных бронзовых стержней, комок охры, кусок стекловидной массы, мелкие бронзовые украшения, угли и костяк теленка без черепа (Сальников К.В., 1967, с. 36-37). Дно рва тонким слоем покрывала зола, в которой находились бронзовые украшения и намеренно измельченные рубкой кости животных (Сальников К.В., 1967, с. 37, 99). На краю рва выявлено еще одно захоронение теленка. Близ костяка животного располагался сосуд (Сальников К.В., 1967, с. 37, 99).

На поселении синташтинской культуры Синташта, Челябинская обл., Россия справа от «южных ворот», перед рвом, находилось скопление костей животных (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 30). На этом же памятнике в т.н. «внутреннем рву» были обнаружены следы горения и пережженные кости животных (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 41-42).

На поселении Куйсак, Челябинская обл., Россия во рву А (датируется синташтинским временем) на небольшом уступе зафиксирован «пласт желтой глины и колотых костей» (Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 1995, с. 102). В заполнении рва найдено погребение ребенка с сосудом (Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 1995, с. 102). Не исключено, что оно является результатом жертвоприношения.

На поселении синташтинской культуры Аркаим, Челябинская обл., Россия во внешнем рву было выявлено скопление костей животных, включавшее череп и 8 челюстей крупного рогатого скота (Косинцев П.А., 2000, с. 26). Во внутреннем рву локализовалось не менее любопытное скопление костей, содержавшее 5 нижних челюстей свиньи (Косинцев П.А., 2000, с. 25).

На поселении петровской культуры Петровка II, Северо-Казахстанская обл., Казахстан во рву были обнаружены сосуды, черепа и кости конечностей мелкого рогатого скота, челюсти коровы. Близ разрыва рва, служившего входом в поселение, исследована яма, где находились останки животных, в т.ч. черепа и кости конечностей барана (Зданович Г.Б., 1988, с. 53).

На поселении той же культуры Новоникольское I, Северо-Казахстанская обл., Казахстан во рвах также выявлены кости животных, включая черепа, и следы горения (Зданович Г.Б., 1988, с. 38, 41).

На поселении алакульской культуры Камышное II, Курганская обл., Россия во рву находились серп и нож (Потемкина Т.М., 1985, рис. 33 – 1, 2).

Обратим внимание на материалы поселения Кизильское, Челябинская обл., Россия, где исследована часть рва, относящегося, скорее всего, к межовской культуре. Дно рва покрывал зольный слой, в котором находилась нижняя челюсть лошади (Стоколос В.С., 2004, с. 232).

И только лишь в конце бронзового века, когда получают распространение стержневидные псалии, в Азии, судя по доступной нам информации, возникает практика помещения данных изделий во рвы. Наиболее яркое проявление этой практики демонстрируют материалы раскопок оборонительного рва А (раскоп 16) на поселении **Чича-1**, Новосибирская обл., Россия. В заполнении рва, относящегося, вероятнее всего, к *ирменской культуре*, была выявлена роговая заготовка стержневидного псалия, ряд других роговых и костяных изделий (наконечники стрел, костяные проколки, «панцирная пластина» и др.), фрагменты глиняных «шаров», сосудов, а также костяк собаки (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004, с. 28, рис. 31; с. 30-31, рис. 35 – 5; ср. Бородовский А.П., 1997, с. 88, 207, табл. 46 – 3). Заметим, что в заполнении того же рва А в рамках раскопа 8 (слой 19), представляющем собой зольник *позднеирменской культуры*, найден фрагмент стержневидного псалия (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004, с. 43, 44, рис. 62 – 4).

Менее выразительна ситуация, зафиксированная на поселении *ирменской культуры* **Ирмень 1**, Новосибирская обл., Россия. Здесь в илистых отложениях «ложбинки», пересекавшей памятник, обнаружен фрагментированный стержневидный псалий. Другие находки из «ложбинки»: 25 черепов животных (13 коровьих, 10 овечьих, 1 лошадиный, 1 собачий), керамика, бронзовые нож, шило, долото, пластинка, более 60 костяных проколок и шильев, 33 тупика, костяные долотовидные орудия, 4 астрагала со сточенными сторонами, роговая подвеска, два незаконченных костяных наконечника стрел, костяная трубка, костяная булавка, обломки двух керамических литейных форм, одна из которых относится к двухстворчатой для отливки ножа, семь керамических кружков и прочее (Матвеев А.В., 1993, с. 39-42). Нам уже приходилось писать о том, что многие из перечисленных вещей едва ли правомерно трактовать как выброшенные за ненадобностью. Скорее всего, они оказались в «ложбинке» вследствие культовых манипуляций (Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2010, с. 18). Из публикации не вполне ясно, являлась «ложбинка» рукотворной, или она имела естественное происхождение. Но даже в последнем случае ее семантическая тождественность рву очень вероятна.

Заслуживают внимания и материалы поселения **Язево I**, Курганская обл., Россия. На данном памятнике в раскопах I и II выявлены так называемые «канавы», которые являются, вероятнее всего, участками оборонительных сооружений «в период третьего обитания памятника» (Потемкина Т.М., 1985, с. 74), датируемый уже *ранним железным веком* (Потемкина Т.М., 1985, с. 75) Для нас важно то, что в «канаве» раскопа II найден обломок стержневидного псалия, а также другие изделия: костяной наконечник стрелы, семь керамических пряслиц, два каменных песта, три развала сосудов (Потемкина Т.М., 1985, с. 72-73, табл. 7).

Стоит упомянуть еще один объект. Он исследован на городище *сузгунской культуры* **Чудская Гора**, Омская обл., Россия и фигурирует в публикации как «жилище 5». Однако, судя по чертежу, мы имеем дело со рвом (см.: Потемкина Т.М., Корочкова О.И., Стефанов В.И., 1995, рис. 7). К сожалению, был раскопан лишь очень небольшой участок этого рва. Тем не менее, там были обнаружены весьма выразительные артефакты: развалы сосудов (один из них находился в ямке с золой), глиняный шарик, три обломка глиняных тиглей, очаг, скопление углей (Потемкина Т.М., Корочкова О.И., Стефанов В.И., 1995, с. 28). Они фиксируют существование в данной культуре обрядовых действий, производившихся во рвах, и позволяют надеяться, что со временем в сузгунских рвах могут быть выявлены и псалии.

Фиксирующееся применительно к Восточной Европе совпадение времени появления псалиев во рвах и деталей конской упряжи в захоронениях, похоже, находит соответствие в азиатских культурах. Так, в саргаринско-алексеевской культуре псалии, насколько нам известно, не попадали ни во рвы, ни в погребения. В ирменской культуре их начали класть во рвы. Самое раннее в Азии (после андроновских) захоронение с псалиями выявлено в могильнике **Курту-II**, Восточно-Казахстанская обл., Казахстан. Оно принадлежит к *бийкенской культуре* (Тишкин А.А., 2007, рис. 1 – 1, 2, 17). Комплекс датируется временем не позднее VIII в. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 17; Тишкин А.А., 2006, с. 23; 2007, с. 149; Самашев З., 2012, с. 11). Городище Чича-1 (без учета саргатских материалов), в соответствии с разработками авторов раскопок, относится к VIII-VII, может быть, VI вв. до н.э. (Молодин В.И. Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В., 2001, с. 125). Хронологическая позиция рва А, где выявлен псалий, судя по данным стратиграфии (см.: Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А., 2004, с. 23-33), в рамках отмеченного временного интервала является максимально низкой. Таким образом, захоронение из Курту-II, вероятно, довольно близко по времени ко рву А Чичи-1. Словом, мы видим на материалах Азии ту же корреляцию, что и в Европе: псалии, с одной стороны, помещают во рвы и, с другой стороны – в погребения.

Суммируя факты, приведенные выше, правомерно предположить, что распространение стержневидных псалиев совпало с некоторыми изменениями семиотического статуса конской упряжи. Возможно, предпосылкой данных изменений было то, что узда со стержневидными псалиями предназначалась, в основном, для верховых лошадей, тогда как щитковые служили для запряжки лошадей в колесницы (Littauer M., 1969, p. 289, 290; Нефедкин А.К., 2001, с. 124-132; Чечушков И.В., 2007, с. 427; Усачук А.М., 2007, с. 15; Широкова М.А., 2008, с. 137-138; др. работы). Что касается желобчатых псалиев, то относительно их использования нет единообразия мнений. Расхожей является точка зрения, согласно которой они, как и щитковые псалии, могли служить для колесничной запряжки при условии либо наличия хорошо обученных колесничных лошадей (ср. Новоженов В.А., 1994, с. 170; Косинцев П.А., 2008, с. 113; Якимовец М.Л., 2008, с. 98), либо небоевого использования колесницы (Littauer M.A., Crouwel J., 1979, p. 4; Широкова М.А., 2008, с. 137; Новоженов В.А., 2009, с. 107; Моисеев А.В., 2011, с. 249; др. работы). Возможно, на таких же условиях в колесничной запряжке могли использоваться и более универсальные (Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2010, с. 292) стержневидные псалии, что характерно для Карпато-Дунайского бассейна (ср. Нефедкин А.К., 2001, с. 123, 126; Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2010, с. 293). Впрочем, высказана и гипотеза, что щитковые псалии могли применяться при верховой езде (Hüttel H.-G., 1978, S. 83; Нефедкин А.К., 2001, с. 95; Усачук А.М., 2007, с. 15; др. работы)*. Несмотря на большой разнобой во мнениях относительно использования тех или иных псалиев, едва ли можно оспорить то, что на протяжении эпохи поздней бронзы и начала железа имела место стойкая тенденция усиления экономической и военной роли верховых лошадей и, вместе с тем, сокращение сферы использования колесниц. Добавим, что данные антропологии свидетельствуют о существовании верховой езды еще в раннесрубное время (Лифанов Н.А., Крамарев А.И., Цибин В.А., 2008, с. 129-130), т.е. до появления стержневидных псалиев. Однако, судить о том, насколько этот способ использования лошади был распространен в начале эпохи поздней бронзы, еще рано.

Допуская, что именно широкое распространение верховой езды могло породить новые верования, связанные с конской уздой, попытаемся реконструировать некоторые аспекты этих верований. Для этого обратимся к данным фольклора.

---

* Например, найденный в 1954 г. на поселении Береговское I и описанный как «основание гребешка с отломанными зубьями» (Викторов В.П., 1955, с. 12) довольно изящный щитковый псалий вряд ли использовался в колесничной запряжке. Информацию о забытом псалии из раскопок 1954 г. нам предоставил М.С. Чаплыгин в декабре 2012 г.

В фольклорных текстах ярче всего представлена одна неутилитарная функция узды: герой потрясает ею, и к нему прибегает конь. Этот мотив зафиксирован у многих народов, в т.ч. осетин (Осетинские народные сказки, 1973, с. 109, 236; Нарты, 1989, с. 265), украинцев (Українські народні казки, 1989, с. 254), словаков (Замарашка.., б/г), латышей (Как дурак.., б/г), румын (Сказки.., 1988, с. 308), шведов (Сказки.., 1987, с. 399), немцев (Афанасьев А.Н., 1995а, с. 148), алтайцев (Маадай-Кара, 1973, с. 258), башкир (Башкирский народный эпос, 1977, с. 418). В эпосах армян и грузин конь появляется после того, как уздечку опускают в воду (Арутюнян С.Б., 1991, с. 304; Чачава, 1991, с. 467)*. В северорусских поверьях потерянную (уведенную лешим/чертом) лошадь можно найти, глядя на воду через узду (Криничная Н.А., 2011, с. 184).

Как можно заметить, мотив вызова коня путем манипуляций с уздечкой является надкультурным и присущ фольклору не только индоевропейских народов. Отсюда правомерно трактовать его как отголосок представлений, некогда бывших широко распространенными. Здесь, правда, стоит сделать оговорку. У части народов, перечисленных выше, появление сюжетов, где присутствует мотив вызова коня с помощью уздечки, могло быть результатом заимствования инокультурных фольклорных текстов. Но данную проблему применительно к каждому конкретному сюжету следует рассматривать специально, что в задачи нашей работы не входит.

Важно следующее. В ряде упомянутых сказок содержатся детали, свидетельствующие о том, что кони, вызывающиеся с помощью уздечки, являются выходцами из потустороннего мира. Так, в украинской сказке герой получает уздечку у ведьмы на стеклянной горе (Українські народні казки, 1989, с. 254). Но стеклянная (в других вариантах – хрустальная) гора – один из вариантов образа царства мертвых (Пропп В.Я., 1986, с. 289-290). В шведской сказке потусторонняя природа коня видна не менее ярко. Герой добывает скакуна в замке тролля, т.е. обитателя иного мира. В ходе бегства из замка парень создает на пути тролля различные преграды – море, лес и т.д. (Сказки.., 1987, с. 397-399). Перед нами – типичный случай т.н. «магического бегства», которое символизирует возврат из царства мертвых (Пропп В.Я., 1986, с. 342-351). В сказках, где отсутствует мотив вызывания коня с помощью уздечки, кони главных персонажей также нередко оказываются потусторонними. Например, этот конь может быть добыт у Бабы-Яги (Народные русские сказки, 1982, с. 108-110), а она в мифологии, как известно, является владычицей царства мертвых (Пропп В.Я., 1986, с. 69-77). В ряде сказок герой находит коня в подвале (или – в недрах каменного бугра (Дьяконова Ю.Н., 1990, с. 22)), что также свидетельствует о «замогильном» характере скакуна (Пропп В.Я., 1986, с. 174-175)**. Показателен и еще один нюанс. Чудесного коня сказочный персонаж нередко ловит ночью (см., например: Українські народні казки, 1986, с. 102-106; Чарівна квітка, 1986, с. 203, 206; Замарашка.., б/г; Как дурак.., б/г). А ночь, согласно верованиям многих народов, – это время контакта с потусторонними существами (см., например: Толстая С.М., 1991, с. 396).

Уместно обратиться также к быличкам и поверьям Русского Севера. Здесь фигурирует леший, который держит в руках «много уздов» (Криничная Н.А., 2011, с. 306), он показывается человеку «… с уздами, на солнце блестят» (Криничная Н.А., 2011, с. 359). Владея определенным количеством «уздов», леший владеет, тем самым, и жизнью лошадей (Криничная Н.А., 2011, с. 523, 543). Но данный фольклорный герой, как и прочие демонические персонажи, являлся представителем «нездешнего», потустороннего мира (Толстая С.М., 1991, с. 396). Отсюда вытекает, что в упомянутых быличках и поверьях мы сталкиваемся с отголосками все тех же представлений о «замогильных» конях.

Таким образом, можно видеть, что сказки и героические эпосы фиксируют устойчивую связь конской узды с потусторонними скакунами. Но и персонажи, которым достаются эти кони, несут «печать» потустороннего мира. Так, герой упоминавшейся выше швед-

---

* Добавим, что герои удмуртского фольклора для поимки водяных коней бросают в воду железные предметы (Худяков М.Г., 1933, с. 266; Котов В.Г., 2006, с. 296). Возможно, здесь в сильно деформированном виде сохранился все тот же мотив вызова коня с помощью узды, опущенной в воду.

** В одной из балкарских сказок (Северный Кавказ) потусторонний помощник главного героя – «всадник в шкуре жеребенка» обитает вместе с конем в подземелье, находящемся в кургане (Баранов Е., 1897, с. 12-13).

ской сказки носит имя Замухрышка и поначалу выступает как грязнуля, копающийся в золе (Сказки.., 1987, с. 396). Юноши-золушники, добывающие коней, фигурируют и в сказках других народов – осетин (Осетинские народные сказки, 1973, с. 108), русских (Русские сказки, 1970, с. 82; Народные русские сказки, 1982, с. 145), словаков (Замарашка.., б/г), молдован (Молдавские сказки, 1969, с. 222), норвежцев (Сказки.., 1988, с. 604), абхазов (Абхазские народные сказки, 1975, с. 121). Фольклорный образ «неумойки» порожден реалиями инициаций (Пропп В.Я., 1986, с. 133-135). Вместе с тем, инициируемые отождествлялись с мертвецами (Геннеп А., 1999, с. 73)*.

Схождение между героем-мертвецом, конем и уздой довольно рельефно видно и в любопытном сказочном сюжете, который условно можно назвать «Хитрая наука». Он повествует о том, как отец отдал нерадивого сына в ученье, и в итоге тот приобрел способность превращаться в различных животных. Сюжет «Хитрая наука» известен, например, у украинцев (Українські народні казки, 1989, с. 174-183), русских (Народные русские сказки, 1982, с. 197-201), венгров (Сказки.., 1987, с. 263-273), якутов (Дьяконова Ю.Н., 1990, с. 151). Заострим внимание на том, что главный герой сюжета проходит «обучение» в потустороннем мире. Особенно недвусмысленно об этом говорится в украинской сказке. Здесь, «учитель» уводит юношу «на тот свет», «под землю» (Українські народні казки, 1989, с. 176). Как показал В.Я. Пропп, этот сюжет навеян практикой инициаций (Пропп В.Я., 1986, с. 103-106). Для нашей темы важен следующий сюжетный ход. В упомянутых украинской, венгерской, русской и якутской сказках парень, вернувшись в мир людей, превращается в коня и предлагает отцу продать его, но при этом не продавать уздечку. «Учитель» же стремится заполучить последнюю, чтобы вновь обрести власть над строптивым «учеником». Заметная роль уздечки в сюжете «Хитрая наука» является аргументом в пользу того, что конская узда была в свое время атрибутом инициаций.

Отголоски использования узды в ходе инициаций, как мы полагаем, можно найти в одном из повествований, содержащихся в «Повести временных лет». Речь в нем идет об осаде печенегами Киева в 968 г., когда «единъ отрокъ» решил пробраться через печенежский стан и передать призыв о помощи воеводе Претичу, стоявшему на другом берегу Днепра (Повесть временных лет, 1996, с. 31, 168). Для успешного выполнения задачи находчивый отрок «изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?». Бѣ бо умѣя печенѣжьски, и мняхуть и своего. И яко приближися к рѣцѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде» (Повѣсть Временныхъ лѣтъ по Лаврентіевскому списку, 1872, с. 38; Повесть временных лет, 1996, с. 31). Попытки печенегов поразить храбреца стрелами не удались. Воины Претича заметили юношу, «взяша и в лодью и привезоша и къ дружинѣ» (Повѣсть Временныхъ лѣтъ по Лаврентіевскому списку, 1872, с. 38; Повесть временных лет, 1996, с. 32). Рассказ об отроке с уздечкой весьма красочен, содержит яркую, порой избыточную информацию (Творогов О.В., 1970, с. 50; Шайкин А.А., 2011, с. 126). Исследователи давно считают этот сюжет народным преданием или сказкой (Лихачев Д.С., 1950, с. 314; 1996, с. 445; Амелькин А.О., 2003, с. 114-115; Шайкин А.А., 2011, с. 126, 398), вставленной в более ранний текст. Отдельными авторами не исключается и реальная подоснова рассказа об отроке (Котляр Н.Ф., 1968, с. 122; Львов А.С., 1975, с. 12). Впрочем, их построения содержат порой уточнение, что «реальный, по всей вероятности, факт – смелый проход лазутчика по тылам врага – оброс вымышленными, типичными для фольклорной легенды подробностями» (Котляр Н.Ф., 1968, с. 122).

Стоит заострить внимание на некоторых деталях рассматриваемого летописного повествования:

---

* Об устойчивой связи золы, грязи и т.п. с представлениями о смерти и потустороннем мире одному из авторов предлагаемой работы уже приходилось писать (Цимиданов В.В., 2011, с. 26-27; 2012, с. 49-50). Отметим интересную севернорусскую быличку «Вокруг сосны ходила», где похищенная («закрытая») чертом лошадь «втопталась» в грязь (Криничная Н.А., 2011, с. 184). Комментируя приведенные мифологические тексты, Н.А. Криничная справедливо указывает, что «грязь, в которую «втопталась» лошадь, служит знаком ее переходного состояния/пребывания в медиативном пространстве» (2011, с. 491).

1. Отрок с уздечкой пересекает печенежский стан. Но иноплеменники в славянской обрядности связаны со сферой чужого и в этом смысле находятся в одном семантическом ряду с мертвецами и нечистой силой (Байбурин А.К., 1990, с. 6-7). Отсюда лагерь печенегов может являться образом потустороннего мира;

2. На пути юноши находится река, которую предстоит переплыть. В некоторых сказках с сюжетом «Хитрая наука» «учитель» живет за рекой (Пропп В.Я., 1986, с. 103). Соответственно, «ученик», возвращаясь в мир живых, также должен преодолеть данную реку. Уместно добавить, что реки как границы между миром живых и миром мертвых можно найти в верованиях многих народов. Например, в мифах греков фигурирует река Стикс, окружающая обитель умерших (Словник.., 1989, с. 186). Аналоги ей имеются в индуистской мифологии (р. Вайтарани) (Серебряный С.Д., 1991, с. 111), мифах финнов и карелов (р. Манала) (Айхенвальд А.Ю., 1991, с. 447; Петрухин А.Я., 1991, с. 337), коми (смоляная река или река с горячей водой) (Семенов В.А., 1992, с. 12, 39), эвенков (Туров М.Г., 2000, с. 48-49), скандинавов (Афанасьев А.Н., 1995б, с. 16), иудеев (р. Динар), русских (Забыть-река), курдов, папуасов Новой Гвинеи, аборигенов Австралии (Еремина В.И., 1991, с. 150, 152). Столь широкий географический разброс отмеченных представлений свидетельствует в пользу их архетипичности. Таким образом, в гипотетическом фольклорном тексте, на основе которого могло сложиться интересующее нас повествование, речь могла идти не о конкретной реке (Днепре), а о мифической реке, тождественной перечисленным выше;

3. Юноша несет уздечку. Заметим, что молодые люди, проходя инициацию, нередко получали предметы, дающие власть над животными (Пропп В.Я., 1986, с. 192-193). В данном случае таким предметом является конская узда;

4. Переплыв реку, отрок оказывается в отряде воинов («и привезоша ѝ къ дружинѣ»). Вспомним в связи с этим, что преодоление реки, отделяющей мир живых от мира мертвых, у индоевропейцев (по крайней мере, в некоторых традициях) символизирует приобретение нового статуса (Дзиговский А.Н., Островерхов А.С., 2010, с. 148). Добавим, что во многих обществах лишь прошедшие инициацию люди становились членами мужских союзов (Пропп В.Я., 1986, с. 112-113).

Перечисленные детали делают гипотезу о фольклорных истоках рассматриваемого повествования вполне убедительной и, вместе с тем, ставят данное повествование в один ряд с другими текстами о чудесной узде.

Но здесь возникает вопрос о времени* появления в Евразии практики обрядового использования конской узды в ходе инициаций. Прежде, чем рассматривать его, стоит уточнить, что термин «инициация» мы в нашем случае используем со значительной долей условности. Классические инициации зафиксированы преимущественно в обществах охотников и ранних земледельцев (Файнберг Л.А., 1988, с. 288-291). Однако их пережитки сохранялись и в классовых обществах (Першиц А.И., 1988, с. 525; Балушок В.Г., 1993, с. 58; Геннеп А., 1999, с. 84-93, 96-101). Даже вступление советских граждан в ряды КПСС можно трактовать как аналог инициации (Абрамян Л.А., 1993, с. 36-37). Отсюда вытекает, что инициации в той или иной форме – явление, присущее практически любому социуму вплоть до современности (ср. Клейн Л.С., 2010, с. 184-185, 207, 209; Кабо В.Р., 2010, с. 292-293). Но стоит оговорить один момент. «Инициация» – понятие довольно широкое. В частности, к инициациям относят посвящение в функционеры тайного общества, колдуны и шаманы, вожди и цари, даже храмовые проститутки (Геннеп А., 1999, с. 77-81, 94-95, 101-105). Нас же в данном случае интересуют лишь возрастные инициации, т.е. посвящение во взрослое состояние. Существование таких инициаций в эпоху бронзы вполне вероятно, учитывая, что многие исследователи на основе анализа погребального обряда фиксируют наличие в интересующих нас социумах возрастного деления (см., например: Хлобыстина М.Д., 1975; Молодин В.Ю., 1985, с. 104-113; Усманова Э.Р., 1992; Ткачев А.А., Ткачева Н.А., 1997, с. 50-51; Шамшин А.Б., Ченских О.А., 1997, с. 53-56; Михайлов Ю.И., 2001, с. 100-126; Литвиненко Р.О., 2007; Нуралинова А.Г., 2008; Цимиданов В.В., 2008; Шевнина И.В., Ворошилова С.А., 2009). Некоторые аргументы в пользу существования практики инициаций у кочевников раннего железа привел А.Д. Грач (1980, с. 56-59).

---

* Вопрос о месте еще более сложен, и рамки работы не позволяют его коснуться.

Возвращаясь к археологическим материалам, отметим, что детали конской узды стали атрибутами обрядов сразу, как только они появились. В частности, уже самые ранние из бесспорных псалиев – щитковые – попадали в явные культовые комплексы (Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2010, с. 15-16). Однако эти псалии использовались для запряжки колесничных лошадей. Колесница же была элитным и довольно дорогим транспортом (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 191; Нефедкин А.К., 2001, с. 61, 63; Гамолин А.А., 2001; Чечушков И.В., Епимахов А.В., 2010, с. 192; Чечушков И.В., 2011, с. 64; др. работы). Владельцами колесниц, несомненно, являлись представители социальной верхушки, т.е. данное средство транспорта выступало атрибутом лишь незначительной части населения. Таким образом, колесницы едва ли могли играть заметную роль в возрастных инициациях, ибо последние проходили практически все свободные люди. Иное дело – верховой конь. В конце эпохи бронзы его роль как транспортного животного все более возрастала (ср. Новоженов В.А., 2012, с. 187). Верховой конь являлся значительно более «демократичным» средством перемещения, чем колесница. Как показывают этнографические материалы по поздним кочевникам степей Евразии, лошадьми владели даже бедные люди (Нестеров С.П., 1990, с. 37). Судя по данным этнографии, мальчиков начинали обучать верховой езде очень рано. Например, 10-летние тувинцы ездили на лошадях (Дьяконова В.П., 1988, с. 163, 167). Хакасы уже с 5-6 лет обучались ездить верхом (Бутанаев В.Я., 1988, с. 220). У казахов мальчика в три года начинали обучать верховой езде (Токтабай А.У., 2004, с. 11). У монголов пятилетние дети уже участвовали в скачках, причем девочки в искусстве верховой езды не уступали мальчикам (Жуковская Н.Л., 1990, с. 28). Попутно отметим, что в обществах охотников и коневодов Северной Америки дети осваивали верховую езду в столь же раннем возрасте. Например, у шеванезов (шауни) мальчиков, достигших 5 лет, отправляли в лагерь Молодых Волков, где они проходили обучение, предполагавшее, среди прочего, и овладение искусством верховой езды (Сат-Ок, 1985, с. 9, 22). У лакота пятилетние мальчики также умели ездить верхом (Откровение.., 1997, с. 55). Словом, у народов, использовавших верхового коня, это животное являлось спутником человека с детских лет. В итоге понятно, почему в эпосах евразийских народов степи и лесостепи конь – непременный персонаж. Но умение ездить верхом – это одно, а владение конем – совсем другое. Очевидно, в рассматриваемых обществах конь переходил в собственность человека, когда тот достигал определенного возраста. Так, у тувинцев юноша становится полноправным всадником в 15 лет. Тогда отец дарит ему конскую узду и седло (Кенин-Лопсан Н.Б., 2006, с. 19). Поразительно (хотя, возможно, это и случайное совпадение), но самый юный номад эпохи раннего железа Восточной Европы, погребенный с конской уздой, почти полным комплектом наступательного вооружения, золотыми гривной и подвеской (Ольшана, п. 1, Черкасская обл., Украина) (Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., 2005), имел возраст 14-15 лет (Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., 2005, с. 268)*. К сожалению, возрастных определений применительно к захоронениям рассматриваемого периода еще недостаточно, чтобы определить ту грань, достигнув которую, человек приобретал право быть погребенным с конской уздой.

В свое время С.С. Суразаков, анализируя алтайский эпос, допустил, что обретение юным эпическим персонажем коня является отголосками инициации (Суразаков С.С., 1985, с. 30). Однако бросается в глаза один нюанс. В волшебных сказках герой нередко вынужден, вскочив на коня, укрощать его (см., например: Чарівна квітка, 1986, с. 206; Замарашка.., б/г; Как дурак.., б/г). Данный мотив можно найти также и в некоторых эпосах. Так, в нартовском эпосе абхазов Сасрыква укрощает коня Бзоу (Салакая Ш.Х., 1991, с. 485), а в эпосе армян Санасар объезжает кона Куркика Джалали (Арутюнян С.Б., 1991, с. 304). Но применительно к эпосам рассматриваемый мотив является скорее исключением. Так, в алтайском эпосе конь обычно сам приходит к герою, готовый служить ему (Суразаков С.С., 1985, с. 31). Джангар – герой калмыцкого эпоса на шестом году жизни садится на чудесного коня Зэрде, и тот сразу подчиняется воле ре-

---

* Обратим внимание на интересную деталь: известная писательница и педагог XIX в. А.О. Ишимова в своих рассказах для детей, говоря о подвиге юного киевлянина в 968 г., «в какой-то момент идет дальше летописца», расцвечивая этот сюжет (Булкина И.С., 2011). В частности, она указывает возраст киевского отрока – пятнадцать лет.

бенка (Джангар, 1990, с. 202). В казахском эпосе батыр выбирает себе коня и седлает его без сопротивления со стороны последнего (Кобланды-батыр, 1975, с. 224). Так же поступает герой узбекского эпоса (Алпамыш, 1958, с. 85, 91). В якутском эпосе конь, достающийся батыру, тоже ведет себя смирно (Емельянов Н.В., 1980, с. 192 и др.)*. В башкирском эпосе «Урал-батыр» конь Акбуз обещает служить тому, кто бросит в небо камень весом в «семьдесят батманов». Урал смог это сделать, и в итоге конь ему покорился (Башкирский народный эпос, 1977, с. 336-337). В башкирском эпосе «Акбузат» юноша Хаубан подчиняет себе богатырского коня чисто психологически: демонстрирует свою смелость, гладит животное и грозится съесть его в случае непокорности (Башкирский народный эпос, 1977, с. 339). Персонажи русских былин порой выкармливают своих коней, но укрощать их богатырям не приходится (см., например: Былины, 1986, с. 4-6, 63). Наконец, герой французского эпоса Гильом Оранжский без особых усилий подчиняет себе коня Босана, которого «с трудом четырнадцать сержантов на двух цепях серебряных держали» (Песни.., 1985, с. 17-18). Поскольку героические эпосы – более позднее явление, чем волшебные сказки, правомерно сделать вывод, что мотив непокорного коня, которого следует объездить, является более ранним, чем мотив коня, подаренного герою, или коня, который готов служить богатырю добровольно, проникнувшись к нему симпатией. Большая часть героических эпосов, упоминавшихся в данной работе, складывалась в эпоху средневековья. Отсюда следует, что укрощение коня путем езды на нем стало достоянием фольклора много раньше – в раннем железном или даже бронзовом веке**. Из всего отмеченного возможно допустить, что с распространением верховой езды в конце бронзового века важным моментом в инициации стало укрощение «неофитом» коня, переходящего к нему в собственность. Добавим, что использование коня в инициациях спорадически встречалось и в эпоху средневековья, а отголоски этой практики – в новое время (Балушок В.Г., 1993, с. 59).

Естественно, прямых археологических данных о том, что в социумах финала бронзы и начала железа, для которых документируется ритуальное использование псалиев, узда являлась атрибутом инициации, нет, и вряд ли они когда-либо появятся. Но поиск косвенных данных в защиту предложенной гипотезы не бесперспективен. В частности, мифологическая связь узды с потусторонним миром, демонстрируемая многими сказками, в деформированном виде изображающими инициации, вполне может быть прослежена. Так, на Бельском городище, Полтавская обл., Украина в заполнении одной из очажных ям был обнаружен псалий (датируется временем не ранее последней четверти – конца VIII вв. до н.э.), изготовленный из челюсти собаки (Шрамко І.Б., 2006, с. 37). Собака же в традициях многих народов предстает как существо, связанное с миром мертвых (см., например: Кудинова М.А., 2008, с. 29; Клейн Л.С., 2009, с. 185-190, 193; Кринична Н.А., 2011, с. 504, 524, 532, 534, 556, 570; и др.). Добавим, что на юге Восточной Европы отмеченная мифологическая связь, похоже, сохранялась и в более позднее время. Так, в скифском кургане IV в. до н.э. Огуз, Херсонская обл., Украина была найдена уздечка, в состав которой входили кость стопы, клык, когтевые фаланги и левая часть нижней челюсти большой собаки или волка (Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є., 2005, с. 248). Тот же «текст» «узда + собака», но в ином варианте (псалий и костяк собаки во рву), вероятно, демонстрируют материалы рва А поселения Чича-1.

В заключение стоит заострить внимание на других аспектах знаковой нагрузки конской узды. В сказках зафиксировались верования, согласно которым с помощью узды можно получить из потустороннего мира различные блага. Сказочные персонажи, потря-

---

* В поздней якутской сказке ситуация более драматична: железный огнедышащий конь бьется и хочет отвязаться, его держат «сто отборных железных солдат Синего царя», но герой, потянув за уздцы, легко отрывает коню голову (Дьяконова Ю.Н., 1990, с. 140).

** Стоит, правда, уточнить, что мотив укрощения коня пережил своеобразный рецидив в эпосе Дикого Запада (Народ.., 1983, с. 134) и вестернах XIX-XX вв. (см., например: Рид Т.М., 1992, с. 55-62, 79-80; Роберт Г., 1992, с. 57-72; Сальгари Э., 1992, с. 30-32; Брэнд М., 1999, с. 277-280). Данный рецидив вполне понятен. На Диком Западе XIX в. конь играл колоссально важную роль и в экономике, и в военной, и в социальной сфере (как предмет престижа). Говоря о мотиве укрощения коня в литературе, нельзя не вспомнить яркий и выдержанный чуть ли не в мифологическом духе рассказ об усмирении злого коня в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова (1973, с. 9-11).

сая уздечкой, заполучают не только коней, но и богатый наряд (Замарашка, б/г), мешки серебра (Как дурак.., б/г), войско (Афанасьев, 1995а, с. 148) и т.д. В немецкой сказке обладание уздечками, добытыми у драконов, позволяет увеличить надои молока (Афанасьев, 1995а, с. 148)*.

Любопытен и еще один момент. На поселении Гусиная Ляга-1 псалий выявлен в илистых отложениях, т.е., очевидно, его бросили в воду. Но, как мы помним, в некоторых эпических традициях узда, опущенная в воду, позволяет стать хозяином «водяного» коня. Связь коня и воды нашла отражение в фольклорных текстах многих народов. В.Я. Пропп, специально рассматривавший эту проблему, писал, что отмеченная связь зафиксировалась в фольклоре русских, древних греков (ср. Hüttel H.-G., 1978, S. 67) и (это наиболее интересно) – индоариев. В ведической мифологии божественный конь Агни выступает как «дитя вод» (Пропп В.Я., 1986, с. 180-181). Например, в гимне «Восхваление коня», содержащемся в Ригведе, говорится:

«Когда ты заржал впервые, рождаясь,
Вздымаясь из океана или из первородного источника…»
(Ригведа. I, 163).

Очевидно, в свете индоарийских материалов, можно допускать, что образ «водяного» коня восходит к эпохе бронзы, когда сформировались основные мотивы индоарийской мифологии. Данный образ оказался весьма живучим. В частности, мы найдем его в алтайском эпосе, где о конях некоторых героев говорится, что они созданы духами вод (Маадай-Кара, 1973, с. 260, 305). В эпосе башкир чудесные кони появляются из озера (Башкирский народный эпос, 1977, с. 383). В Прикамьи отмечены представления о темном водяном коне, живущем в подземном мире или о выходящем из воды ночью красивом белом коне с черными крапинками (Худяков М.Г., 1933, с. 266). По поверьям коми, по ночам из воды выходят вороные кони с огненными глазами (Котов В.Г., 2006, с. 296). Связь коней с водой прослеживается и в мифах финно-угров (Котов В.Г., 2006, с. 296). Про возможность на русском Севере найти пропавшую лошадь, глядя на воду через узду (Криничная Н.А., 2011, с. 184), говорилось выше. В якутской сказке мы находим мотив «водяного» скакуна в весьма деформированном виде: конь, когда с него снимают узду, бросается в прорубь и превращается в окуня (Дьяконова Ю.Н., 1990, с. 152). Еще более деформирован данный мотив в русской сказке. Здесь плут Шиш, украв коней, заявляет своим братьям, что добыл их на дне реки, причем те этому верят (Русские сказки, 1970, с. 197).

Семиотический статус конской узды имел еще один аспект. У шугнанцев бытовала практика после рождения ребенка вешать уздечку над входом в дом. Предполагалось, что это защитит младенца от злых сил (Каландаров Т.С., 2001, с. 48). Здесь мы сталкиваемся с принципиально иной функцией узды, чем та, которая была рассмотрена выше. Узда используется не для того, чтобы открыть канал связи с миром мертвых, а, напротив, должна заблокировать его. Вероятно, именно эту функцию призваны были выполнять псалии, помещенные во рвы. Отношение ко рвам во многих культурах являлось двойственным. С одной стороны, ров выступал в качестве магической преграды, не допускающей в социум злые силы. Это, в частности, зафиксировано у восточных славян (Топоров В.Н., 1991, с. 296). С другой стороны, ров, находящийся на границе поселения, мог восприниматься как крайне опасное место, ибо границы рассматривались как обитель нечисти (Толстая С.М., 1991, с. 396). Кроме того, рвы, как и прочие преграды (и естественные, и рукотворные), считались принадлежащими «обоим мирам» (Криничная Н.А., 2011, с. 10). Отсюда и вытекала необходимость проводить во рвах различные манипуляции охранительного характера. Показательно, что во рвах Дикого Сада, Чичи-1 и Язево I, помимо псалиев, найдены острые предметы – нож, наконечники стрел, проколки. Подобные предметы у многих народов считались оберегами от демонических существ (см., например: Дьяконова В.П., 1980, с. 105; Соколова З.П., 1980, с. 134; Толстая С.М., 1991, с. 397;

---

* Очевидно, отголоски подобного отношения к узде можно видеть в нежелании расставаться с нею: у казахов, например, при дарении коня узду оставляли себе (Токтабай А.У., 2004, с. 56). Любопытно, что у тех же казахов некоторые манипуляции с уздой считались опасными. Так, существовало верование, что если ударить коня уздечкой по голове, он потеряет «хорошие качества, счастье покинет его» (Токтабай А.У., 2004, с. 56).

Уарзиаты В., 1995, с. 39; Подобед В.А., Цимиданов В.В., 2010, с. 114-115). Из отмеченного вытекает следующее:

1. В культурах, для которых было характерно помещение псалиев во рвы, последние, действительно, могли считаться местами, где существовала опасность концентрации демонических сил, коль скоро во рвы стремились поместить как можно больше предметов, наделявшихся способностью отвращать злые силы;

2. Поскольку псалии во рвах неоднократно коррелировались с предметами, отвращающая способность которых достаточно очевидна, гипотеза об отвращающей способности псалиев находит новое подтверждение.

Уместно обратить внимание на еще один нюанс. На протяжении рассмотренного временного интервала, похоже, культовая роль псалиев все более возрастала, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице. Вдобавок, контексты, в которые попадали псалии, становились все более разнообразными. И, похоже, все более расширялась территория, где узда использовалась в культовой сфере. В данной связи весьма интересны два переднеазиатских памятника: «цитадель» **Бабаджан-тепе III** (Баба-Джан), Луристан, Иран* и укрепленное поселение **Кордлар-Тепе**, приурмийский р-н Иранского Азербайджана, Иран (Medvedskaya I.N., 1982, fig. 1–3).

Непосредственно у ворот «цитадели» на центральном холме Бабаджана исследован закрытый археологический комплекс, в котором обнаружен костяк лошади (Goff C., 1969, p. 123). Судя по опубликованным чертежам (Goff C., 1969, fig. 6), животное было втиснуто в ограниченное пространство ямы. Лошадь сопровождалась набором конского оголовья и двумя бронзовыми изделиями – чашей и лампой (Goff C., 1969, p. 123). Исследовавшая объект К. Гофф, именуя комплекс «конским погребением», допустила, что его появление сопряжено во времени с прекращением жизни на «цитадели» центрального холма (Goff C., 1969, p. 123; см. так же: Погребова М.Н., 1977, с. 137; Медведская И.Н., 1983, p. 71, n. 34; Иванчик А.И., 2001, с. 170). Следуя описанию К. Гофф и «логике» чертежей, можно предположить, что комплекс с лошадью относится к жертве оставления «цитадели». Однако стоит учесть, что расположенное у левого крыла входа «погребение» прекрасно вписывается в архитектурный ансамбль и не нарушает целостности архитектурного решения зодчих, возводивших укрепление Бабаджана. Отсюда возможно допущение, что мы имеем дело с закладной/строительной жертвой, принесенной на привратном участке «цитадели»**.

В сгоревших помещениях горизонта IV (Iron Age I) Кордлара-Тепе (Medvedskaya I.N., 1982, p. 105) зафиксирована неординарная для переднеазиатского региона ситуация: в трех из семи исследованных помещений обнаружены «комплекты» из пар стержневидных роговых псалиев (комната Z – 2 целых экз.; комната B – 2 целых экз.; комната E – 2 фрагментированных экз. (Lippert A., 1977, p. 176; 1979, abb. 4 – 14, 19; 7 – 4, 10)). Добавим, что и в комнате L найден обломок псалия (Lippert A., 1979, abb. 8 – 20). К сожалению, мы до конца не понимаем, попали ли упомянутые псалии в помещения до или после постигшей поселение катастрофы. Однако не исключено, что археологизация интересующих нас артефактов произошла вследствие определенных культовых действий при ремонте и восстановительных работах, последовавших после пожара.

Подводя итог, заметим, что знаковая нагрузка конской узды в эпоху бронзы и раннего железа была довольно разнообразной, и новые находки, несомненно, позволят выдвинуть новые гипотезы о культовом использовании узды***.

---

* Царство Эллипи ассирийских текстов (Medvedskaya I.N., 1999, p. 59, 64; Медведская И.Н., 2010, с. 97-103). О датировке Бабаджана III см.: (Goff Meade C., 1968, p. 125, 128; Goff C., 1970, p. 142, fig. 1; 1978, p. 29 ff.; Overlaet B., 2005, p. 15-16). См. однако и: (Medvedskaya I.N., 1992, p. 73-74; 1999, p. 59, 64; Иванчик А.И., 2001, с. 170).

** Отметим, что в помещениях крепости, исследованных на восточном холме, также были обнаружены конские останки (Goff C., 1977, p. 131, Pl. XX). Однако, осмысление этих материалов заслуживает отдельного исследования.

*** За помощь в работе над этой статьей авторы благодарят своих коллег: В.Б. Панковского, С.В. Кузьминых, В.Ю. Лунькова, М.С. Чаплыгина, В.И. Соёнова, Н.В. Панасюк, О.А. Полякову.

Библиографический список

1. Абрамян Л.А. Тайная полиция как тайное общество: страх и вера в СССР // ЭО. 1993. № 5. С. 35-42.
2. Абхазские народные сказки. М.: Наука, 1975. 471 с.
3. Айхенвальд А.Ю. Похьела // Мифологический словарь. М: Советская энциклопедия, 1991. С. 447.
4. Алейников В.В. Археологические работы на территории могильника Салок-I в 2004-2005 гг. // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. III. Ростов-на-Дону, 2008. С. 5-103.
5. Алпамыш. Узбекский народный эпос. М.: Изд-во художественной литературы, 1958. 356 с.
6. Амелькин А.О. Фольклор в «Повести временных лет» (образ печенегов) // Наследие А.Н. Афанасьева и проблемы его изучения. Материалы межвузовской научной конференции. Воронеж: ВГУ, 2003. С. 112-121.
7. Арутюнян С.Б. Куркик Джалали // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 304.
8. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М.: Современный писатель, 1995а. 400 с.
9. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М.: Современный писатель, 1995б. 416 с.
10. Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 3-17.
11. Балушок В.Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // ЭО. 1993. № 4. С. 57-66.
12. Баранов Е. Сказки горских татар // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. Двадцать третий. Отдел третий. Тифлис, 1897. С. 3-48.
13. Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977. 520 с.
14. Бейсенов А.З., Мерц В.К. К изучению памятников района реки Шидерты // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1 (274). Алматы: НАН РК, 2010. С. 40-45.
15. Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.
16. Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Кінь як складова поховальної церемонії скіфів // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XII. Запоріжжя, 2005. С. 236-254.
17. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
18. Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 292-343.
19. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 6. Луганськ: Вид-во СНУ, 2006. С. 31-310.
20. Брэнд М. Дорогой мести: Романы-вестерны. Т. 12. М.: Центрполиграф, 1999. 507 с.
21. Булкина И.С. «Русская история в картинах»: Андрей Иванов, «Подвиг Киевлянина» // Журнал «Артикульт». 2011. № 4. [Электронный ресурс]. (http://articult.rsuh.ru/article.html?id=2406643).
22. Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 206-221.
23. Былины. М.: Художественная литература, 1986. 302 с.
24. Вальчак С.Б. Загадочные пластины позднебронзового века на Днепровском Левобережье // Археологічний літопис Лівобережної України. № 2 (10). Полтава, 2001. С. 30-32.

25. Варфоломеев В.В. Глава 3. Бегазы-Дандыбаевская эпоха // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы: Эверо, 2004. С. 148-173.
26. Викторов В.П. Научный отчет Южно-Уральской археологической экспедиции 1954 г. Свердловск, 1955 // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1033. 73 л.
27. Гамолин А.А. К вопросу о колеснице как знаке социального статуса (по материалам синташтинского археологического комплекса) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 223-225.
28. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. 408 с.
29. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
30. Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжены II // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции. Тирасполь, 1994. С. 165-168.
31. Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.). Тирасполь: МАКО, 1995. 272 с.
32. Горбенко К.В. К вопросу о хозяйственной деятельности жителей поселения «Дикий сад» // Borysthenika. – 2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 76-85.
33. Горбенко К.В. Исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. Київ; Запоріжжя: Дике поле, 2007а. С. 139-144.
34. Горбенко К. Городище «Дикий сад» у XIII-IX ст. до н.е. // Εμινακο. Науковий щоквартальник. № 1(1). Київ; Миколаїв, 2007б. С. 7-14.
35. Горбенко К.В., Гошко Т.Ю. Металеві вироби з поселення Дикий Сад // Археологія. 2010. №1. С. 97-111.
36. Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Смирнов А.И. Степная Троя Николаевщины. Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2009. 32 с.
37. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
38. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.
39. Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.
40. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч.I. Барнаул: БГПУ, 2007. 274 с.
41. Джангар. Калмыцкий героический эпос. М.: Наука, 1990. 476 с.
42. Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. «Странные комплексы»: о семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. 2010. № 3. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 145-174.
43. Дьяконова В.П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 100-107.
44. Дьяконова В.П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 152-185.
45. Дьяконова Ю.Н. Якутская сказка (русско-якутские взаимосвязи). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 183 с.
46. Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). III Граковские чтения. Запорожье, 1999. С. 99-103.
47. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 376 с.
48. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 208 с.

49. Жуковская Н.Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М.: Наука, 1990. 112 с.
50. Замарашка – Грязная рубашка. Словацкие народные сказки [Электронный ресурс] (http://hobbitaniya.ru/slovak/slovak14.php).
51. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 181 с.
52. Иванова С.В. Погребальный инвентарь раннебронзового века: часть и целое // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч. первая. Донецк, 1996. С. 26-27.
53. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. / Степные народы Евразии. Т. II. М., 2001. 324 с.
54. Ильюков Л.С. Ливенцовско-Каратаевская крепость среднего бронзового века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 621.
55. Кабо В.Р. Структура лагеря и архетипы сознания // Клейн Л.С. Перевернутый мир. Донецк: ДонНУ, 2010. С. 287-296.
56. Казаков Е.П. О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань: РИЦ «Школа», 2002. С. 83-87.
57. Как дурак семерых заколдованных братьев спас [Электронный ресурс] (http://skazki.Eclub.lv/skazki8.htm).
58. Каландаров Т.С. Магия в семейно-бытовой обрядности шугнанцев // СЭ. 2001. № 1. С. 39-53.
59. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское книж. изд-во, 2006. 232 с.
60. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. 232 с.
61. Кислий О.Є. Основні риси кам'янської культури Східного Криму // Археологія. 2006. № 3. С. 21-34.
62. Клейн Л.С. Собаки и птицы в эсхатологической концепции ариев // Stratum plus. № 3. 2005-2009. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. С. 185-194.
63. Клейн Л.С. Перевернутый мир. Донецк: ДонНУ, 2010. 406 с.
64. Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М.: Наука, 1975. 448 с.
65. Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. Ольшана: погребение предскифского времени в днепровской правобережной Лесостепи // Stratum plus. № 3. 2003-2004. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. С. 265-288.
66. Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 17-44.
67. Косинцев П.А., 2008. Происхождение «колесничных» лошадей // Происхождение и распространение колесничества. Луганск: «Глобус», 2008. С. 113-129.
68. Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев: Наукова думка, 1968. 159 с.
69. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа: Гилем, 2006. 408 с.
70. Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. – 272 с.
71. Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 632 с.
72. Кудинова М.А. Образ собаки в китайском фольклоре // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII региональной (IV-й Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул: Азбука, 2008. С. 29.

73. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНИТИ РАН, 1994. 464 с.
74. Лесков Н.С. Очарованный странник // Н.С. Лесков. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. М.: Библиотека «Огонек»; Изд-во «Правда», 1973. С. 3-132.
75. Литвиненко Р.О. Статево-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 7. Луганськ: Вид-во СНУ, 2007. С. 156-172.
76. Лифанов Н.А., Крамарев А.И., Цибин В.А. Исследования курганного могильника Степановка III в 2006 г. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 123-130.
77. Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. Часть вторая. Приложения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 203-484.
78. Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. С. 379-548.
79. Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 367 с.
80. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. 474 с.
81. Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Куйсак – укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М-лы конф. Ч. V. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Книга 1. Культуры энеолита-бронзы степной Евразии. Челябинск, 1995. С. 100-106.
82. Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника у озера Подгорное // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград, 1999. С. 46-89.
83. Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1993. 417 с.
84. Махортих С.В. Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більске городище та його округа. Київ: Шлях, 2006. С. 57-76.
85. Медведская И.Н. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antigua. Vol. XVIII. Gent, 1983. P. 59-79.
86. Медведская И.Н. Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2005. С. 107-126.
87. Медведская И.Н. Древний Иран накануне империй (IX-VI вв. до н.э.). История Мидийского царства. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 264 с.
88. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири. Эпоха бронзы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 364 с.
89. Моисеев А.В. К вопросу о колесницах эпохи бронзы евразийской степи – лесостепи (происхождение, назначение, значение) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб; М.; Великий Новогород, 2011. С. 248-249.
90. Молдавские сказки. Кишинев: Лумина, 1969. 480 с.
91. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
92. Молодин В.И. Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Беккер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропологии Евразии. № 3 (7). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 104-127.
93. Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск; Берлин: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 336 с.
94. Народ, да! Из американского фольклора. М.: Правда, 1983. 480 с.
95. Народные русские сказки. М.: Художественная литература, 1982. 320 с.
96. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.: Наука, 1989. 496 с.

97. Нелин Д.В. Шибаево I: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. № 2. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. С. 150-180.
98. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
99. Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 528 с.
100. Новоженов В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы: Аргументы и Факты Казахстан, 1994. 267 с.
101. Новоженов В.А. К проблеме древнейших миграций в евразийской степи // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения – 2008». Караганда, 2009. С. 103-110.
102. Новоженов В.А. Раннеандроновские колесничные инновации и некоторые аспекты генезиса китайской цивилизации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 183-188.
103. Нуралинова А.Г. Дети в обществе эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам погребальных памятников) // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Самара, 2008. С. 137-139.
104. Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: изд-во БГПУ, 2001. 159 с.
105. Осетинские народные сказки. М.: Наука, 1973. 599 с.
106. Откровение Черного Лося. М.: Сфера, 1997. 560 с.
107. Отрощенко В.В. Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 118-152.
108. Панковский В.Б. Особый класс псалиев эпохи бронзы? // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах, № 15. Донецк, 2004. С. 115-127.
109. Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрії доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: автореф. дис. ... канд. іст. наук; ІА НАН України. Київ, 2012. 15 с.
110. Першиц А.И. Остатки первобытнообщинного строя в классовых обществах // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. С. 499-530.
111. Песни о Гильоме Оранжском. М.: Наука, 1985. 576 с.
112. Петрухин А.Я. Манала // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 337.
113. Повѣсть Временныхъ лѣтъ по Лаврентіевскому списку. СПб., 1872. 191 с.
114. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
115. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977. 184 с.
116. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 3(15). Горно-Алтайск, 2010. С. 14-33.
117. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012. С. 85-92.
118. Подобед В.А., Цимиданов В.В. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецький археологічний збірник. 2009/2010. № 13/14. Донецьк, 2010. С. 98-120.
119. Полідович Ю.Б., Цимідanов В.В. Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільності // Археологія. 1995. № 2. С. 52-62.
120. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
121. Прокопенко Ю.А. О типах устрожающих насадок на удилах второй половины V-III вв. до н.э. из памятников Северного Кавказа // Древнейшие общности земледельцев и

скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь, 2002. С. 240-245.
122. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 367 с.
123. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: ВГУ, 1976. 168 с.
124. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 176 с.
125. Ригведа. Мандалы I-IV. М.: Наука, 1989. 767 с.
126. Рид Т.М. Тропа войны. Ползуны по скалам. СПб.; М.: Прибой; редакция журнала «Вокруг света», 1992. 400 с.
127. Роберт Г. Джентльмен с Медвежьей речки. Пермь: Янус, 1992. 408 с.
128. Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1993. С. 79-91.
129. Ромашко В.А. З приводу призначення так званих «кішок» // Археологія. 2001. № 1. С. 101-104.
130. Русские сказки. М.: Художественная литература, 1970. 384 с.
131. Савченко Е.И. Удила Среднего Дона в скифское время // Археологические памятники Восточной Европы. Вып.12. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 126-132.
132. Салакая Ш.Х. Сасрыква // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 485.
133. Сальгари Э. На Дальнем Западе. Охотница за скальпами. Город прокаженного царя. СПб.; М.: Прибой; редакция журнала «Вокруг света», 1992. 400 с.
134. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
135. Самашев З. М.К. Кадырбаев и некоторые вопросы археологии раннего железного века Казахстана // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012. С. 6-20.
136. Сат-Ок. Білий мустанг. Київ: Веселка, 1985. 334 с.
137. Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов европейского севера: к реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. 152 с.
138. Серебряный С.Д. Вайтарани // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 111.
139. Сказки народов мира. М.: Правда, 1987. 640 с.
140. Сказки народов мира. Сказки народов Европы. Т. IV. М.: Детская литература, 1988. 720 с.
141. Словник античної міфології. Київ: Наукова думка, 1989. 240 с.
142. Смирнова Г.И. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982. С. 30-53, 138-150.
143. Соколова З.П. Ханты // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 125-143.
144. Стародубцев М.В. К хронологии двух типов петельчатых удил у ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (17). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. С. 51-60.
145. Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. № 2. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. С. 207-236.
146. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.
147. Творогов О.В. Сюжетное повествование в летописях XI-XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. С. 31-66.
148. Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... докт. ист. наук; АлтГУ. Барнаул, 2006. 54 с.
149. Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. С. 146-158.

150. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Социальная структура андроновского общества (по материалам могильника Майтан) // Социально-экономическая структура древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. С. 49-55.
151. Токтабай А.У. Культ коня у казахов. Алматы: КазИздат - КТ, 2004. 124 с.
152. Толстая С.М. Нечистая сила // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 396-397.
153. Топоров В.Н. Коровья смерть // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 296.
154. Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 48-59.
155. Уарзиаты В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 233 с.
156. Українські народні казки. Київ: Веселка, 1986. 240 с.
157. Українські народні казки. Київ: Веселка, 1989. 414 с.
158. Усачук А.М. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти): автореф. дис. ... канд. іст. наук; ІА НАН України. Київ, 2007. 24 с.
159. Усманова Э.Р. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. 1990. Ч. I. М., 1992. С. 97-104.
160. Файнберг Л.А. Механизмы социализации // История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. С. 270-293.
161. Хлобыстина М.Д. Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского» типа // СА. 1975. № 4. С. 23-35.
162. Худяков М.Г. Культ коня в Прикамьи // ИГАИМК. Вып. 100. М.; Л., 1933. С. 251-279.
163. Цимиданов В.В. Возрастная стратификация общества срубной культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 8. Луганськ: Вид-во СНУ, 2008. С. 56-82.
164. Цимиданов В.В. Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире // Літопис Донбасу. № 19. Донецьк, 2011. С. 10-35.
165. Цимиданов В.В. «Золушки» срубной культуры // Літопис Донбасу. № 20. Донецьк, 2012. С. 45-58.
166. Чарівна квітка. Українські народні казки з-над Дністра. Ужгород: Карпати, 1986. 304 с.
167. Чачава М.К. Раши // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 467.
168. Чечушков И.В. Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М.; Магнитогорск; Новосибирск: 2007. С. 421-428.
169. Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2(15). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 57-65.
170. Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010. С. 182-229.
171. Шайкин А.А. Повесть временных лет: История и поэтика. М.: НП ИД «Русская панорама», 2011. 616 с.
172. Шамшин А.Б. Хозяйство населения большереченской культуры переходного времени Барнаульского Приобья // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. С. 79-84.
173. Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. С. 52-56.
174. Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Изд. Центр ЮУрГУ, 2009. С. 59-67.

175. Широкова М.А. Псалии позднего бронзового – раннего железного века. Функциональная классификация // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкции. Материалы XLVIII региональной (IV-й Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул: Азбука, 2008. С. 137-138.
176. Шрамко І.Б. Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника 5) // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ, 2006. С. 33-56.
177. Якимовец М.Л. Колесницы: их применение и назначение // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Материалы и тезисы докладов. Самара: Изд-во СГПУ, 2008. С. 97-99.
178. Alincăi S.C., Mihail F. Psalii din corn descoperite în aşezări ale culturii Babadag din nordul Dobrogei // Studii de Preistorie. Vol. 7. 2010. P. 189-200.
179. Goff C. Excavations at Bābā Jān, 1967: Second Preliminary Report // Iran. Vol. VII. 1969. P. 115-130.
180. Goff C. Excavations at Bābā Jān, 1968: Third Preliminary Report // Iran. Vol. VIII. 1970. P. 141-156.
181. Goff C. Excavations at Baba Jan. The Architecture of East Mound, Levels II and III // Iran. Vol. XV. 1977. P. 103-140.
182. Goff C. Excavations at Baba Jan: the pottery and metal from levels III and II // Iran. Vol. XVI. 1978. P. 29-65.
183. Goff Meade C. Lūristān in the first half of the first millennium B.C. A preliminary report on the first season's excavations at Bābā Jān, and associated surveys in the Eastern Pīsh-i Kūh // Iran. Vol. VI. 1968. P. 105-134.
184. Hüttel H.-G. Altbronzezeitliche Pferdetrensen. Ein Beitrag zur Geschichte des 16. Jahrhunderts v.Chr. // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M. Frankfurt am Main, 1978. S. 65-86.
185. Lippert A. Kordlar-Tepe (Pl. IIc–e) // Iran. Vol. XV. 1977. P. 174-177.
186. Lippert A. Die österreichischen ausgrabungen am Kordlar-Tepe in Persisch-West Azerbeidschan (1971-1978) // Archaeologishe Mitteilugen aus Iran. Bd. 12, 1979. S. 103-154.
187. Littauer M. Bits and Pieces // Antiquity. XLIII. A Quarterly Review of Archaeology. London. u.a.O., 1969. P. 289-300.
188. Littauer M.A., Crouwel J. Wheeled vehicles and ridden animals in the Ancient Near East // Handbuch der Orientalistik. Abt.7. Bd.1. Lief.1. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1979. 185 p.
189. Medvedskaya I.N. Iran: Iron Age I. BAR. 126. 1982. 130 p.
190. Medvedskaya I.N. The question of the identification of 8th – 7th century median sites and the formation of the Iranian architectural tradition // Archaeologishe Mitteilugen aus Iran. Bd. 25, 1992. S. 73-79.
191. Medvedskaya I.N. Media and its Neighbours I: the localization of Ellipi // Iranica Antigua. Vol. XXXIV. Gent, 1999. P. 53-70.
192. Otroščenko V.V. Die Westbeziehungen der Belozerka-Kultur // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). München: Randen / Westf. 1998. S. 353-360.
193. Overlaet B. The chronology of the Iron Age in the Pusht-i Kuh, Luristan // Iranica Antigua. Vol. XL. Gent, 2005. P. 1-33.
194. Vladar J. Parohové bočnice zubadiel Otomanskej kultúry na Slovensku // Slovenska archeologia. XIX-1. 1971. S. 5-12.

Список сокращений

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографическое обозрение
BAR – British Archaeological Reports

Таблица

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПСАЛИЕВ РАЗНЫХ БЛОКОВ
В КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСАХ ПОСЕЛЕНИЙ

Варианты локализации	**Памятники, где выявлены псалии**			
	Щитковые	**Желобчатые**	**Стержневидные**	**Прочие**
АЗИЯ (Зауралье, Центральная Азия, Сибирь)				
Постройка (пол или заполнение)	Токсанбай Петровка II Куйсак Конезавод 1	--	Чича-1 Чекановский Лог-1 Гусиная Ляга-1 Ближние Елбаны I Ближние Елбаны XII Атасу I Торгажак (4 постройки) Быстровка 4 Язево I Кордлар-Тепе (4 помещения)	Ближние Елбаны I[1]
Яма в постройке	Джаркутан	Икпень I	--	--
Зольник вне построек	Петровка II Мирный IV Шибаево 1(?)	--	Чича-1 Алексеевское	Алат[2]
Огражденная ритуальная площадка	--	--	--	Кент[3]
Ров	--	--	Чича-1 Ирмень 1 Язево I	--
ЕВРОПА (Восточная и Центральная)				
Постройка (пол или заполнение)	Береговское I (находка 1954 г.) Каменка Ильичевка (?) Богуслав	Аитово Тюбяк Комаровка Капитаново-1 (3 постройки) Червонэ Озеро-3 Шиловское Мосоловское	Мосоловское Ильичевка Провалье Суботовское городище Уч-Баш Костешты VII Коротень Отомани (?) Днестровка-Лука Спишский Шврток	Усово Озеро[4] Тюбяк[5]
Яма в постройке	--	--	Бай-Кият Фонтаны	--
Яма вне построек	--	--	Велка Мана – «Гедра» Бабадаг-Четэцуйе (5 ям) Енисала-Паланка Никулицел-Корнет (2 ямы) Буку-Похинэ Жаботин	--

			Хлижень (Глинжены, Глинжень) II	
Зольник вне построек	Поляны I	Казангулово I Каратаевская крепость (?) Безыменное I (?)	Островец Магала Кавадинешти (?) Флорени (?)	Бельское Городище[6]
Слой вне построек	--	Гуселка-II (?)	Игрень	Трушешти[7]
Огражденная ритуальная площадка	--	--	--	Богуслав 1[8]
Ров	--	--	Дикий Сад	--

Примечания: [1] – костяная накладка с шипами; [2] – на Алате найден псалий типа Чикаловка-Кент (по В.Б. Панковскому, доклад «Поправки и дополнения к типологии псалиев позднего бронзового века», прочитанный 14 ноября 2012 г. на III международной конференции в Луганске, Украина; см. также: Панковський В.Б., 2012, с. 6), сочетающий в себе признаки щитковых и стержневидных псалиев; [3] – артефакты относятся к своеобразной группе изделий (псалиев ?) Трушешти-Кент (Панковский В.Б., 2004; Панковський В.Б., 2012, с. 11); [4] – псалий занимает промежуточное место между желобчатым и стержневидным (дериват карпато-дунайских псалиев); [5] – четыре псалия, сочетающие в себе признаки щитковых и стержневидных форм; [6] – псалий изготовлен из челюсти собаки; [7] – артефакт относится к своеобразной группе изделий (псалиев ?) Трушешти-Кент (Панковский В.Б., 2004; Панковський В.Б., 2012, с. 11); [8] – костяная накладка с шипами.

Фролов Я.В.
(г. Барнаул, Россия)

МЕСТО КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА РУБЛЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА В КРУГУ ПАМЯТНИКОВ РАННЕСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КУЛУНДЫ*

Рублевский археологический микрорайон располагается в юго-западной части Кулунды, в районе системы пресных боровых озер, наиболее крупным из которых является оз. Рублево (рис. 1). Памятники приурочены к еланям – остепненным участкам внутри большого массива соснового бора (Шамшин А.Б., Навротский П.И., 1990; Фролов Я.В., Папин Д.В., 2004). Наряду с памятниками эпохи бронзы здесь обнаружена серия памятников раннего железного века. Наиболее многочисленные из них – поселения. К эпохе раннего железа относятся памятники: поселения Рублево 3, 4, 5, 7; Щегуль 1, 2; ряд материалов с разновременных памятников поселения Рублево 6, могильника Рублево 8.

Впервые памятники Рублевского археологического микрорайона (поселения Рублево 1, 2) были открыты в конце 1980-х гг. А.Б. Шамшиным и П.И. Навротским. В 1988 г. П.И. Навротский отрыл поселение Рублево 3. В 1989 г. А.Б. Шамшин обнаружил поселения Рублево 4, 5, 6 (Шамшин А.Б., 1999, с. 24). В 1998 г. поселение Рублево 7 открыли А.Б. Шамшин и Д.В. Папин. В 1999 г. работы на могильнике Рублево 8 начал Д.В. Папин (Папин Д.В., 2000, с. 147-148). В 2000 г. поселения Щегуль 1 и 2 обнаружил Я.В. Фролов. Раскопки на памятниках Рублевского микрорайона проводились в 1990-х - 2000-х гг. А.Б. Шамшиным, Д.В. Папиным, А.С. Федоруком.

Поселения Рублево 3 и Рублево 4 располагаются недалеко друг от друга, к северо-востоку от оз. Рублево, на песчаных гривах, тянущихся параллельно берегу озера. Здесь из небольших раскопов, заложенных в 1989 г. П.И. Навротским и А.Б. Шамшиным, происходит довольно выразительная серия керамики, пластинчатый бронзовый нож и керамическое пряслице (рис. 2) (Шамшин А.Б., Навротский П.И., 1990). Керамический комплекс поселения Рублево 3 представлен в подавляющем большинстве баночными сосудами, в основном закрытыми банками (рис. 2 – 3-16). Орнамент беден, представляет, в основном, один ряд редко поставленного жемчужника (рис. 2 – 4-10, 13-16). Редко сосуды украшены одним рядом ямочных вдавлений по краю венчика (рис. 2 – 11), встречен налепной гладкий валик (рис. 2 – 3). На одном сосуде присутствует носик-слив (рис. 2 – 4). Керамическое пряслице имеет подовальную в разрезе форму, орнамента нет (рис. 2 – 2). На поселении Рублево 4 найден бронзовый пластинчатый нож с прямой спинкой без выделенной рукояти (рис. 2 – 1).

Другая группа памятников (Рублево 5, 8, Щегуль 1) располагается с юго-восточной стороны оз. Рублево в 2-3 км от поселений Рублево 3 и Рублево 4 (рис. 1).

Несколько иной состав керамики, хотя в целом и близкий для других поселений раннего железного века Рублевского археологического микрорайона, происходит с поселения Рублево 5. Формы посуды более разнообразны: здесь встречены банки, горшковидные сосуды и чашки (рис. 3 – 4, 16-20). Орнамент представлен крупным жемчужником, рядом ямочных вдавлений (рис. 3 – 16, 18, 20). Найден один небольшой баночный сосуд, украшенный валиком, рассеченным отпечатками гребенчатого штампа, образующими зигзаг (рис. 3 – 4).Не исключено, что профилированные сосуды, украшенные ямочным орнаментом (рис. 3 – 16, 18) могут относиться и к более позднему времени – эпохе средневековья. Материалы этого периода также встречены на поселении Рублево 5.

На памятнике обнаружено два керамических пряслица: одно подпрямоугольной в разрезе формы с выпуклыми боками, другое – конической формы без орнамента (рис. 3. – 2, 3).

Костяные орудия представлены проколками, сделанными из грифильной кости лошади (рис. 3 – 10, 11), фрагментом костяного лощила – трепала (рис. 3 – 13), изделиями,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11-22008).

сделанными из трубчатых костей конечностей копытного, в которых прорезаны небольшие отверстия (рис. 3 – 5, 6, 8) и подобным же изделием из плюсны (рис. 3 – 7). Назначение предметов из костей с отверстиями неясно.

Каменные орудия представлены, абразивами (рис. 3 – 14, 15) и фрагментом узкотелого оселка (рис. 3 – 21). Из металлических орудий на поселении найден бронзовый пластинчатый нож с прямой спинкой без выделенной рукояти с кольцевым навершием. Отверстие в навершии имеет сердцевидную форму (рис. 3 – 1).

На поселении Рублево 5 выявлены конструкции, которые А.Б. Шамшин связал с жилищами. Однако, незначительная площадь раскопа не позволяет говорить об этом достаточно аргументировано. Не ясно также, к какому периоду относятся эти конструкции, ведь наряду с материалами раннего железного века на памятнике найдена и керамика эпохи средневековья.

Еще одним поселением эпохи раннего железа является памятник Шегуль 1. Здесь из небольшого раскопа происходит развал сосуда кувшиновидной формы с очень короткой шейкой и раздутым туловом (рис. 4 – 13).

Вполне вероятно, что и на поселении Рублево VI, основной комплекс которого датируется эпохой бронзы, имеется культурный слой, относящийся к раннему железному веку. К этому периоду могут относиться отдельные находки керамики (Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б., 2000, рис. 1 – 7, 9; Шамшин А.Б., Дуда Я.В. и др. 1999, рис. 3-5).

Керамический комплекс поселений Рублево 3-5 представлен в подавляющем большинстве баночными сосудами, в основном закрытыми банками (рис. 2 – 3-16). Встречены фрагменты от кувшиновидных сосудов (рис. 4 – 13). Срез венчика округлый, реже уплощенный, редко встречаются небольшие карнизики – бортики. В единичных случаях венчик срезан наружу, образуя скошенный карнизик – небольшой воротничок. Орнамент беден, представляет, в основном, один ряд редко поставленного жемчужника. Жемчужины выполнены разнообразно: подчеркнуты с помощью прищипов, имеют овальную форму, сделаны палочкой, поставленной под острым углом к стенке сосуда. Встречен слабо выпуклый жемчужник, выполненный как палочкой, так и пальцем. С обратной стороны сосуда на месте пальцевых вдавлений хорошо видны рельефные ногтевые отпечатки. Очень редко представлен жемчужник с разделением. Редко сосуды украшены одним рядом ямочных вдавлений по краю венчика. Иногда встречается налетной гладкий валик и носик-слив (рис. 2 – 3-16).

Аналогии керамическим комплексам поселений Рублево 3-5 обнаруживаются в поселенческих комплексах ранних саков, датирующихся VII-VI вв. до н.э. в: Восточном Казахстане (Новошульбинское поселение); Павлодарском Прииртишье (Типкаши 1); Центральном Казахстане (Тагирай-Булак, Кулман, Едирей 1, Керегас 2, Кызылсуир 2, Сарыбуйрат), Степном Приишимье (Кеноткель X и Таскора 1), (Бейсенов А.З., Ломан В.Г., 2009; Ермолаева А.С., и др. 1998, рис. 2, с. 43; Маргулан А.Х., 1979, рис. 174, с. 233; Ткачева Н.А., Ткачев А.А., 2006, рис. 1, с. 103; Хабдулина Ф.Х., 2003).

Несмотря на то, что закрытые плоскодонные банки с рядом жемчужника широко распространены в культурах скифского времени Западной Сибири и Казахстана, раннесакские материалы Кулунды и Казахстана объединяет ряд своеобразных черт орнаментации – это наличие редко поставленного ряда крупного жемчужника без разделений, оформление жемчужин защипами, их выделение пальцевыми вдавлениями, наличие гладкого валика и сосудов со сливом.

Керамика раннесакских поселений демонстрирует эволюцию традиций изготовления и оформления керамической посуды от саргаринско–алексеевской керамики до посуды уже раннего железа. Это соединение традиций керамического производства эпохи раннего железного века – преобладание баночных сосудов, орнамент в виде ряда ямочных вдавлений, жемчужник (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1995 рис. 60-61) и эпохи поздней бронзы (саргаринско-алексеевской культуры, памятников трушниковского типа) – профилированные горшковидные сосуды, скошенный бортик по краю венчика, редко поставленный крупный жемчужник, защипы, овальный жемчужник, валик (Папин Д.В., Ченских, О.А., Шамшин А.Б., 2000, рис. 1-7, 9; Шамшин А.Б., Дуда Я.В., и др. 1999, рис. 3-5).

Таким образом, опираясь на анализ состава керамических комплексов, материалы поселений раннего железного века Рублевского микрорайона можно рассматривать в

кругу других раннесакских поселений. Вероятно, эти памятники маркируют восточный ареал распространения данного типа поселений.

В Рублевском археологическом комплексе к раннему железному веку можно отнести пять поселений – Рублево 3-6 и Щегуль 1. Все они представляют собой временные стоянки со слабо насыщенным культурным слоем, хотя и имеющим значительную мощность, достигающую 20-40 см, что свидетельствует о довольно длительном существовании этих памятников. Наиболее крупным из них является поселение Рублево 5, но причислять данный памятник к зимним поселениям со стационарными жилищами, как это делают некоторые авторы (Могильников В.А., 1997, с. 10), пока нет достаточных оснований. Нужны дополнительные исследования, чтобы определить назначение и характер обнаруженных на памятнике конструкций и определить их культурную и хронологическую принадлежность. Материалы со всех изученных поселений свидетельствуют, что эти памятники являются сезонными скотоводческими стоянками, организованными в местах довольно привлекательных для скотоводов. Они располагаются на еланях – небольших остепененных участках, внутри большого массива соснового бора, вдоль берегов системы пресных озер, наиболее крупным из которых является оз. Рублево. Наличие водопоев, закрытых от сильных ветров пастбищных участков, привлекало сюда скотоводов. Сейчас пока не до конца понятно, в какой период года функционировали эти поселения.

Из могильников раннего железного века в Рублевском археологическом микрорайоне известен только один погребальный комплекс на площади могильника эпохи бронзы Рублево VIII. Здесь к этому периоду можно отнести одно погребение и приклад предметов конского снаряжения раннескифского типа (рис. 4 – 3-6). Рядом находилось скопление астрагалов, один из которых был просверлен, и фрагменты черепа лошади (Папин Д.В., 2000, с. 147-148). Несколько позднее датируется одно захоронение на могильнике Рублево VIII. В погребении 59 умерший лежал в глубокой яме (2,1 м от дневной поверхности) подпрямоугольной в плане формы (2,8х1,8м), с закругленными углами и прямыми стенками, вытянуто на спине головой на запад. По дну, вдоль продольных сторон могилы, прослежены остатки плохо сохранившейся деревянной рамы из тонких плашек. Захоронение ограблено. In situ сохранились только кости ног. Инвентарь представлен оселком и бронзовым пластинчатым ножом, которые лежали под левым бедром умершего (рис. 4 – 1, 2). Нож находился под оселком. Под предметами прослежены остатки органического тлена, вероятнее всего от кожаного изделия – ножен (?), сумки (?).(Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б.,2007, с. 215-261, рис. 3).

Кроме того, ряд погребений могильника Рублево 8, относящихся к эпохе поздней бронзы, демонстрируют характерные для периода раннего железа черты погребальной обрядности и своеобразный инвентарь. Так, в могиле 9 (р.2) умерший лежал вытянуто на спине головой на юго-запад с уложенными на груди руками. На его правом плече и груди лежал раздавленный сосуд горшковидной формы с рассеченным валиком по шейке (рис. 4 –12) (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., 2009, с.260, рис. 1 – 1). Подобная керамика характерна для саргаринско-алексеевской культуры, но встречается и в материалах раннескифского времени. В могиле 7 (р. 2) был обнаружен пластинчатый бронзовый нож с выделенным лезвием, выгнутой спинкой и крупным каплевидным отверстием в рукояти, совмещающий в себе как черты изделий эпохи поздней бронзы (выгнутая спинка, выделенная рукоять), так и элементы, характерные уже для изделий раннего железа (каплевидное отверстие в рукояти) (рис. 5 – 3) (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б, 2006, с. 86-87, рис. 1-2, 6).

Поздний комплекс на Рублево 8 можно, по всей вероятности, связать с расположенным в непосредственной близости от него поселением Рублево 5.

Для датировки памятников раннего железного века Рублевского археологического комплекса эпохи раннего железа можно привлечь детали конской упряжи, обнаруженные на площади могильника Рублево 8, находки из погребения раннего железного века памятника Рублево 8 и находки двух бронзовых ножей на поселениях Рублево 4, 5.

В комплекс конской упряжи из могильника Рублево 8 входят стремечковидные удила, которые датируются довольно широко начиная с VIII в до н.э. и до начала VI в. до н.э. (рис. 4 – 6) (Шульга П.И., 2008, с. 71, 73). Парные подпружные пряжки-застежки и бляха-застежка датируются VII - началом VI в. до н.э. (рис. 4 – 3-5) (Шульга П.И., 2008).

Бронзовые пластинчатые ножи с прямой спинкой без выделенной рукояти найдены на поселении Рублево 4 и могильнике Рублево 8 (рис. 2 – 1; 4 – 2) (Фролов Я.В., Папин Д.В. 2004, рис. 1-2). Сходные по типу ножи происходят с поселений Кулунды и сопредельных территорий Горелый Кордон 1, Боровское 1а, из Завьяловского р-на (рис. 5 – 4, 5, 10-13) (Фролов Я.В., Папин Д.В., 2004, рис. 1-2, 12; Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2002; Фролов Я.В., 2007, рис. 1-1,2; Папин Д.В., Федорук А.С.; 2006, рис. 3-10, 14). В целом, подобные ножи – распространенная находка для памятников эпохи поздней бронзы, переходного времени и раннего железного века лесостепного Алтая и Казахстана. Датируются они в пределах IX-V вв. до н.э. (Папин Д.В., Федорук А.С., 2006, рис. 3-14, с. 100; Маргулан А.Х., 1979, с . 229; Фролов Я.В., 1996, с. 136).

В захоронении № 59 на могильнике Рублево 8 бронзовый нож найден совместно с оселком. Данное захоронение ближайшую аналогию находит в могильнике Бураново V, где также обнаружены совместно пластинчатый бронзовый нож и оселок прямоугольной формы, пугоцевидная застежка – пронизь, датирующаяся в пределах VII - начала VI вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 2000, с. 98; Шульга П.И., 2008, рис. 81). Совместные находки оселков с ножами и кинжалами характерны для раннесакских и савроматских памятников VIII-VI вв. до н.э. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 38; Смирнов К.Ф., 1964, с. 107). Оселки, близкие по форме, найдены в курганных могильниках Кулунды: Нижний Кучук I и Михайловский VI, которые датируются VII-V вв. до н.э. (Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998, с. 153-157; Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И., 1992, с. 62). Вероятно, в этих же хронологических рамках (VII-V вв. до н.э.) можно датировать и захоронение 59 могильника Рублево 8.

Бронзовый нож с кольчатым навершием рукояти, найденный на поселении Рублево V, имеет слабо выраженную рукоять, короткое лезвие. Вырез в кольчатом навершии имеет сердцевидную форму (рис. 5 – 14). Наиболее близкая аналогия данному ножу происходит из Новообинского кургана датирующегося в рамках VII-VI вв. до н.э. (рис. 5 – 15) (Иванов Г.Е., Медникова Э.М., 1982, рис. 2 – 4).

Таким образом, основные предметы, указывающие на дату комплексов Рублевского микрорайона распространены в VII-VI вв. до н.э. Видимо, в этот период раннего железного века данная территория была населена наиболее плотно.

Рублевский археологический комплекс эпохи раннего железа входит в круг памятников раннего железного века юга Кулунды. В районе ленточных боров этой территории известно еще несколько комплексов памятников раннего железа – это: Горелый Кордон – поселения 1, 2, 4-12 (Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2002, с. 235-239); Бычье 1; Белое 3-7 (Фролов Я.В., 1995, с. 102-105); Валовой Кордон 3-5; Алексеевка 2-4, 12; Павловка 1, 4, 5, 8, 9, 15; Коростели 3, 6; Ляпуново 5, 6; Кашлоу 1-4; Новенькое 5, 6, 8-14, 19-22 (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, с. 215-223); могильники Углы 3, 4 (рис. 1) (Дашковский П.К., Грушин С.П., Симонов Е.В., 1998; Дашковский П.К., Грушин С.П., 1999).

Керамика с этих поселений близка к материалам поселений Рублево 3-5, это сосуды баночной формы с редко поставленным рядом жемчужника, иногда с валиком по шейке. Все приведенные выше поселения располагаются на границе леса и степи в районе пресных озер или высохших в настоящее время водотоков – мест наиболее удобных для занятий скотоводством. Эти памятники образуют своеобразные «кусты», концентрирующиеся около крупных водоемов (рис. 1). Их широкое распространение и расположение позволяет говорить, что район юга Кулунды в эпоху раннего железа активно осваивался.

На могильниках Углы 3 и 4 были обнаружены семь погребений эпохи раннего железа (Углы 3 – 6; Углы 4 – 1) (рис. 6 – 1-4). Поверхность над захоронениями была нарушена в ходе распашки этой территории и строительных работ, поэтому сейчас не ясно, были ли курганные насыпи над этим захоронениями. Умершие были уложены в неглубокие ямы 0,5-1 м от дневной поверхности. Ямы имели подпрямоугольную форму и прямые стенки. В могилах зафиксированы деревянные конструкции – рамы из досок на дне могилы, сруб, перекрытия из досок, деревянный настил на дне погребения. Положение погребенных вытянуто на спине (рис. 6 – 1) и на правом или левом боку с подогнутыми ногами. Ориентация на запад, северо-запад, север, юго-восток. Из инвентаря представлены только керамические сосуды кувшиновидной формы (рис. 6 – 2-4) (Дашковский П.К., Грушин С.П., Симонов Е.В., 1998, с. 137-138, рис. 1; Дашковский П.К., Грушин С.П., 1999, с.

113-116, рис. 1 – 4, 5). Из круга сходных по обряду захоронений Казахстана и лесостепного Алтая этот памятник выделяет положение погребенных на боку с подогнутыми ногами, встречающееся в пазырыкской культуре и ряде захоронений скифского времени Казахстана. Керамика так же характерна для каменской культуры и саков Казахстана.

Такая же плотность памятников скифского времени, как на юге Кулунды, наблюдается на востоке региона – это группа памятников в районе с. Завьялово, с. Мамонтово и с. Черная Курья. Поселения Крестьянское 3, Миронов Лог 2; Островное 3; Бачанцево 1, Калиновка 2; Барановка 3, 8, Кривое Озеро 1-6, Калиновая Ляга 2; Моховое 1-5; могильники Суслово 2; Барановка 5; Калиновая Ляга 1; Завьялово 4 (Иванов Г.Е., 1982, 1990, 1991, 1995, 2000а, 2000б, Кирюшин Ю.Ф., 1986, с. 78; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 2000, с. 32, рис. 2 – 1, 5).

Памятники раннего железа восточной зоны Кулунды находятся в той же ландшафтной ситуации, что и на юге этого региона. Отличия наблюдаются прежде всего в составе керамического комплекса памятников, который демонстрирует близость с материалами раннего железа из Верхнего Приобья. В материалах поселений этой группы чаще встречается жемчужник с разделениями, в композиции иногда ряд жемчужника дополняется рядом наколов, иногда елочкой (Иванов Г.Е., 2000).

Погребения скифского времени на востоке Кулундинского региона представлены могильниками Барановка 5, Калиновка 2. На этих памятниках раскопаны одиночные погребения. Умершие уложены в неглубоких прямоугольных ямах вытянуто на спине головой на запад или юго-запад (Иванов Г.Е., 2000б, с. 96, рис. 42 – 1-4; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 2000, с. 32, рис. 2 – 1, 5). В 2012 г. было обнаружено новое захоронение на могильнике Завьялово 4. На северо-восточной окраине с. Завьялово при строительных работах обнаружено захоронение скифского времени. Умерший лежал в прямоугольной яме на глубине 1 м от дневной поверхности. В погребении имелись дощатые деревянные конструкции, перекрытие и обкладка. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на северо-запад. В могиле найдены: небольшой кувшиновидный сосуд, бронзовые нож и колчанный крюк, оформленный в виде головы ушастого грифона (рис. 6 – 5-7) Наиболее близкий по форме и зооморфному оформлению крючок происходит из могильника староалейской культуры Обские Плесы 2, датирующегося VI-V вв. до н.э. (Фролов Я.В., 2008, рис. 120 – 3); сходное оформление имеют крючки из Филиповкого-1 могильника (V-IV вв. до н.э.) и из Новобинского кургана (VI-V вв. до н.э.) (Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., 2007; Иванов Г.Е., Медникова Э.М., 1982). Не исключено, что с территории этого же памятника – могильника Завьялово 4 происходит и находка бронзового псалия с окончаниями, оформленными в виде голов верблюдов (рис. 6 – 8).

На севере региона поселения, сходные с памятниками раннего железного века Рублевского микрорайона, известны по р. Бурле и системе озер, связанных с этой рекой. Сходная керамика здесь обнаружена на нескольких поселениях, наиболее крупное из которых – Кобанье 1, датирующееся по бронзовому наконечнику стрелы в пределах VI-V вв. до н.э. (Удодов В.С., 1990, с. 43, рис. 1 – 4). Возможно, что из района этого же поселения происходит и случайная находка бронзовой бабочковидной бляхи (рис. 6 – 9).

Культурную принадлежность памятников эпохи раннего железа Рублевского археологического микрорайона охарактеризовать довольно сложно. Как уже отмечалось выше, поселения Рублевского микрорайона можно рассматривать в кругу раннесакских памятников. Этому же не противоречат и материалы могильников, которые и по погребальной обрядности и по составу инвентаря имеют много параллелей среди захоронений раннего железа Центрального, Северного и Восточного Казахстана. Памятники VII-VI вв. до н.э. Центрального Казахстана рассматриваются в рамках тасмолинской культуры, Северного Казахстана – улубаевско-тасмолинской (Таиров А.Д., 2007, с. 165). В 2008 г. В.И. Молодин предложил объединить памятники VIII-VII вв. до н.э. Барабы, Омского Прииртышья, Северного Казахстана, демонстрирующие западное (раннесакское?) влияние в рамках берликской культуры, по названию могильника Берлик в степном Приишимье (Молодин В.И., 2007, с. 60-61; 2008, с. 162-163). По всей вероятности, памятники VIII-VI вв. до н.э. юга Кулунды входят в раннесакскую общность, которая послужила основой для формирования тасмолинской культуры, а, возможно, и каменской культуры.

Рис. 1. Карта расположения памятников раннего железного века на юге Кулунды. 1-7 – поселения Рублево 1-7; 8 – могильник Рублево 8; 9,10 – поселения Щенгуль-1,2; 11 – поселения Горелый Кордон 1,2,4,12; 12 – поселение Бычье 1; 13 – поселения Белое 3-7; 14 – поселения Валовой Кордон 3-5; 15 – поселения Павловка 1,4,5,8,9,15; 16 – Алексеевка 2-4,12; 17 – поселения Ляпуново 5,6; 18 – поселения Коростели 3-4; 19 – могильники Углы 3,4; 20 – курганный могильник Михайловский 6.

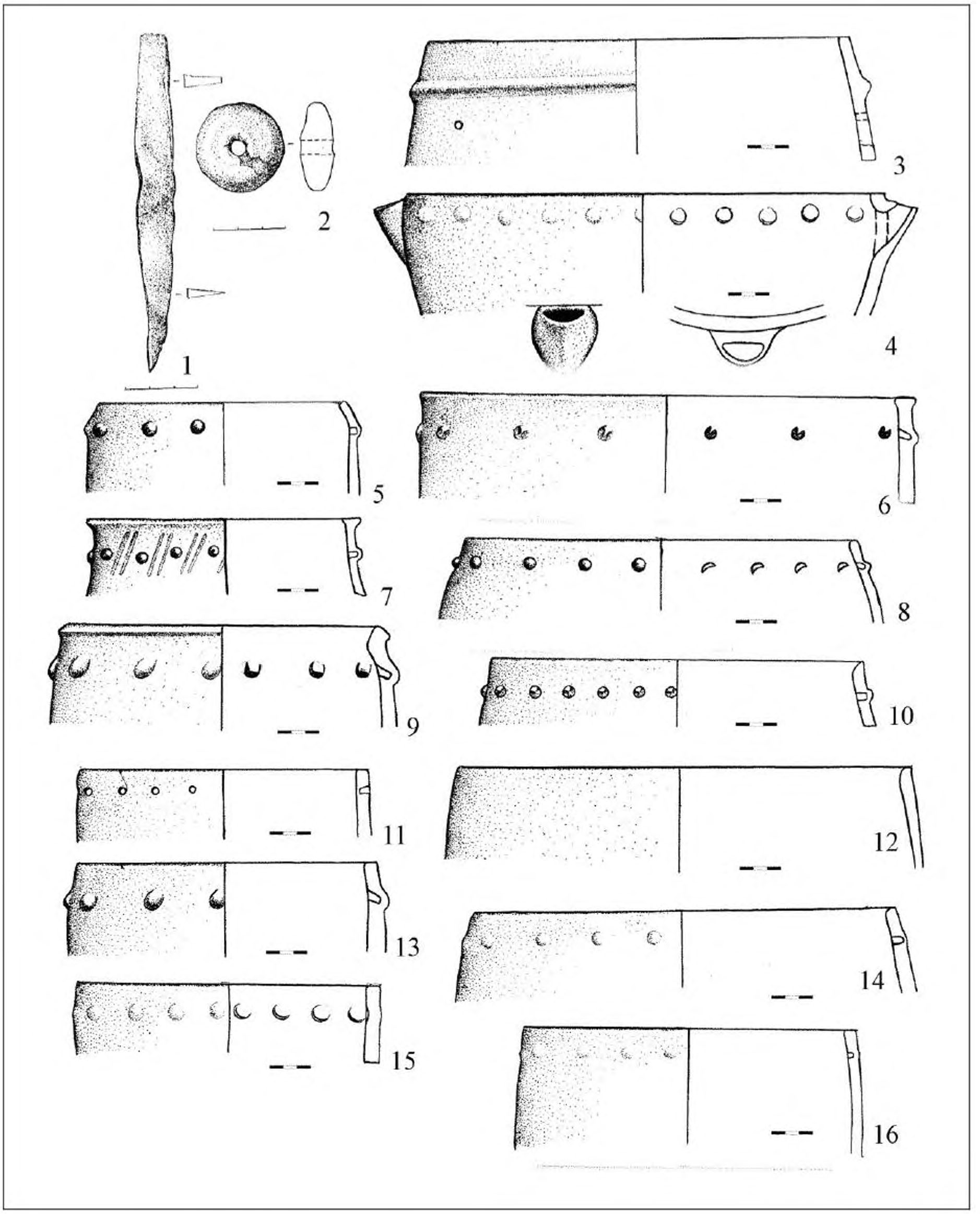

Рис. 2. Материалы поселений Рублево 3 и Рублево 4.
1 – поселение Рублево 4; 2-16 – поселение Рублево 3;
1 – бронза, остальное – керамика.

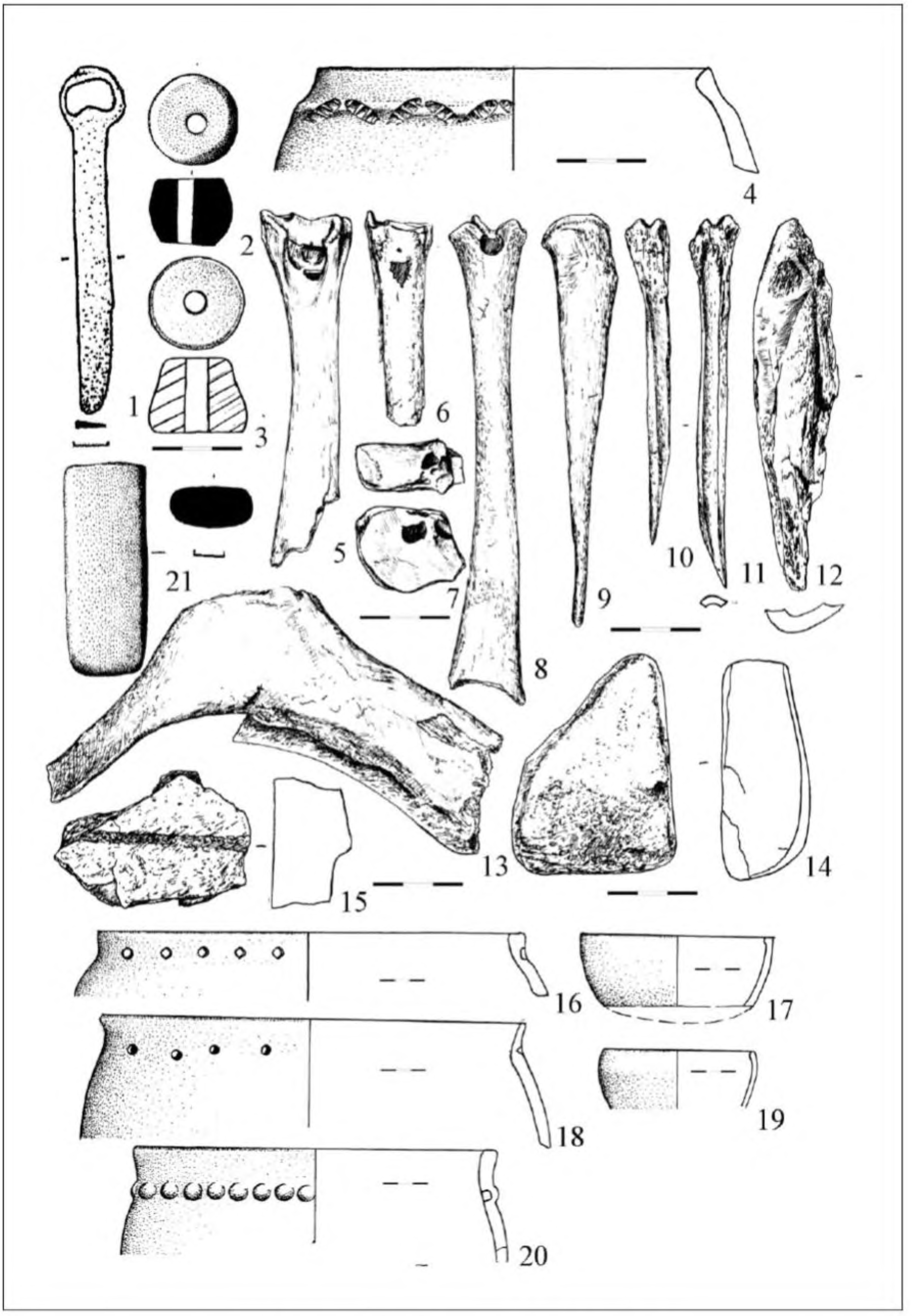

Рис. 3. Материалы поселения Рублево 5.
1 – нож, 2,3 – пряслица; 4,16-20 – сосуды; 5-8 – изделия из трубчатых костей с отверстиями; 9-11 – проколки; 12-13 – лощила; 14-15 – терочники; 21 – оселок.
1 – бронза; 2-4,16-20 – керамика; 5-13 – кость; 14-15,21 – камень.

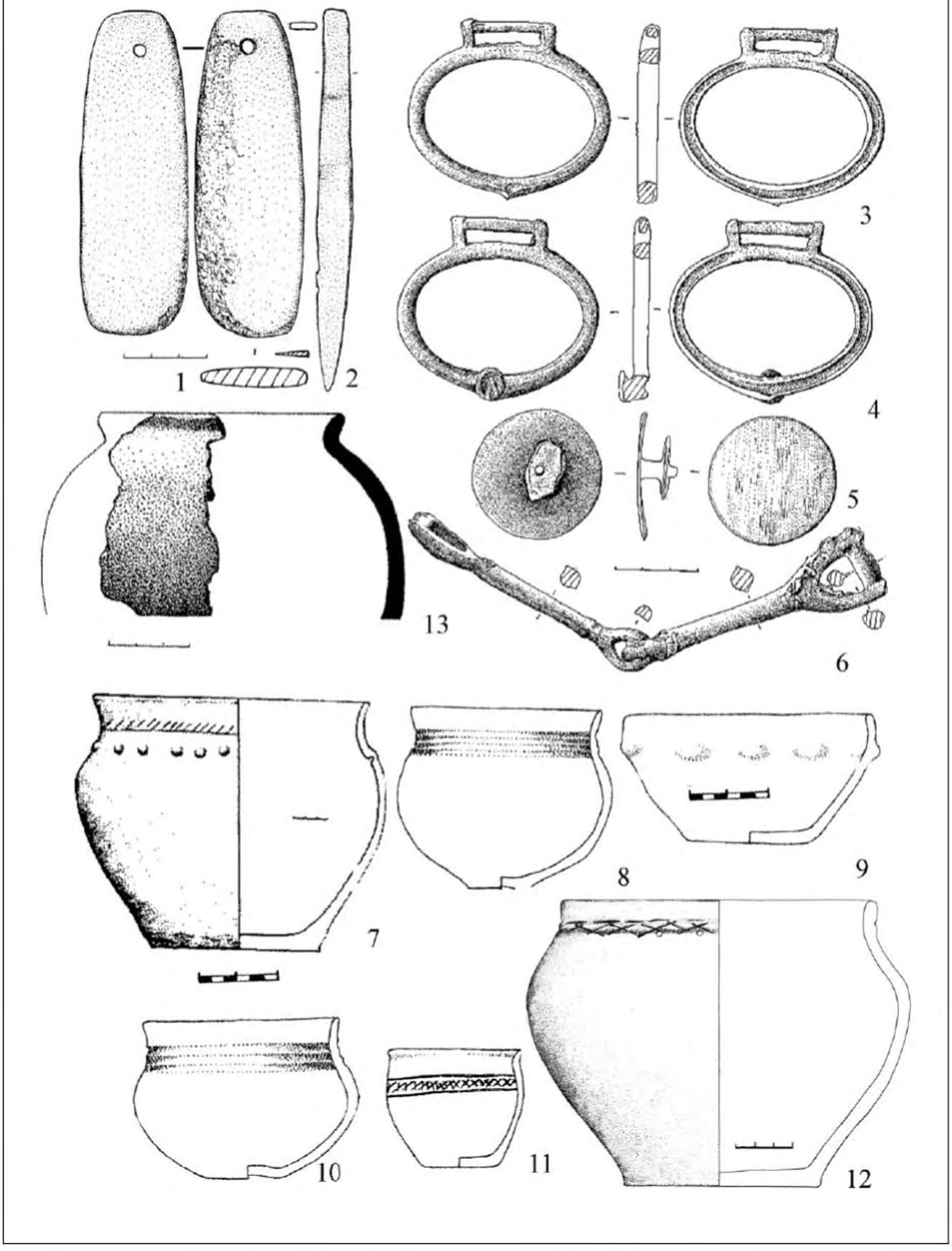

Рис. 4. 1-13 материалы могильника Рублево 8.
1,2 – р.1, м. 59; 12 – р.2, м. 8; 3-6 – р.1, приклад;
8-11 – межмогильное пространство; 13 – поселение Щегуль 1.
1 – камень, 2-6 – бронза; 7-13 – керамика.

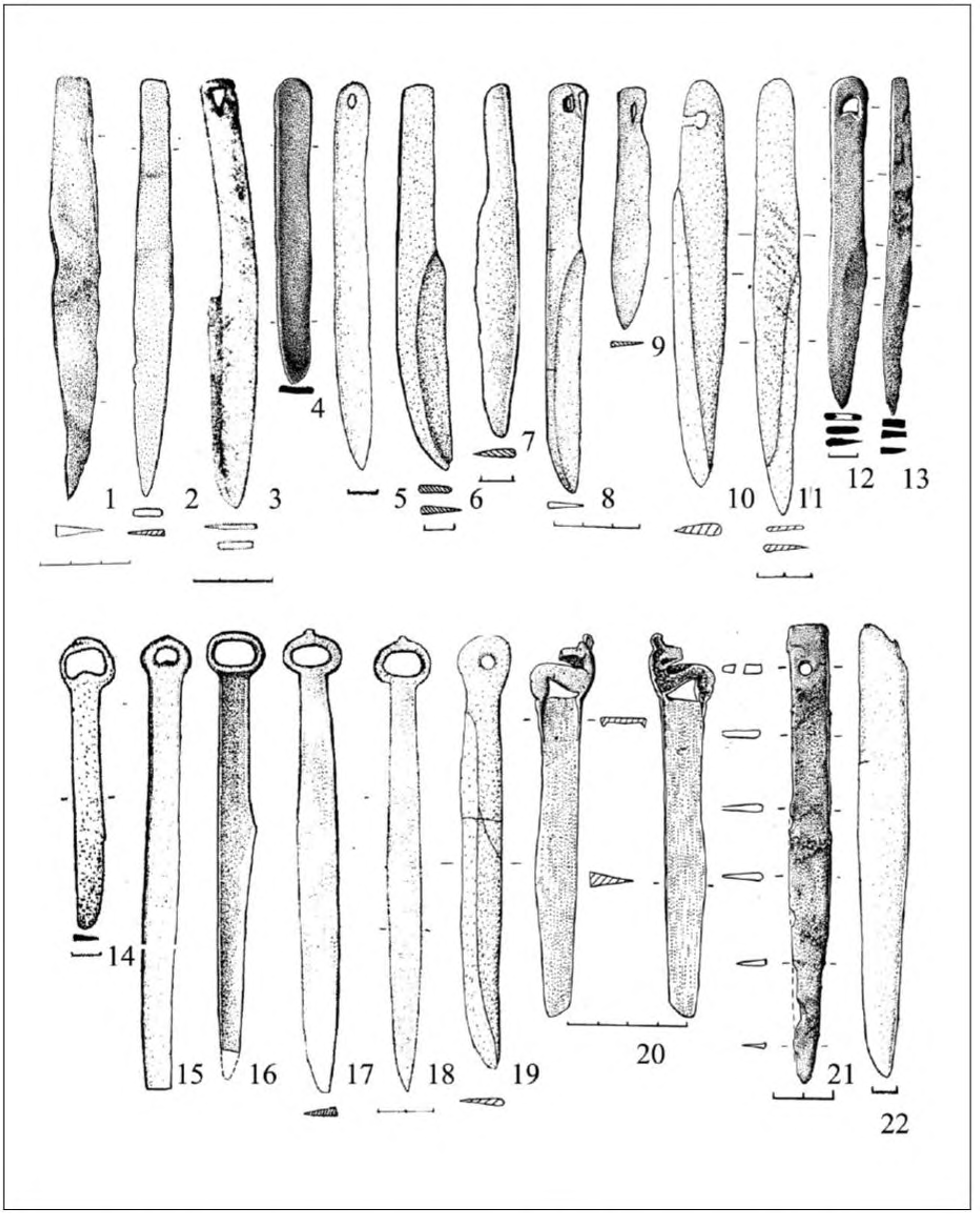

Рис. 5. Бронзовые ножи эпохи раннего железа с территории Кулунды.
1 – пос. Рублево 4; 2,3 – мог. Рублево 8; 4 – пос. Горелый Кордон 1;
5 – Мамонтовский район случайная находка; 6 – пос. Черная Курья 10;
7 – мог. Барановка 5; 8,9 – Островное 3; 10,11,19 – Завьяловский район, случайные находки; 12-13 – пос. Боровское 1а; 14 – пос. Рублево 5; 15 – Новообинский курган;
16 – пос. Моховое 5; 17 – пос. Новосклюиха 1; 18 – пос. Новенькое 11;
20 – пос. Белое 3; 21 – мог. Завьялово 4; 22 – пос. Светлое.

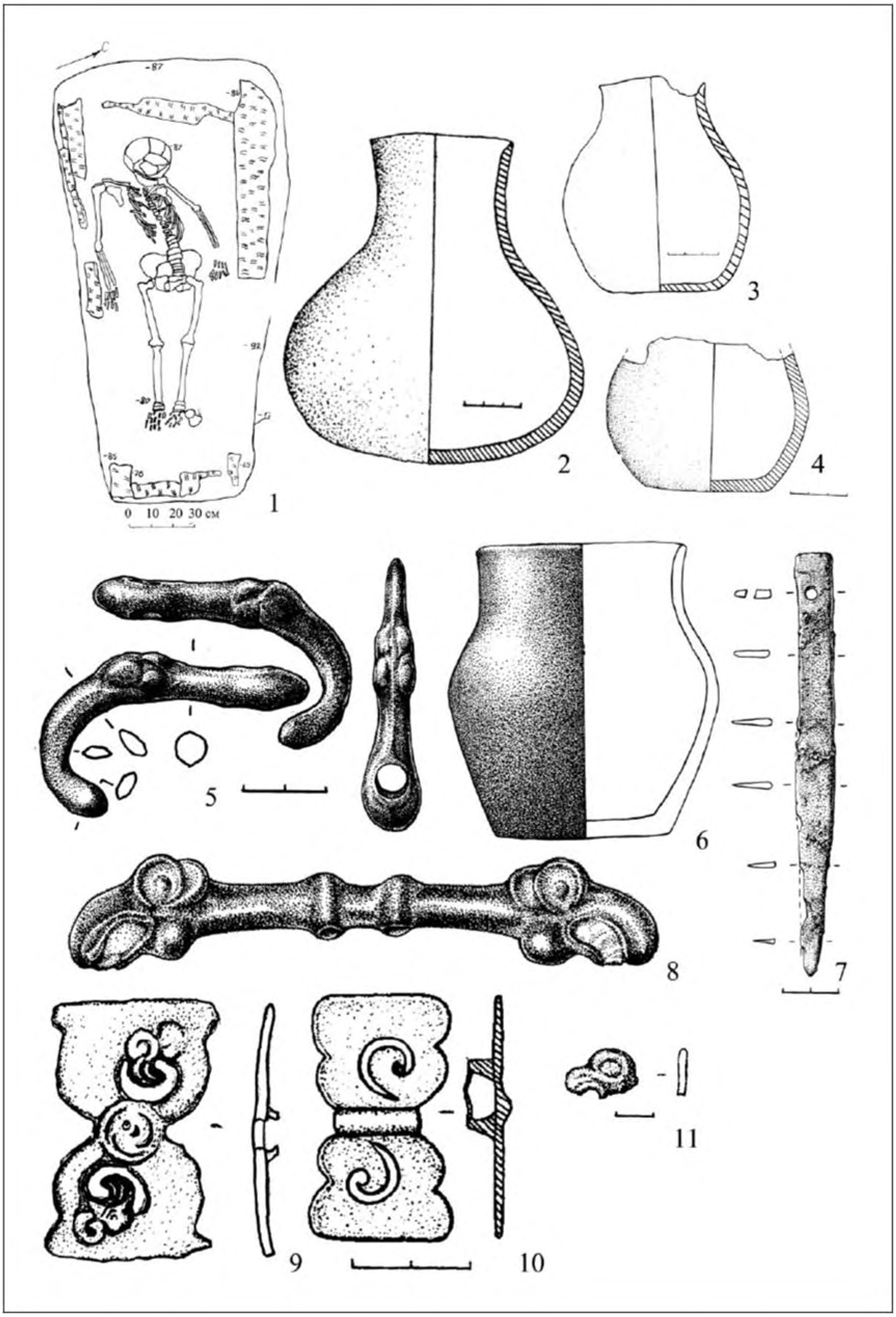

Рис. 6. Материалы скифского времени с территории Кулунды.
1-4 – могильник Углы 3; 5-7 – могильник Завьялово 4;
8 – с. Завьялово, случайная находка; 9 – Бурлинский район, случайная находка;
10 – поселение Островное 3; 11 – поселение Кашлоу 1.
2-4,6 – керамика, остальное бронза.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. Барнаул: АлтГУ, 1997. 148 с.
2. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Інжу-Маржан» полиграфия, 2009. 260 с.
3. Дашковский П.К., Грушин С.П. Исследование могильников Углы III, IV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1999, С. 113-116.
4. Дашковский П.К., Грушин С.П., Симонов Е.В. Новые могильники Угловского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 137-141.
5. Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1982. С. 24-52.
6. Иванов Г.Е. Керамика второй половины I тыс. до н.э. с поселений степного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Топчихинская типография, 1990. С. 74-78.
7. Иванов Г.Е. Поселение Бачанцево I – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Топчихинская типография, 1991. С. 117-122.
8. Иванов Г.Е. Разведочные работы на поселении Крестьянское 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 142-145.
9. Иванов Г.Е. Бронзовые изделия с поселения Островное – III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2000а. Вып. XI. С. 175-179.
10. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамонтово – Барнаул: Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000б. 160 с.
11. Иванов Г.Е. Медникова Э.М. Новобинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1982. С. 89-95.
12. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М.: РОССПЭН, 1997. 188 с.
13. Кирюшин Ю.Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986: АлтГУ. С. 75-79.
14. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Угловский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 215-224.
15. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 62-85.
16. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Охранные раскопки могильника Рублево-VIII в 2006 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2007. Вып. XVI. С. 257-263.
17. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Продолжение исследований в южной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. XVII. С. 84-88.
18. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. К археологической карте Кулунды // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Топчихинская типография, 1991. С. 26-29.
19. Молодин В.И. Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича-1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 58-67.
20. Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. С. 155-164.

21. Папин Д.В. Материалы финальной бронзы и раннескифского времени Кулунды // Население древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭ СОРАН, 2000, Т. I. С. 147-148.
22. Папин Д.В., Федорук А.С. Ножи эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 97-106.
23. Папин Д.В., Ченских, О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2000, Вып. XI. С. 152-155.
24. Фролов Я.В. Новые находки с поселения Белое III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995: ГИПП «Алтай». Вып. V. С. 102-105.
25. Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996: АлтГУ. С. 135-143.
26. Фролов Я.В. Находки скифского времени с поселений Боровское-1а и 1б // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007: АлтГУ. Вып. XVI. С. 128-132.
27. Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулунды в VIII-VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 31-42.
28. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
29. Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон-I – памятник переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство. Время. Культура. Барнаул: АлтГУ, 2002, С. 135-139.
30. Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Памятники VIII-V вв. до н.э. Рублевского археологического комплекса // Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции. Актобе: «ПринтА», 2007. С. 214-220.
31. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
32. Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII-VII вв. до н.э. на семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Алматы – Москва: «Гылым», 1998. Вып. 2. С. 39-46.
33. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1979. 360 с.
34. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.
35. Шамшин А.Б. Земля Михайловская: вехи древней истории // Михайловский район: очерки истории культуры. Барнаул: ООО «Некси»/ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1999. С. 22-28.
36. Шамшин А.Б, Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века «Михайловский VI» на Юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул: Топчихинская типография, 1992. С. 60-68.
37. Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Поселение Рублево VI – новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул: ООО «Некси» / ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1999. С. 29-41.
38. Шамшин А.Б, Навротский П.И. Новые памятники раннего железного века на юге Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Топчихинская типография,1990. С. 90-92.
39. Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 16-23.

Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю., Лихачева О.С.
(г. Барнаул, Россия)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ КОСТЯНЫХ ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН, ИСПОЛЬЗУЕМОМ НАСЕЛЕНИЕМ АЛТАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Воины Алтая в раннем железном веке применяли уже достаточно разнообразные средства защиты, которые включали панцири, шлемы, щиты, дополнительные элементы в виде поножей и пекторалей (Галанина Л.К., 1985, рис. 1 – 10; Горелик М.В., 1987, рис. 1 – 1, 2 – 3, 6 – 1, 7 – 1-5; Полосьмак Н.В., 1992, с. 58-59; Горбунов В.В., 1999, рис. 1 – 1-14; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006, рис. 1 – 7-10). В культурном отношении они происходят из памятников большереченской, староалейской, быстрянской, каменской и кулайской культур Лесостепного Алтая, пазырыкской и булан-кобинской культур Горного Алтая. Однако остатки оборонительного вооружения в этих памятниках, особенно по сравнению с последующей эпохой средневековья, весьма редки. Поэтому введение в научный оборот новых находок, а также расширение информации о ранее известных вещах представляется актуальным и востребованным.

Цель настоящей статьи опубликовать данные о наиболее «массовом» типе панцирных пластин, применявшемся населением Алтая в скифское и хуннское время. Все эти пластины изготавливались из кости или рога. По структуре набора в составе панциря являлись ламеллярными, т.е. соединялись непосредственно между собой. Набирались в горизонтальные полосы, размещаясь в них длинными сторонами по вертикали. Они имели систему из боковых и угловых отверстий, где первые служили для набора пластин в полосу, а вторые – для соединения между полос. Форма пластин прямоугольная, иногда с легкой трапециевидностью. Число отверстий в пластинах варьирует от семи до восьми, где три или четыре отверстия боковые, а четыре угловые.

До недавнего времени находки пластин этого типа представляли в той или иной степени фрагментированные изделия (рис. 1 – 2-5). Первая полностью целая пластина такого типа была случайно обнаружена в местности Соловьиная Лука, жителем с. Безголосово Уколовым Владимиром Ивановичем. Географически это территория Приобского плато, среднее течение р. Алей, левого притока р. Обь, административно – Алейский район Алтайского края. Археологи Алтайского государственного университета неоднократно обследовали это место, начиная с 1996 г. Полученные здесь материалы относятся к эпохам камня, бронзы, раннего железного века и средневековья (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г., 2000, с. 147). Костяная панцирная пластина с этого местонахождения передана в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ в 2012 г.

Пластина с Соловьиной Луки имеет форму прямоугольника, ее длина 6 см, ширина 2,2 см. Толщина изделия составляет 4–5 мм. В продольном и поперечном сечении пластина слегка выгнута. В ней просверлено восемь сквозных отверстий, четыре по углам и четыре в средней части: по вертикальной паре у каждого бока. Диаметр отверстий 2–3 мм (рис. 1 – 1).

Другая пластина рассматриваемого типа найдена при раскопках поселения Куротинский Лог-I. Памятник находится в центральной части Горного Алтая, на левобережной террасе р. Урсул, левого притока р. Катунь, к востоку от с. Туэкта Онгудайского района Республики Алтай. Пластина обнаружена в культурном слое, у скопления керамики, недалеко от очага с такой же керамикой. По керамическому материалу поселение предварительно датировано VI–IV вв. до н.э. и отнесено к пазырыкской культуре (Шульга П.И., 1997, с. 73-74, 76, 83, рис. 5 – 2).

Пластина с Куротинского Лога-I немного разрушена у одного края, но ее форма и размеры легко восстанавливаются по следам имеющихся здесь отверстий. Изделие

имеет прямоугольный абрис с легким расширением к одному краю, его длина в целом виде 7,5 см, ширина 1,9–2,1 см, толщина 4–5 мм. В продольном и поперечном сечении пластина слегка выгнута. По углам пластины просверлено четыре отверстия, из которых два обломаны. В средней части сделано три отверстия: два вертикальной парой с одного бока и одиночное, напротив, у другого бока. Диаметр отверстий 3–4 мм (рис. 1 – 3).

Еще две фрагментированные пластины, которые можно с большой долей вероятности отнести к данному типу, обнаружены при раскопках курганного могильника Масляха-I. Памятник находится у одноименного села в Крутихинском районе Алтайского края, на северной оконечности Приобского плато, вдоль кромки террасы левого берега р. Обь. Пластины зафиксированы в могиле-7 кургана №6. В целом могильник датируется концом III–I вв. до н.э. и относится к каменской культуре (Памятники истории…, 1990, с. 77, рис. 11 – 12; Могильников В.А., Уманский А.П., 1992, с. 91–92).

Пластины с Масляхи-I разрушены примерно наполовину. Их общая длина, судя по расстоянию между сохранившимися отверстиями и сопоставлению с целыми экземплярами, могла достигать 8–9 см. Параметры одного фрагмента: длина 4,9 см, ширина 2,5 см, толщина 5 мм. У него осталось четыре отверстия: два угловых и два боковых, по одному с каждого бока, диаметром 3 мм (рис. 1 – 4). Размеры второго фрагмента: длина 4,9 см, ширина 2,5 см, толщина 4–5 мм. У него сохранилось два угловых отверстия и четыре боковых, расположенных вертикальными парами, два из которых обломаны. Диаметр отверстий 2–3 мм (рис. 1 – 5).

Сломанная пластина такого типа найдена при раскопках грунтового могильника Фирсово-XIV. Этот памятник расположен возле одноименного села в Первомайском районе Алтайского края, на правобережье р. Обь, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности. Пластина обнаружена в могиле-236, которая относится к группе погребений староалейской культуры, датируемых VI–V вв. до н.э. (Горбунов В.В., 1999, с. 48, рис. 1 – 4; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, с. 219, 223).

Пластина с Фирсово-XIV, видимо также, сломана наполовину. Ее изначальная длина, судя по размещению оставшихся отверстий, могла составлять 8–9 см. Параметры фрагмента следующие: длина 5,2 см, ширина 2 см, толщина 4 мм. У изделия сохранились два угловых целых отверстия и два обломанных боковых отверстия, по одному с каждого бока. Диаметр отверстий 4–5 мм (рис. 1 – 2).

Следует упомянуть о находке еще одного фрагмента пластины, вероятно, такого же типа. Он был обнаружен в грунтовом захоронении на памятнике Кармацкий. Этот памятник находится на надпойменной террасе правого берега р. Оби, в пределах Бийско-Чумышской возвышенности, неподалеку от одноименного поселка в Первомайском районе Алтайского края. Здесь в грунтовой могиле-8 и был зафиксирован обломок панцирной пластины. Погребение датируется I в. до н.э. – I в. н.э. и относится к кулайской культуре (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 457, 461). У пластины с Кармацкого сохранилось только два угловых отверстия диаметром 2,5-3 мм. длина фрагмента 4,8 см, наибольшая ширина 2,2 см, толщина 3 мм.

Таким образом, к настоящему времени на территории Алтая известно шесть экземпляров пластин, которые можно отнести к одному типу прямоугольной формы. По числу и взаиморасположению отверстий они разделяются на два варианта: с четырьмя угловыми и четырьмя боковыми отверстиями (рис. 1 – 1) и с четырьмя угловыми и тремя боковыми отверстиями (рис. 1 – 3). Судя по датировкам памятников, в которых найдены пластины, данный тип применялся населением Алтая с середины I тыс. до н.э. по рубеж эр. В культурном отношении пластины рассматриваемого типа распределяются следующим образом: пазырыкская – 1 экз., староалейская – 1 экз., каменская – 2 экз., кулайская – 1 экз. Случайная находка с Соловьиной Луки по географии своего нахождения входит в ареал каменской культуры.

Панцирные пластины из кости и рога получили широкое распространение на территориях Восточной Азии. Ранее всего, с III тыс. до н.э., они известны в Китае. Во II тыс. до н.э. их ареал расширяется охватывая Дальний Восток и Сибирь (Горелик М.В., 2003, с. 83, 108-110). В I тыс. до н.э. костяные пластины используют в своих панцирях воины Китая, Приамурья, Центральной Азии, Западной Сибири, Южного Урала, Северного Причерноморья (Горбунов В.В., 2003, с. 38).

На Алтае самая ранняя панцирная пластина из кости встречена в памятнике большереченской культуры VII–VI вв. до н.э. Ближние Елбаны-I. Ее форма и система отверстий очень близка рассматриваемому типу, но пластина имеет более крупные пропорции: 11,3х4,5 см и меньшее число отверстий (Горбунов В.В., 1999, с. 49, 54, рис. 1 – 1). По этим признакам она аналогична китайским образцам VIII – 1-ой пол. VII вв. до н.э. (Горелик М.В., 2003, табл. табл. LVI – 15). Ее находка говорит о том, что костяные ламеллярные панцири были известны воинам Алтая уже в начале раннего железного века.

Самые поздние для Алтая панцирные пластины из кости обнаружены на могильнике Кокса (Гаврилова А.А., 1965, с. 56), который относится к булан-кобинской культуре и датируется III – 1-ой пол. IV вв. н.э. (Горбунов В.В., 2003, с. 38). Эти пластины фрагментированы. При параллельности длинных сторон, их отличает скошенность одного края и большое число отверстий, среди которых преобладают парные боковые.

С конца I тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. кость и рог, как материал для изготовления брони, постепенно вытесняются железом. На Алтае этот процесс демонстрируют находки железных ламеллярных пластин из памятника булан-кобинской культуры II в. до н.э. – I в. н.э. Яломан-II (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006, рис. 1 – 7-10). Имеются также предварительные данные о железных пластинах из объекта каменской культуры II–I вв. до н.э. (Лихачева О.С., 2012, с. 32). Помимо кости и железа население Алтая использовало для изготовления ламеллярных пластин и бронзу. Однако, пока известна лишь одна находка такой пластины из могильника пазырыкской культуры IV–III вв. до н.э. (Горбунов В.В., 1999, с. 49, рис. 1 – 13).

Костяные (роговые) пластины рассматриваемого типа относятся к ламеллярной структуре набора. Она имеет два самостоятельных центра происхождения: Китай – III тыс. до н.э. и Палестина – XVIII в. до н.э. На Алтае пластины ламеллярной структуры фиксируются с VII в. до н.э. по XIV в. н.э. (Горбунов В.В., 2003, с. 39–40). Кроме пластин прямоугольной формы с системой боковых и угловых отверстий население Алтая в раннем железном веке, применяло и другие типы костяных ламеллярных пластин. Это изделия овальной и прямоугольной формы с системой боковых и срединных отверстий из памятников IV–II вв. до н.э. каменской и староалейской культур (Горбунов В.В., 1999, с. 48-49, рис. 1 – 2-3, 5-7). Следует также отметить, что ламеллярная структура не была на Алтае единственной для набора панцирей. Известны находки костяных пластин чешуйчатой структуры бронирования из памятников V–II вв. до н.э. каменской и быстрянской культур (Горбунов В.В., 1999, с.49, 52-53, рис. 1 – 10-12).

Публикуемые пластины длинными сторонами направлены по вертикали. Этот признак характерен для многих элементов бронепокрытия гетерогенного состава. Он известен с эпохи неолита (Китай) и господствовал на всем Востоке, начиная с бронзового века и до Нового времени (Горелик М.В., 2003, с. 108-109).

Вертикальные пластины, снабженные боковыми и угловыми отверстиями появляются у населения Китая в конце II тыс. до н.э. и наиболее активно применялись до конца I тыс. до н.э. (Горбунов, 1999, с. 52). Пластины прямоугольной формы, как у нашего типа, являются самыми древними элементами брони. Они известны на западе Азии с рубежа IV/III тыс. до н.э., а на востоке Азии с III тыс. до н.э. (Горелик М.В., 2003, табл. XLVIII – 1-2, 18) и господствовали там все II тыс. до н.э. и большую часть I тыс. до н.э.

Пластины аналогичные нашему типу по всем признакам, в том числе и на уровне вариантов, есть в памятниках VI–I вв. до н.э. польцевской культуры Приамурья, в Улангомском могильнике V–III вв. до н.э. Западной Монголии, в памятниках IV в. до н.э. прохоровской культуры Южного Урала, в памятниках IV–II вв. до н.э. гороховской культуры Зауралья и в памятниках III в. до н.э. – III в. н.э. саргатской культуры Западной Сибири (Деревянко А.П., 1976, табл. XVII – 1; Новгородова Э.А., 1989, с. 272 – 1; Генинг В.Ф., 1993, рис. 3 – 6, 14; Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х., 1994, рис. 3 – 2-3; Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е., 2003, рис. 55 – 9, 13; Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И., 2004, с. 88, рис. 6 – 6-10). В целом, согласно аналогиям, данный тип пластин бытовал достаточно долго с VI в. до. н.э. по III в. н.э., но временем его наиболее активного применения, видимо, следует считать IV–I вв. до н.э.

Аналогии, приведенные по каждому из выделенных признаков панцирных пластин и их совокупности, позволяют сделать определенные выводы о месте возникновения и

путях развития рассматриваемого типа. Его формирование связано с китайской военной традицией восходящей к III тыс. до н.э. На это указывают материал, структура набора и форма пластин. Система отверстий присущая данному типу также возникла в Китае в эпоху поздней бронзы, но ее конкретное оформление на уровне вариантов произошло в Центральной Азии или на Дальнем Востоке, где-то на рубеже VI/V в. до н.э. Территория Алтая могла сыграть в этом процессе не последнюю роль, поскольку часть пластин публикуемого типа, найдена здесь в достаточно ранних памятниках. Весьма вероятно, что именно с Алтая костяные пластины прямоугольной формы со сложившейся системой из угловых и боковых (7-8) отверстий, распространились в западном направлении до Южного Урала.

По отдельным находкам пластин нельзя представить покроя самих панцирей. Мы можем лишь предположить, что пластины рассматриваемого типа могли применяться в панцирях покроя «кираса», «халат» или «кафтан» (Горбунов В.В., 2003, с. 55, 58-60). Среди китайских материалов V–IV вв. до н.э. есть изображение ламеллярного панциря покроя «кафтан» набранного из коротких и более длинных прямоугольных пластин похожих на изделия нашего типа (Горелик М.В., 2003, табл. LVI – 23). Известны и реальные находки панцирей такого покроя в китайских погребениях V–IV вв. до н.э., правда, из кожаных четырехугольных пластин (Горелик М.В., 2003, табл. LVI – 16-18,19).

Самостоятельное значение имеет вопрос о способах связывания костяных пластин. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о том, что они могли соединяться встык или же внахлест, путем наложения друг на друга (Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И., 2004, с. 94-95). При первом способе между пластинами неизбежно остаются щели, и конструкция становится уязвима для колющих ударов. При рубящем ударе по отдельной пластине, в ней отсутствует поддержка соседних элементов и это тоже ослабляет защитные свойства конструкции в целом. Второй способ намного более совершенен, при нем соседние края пластин перекрывают друг друга в полосе удваивая толщину на своих стыках, а при наложении полос толщина на стыках учетверяется. Образующиеся здесь уступы-заманы не столь опасны для колющего удара, т.к. уводят его инерцию от прямого направления. При рубящем ударе пластина опирается на соседнюю в полосе и на перекрываемую другую полосу. Данный способ был явно господствующим уже в раннем железном веке, о чем говорят описания и рисунки крупных фрагментов костяных панцирей из саргатских и польцевских памятников (Деревянко А.П., 1976, табл. LXXIV – 1; Матвеева Н.П., 1993, с. 35).

Связывание пластин рассматриваемого нами типа, может быть представлено в следующем виде. Основу горизонтальной полосы составляли пластины с вариантом из двух пар боковых отверстий. Они накладывались друг на друга (слева направо или наоборот) длинными сторонами до примерного совмещения парных отверстий. Затем в эти отверстия продевался длинный кожаный ремешок. С тыльной стороны он шел по диагонали, а с лицевой образовывал короткие вертикальные стежки. Пластины варианта с тремя боковыми отверстиями, расположенными треугольником, могли являться крайними в такой полосе и тогда одиночные боковые отверстия служили для сошнуровки створок панциря, как это предположили исследователи саргатского костяного доспеха (Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И., 2004, с. 94). Отметим лишь, что такая шнуровка должна была производиться самостоятельным ремешком.

Угловые отверстия служили для соединения между полосами. У соседних полос они совмещались и также скреплялись кожаным ремешком, который образовывал с тыльной и лицевой стороны чередующиеся горизонтальные стежки. Получалось достаточно жесткое скрепление полос, более подходящее для короткого, длиной до пояса, панциря покроя «кираса». Не исключено, что в состав полос, которые образовывали публикуемые здесь пластины, могли входить и другие типы пластин со срединными отверстиями, через которые полосы крепились подвижно, наподобие известных этнографических панцирей, тогда угловые отверстия также применялись для соединения в полосе по приведенной схеме. В любом случае лишь обнаружение целых костяных панцирей в археологических памятниках позволит судить о системе их сборки более аргументировано.

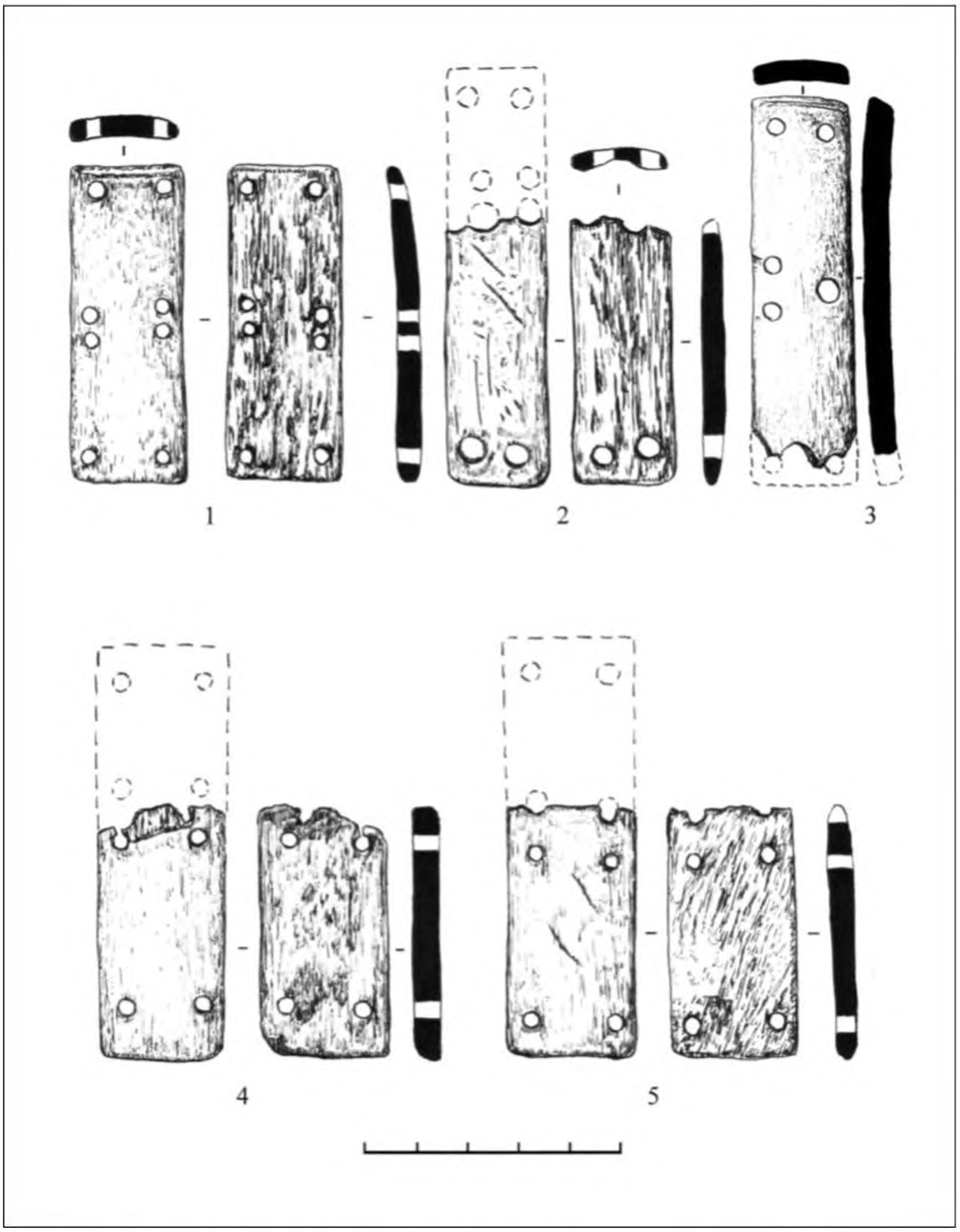

Рис. 1. Костяные панцирные пластины из памятников Алтая:
1 – Соловьиная Лука, случайная находка; 2 – Фирсово-XIV, могила-236;
3 – Куротинский Лог-I, культурный слой; 4–5 – Масляха-I, курган №6, могила-7.

Библиографический список

1. Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х. К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа: ПКФ «Конкорд–Инвест», 1994. С. 116-136.
2. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
3. Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л.: Наука, 1985. С. 169-183.
4. Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. С. 72-101.
5. Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алт. ун-т, 1999. С. 47-55.
6. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 174 с.
7. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4 (28). С. 79-85.
8. Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 110-133.
9. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие–IV в. до н.э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.
10. Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
11. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г. Местонахождение Соловьиная Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000. Том VI. С. 147-155.
12. Лихачева О.С. Развитие тактики боя у населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. М: ИА РАН, 2012. С. 31-32.
13. Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 173 с.
14. Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков (Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2003. Вып. 1. 174 с.
15. Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 85-99.
16. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 69-93.
17. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
18. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. 132 с.
19. Полосьмак Н.В. Деревянные щиты из пазырыкских курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 58-59.
20. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002. Том VIII. С. 456-461.
21. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алт. ун-т, 1999. С. 219-226.
22. Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-I // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 73-84.

Федорук А.С., Фролов Я.В., Папин Д.В.
(г. Барнаул, Россия)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-XIV (раскопки 2010-2011 гг.)*

Могильник Фирсово-XIV является одним из наиболее полно раскопанных памятников Фирсовского археологического микрорайона, располагающегося на правом берегу р. Оби, недалеко от города Барнаула (рис. 1 – 1). С 1987 по 1996 гг. на этом памятнике проводил раскопки А.Б. Шамшин. В результате этих работ здесь было исследовано более 343 погребений эпохи бронзы и раннего железного века (Шамшин А.Б., 1992; 1995; 1997; Шамшин А.Б., Ченских О.А., 1994; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, 2000; Фролов Я.В., Тур С.С., 2003; Фролов Я.В., 2008). В 2010-2011 гг. изучение памятника продолжил А.С. Федорук. За два года раскопок на могильнике Фирсово-XIV было исследовано 44 захоронения, 15 из которых относятся к раннему железному веку (рис. 1 – 2). Данная статья посвящена публикации материалов, полученных в ходе изучения этой последней группы погребений, относящихся к скифскому времени.

Описание погребений

Могила №5. Подовальная в плане могильная яма, глубиной до 0,66 м от современной дневной поверхности имела в центральной части размеры 1,2 х 0,7 м и была ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Погребенный ребенок (половозрастные определения С.С. Тур) был захоронен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, с опущенной на грудь головой. Его руки были вытянуты вдоль туловища. Слева от костяка был прослежен древесный, вероятно, тлен – остатки деревянной рамы. Сопутствующего инвентаря в могиле не обнаружено.

Могила №6. Подпрямоугольная в плане могильная яма, размерами 1,83 х 0,71 м была ориентирована по линии ЮЗ-СВ, достигала глубины 0,62 м от современной дневной поверхности. Обнаруженные в могиле следы древесного тлена свидетельствуют о наличии в захоронении деревянной рамы и продольного перекрытия. Погребенный юноша лежал вытянуто на спине головой на ЮЗ. Правая рука согнута в локте, левая вытянута вдоль туловища. Сопутствующего инвентаря в могиле не обнаружено.

Могила №8. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы в центральной части имела размеры 2,3 х 0,87 м, глубину до 0,8 м от современной дневной поверхности и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. По ее периметру прослежены следы деревянной рамы. Над могилой было сооружено перекрытие из двух слоев досок. Верхний слой располагался продольно длинной оси могилы, нижний был положен поперек могилы. Умершая (женщина около 40 лет) была погребена вытянуто на спине, головой на ЮЗ, с опущенной на грудь головой. Руки располагались вдоль туловища. В районе левого плеча обнаружена орнаментированная рядом жемчужника керамическая плоскодонная чашка (рис. 3 – 8), у левого локтя – лежащее на боку керамическое пряслице (рис. 3 – 9).

Могила №9. Могильная яма подовальной в плане формы в центральной части имела размеры 2,1 х 0,72 м, глубину до 0,94 м от современной дневной поверхности и была ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ. В центральной части пятна сохранился тлен от обожженного продольного деревянного перекрытия и фрагменты бересты. Умершая (женщина 40-45 лет) была погребена вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ, с опущенной на грудь головой. Руки расположены вдоль туловища. За ее черепом, у ЮЗ края могилы, располагалась плоскодонная чашка с орнаментом в виде ряда жемчужника, у запястья правой руки находилось лежащее на боку керамическое пряслице (рис. 3 – 10), на затылке – сильно коррозированная железная шпилька-заколка (рис. 4 – 14), у левого виска – бронзовая серьга с подвеской в виде цепочки (рис. 4 – 13).

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №11-06-00360а.

Могила №10. Могильная яма, ориентированная по линии ЮЗ-СВ, имела подпрямоугольную форму, в центральной части достигала размеров 2,3 х 0,92 м, и глубины до 1,03 м от современной дневной поверхности. В районе головы умершего зафиксированы остатки продольного дощатого перекрытия. Скелет погребенного (мужчины 23-25 лет) располагался вытянуто на спине, головой на ЮЗ, с опущенной на грудь головой. Правая рука слегка согнута в локте, ее кисть лежала в районе таза. Левая рука неестественно вывернута в плече. Не исключено, что здесь прослеживаются следы прижизненной травмы. Сопроводительного инвентаря в погребении не обнаружено.

Могила №12 (рис. 2 – 5). Могильная яма имела неправильную подовальную в плане форму, глубину до 0,7 м от современной дневной поверхности и размеры до 1,6 х 0,8 м в центральной части и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В могиле зафиксированы остатки продольного деревянного перекрытия. В центральной части могилы обнаружен скелет ребенка, лежащий в положении вытянуто на спине, головой на ЮЗ, со слегка расставленными в сторону и чуть согнутыми в локтях руками. Сопутствующего инвентаря в могиле не обнаружено.

Могила №17. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы имела в центральной части размеры 1,7 х 0,7 м, глубину до 0,89 м от современной дневной поверхности и была ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. В могиле зафиксированы остатки деревянной рамы и продольного дощатого перекрытия. Умершая (женщина 23-25 лет) была погребена вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, с опущенной на грудь головой. Руки расположены вдоль туловища. У ее правого локтя находилось лежащее на боку керамическое пряслице (рис. 3 – 12).

Могила №19. Могильная яма четко не фиксировалась, предположительно имела подпрямоугольную в плане форму, размеры в центральной части 1,98 х 0,9 м, глубину до 0,69 м от современной дневной и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, с опущенной на грудь и повернутой к правому плечу головой. Руки расположены вдоль туловища. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Могила №20 (рис. 2 – 3). Могильная яма глубиной до 0,8 м от современной дневной поверхности имела в центральной части размеры 2 х 0,85 м и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В захоронении были обнаружены остатки деревянной рамы и продольного перекрытия. Скелет погребенной (молодой девушки 16-18 лет) располагался вытянуто на спине, головой на ЮЗ, с опущенной на грудь головой. У кисти левой руки обнаружен небольшой керамический сосуд без орнамента (рис. 3 – 11), в кисти левой руки было зажато глиняное пряслице (рис. 3 – 11), слева от черепа располагалась бронзовая бляшка (рис. 4 – 25), в области шейного отдела позвоночника найдены пастовые бусины (рис. 4 – 24), слева от черепа зафиксировано скопление раковин прудовика (рис. 4 – 26).

Могила №21 (рис. 2 – 6). Визуально могильная яма в слое не фиксировалась. Кости лежали на глубине до 0,58 м. Умерший ребенок был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Отсутствовали кости поясничного отдела позвоночника и правая большая берцовая кость. От таза осталось лишь левое крыло. Слева от черепа обнаружен развал керамического сосуда (рис. 3 – 7).

Могила №22 (рис. 2 – 1). Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (размеры в центральной части – 1,83 х 0,72 м) имела глубину до 0,98 м от современной дневной поверхности и была ориентированна длинной стороной по линии ЮЗ-СВ. Скелет погребенного мужчины (возраст около 25 лет) лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль тела, правая нога согнута в колене. Справа от черепа находился небольшой керамический сосуд (банка у венчика орнаментированная рядом жемчужника с разделениями) (рис. 3 – 6). В нижней части таза лежал костяной колчанный крюк (рис. 4 – 4). На левом бедре у таза найден бронзовый нож (рис. 4 – 2). Справа от левого бедра обнаружено небольшое железное изделие (назначение неясно), а между костей ног, в районе правого колена костяка – два костяных наконечника стрел (рис. 4 – 5, 6).

Могила №28. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (размеры в центральной части – 2,63 х 1,33 м), ориентированная длинной стороной по линии ЮЗ-СВ и имела глубину до 1,28 м от современной дневной поверхности. Вдоль северо-западной стенки прослежен древесный тлен от рамы. Погребение было существенно потревожено еще в древности. Кости скелета (мужчина около 25 лет) оказались беспорядочно свале-

ны в центральной части могилы. В СВ части погребения было найдено два костяных наконечника стрел, еще два подобных изделия обнаружены у СЗ стенки могилы, в заполнении норы грызуна, пятый костяной наконечник стрелы лежал в ЮЗ части могилы, у отдельно лежащей большой берцовой кости (рис. 4 – 7-11). При разборе скопления человеческих костей, в нем был обнаружен маленький фрагмент практически не сохранившегося железного изделия (ножа?). Вероятно, к данному же погребению принадлежит развал сосуда, обнаруженный в трех метрах от могилы, на глубине около 1 м от современной дневной поверхности (рис. 3 – 2). Данный развал сосуда находился в тонком слое серой супеси, слабо насыщенном мелкими фрагментами обгоревшего дерева, очевидно, это грабительский выброс из могилы №28.

Могила №31 (рис. 2 – 2). Могильная яма, глубиной до 1,0 м от современной дневной поверхности, размерами в центральной части до 2,35 х 0,9 м имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. По периметру могильной ямы прослежены остатки деревянной рамы. В погребении обнаружен скелет женщины (возраст 19-20 лет), лежащий в положении вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, с опущенной на грудь головой и руками, вытянутыми вдоль туловища. Над черепом обнаружены две бронзовые заколки (рис. 4 – 17-18), у ЗЮЗ стенки могилы – фрагмент железной шпильки с шаровидной головкой (рис. 4 – 16), слева от черепа найдена бронзовая спиралевидная серьга (рис. 4 – 15), у левого локтя – стоящий наклонно на боку керамический сосуд с ручками в виде двух «рогов» (рис. 3 – 3), на кистях обеих рук – бронзовые изделия, согнутые из уплощенной проволоки (рис. 4 – 19, 20), под левой кистью – железный нож (рис. 4 – 1), под которым сохранился фрагмент деревянного изделия (ножны?), между левой кистью и левой большой берцовой костью – две бронзовые обоймочки (рис. 4 – 22, 23). Между правым локтем и стенкой могилы располагался фрагмент орнаментированного керамического пряслица (рис. 3 – 13), а между правой большой берцовой костью ноги и стенкой могильной ямы – каменная курильница (рис. 4 – 28). Кроме того, между большими берцовыми костями (ближе к левой), а также между правой кистью и стенкой могилы найдены плюсна и астрагал животного (рис. 2 – 2).

Могила №39. Контуры могильной ямы данного погребения четко не прослежены. На глубине 0,49 м от современной дневной поверхности обнаружен скелет ребенка, лежавший в положении вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Левая рука слегка согнута в локте. В ногах обнаружен керамический сосуд баночной формы с орнаментом у венчика, в виде ряда жемчужника с ямками – разделителями (рис. 3 – 5).

Могила №43 (рис. 2 – 4). Прямоугольная могильная яма, глубиной до 1,06 м от современной дневной поверхности имела в центральной части размеры 2,38 х 0,83 м и была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Скелет погребенной женщины (возраст – 40-45 лет) располагался вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Правая рука чуть согнута в локте. Между черепом и западным углом могилы обнаружена согнутая бронзовая заколка со спиралевидным окончанием (рис. 4 – 27), в районе левой ключицы – фрагмент железного изделия неясного назначения, возле фаланг правой руки – глиняное биконическое пряслице (рис. 3 – 14).

Погребальный обряд

Исследованные в 2010–2011 гг. на площади могильника Фирсово-XIV 15 захоронений, относящиеся к эпохе раннего железа, продолжают обширное могильное поле некрополя этого времени в северо-восточном направлении (рис. 2 – 1). Как и в предыдущие годы, насыпей над этими захоронениями обнаружено не было. Погребения вписываются в линии могил, прослеженные в предыдущие годы. Погребения образуют ряды, вытянутые с юго-запада на северо-восток (рис. 2 – 2). Ряды располагаются параллельно юго-восточному краю террасы, на которой располагается могильник. Не исключено, что захоронения ориентировали и по направлению северо-запад – юго-восток, ориентируясь на длинные стороны могильных ям. Наблюдается нечеткая ориентировно-планировочная сетка рядов, где могилы ориентированы по двум направлениям. Похожая система прослеживалась при анализе планиграфии размещения раскопанных ранее захоронений некрополя Фирсово-XIV (Фролов Я.В., 2008, рис. 59). При анализе распределения погребений умерших по полу и возрасту в разных рядах могильника, можно увидеть, что в двух, примыкающих к краю террасы рядах захоронений, подавляющее большинство по-

гребенных – женщины и дети. В этой группе есть лишь одно безинвентарное захоронение мужчины в небольшой яме (№19).

Для организации погребений сооружались неглубокие ямы с прямыми отвесными стенками подпрямоугольной (11 случаев) – реже овальной формы (три случая). Ямы овальной формы чаще встречаются у детей.

Ширина могил, где погребены взрослые, варьирует в пределах 0,75–0,92 м. Только могила №28 несколько шире остальных – 1,35 м. Это связано с тем, что грабительский шурф нарушил край могильной ямы. По длине взрослые захоронения распадаются на две группы. В первой длина варьирует в пределах 1,7-2 м (могилы №№17, 19, 20, 22), вторая – в рамках 2,2-2,65 м (могилы №№8, 9, 10, 28, 31, 43). Если могилы первой группы имели размеры близкие к росту умершего, то в могилах второй группы в головах и ногах умершего прослеживается большое свободное пространство (рис. 2 – 2-4). Каких либо различий по половозрастному составу умерших и характеру инвентаря в могилах разных размеров проследить не удалось.

Размеры захоронений детей соотносятся с ростом умерших и варьируют в пределах: длина – 0,7-1,8 м и ширина – 0,4-0,9 м.

Глубина могил различается только в группах детских и взрослых захоронений. Погребения взрослых сооружались в ямах глубиной от 0,69 до 1,06 м от современной дневной поверхности. Дети погребались в более мелких ямах. Их глубина варьирует в пределах 0,4-0,9 м.

Из-за плохой сохранности, деревянные конструкции прослежены не во всех могилах. Те или иные конструкции из дерева выявлены в восьми захоронениях. В шести могилах прослежены остатки перекрытия: в большинстве случаев (пять могил) это перекрытие из продольно уложенных узких досок или горбылей, в одном захоронении прослежено двухслойное перекрытие из рядов досок, уложенных продольно (верхний) и поперечно (нижний). На дне могилы устанавливались рамы так же из досок или горбылей. Они обнаружены в четырех могилах. Способ соединения между продольными и поперечными обкладками рамы проследить не удалось, нельзя также выявить толщину досок или горбылей.

Все умершие в могилах были уложены вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис. 2). Имеются небольшие отклонения к западу (ЮЗЗ) и югу (ЮЮЗ). Незначительная вариабельность прослежена в расположении рук и ног умерших. В большинстве могил руки и ноги расположены прямо и вытянуты вдоль туловища (восемь захоронений), в остальных погребениях имеются вариации в расположении конечностей. В четырех могилах одна или обе руки были согнуты в локте и немного отставлены в сторону. У умершего в могиле №10 кисть правой руки располагалась на тазе (рис. 4 – 13). В могиле №22 левая нога мужчины была слегка согнута в колене (рис. 2 – 1). Все нестандартные положения рук и ног в могилах отмечены только у взрослых мужчин (могилы №№10, 22) и у детей (могилы №№5, 12, 21).

Инвентарь обнаружен в 10 могилах. Инвентаря не было в двух мужских могилах (№10 и №19) и трех детских (№5, 6, 12). В могиле №10 был погребен молодой мужчина 25-30 лет. Судя по расположению его правой руки, она находилась в неестественном положении, вероятно, была вывернута из плечевого сустава. В могиле №19 умерший мужчина был старше 45 лет и был погребен в неглубокой могиле.

В раскопанных захоронениях было найдено восемь сосудов. Большинство из них установлены в головах умерших: два – у правого плеча, один – у левого, и еще один – в правом верхнем углу погребения. Два сосуда располагались у правой руки погребенного, один в ногах. Определенных закономерностей в размещении сосудов не выявляется. Следует подчеркнуть, что сосуды ставились чаще вплотную к умершему. Лишь в одном случае сосуд стоял у стенки могилы. Чаще сосуд ставился с правой стороны от погребенного. Сосуды встречены как в могилах взрослых мужчин и женщин, так и детей. Особенности распределения сосудов по полу и возрасту не выявляются.

Остальной инвентарь хорошо разделяется в могилах умерших разного пола и возраста. Детские могилы, кроме керамики, другого инвентаря не имели. Для женских могил характерен так называемый «женский набор» – украшения (шпильки, серьги, ожерелья из бусин), пряслица, курильница. В мужских найдены костяные наконечники стрел, в со-

ставе колчанных наборов, колчанный крюк. Ножи найдены в мужской (№22) и женской (№31) могилах.

Пряслице встречено во всех женских погребениях без исключения. В четырех захоронениях пряслица найдены на боку (могилы №№8, 9, 17, 43), вероятно в могилу помещалось веретено целиком. В могиле №20 в правую руку умершей был помещен обломок пряслица (рис. 2 – 3). Во всех случаях пряслице помещалось в районе рук умершей женщины. В четырех могилах пряслице лежало у локтя или запястья умершей, еще в двух – около кисти.

Шпильки найдены в трех захоронениях. В двух могилах (№№9, 43) обнаружены единичные экземпляры, в могиле №31 три шпильки – две бронзовых и железная, с шаровидной головкой. В двух случаях шпильки найдены в районе затылка умерших женщин и в двух могилах – выше головы на некотором расстоянии (№№31, 43). Шпильки, возможно, скрепляли высокую прическу или головной убор. Эти изделия найдены в двух могилах взрослых женщин 40-50 лет и в одном случае – в погребении молодой женщины 19-20 лет.

Возможно, украшениями высокой прически или головного убора являлись бронзовая бляха и несколько раковин прудовика (могила №20).

Серьги найдены в двух захоронениях (могилы №9 и №31). Они помещались по одной у левого виска умерших женщин.

Бусины обнаружены в составе небольших ожерелий (по 3 и 4 шт.) в районе шеи в могилах двух женщин.

По составу инвентаря выделяется захоронение № 31 (рис. 2 – 2). Здесь у умершей молодой женщины представлен практически полный «женский» набор инвентаря. Шпильки – детали высокой прически, бусины, серьга, пряслице, сосуд, курильница и железный нож в деревянных ножнах, помещенный в кисть левой руки.

Состав мужского инвентаря представлен двумя колчанными наборами по два и четыре костяных наконечника стрел. В могиле №22 наконечники стрел располагались между ног погребенного компактной группой (рис. 2 – 1). Выше наконечников, на поясе умершего, найден костяной колчанный крюк. Видимо, в могилу сверху на ноги погребенного был положен колчан. С правой стороны, у пояса, в этом захоронении найден бронзовый нож в кожаных ножнах, имевших деревянную основу (рис. 4 – 2, 3).

Если сравнивать погребальную обрядность захоронений скифского времени, раскопанных на могильнике Фирсово-XIV в предшествующее время и в 2010-2011, то следует отметить, что она демонстрирует удивительную однородность. Это касается и размещения захоронений рядами на могильном поле, глубины и размеров погребений. Сходы типы и распространение деревянных конструкции в могилах, состав и размещение инвентаря и его распределение внутри половозрастных групп. Отмеченные выше особенности погребальной обрядности только подтверждают и дополняют сделанные ранее выводы, основанные на анализе изучения раскопанных ранее 99 захоронений скифского времени могильника Фирсово-XIV (Тур С.С., Фролов Я.В., 2006; Фролов Я.В., Тур С.С., 2003).

В захоронениях могильника Фирсово-XIV и, вообще, в целом, для большинства могильников староалейской культуры характерно жесткое разделение по составу инвентаря женских и мужских захоронений. Это же можно проследить и при анализе материалов исследуемой группы захоронений, раскопанных в 2010-2012 гг.

Подтвердились выводы и по распределению инвентаря в могилах разных половозрастных групп – наличие шпилек заколок только у женщин старшего возраста и их отсутствие у девочек, и молодых девушек. Как отмечалось ранее (Фролов Я.В., Тур С.С., 2003), не исключено что шпильки, являющиеся деталями укрепляющими высокую прическу или головной убор, демонстрировали определенный возрастной и, возможно, социальный статус староалейских женщин (возможно, статус замужней женщины). Другие предметы «женского» набора встречаются в могилах всех возрастных категорий.

В части староалейских захоронений, над головой умершего имеется большое свободное пространство. Связано это с тем, что в могилу могли помещаться умершие в высоких головных уборах или с высокими прическами. Находки шпилек – заколок у стенки могилы над головой погребенной женщины в захоронениях, найденных в могильнике Фирсово-XIV в 2010-2011 гг. (могилы №№31, 43) свидетельствуют в пользу этого предположения.

Следует обратить внимание на украшения головного убора молодой женщины из могилы №20. Здесь головной убор украшен бронзовой бляхой с прорезью, в виде запятой на щитке, представляющей собой половину бабочковидной бляхи (литейный брак?) (рис. 4 – 25). В могильниках староалейской культуры и, в частности, в могильнике Фирсово-XIV, уже известны случаи, когда бляхи, использующиеся и изначально изготавливаемые как детали и украшения поясной гарнитуры, применяются для украшения головного убора. Используются они и как привески к костюму. Применение поясных блях как деталей украшения головного убора, возможно, свидетельствует о трансформации традиций их использования у староалейского населения, изменении «классических» культурных стандартов.

Еще одна особенность обрядности, выявленная в погребениях Фирсово-XIV – это находка скопления раковин прудовика в районе головы умершей девушки в могиле №20. Сейчас не ясно, что это – украшения головного убора и прически или это какая-то подсыпка из раковин. Интересно, что и в погребении №288 могильника Фирсово-XIV умерший мужчина был засыпан раковинами прудовика. Прудовик, до сих пор распространен в ближайшем к могильнику водоеме – обской старице Змейка. Его скопления обнаруживаются в тине, покрывающей поверхность водоема. Находки раковин в могилах наводят на мысли о том, что таким образом в погребальной обрядности могли отмечаться погребения утонувших людей.

Существенных различий по полу и возрасту в мужских захоронениях не наблюдается, но на новых материалах, в целом, подтверждаются сделанные ранее выводы о том, что в погребальной обрядности некрополя Фирсово-XIV выделяются два стандарта погребения мужчин (Фролов Я.В., Тур С.С., 2003). Так, прослеживается группа погребений мужчин взрослого и старческого возраста, часто не имеющих инвентаря, погребенных в небольших и мелких могилах. Такие захоронения были найдены и в 2010-2011 гг. в могиле №19 – без инвентаря был погребен мужчина (возраст 45-50 лет), и в могиле №10 – погребен мужчина 25-30 лет, возможно, с поврежденной при жизни рукой. Вторая группа захоронений включает могилы мужчин преимущественно молодого возраста, имеющих в составе инвентаря предметы из «мужского набора» – оружие, костяные наконечники стрел, наборные пояса или отдельные поясные бляхи и пряжки, колчанные крюки, портупейные пронизи и другие предметы.

Подтверждаются и выводы о том, что именно для мужчин характерны нестандартные положения руг и ног в могилах. Не исключено, что нестандартное положение рук в могиле связано с тем, что в руку умершему вкладывался какой-либо предмет.

В целом, захоронения раннего железного века, раскопанные в 2010-2011 гг., только дополняют уже имеющиеся сведения о погребальном обряде могильника Фирсово-XIV и демонстрируют погребальный обряд, характерный для могильников «классической» стадии развития староалейской культуры (Обские Плесы 2, Тузовские Бугры 1).

Инвентарь

Наиболее часто встречающимся предметом сопроводительного инвентаря захоронений являются сосуды. Они встречены в восьми могилах (могилы №№8, 9, 20, 21, 22, 28, 31, 39) (рис. 3 – 1-8).

Сосуды из могил №№8, 9, 21 представлены плоскодонными чашками – переходной формой между чашевидными и баночными сосудами (рис. 3 – 4, 7, 8). Они имеют широкую горловину, низкие стенки и широкое плоское дно. Керамика из могил №22 и №39 – это закрытые плоскодонные банки (рис. 3 – 5, 6). Сосуды, происходящие из могил №20 и №28, представляют собой банки с прямыми стенками (рис. 3 – 1, 2).

Большинство сосудов орнаментированы – украшены одним рядом жемчужника с разделением или без, проходящим по краю венчика. Жемчужник мелкий, часто поставленный. Разделения – это ямочные вдавления или насечки (рис. 3 – 2, 4-7).

Все чашки и банки имеют небольшие размеры и изготовлены очень грубо, имеют кривые несимметричные стенки, неровный венчик, шероховатую, плохо заглаженную поверхность. Орнамент нанесен небрежно. Линии жемчужника искривлены. При нанесении жемчужника, стека сосуда иногда прокалывалась насквозь, после чего образовавшиеся отверстия с внешней стороны сосуда заглаживались. Особенно небрежно сделан сосуд

из могилы №20, где погребена девочка 12 лет (рис. 3 – 1). Не исключено, что подобная керамика делалась специально для погребений.

В целом, сосуды, обнаруженные в раскопанных в 2010–2011 гг. могилах, характерны для керамической серии, найденной в погребениях староалейской культуры на этом памятнике в предыдущие годы. Преобладание небольших баночных и чашевидных сосудов является спецификой комплекса керамики могильника Фирсово-XIV (Фролов Я.В., 2008, рис. 134). В целом, и форма, и орнаментация сосудов типичны для староалейской керамики (Фролов Я.В., 2008, с. 140-141).

Особняком в керамической серии сосудов, найденных в 2010–2011 гг. стоит плоскодонная банка из могилы №31 – она имеет по бокам два противопоставленных друг другу налепа в форме рогов и еще два также противопоставленных друг другу небольших выступа (рис. 3 – 3). Банка, имеющая точно такие же налепы, обнаружена в могиле №42 этого же некрополя (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1995, рис. 1.-2), из этого же могильника происходят и еще два похожих сосуда (Фролов Я.В., 2008, рис. 134.-17; 148.-1, 4). Сосуд с роговидными налепами найден и в могильнике Тузовские Бугры 1 (Фролов Я.В., 2008, рис. 148.-2).

Несмотря на немногочисленность подобных сосудов, распространены они довольно широко: известны на Ставрополье, Южном Урале, Казахстане, в северных предгорьях Алтая, на Средней Катуни, в Новосибирском Приобье, Томском Приобье, Ачинско-Марьинской лесостепи, севере Минусинской котловины. Хронологический диапазон находок сосудов так же разнообразен начиная с VI–V вв. до н.э. и до III–I вв. до н.э. (Абрамова М.П., Петренко В.Г., 1995, рис. 1.-3, 6; Мошкова М.Г., Кушаев Г.А., 1973, рис. 1.-6; Самашев З., Григорьев Ф., Жумабаева Г., 2005, с. 125; Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М., 1971, рис. 70.-8–9; Николаев Р.В., 1966, рис. 5.- 1–2; Членова Н.Л., табл. 42.-13). Наиболее близки предметам из могильника Фирсово-XIV находки, происходящие из некрополей VI-V вв. до н.э. северного варианта пазырыкской культуры, из могильника Каменка быстрянской культуры и поселений кижировской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Степанова НФ. 2004, рис. 9-4; Абдулганеев М.Т., 2009, рис. 7-6; Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., и др. 2006, рис. 1–9).

Интересны находки в захоронениях могильника Фирсово-XIV двух ножей. О форме и типе железного ножа найденного в могиле №31 судить трудно из-за его плохой сохранности. Вероятно, это был узкий пластинчатый нож, с прямой спинкой, без выделенной рукояти (рис. 4 – 1). В могиле №22 найден бронзовый нож. Он имеет прямую спинку и слегка выделенную рукоять, увенчанную кольцевым навершием (рис. 4 – 2). Этот бронзовый нож находился в кожаных ножнах, укрепленных деревянной планкой, остатки которой сохранились под ножом (рис. 4 – 3). Подобные изделия встречаются довольно широко на юге Сибири и характерны для памятников VII-V вв. до н.э. (Могильников В.А., 1997, рис. 50.-8; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 33.-6, 7; 96.-1). Близкая находка сходного и по оформлению спинки и по пропорциям ножа с кольцевым навершием происходит из могильника Элекмонар 2 (Степанова Н.Ф., 1996, рис. 6.-1). Похожий нож происходит с поселения Моховое 5 из восточной части Кулунды (Иванов Г.Е., 2000, рис. 46.-4).

В этом же захоронении (могила №22) найден костяной колчанный крюк и два наконечника стрел (рис. 4 – 4-6). Обращает на себя внимание то, что как крюк, так и наконечники, сделаны очень небрежно, хотя и носят следы длительного использования – их поверхность залощена, края завальцованы. Небольшие костяные наконечники имеют иглообразную форму и ассиметричное перо. На памятнике Фирсово-XIV наконечники подобного типа найдены впервые. А вот наконечники из могилы №28 являются распространенной находкой в мужских захоронениях могильника Фирсово-XIV и других некрополей староалейской культуры (рис. 4 – 7-11) (Фролов Я.В., 2008, рис. 121; 135.-7–15). Большинство этих наконечников имеет трехгранную головку, с выделенными жальцами на концах граней, уплощенный черешок. На грани боевой части двух наконечников из могилы №28 нанесены тамгообразные знаки в форме креста и параллельных насечек (рис. 4 – 7, 8). Наконечники с подобными знаками так же уже находили в захоронениях могильника Фирсово-XIV и в других памятниках староалейской культуры (Фролов Я.В., 2008, рис. 121; 135.-9, 12, 15). Известны подобные знаки на костяных наконечниках скифского времени из Горного Алтая и других территорий (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004,

рис. 27.-2, 10; 49.-2, 5–8; 52.-4, 5; 95.-7–11). В целом подобные костяные наконечники имеют довольно широкую дату и характерны для скифоидных культур Южной Сибири и сопредельных территорий (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 150-151; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 25; 26; 77.-3, 5; 95.-7–11; 96.-4–10).

Костяные и роговые колчанные крюки – довольно редкая находка для памятников скифского времени юга Сибири. Интересно то, что в староалейской культуре известны еще три подобные находки из могильников: Фирсово-XIV (могила №178); Малый Гоньбинский Кордон 1, могильник 1, могильника Обские Плесы 2 (Фролов Я.В., 2008, рис. 96.-12; 120.-11; 133.-7).

Как уже отмечалось выше, все украшения найдены в захоронениях женщин.

Бронзовая бляха с щитком округлой формы и отверстием в виде запятой, обнаруженная в могиле №20, вероятнее всего, является обломком (половиной) или литейным браком поясной бабочковидной бляхи. Об этом свидетельствует форма щитка и остатки крепления петли на его крае (рис. 4 – 25). Похожие по форме прорези и щитки есть у блях, найденных как в могильнике Фирсово-XIV, так и на других староалейских памятниках (Фролов Я.В., 2008, рис. 74.-2, 8; 77.-10, 11; 118.- 5–8; 133.-4), Бабочковидные бляхи – распространенная находка для памятников староалейской культуры и других культур VI–V вв. до н.э. Южной Сибири (Могильников В.А., 1997, с. 71-72; Чугунов К.В., 2001; Фролов Я.В, 2008).

Найденная в могиле №9 восьмерковидная серьга с подвеской в виде цепочки – также распространенная находка в могильниках староалейской культуры (рис. 4 – 13). Такие серьги обнаружены в большинстве могильников этой культуры (Фролов Я.В., 2008, рис. 71.-2; 95.-1, 2; 97.- 35–36; 136.-11). Только для некрополя Фирсово-XIV – это четвертая находка подобной серьги. Похожие украшения встречены на довольно широкой территории Южной Сибири, в своем большинстве они происходят из скифских памятников VI–V вв. н. э. (Чугунов К.В., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 42.-5, 6, 9, 10; 85.-1–2; 95.-3, 4; Фролов Я.В. 2008).

Редкой для захоронений староалейской культуры является спиралевидная серьга из могилы №31. Она изготовлена из толстой проволоки, скрученной в спиралевидное кольцо. На кольце имелась обойма, служащая, вероятно, для крепления подвески (рис. 4 – 15). Сходная серьга обнаружена в могильнике скифского времени Тыткескень-VI на Средней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 42.-1, 2; 68.-2, 3). Еще одна похожая серьга происходит из могильника Михайловский 6 в Кулунде (Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И., 1992, рис. 2, с. 97; Могильников В.А., 1997, рис. 55а.-25, 26).

Находки бусин из стекловидной пасты (могила №20) (рис. 4 – 24) и камня (могила №31) (рис. 4 – 21) – распространенная находка памятников скифского времени юга Сибири (Могильников В.А., 1997, стр. 79–80). К сожалению, из-за отсутствия сведений о составе бусин, привести аналогии им затруднительно.

Заколки, обнаруженные в могилах №№9, 31, 43 изготовлены из бронзы и железа. Согнутая бронзовая заколка со спиралевидным закрученным окончанием из могилы №43 напоминает застежку фибулы (рис. 4 – 27). Сходная по оформлению заколка с закрученным концом происходит из могилы №56 могильника Фирсово-XIV (Фролов Я.В., 2008, рис. 132.-10).

Другие бронзовые заколки представляют собой небольшие тонкие четырехгранные стерженьки (рис. 4 – 17-18). Похожие изделия – частая находка в захоронениях взрослых женщин в могильнике Фирсово-XIV и других захоронениях староалейской культуры. Известны близкие изделия в захоронениях скифского времени широкого круга культур юга Западной Сибири (Могильников В.А., с. 77-78; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 40.-2, 3, 7.-13; 91.-4, 5; 98.- 2–13).

Железная заколка, имеющая шаровидную головку из могилы №31 (рис. 4 – 16) так же типичная находка для женских захоронений староалейской культуры (Фролов Я.В., 2008). Похожие изделия, так же как и бронзовые, широко известны в материалах культур скифского времени юга Сибири и появляются они с VI в. до н.э. (Могильников В.А., с. 77-78; Чугунов К.В., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 39.-5, 6; 40.-16).

Два изделия из четырехгранной проволоки, найденные на кистях умершей женщины из могилы №31 (рис. 4 – 19-20) являются, вероятно, деталями спиралевидных колец, ко-

торые были целенаправленно повреждены – проволока была распрямлена и уже затем кольца были положены в могилу на кисти умершей.

Пряслица обнаружены в семи могилах. В захоронениях №№17, 20, 31 обнаружены трапециевидные в разрезе пряслица, орнаментированные по большей плоскости изображениями сопоставленных заштрихованных треугольников (рис. 3 – 11-13). Эти изделия - отличительная деталь староалейских захоронений. Они являются культуродифференцирующим признаком для староалейской культуры (Фролов Я.В., 2008). В могилах №8 и №9 найдены прямоугольные в разрезе пряслица (рис. 3 – 9-10). Одно из них – без орнамента, другое – украшено расходящимися радиально от центрального отверстия линиями. Находки подобных изделий более распространены и известны как в староалейских некрополях, так и каменских, а также в других памятниках скифского времени на сопредельных территориях (Могильников В.А., 1997, рис. 53.-9, 16, 18). В могиле №43 пряслице имеет коническую форму, редко встречающуюся в староалейских материалах.

Курильница обнаруженная в могиле №31, имеет подквадратную в плане форму и плоское основание (рис. 4 – 28). Подобные находки часто встречаются в женских захоронениях скифского времени широкого круга культур, известны они и в материалах каменской и староалейской культур, начиная с VI в. до н.э. (Фролов Я.В., 2008, Могильников В.А., 1997, с. 88-91; Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009., с. 177-178). Похожие курильницы найдены и в других погребениях могильника Фирсово-XIV.

Интересна находка звена кольчатых бронзовых удил, которые были найдены в ходе изучения межмогильного пространства (рис. 4 – 12). Удила имеют широкое подовальное кольчатое внешнее окончание. Данный предмет, вне всякого сомнения, связан с основным комплексом погребений скифского времени могильника Фирсово-XIV. На ряде некрополей староалейской культуры, в том числе и на могильнике Фирсово-XIV, зафиксированы приклады рядом с захоронениями. Собой они представляют находки отдельных предметов из бронзы около могил.

Аналогии удилам известны довольно широко в памятниках Южной Сибири, Казахстана, Урала. Встречаются, начиная с VI в. до н.э. и до IV в. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1998, с. 9-11; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 46; рис. 13-1-3; 54-3; 82-2). Период наибольшего их распространения приходится на VI-V вв. до н.э. Как считает Л.С. Марсадолов, удила с подовальными внешними окончаниями датируются VI - началом V вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1998, с.10). Наиболее близкая находка подобных удил происходит из Новообинского кургана, датирующегося VI-V вв. до н.э. (Иванов Г.Е., Медникова Э.М. 1982, рис. 2 – 1, 3). Известны находки подобных удил в Горном Алтае, на Средней Катуни и других территориях.

В целом, инвентарь захоронений скифского времени, обнаруженный на могильнике Фирсово-XIV в 2010-2011 гг., органически входит и дополняет коллекцию инвентаря, найденную на могильнике в предыдущие годы и позволяет датировать могильник в рамках VI–IV вв. до н.э. Наличие ряда архаичных предметов дает возможность говорить и о более узкой дате материалов раннего железного века памятника – конец VI–V вв. до н.э. Аналогии предметам происходят из широкого круга культур, но большая их часть наиболее близка тувинским и горно-алтайским материалам.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т. Археологические памятники Советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009: Алт. полиграф. комбинат. С. 365-386.
2. Абрамова М.П., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ставрополья // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: Пущинский научный центр РАН, 1995. С. 35-55.
3. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамнтово – Барнаул: Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000б. 160 с.
4. Иванов Г.Е. Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1982. С. 89-95.

5. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни, Барнаул: АлтГУ, 2004. 292 с.
6. Марсадолов Л.С. сновные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII-V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 5-24.
7. Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово: Кемеровский ЦНТИ, 1971. С. 250.
8. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.
9. Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятника Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 258-268.
10. Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Кобелева Л.С., Савин А.Н., Сяткин В.П., Мыльников В.П. Работы на памятнике Березовый остров в 2006 году // Проблемы археологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, Ч. I. С. 450-455.
11. Николаев Р.В. Раскопки тагарского кургана в окрестностях Красноярска в 1957 г. // Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2. С. 196-207.
12. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабаева Г. Древности Алматы. Алматы: Каз Издат КТ, 2005. 184 с.
13. Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 54-69.
14. Тур С.С., Фролов Я.В. Половозрастная дифференциация смертности и ее отражение в погребальном обряде населения староалейской культуры (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Вып. 2. С. 87-98.
15. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
16. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
17. Фролов Я.В., Тур С.С. Особенности распределения предметов погребального инвентаря в захоронениях умерших различных половозрастных групп в могильнике староалейской культуры Фирсово XIV // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: ООО «Компания радуга», 2003. С. 100-108.
18. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 219-226.
19. Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово-XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: ООП управления статистики Республики Горный Алтай, 1992. С. 44-45.
20. Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Сохранение и изучение памятников культурного наследия Алтайского края. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1995. Вып.V. Ч.II. С. 75–77.
21. Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 326-331.
22. Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Погребение гунно-сарматского времени из могильника Фирсово XIV // Сохранение и изучение культурного наследия алтайского края. Барнаул: ГИПП «Алтай», 1995. Ч.2. 138-141.
23. Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 47-51.
24. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

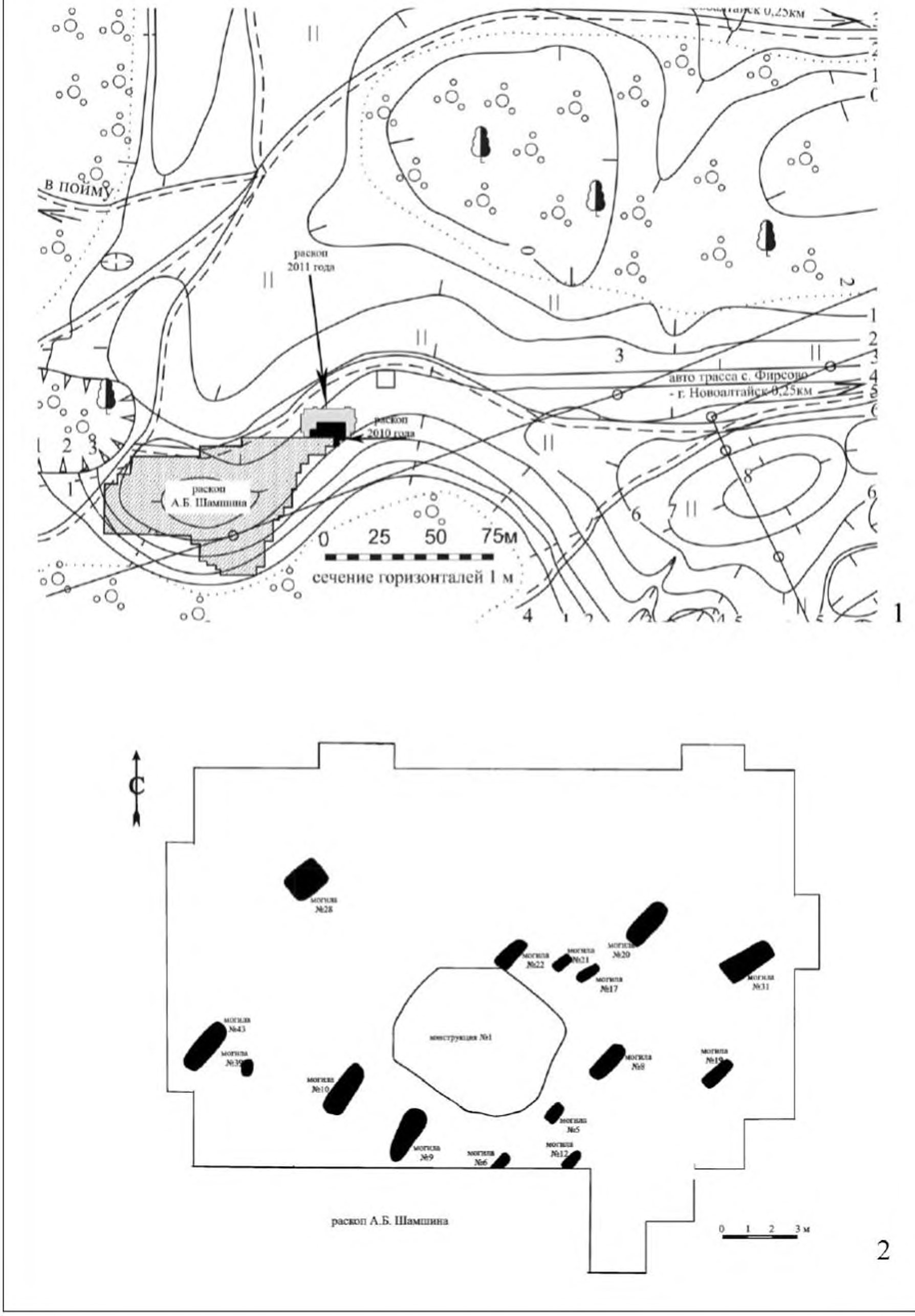

Рис. 1. 1 – схема расположения могильника Фирсово-XIV, 2 – расположение погребений скифского времени раскопанных в 2010-2011 гг. на площади могильника Фирсово-XIV.

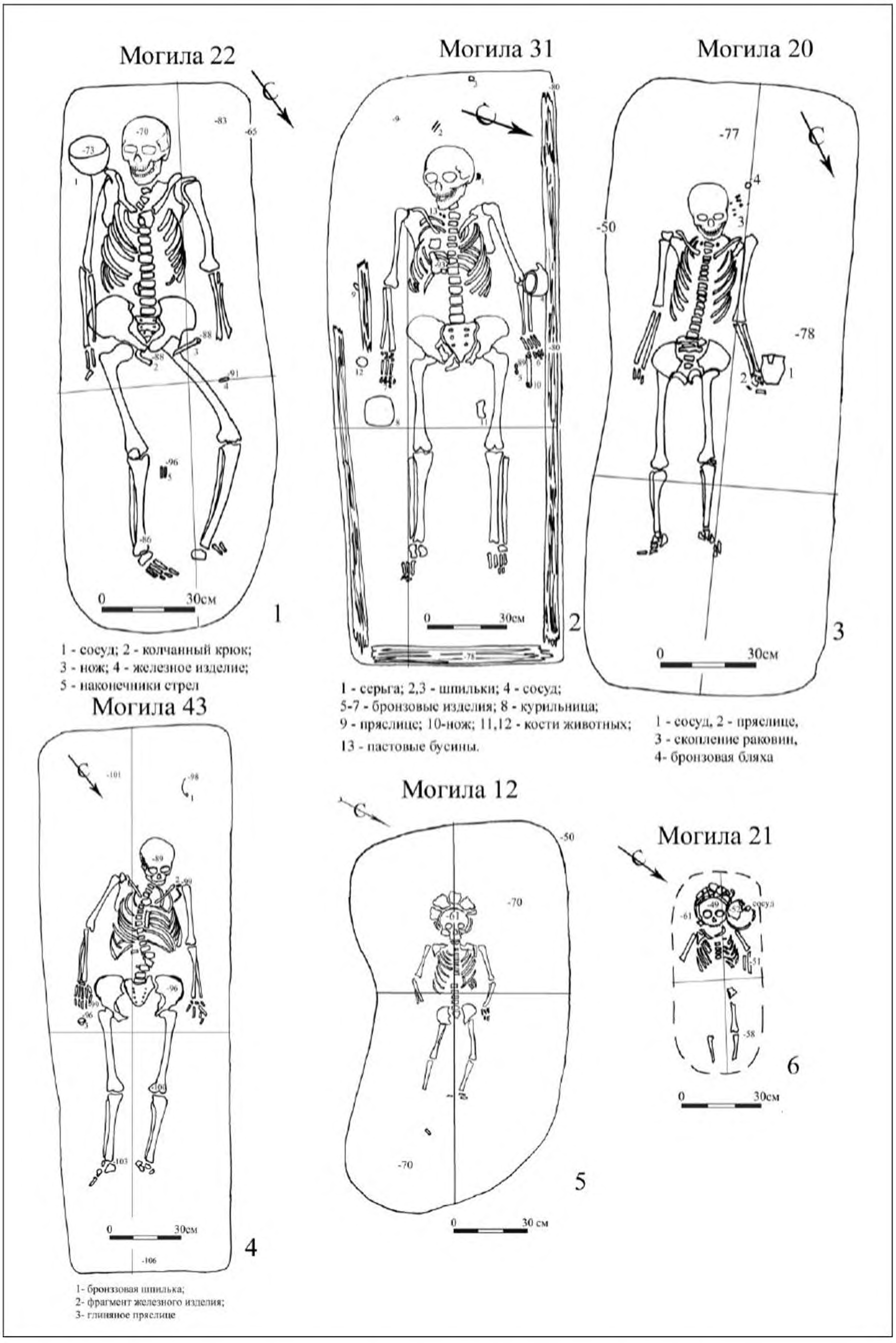

Рис. 2. Могильник Фирсово-XIV. Планы захоронений.
1 – м. 22; 2 – м. 31; 3 – м. 20; 4 – м. 43; 5 – м. 12; 6 – м. 21.

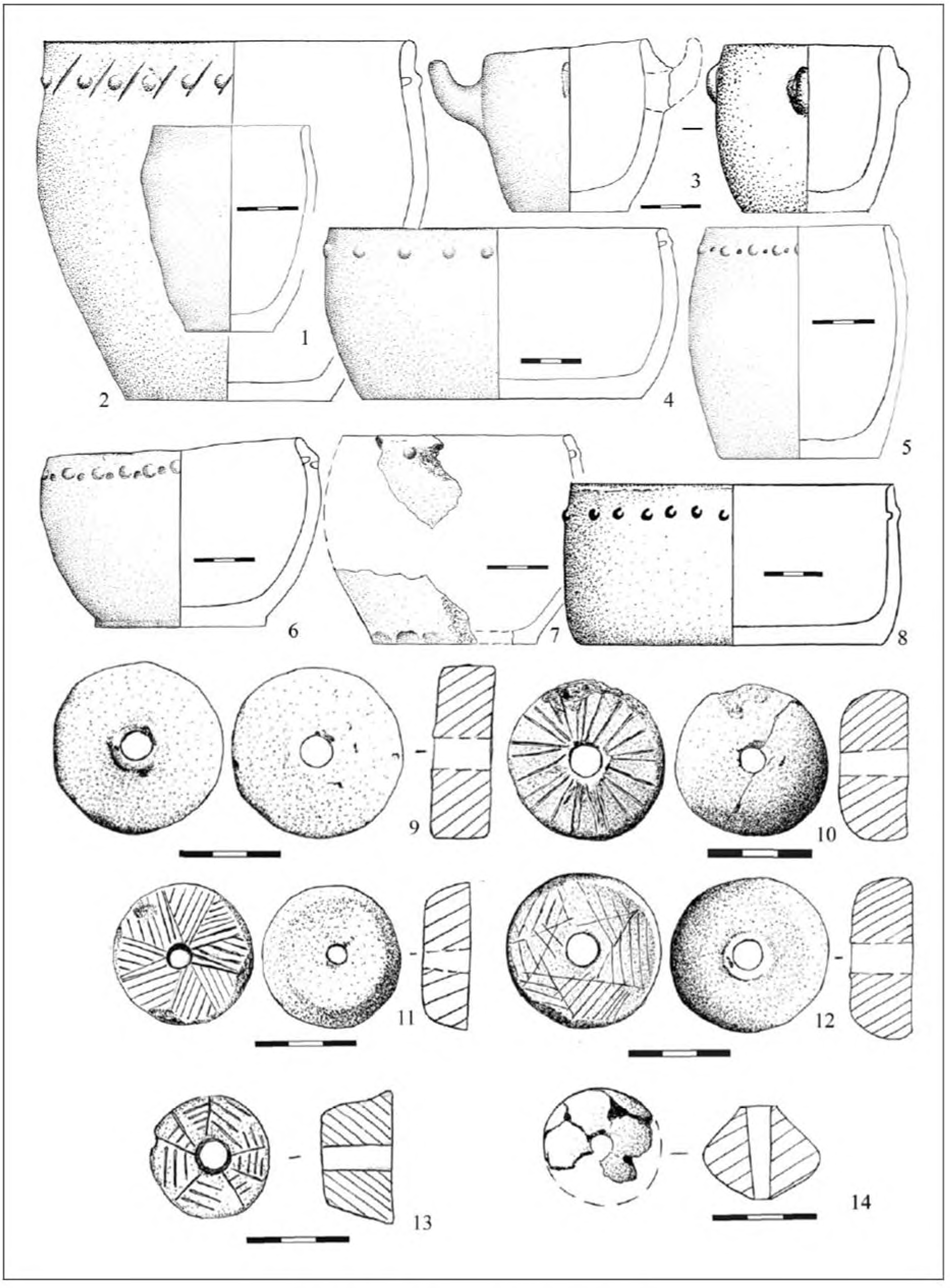

Рис. 3. Могильник Фирсово-XIV.
1 – м. 20; 2 – м. 28; 3 – м. 31; 4 – м. 9; 5 – м. 39; 6 – м. 22; 7 – м. 21; 8 – м. 8;
9 – м. 8; 10 – м. 9; 11 – м. 20; 12 – м. 17; 13 – м. 31; 14 – м. 31.
1-8 – сосуды; 9-14 – пряслица. Все – керамика.

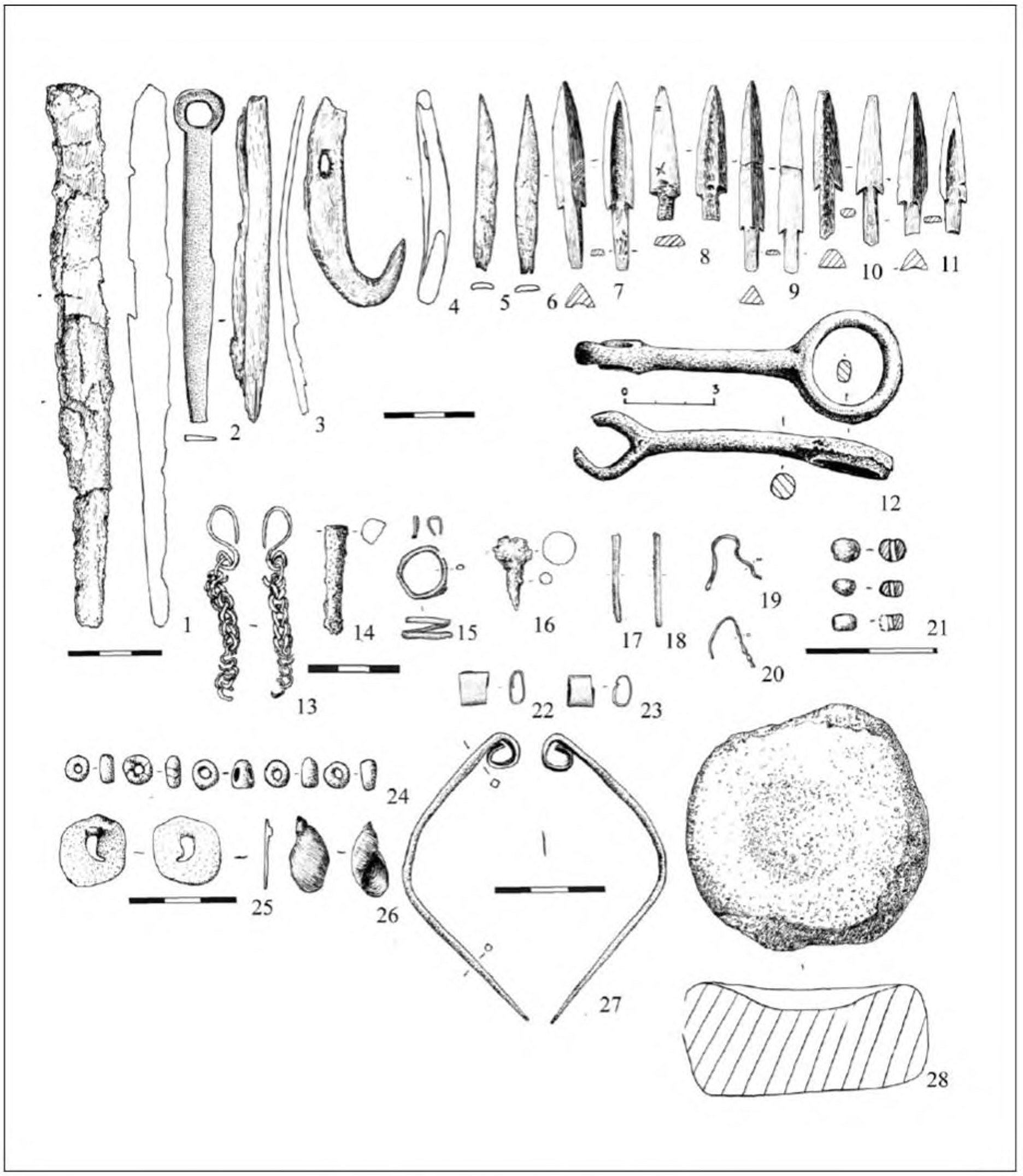

Рис. 4. Могильник Фирсово-XIV.
1 – м. 31; 2-6 – м. 22; 7-11 – м. 28; 12 – межмогильное пространство;
13,14 – м. 9; 15-23 – м. 31; 24-26 – м. 20; 27 – м. 43; 28 – м. 31.

Азбелев П.П.
(г. Санкт-Петербург, Россия)

К ИЗУЧЕНИЮ ПАЗЫРЫКСКИХ ТАТУИРОВОК

Публикуя прорисовку многофигурной сцены терзания с правого предплечья женской мумии из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 1 – 1), авторы отметили, что «подобные сложные композиции не известны в пазырыкском искусстве, да и, пожалуй, среди произведений скифского звериного стиля в целом», и хотя «по сюжету, позам хищников и отдельным приёмам изображения эти рисунки, безусловно, находят аналоги в произведениях скифского искусства», «в целом татуированная композиция напоминает изображения на бронзовых бляхах “всадниче ской группы” культуры Диен (Дянь) в верховьях Янцзы» (Баркова Л.Л., Панкова С.В., 2005, с. 57-58). Отдавая дань глубокого уважения и благодарности авторам замечательного открытия, обогатившего науку прекрасными изобразительными памятниками, всё же нельзя согласиться с указанным направлением поиска аналогий.

Прежде всего, требуется методологическое замечание. Как известно, резным, литым, чеканным изображениям в зверином стиле свойственно сочетание крайнего лаконизма, даже схематизма в передаче второстепенных (для древнего мастера) частей тела – с подробной проработкой и разнообразным акцентированием значимых элементов (органов чувств, характерных видовых признаков, плечевых и бедренных мышц, средств защиты и нападения). Этот контраст, ключевой для понимания сущности звериного стиля вообще, бывает заметно смягчён в сравнительно немногочисленных памятниках, представляющих древнекочевнический фигуративный декор на мягких органических материалах – прежде всего аппликциях и татуировках, известных главным образом по пазырыкским находкам, но, конечно, существовавших во всех культурах скифо-сакской эпохи.

Работая с мягкими материалами, мастера порой сокращали акценты на органах чувств и мало прибегали к «зооморфным превращениям», отчего изображения кажутся более «реалистическими» и динамичными, нежели обычно. Необходимый элемент фантастики, выводящий изображения из профанной сферы в сакральную, достигался здесь при помощи ограниченного набора выразительных средств – нарушением пропорций или заведомой невероятностью сюжета, а также участием фантастических персонажей. Кроме того, имея перед собой сравнительно обширную поверхность, мастер был меньше связан необходимостью жёстко подчинить изображение предмету. Условно об этих памятниках можно говорить как о «рисунке», «графике» (не забывая, конечно, о возражениях С.И. Руденко М.П. Грязнову насчёт применимости к пазырыкским изображениям слова «рисунок», – см.: Руденко С.И., 1960а, с. 313, ср. Грязнов М.П., 1958, с. 7-9, – и оставив в стороне петроглифы, формально также относящиеся к графике, но слишком далеко отстоящие от татуировок по ситуационному контексту).

И татуировки, и аппликации включают, наряду с «графикой», и обычные изображения в зверином стиле (прежде всего разнообразных химер), сопоставление которых с «рисунком» как раз и позволяет найти корректные аналогии для женских татуировок. Очень показательна серия пазырыкских седельных аппликаций (рис. 1 – 3-5). Они представляют в основном сцены терзания, но близкий сюжет на разных сёдлах смотрится поразному. Например, если сцены нападения орла, тигра или барса на лося или горного козла кажутся «отрисованными» весьма тщательно, то сцены с участием грифонов как бы «смонтированы»: фантастические хищники часто показаны не прыгающими, а идущими, почти в точности следуя древнеиранским образцам, даже когда они нападают сверху (рис. 1 – 4). Действие не столько изображено, сколько обозначено. Подобным образом тагарские барсы на поясных бляхах (Завитухина М.П., 1983, с. 73, №№ 192-193), или, например, пазырыкские тигры с башадарской колоды (Руденко С.И., 1960, с. 46-47, рис. 21; табл. XXVI-XXXI) не держат в зубах свои жертвы, а лишь касаются их приоткрытой пастью. Не наслаивая предположений о глубинных причинах столь механистической

компоновки сцен терзания, ограничусь более важным здесь замечанием о том, насколько существенны отличия «рисунка» от обычных памятников звериного стиля.

Может сложиться впечатление, что смягчённая, даже изящная порою «графика» отходит от фундаментальных канонов звериного стиля, приближаясь к настоящей художественности в современном смысле этого слова. Однако это впечатление обманчиво: «рисунок» точно также «смонтирован» из стандартных элементов. Например, задние лапы нижнего тигра на женской татуировке воспроизводят соответствующую часть тела не прыгающих, а шествующих хищников иранского искусства, как у грифонов и барсов с седельных покрышек. Позы верхнего тигра и барса с той же татуировки – явное повторение изображения на одной из парных блях Сибирской коллекции царя Петра (рис. 1 – 2; см.: Руденко С.И., 1962, табл. VIII – 5-6), с той лишь разницей, что тигр с золотой бляхи вцепился в холку лошади, а тигр на татуировке – в рог и ногу оленя, а некоторое искажение позы очевидным образом связано с тем, что рука, в отличие от бляхи, не плоская. Такое же изображение (которому С.И. Руденко давно указал ясный иранский прототип – Руденко С.И., 1953, с. 317, рис. 186 – а, г), есть и на другом мягком предмете – седельной покрышке из Первого Пазырыкского кургана (рис. 1 – 3); аппликация ближе к фигуре на бляхе, чем татуировка, поскольку седельная покрышка искривлена меньше, чем поверхность руки. Положение задних лап на этих алтайских изображениях – очевидный типологический рудимент, указывающий на иранское происхождение сцены и воспроизводимый в «рисунке» столь же механистически, сколь и в металле. Многие аппликации, в целом относящиеся к числу силуэтных изображений, содержат элементы иранского происхождения, акцентирующие плечевые и бедренные мускулы зверя (Руденко С.И., 1960, с. 297, рис. 151 – а-г, ж-и, и т.п.). Примеры можно множить, но и приведённых довольно для вывода о том, что пазырыкский «рисунок» даже в лучших своих образцах (рис. 1 – 5) – лишь вариант всё тех же «смонтированных» сцен, отличающийся не мастерством древнего художника, а лишь сокращённым использованием приёмов стилизации и, соответственно, чуть более свободным обращением с натурой, чем при воспроизведении целиком заимствованных или полностью фантастических образов.

Всё это значит, что в поисках аналогий для татуированных рисунков можно и нужно привлекать пусть и кажущиеся стилистически иными, но сюжетно и композиционно сопоставимые изображения, всегда имея в виду специфику материала и форму несущей поверхности. Сходство же, определяемое по общему впечатлению, возникающему у современного человека, сходство, так сказать, по «художественным» признакам (как при сравнении пазырыкской татуировки с южнокитайскими бронзами), хотя и кажется более выразительным, всё же менее значимо, ибо, скорее всего, случайно и следует главным образом из совпадения изображаемой натуры.

При таком подходе сцена с женской татуировки сразу находит себе параллели не в далёких культурах, никак не связанных с пазырыкской, а в пределах скифо-сакского мира. Это «круговые» композиции со сценами терзания, представленные на пряжках, найденных в Восточном Казахстане и Прикамье.

Пряжка, найденная в Павлодарском Прииртышье (рис. 1 – 6), несёт изображение трёх припавших к земле хищников кошачьей породы, с разных сторон примыкающих к изображению джейрана с вывернутым крупом; А.К. Акишевым приведены все необходимые аналогии элементам этой четырёхфигурной трёхлучевой композиции, в основе которой им совершенно справедливо «прочитана» свастика (Акишев А.К., 1976, с. 183-188, табл. I). От с менее редких конно- и орлиноголовых свастик данная композиция отличается тем, что зооморфные элементы символа здесь направлены не наружу, а внутрь, к терзаемой хищниками жертве.

Пьяноборская пряжка (рис. 1 – 7) отличается тремя дополнительными фигурками копытных, представленных с подогнутыми ногами и повёрнутой назад головой. Здесь предлагается видеть «трёх кошачьих хищников, терзающих четырёх копытных животных» (Савинов Д.Г., 2012, с. 44); но три дополнительные фигуры копытных показаны не с вывернутым крупом, как центральная, а в стандартной позе покоя с подогнутыми ногами и обращённой назад головой; они определённо добавлены к исходной сцене терзания из композиционно-эстетических соображений, и лишь заполняют пространство, «смягчая» внутренние углы трёхлучевой схемы. В остальном это точно та же свастикообразная

композиция, что и на пряжке из Восточного Казахстана. Её дополнение тремя фигурками, не связанными напрямую с основным сюжетом, нужно, может быть, рассматривать как типологически поздний или (учитывая место находки) периферийный признак.

Несмотря на малочисленность таких находок, их территориальный разброс позволяет считать, что в древности таких изображений было много: перед нами широко распространённый сюжет, воплощавшийся с вариациями и в различных материалах. В основе как прииртышской, так и пьяноборской композиций – тот же сюжет, что и на татуировке женщины из Пятого Пазырыкского кургана, с несколькими показательными отличиями. На пряжках поза хищников иная: павлодарская и пьяноборская свастики смонтированы из строго профильных фигур кошачьих хищников, припавших на все четыре лапы, – это один из древнейших мотивов звериного стиля; пазырыкская же композиция, как было показано, несёт отчётливые следы иранских влияний позднейшего времени. Татуированная композиция усложнена второй фигурой жертвы (в позе не с вывернутым крупом, а со сломанным хребтом); это дополнение, с моей точки зрения, могло быть обусловлено как задачей показать именно две жертвы, так и необходимостью «обернуть» изображением руку, разместить фигуры не только вокруг оси триквестра, перпендикулярной плоскости изображения (как на пряжках), но и вдоль неё. Оттого же и на левой руке женщины сцена терзания лося грифом (Баркова Л.Л., Панкова С.В., 2005, с. 55, рис. 12) сильно вытянута – так, что хвост и крылья хищника, рога и даже вывернутый круп жертвы напоминают вьющиеся ленты. Этой же задачей нужно объяснить и отказ татуировщика от поворотно-симметричного размещения хищников на правом предплечье: изображение подчинено особенностям «холста», т.е. анатомическому строению руки, и хищники размещены сообразно именно с этим. На пряжках такой задачи не было, и схема свастики-триквестра (судя по всему, исходная и значимая для данной композиции) соблюдалась в точности. Таким образом, алтайская композиция повторяет указанные западные с отличиями, обусловленными (помимо хронологических обстоятельств) особенностями материала и несущей формы.

Отмечу попутно, что композиции, в основе которых лежит свастика, следует, быть может, классификационно отделить от собственно круговых, или хотя бы считать их особой подгруппой. Отличительный их признак – размещение туловищ зверей не по окружности, а по радиальным лучам.

Обнаруженные аналогии позволяют ещё на шаг приблизиться и к пониманию смысла татуировки. Достоверно и однозначно трактуемая сцена жертвоприношения на филипповском мече (Рукавишникова И.В., 2011, с. 374, рис. 1, сцена 3) не оставляет сомнений в том, что поза с вывернутым крупом в древнекочевническом декоре использовалась, среди прочего, для изображения животного, приносимого в жертву. Учитывая часто очевидную, а иногда угадываемую соотнесённость смысла образов и сюжетов звериного стиля с назначением предметов или частей тела, несущих соответствующие изображения, можно считать татуировки на руках женщины, погребённой в Пятом Пазырыкском кургане, косвенным подтверждением её жреческого статуса; столь же вероятно, что жертвоприношения были частью повседневных обязанностей спутницы вождя. Эти очевидные выводы теперь можно уточнить.

Выявленные аналогии показывают, что несмотря на особенности расположения фигур на татуировке, в её основе – свастика, а значит, изображённое здесь жертвоприношение и предполагаемые жреческие обязанности погребённой были как-то связаны с солярными культами. Вместе с тем западные аналогии гораздо древнее (или хотя бы архаичнее) алтайской татуировки. Поэтому не исключено, что связь её композиции с солнечным культом в пазырыкское время уже распалась и была не больше чем иконографическим обстоятельством, исходный смысл которого был уже забыт.

Я не затрагиваю здесь вопрос о семантической разнице между сценами терзания, татуированными на руках женщины, и многоярусными изображениями реальных и фантастических копытных в той же жертвенной позе на руках у мужчин. По имеющимся ныне материалам, сцены терзания были свойственны, прежде всего, женским татуировкам (ср. ак-алахинские изображения: Полосьмак Н.В., 2001, с. 229, рис. 151 – б), тогда как на мужских представлены в основном одиночные звери. Симметричные изображения львиноголового грифона (или крылатого барса) и козла с вывернутым крупом на правом

предплечье мужчины из Второго Пазырыкского кургана могут показаться сценой терзания, однако звери здесь даже не соприкасаются и, весьма вероятно, должны рассматриваться как отдельные фигуры; на общеизвестной опубликованной прорисовке (Руденко С.И., 1953, с. 139, рис. 82) пасть хищника почти смыкается с выступом на лбу копытного, но это неточность: выступа, как можно убедиться, рассматривая экспонируемый в Эрмитаже оригинал, нет, морда и рог горного козла составляют почти правильную дугу, а верхняя челюсть хищника на прориси реконструирована, так как кожа на этом месте повреждена. Отмечу, что расположение этих фигур перекликается с пространственным соотношением нижнего тигра и барса на женской татуировке; возможно, в этом проявляется какая-то традиция, специфическая для татуировок, но выводы здесь делать рано. Изучение пазырыкских мумий продолжается, и предстоящие открытия ещё могут изменить складывающуюся картину.

Так или иначе, свастика, составленная из целых фигур, обнаруживается пока лишь в основе рассмотренной здесь композиции; в основном же пазырыкские свастикообразные изображения не фигуративны и, за исключением орлино-(грифо-)головой свастики, больше напоминают декоративные вихревые розетки (Руденко С.И., 1960, с. 139, рис. 88 и 90). Возможно, уникальность рассмотренного изображения связана с тем, что приведённые аналоги сюжету татуировки (наряду с женским головным убором, повозкой, чепраками, коврами и частично тканями из Пятого Пазырыкского кургана), указывают на интенсивные западные связи пазырыкской культуры в пору сооружения последнего кургана Пазырыкского могильника. Так что необычная многофигурная композиция, быть может, не относится к собственно пазырыкской традиции, а происходит, как и её обладательница, откуда-то из областей к западу от Алтая.

Библиографический список

1. Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 183-195.
2. Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. №2 (22). С. 48-59.
3. Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. Л.: Государственный Эрмитаж, 1958. 96 с.
4. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, Лен. отд., 1983. 192 с.
5. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
6. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1953. 402 с. + 122 табл.
7. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1960. 360 с. + 128 табл.
8. Руденко С.И. [Рец. на:] М.П. Грязнов. Древнее искусство Алтая // СА. 1960а. №1. С. 312-315.
9. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / САИ Д3-9. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1962. 52 с. + 27 табл.
10. Рукавишникова И.В. Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в контексте звериного стиля // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб – Москва – Великий Новгород, 2011. С. 373-376.
11. Савинов Д.Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Труды САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 35-55.

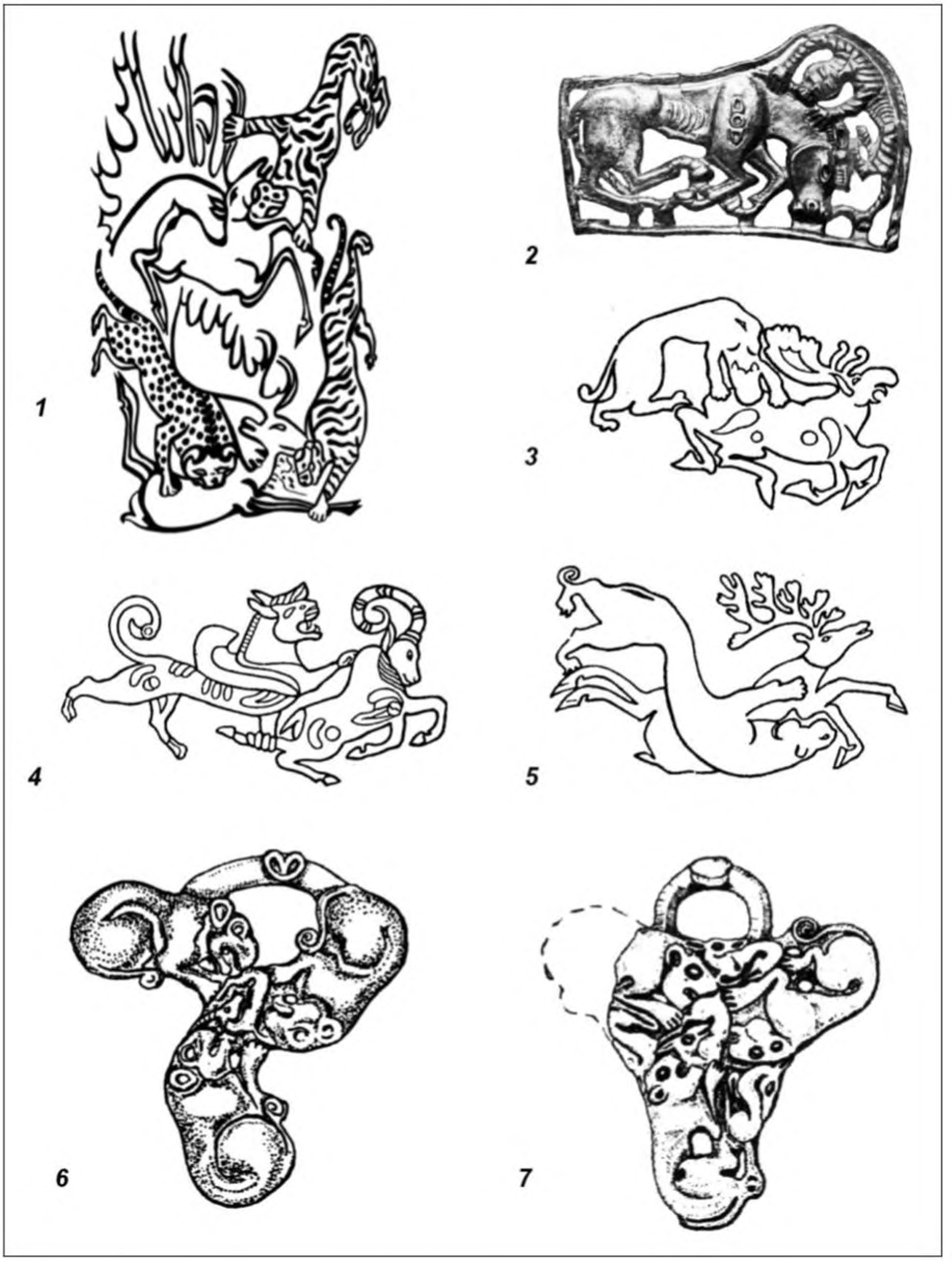

Рис. 1.
1 – Пятый Пазырыкский курган, татуировка на правом предплечье женской мумии (по Л.Л. Барковой и С.В. Панковой);
2 – Сибирская коллекция (по С.И. Руденко);
3-5 – Пазырык, аппликации на седельных покрышках (по С.И. Руденко);
6 – Павлодарское Прииртышье (по А.К. Акишеву);
7 – окрестности Пьяного Бора, Прикамье (по Д.Г. Савинову).

Соёнов В.И., Константинов Н.А.,
Соёнов Д.В., Трифанова С.В., Бакиянов А.И.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

ЕМУРЛИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА АЛТАЕ*

Введение.

В Горном Алтае до недавнего времени было достоверно известно шесть городищ: Яломанское, Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, Манжерокское (Манжерок-3), Барангольское (Барангол-5), Черемшанское (Киреев С.М., 1991, с. 84-88; Бородовский А.П., 2002, с. 45-46; Тишкин А.А., 2002, с. 61-67; Бородовский А.П., 2007, с. 185-187; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 9, 64-65; Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И., 2010, с. 249-253). Еще одно городище – Майма-XX, упоминаемое в литературе (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 41), нам пока не удалось обнаружить (Соёнов В.И., 2012а, с. 4).

Новый объект данного типа был обнаружен сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета в 2011 году (Соёнов В.И., 2012б, с. 54). Сведения об остатках древней крепости на Емурле были получены Н.А. Константиновым от жителя с. Ильинка Шарыпова Бронислава Андреевича во время производства нами разведочных работ на предполагаемой трассе проектируемого магистрального газопровода «Алтай» в пределах Шебалинского района (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В., 2012, с. 27-69). Информатор является бывшим военным, а также он довольно хорошо осведомлен об археологических работах П.И. Шульги на городище Нижний Чепош-4 в 1980-х гг. В силу этих обстоятельств, сведения Б.А. Шарыпова о замеченном им в 90-е гг. городище, внушали доверие. Поэтому в октябре 2011 года был произведен специальный выезд на указанную территорию с целью проверки информации. Залесенность участка, кустарниковые заросли, высокий травостой, а также активность клещей существенно затрудняли поиски остатков городища. Тем не менее, в результате предпринятых разведок нам удалось обнаружить на р. Емурла – притоке Катуни неизвестный археологам памятник, получивший название «Емурлинское городище».

Мы полагаем, что зафиксированное нами Емурлинское городище было впервые упомянуто еще в 1892 году сотрудником Алтайской духовной миссии Петром Бенедиктовым в ответе на запрос «Общества любителей исследования Алтая в городе Барнауле» (ЦХАФ АК. ФД. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 11, 12, 12 об.), наряду со сведениями о следах «…древнего городища или военного лагеря…», соотносимого нами с известными сейчас объектами Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 (Соёнов В.И., 2004, с. 338; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В., 2011, с. 11-12, прим. 1). Священником дано следующее описание этого объекта: «… Недалеко же от Чепоши есть место, представляющее из себя почти правильный круг, окружность которого есть ничто иное, как довольно глубокая канава. Нельзя предполагать, чтобы это было место, где ставилась юрта, так как место слишком велико и если бы его действительно занимала юрта, то она была бы поистине жилищем великана. Легенда гласит так: жил тут один сильный богатырь. Он стал собираться на войну и привязал своего богатырского коня на аркан, на прикол (как думают и по сей час алтайцы). Вот этот-то богатырский конь вытоптал канаву, живя на аркане. Я недавно издали видел это место и услышал и легенду. Издали днем видно круг, образуемый канавой, которая, вероятно, поросла кустарником» (ЦХАФ АК. ФД. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 12 об.).

---

* Работа выполнена в рамках реализации проекта госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая», №6.3494.2011 и регионального проекта РГНФ «Исследование археологических памятников маргинальной горно-таежной зоны Северного Алтая», №13-11-04601е(р).

Несомненно, описание Петра Бенедиктова относится к Емурлинскому городищу. Об этом свидетельствуют следующие факты: 1) описанный объект имеет округлую в плане форму, образуемую канавой; 2) находится рядом с Чепошем; 3) увидеть можно только издали днем. Именно Емурлинское городище находится недалеко от с. Чепош (в 3,7 км от центра села) и имеет неправильно-овальную форму в плане. К тому же оно находится на противоположном от Чепоша (левом) берегу Катуни, отчего священник писал, что этот объект он видел только издали.

В ходе полевых работ 2011 года нами были получены географические координаты городища, составлено его описание, снят план, а также был собран подъемный керамический материал (рис. 2; 12) (Соёнов В.И., 2012б, с. 54-55, рис. 96-102). В полевой сезон 2012 года был уточнен план памятника, заложен шурф на территории городища, а также произведены геофизические работы.

В настоящей работе предварительно публикуются итоги полевых работ на Емурлинском городище.

Описание памятника.

Городище расположено на границе Шебалинского и Чемальского районов Республики Алтай, в месте выхода речки Емурлы из ущелья в относительно широкую долину Катуни. Оно находится на северо-восточном краю высокой левобережной террасы р. Емурла – левого притока Катуни, в 0,55 км к юго-западу от устья, в 10 км к северо-востоку от с. Камай, в 3,7 км к северо-западу от с. Аскат, в 3,7 км к юго-востоку от с. Чепош (рис. 1). Терраса, на которой расположено городище, сильно заросла смешанным лесом (сосна, береза), высокой травой и кустарником (Соёнов В.И. 2012а, с. 4; 2012б, с. 98-101). Географические координаты середины объекта по GPS-приемнику – N-51°33′682″, E-85°52′025″. Высота над уровнем моря (по балтийской системе) – 462 м.

Памятник представляет собой остатки укрепленного поселения с фортификационными сооружениями: визуально прослеживается линия укреплений в виде оплывших и сильно задернованных вала и рва (рис. 2). Объект в плане имеет вытянутую с северо-востока на юго-запад неправильно-овальную форму. Его максимальные размеры составляют по внешнему краю вала – 80х55 м. Участок с городищем имеет плавное повышение к юго-востоку. С юго-восточной стороны городище защищено крутым склоном высокой террасы р. Емурла и не имеет видимых фортификационных сооружений (не исключено, что склон имел эскарп, который снивелировался со временем). С остальных сторон поселение было защищено рвом и валом. Ров расположен с внутренней стороны оборонительной системы. Современная ширина рва около 2,5 м, глубина около 0,4 м. Вал находится с внешней стороны. Его ширина около 5 м, высота около 0,7 м. В северо-западном секторе имеется разрыв оборонительной системы и три небольших возвышения, по-видимому, связанные с въездными воротами. Через западную часть городища проходит современная грунтовая дорога, пересекающая линию обороны с северо-востока на юго-запад. К юго-западу от городища фиксируются неровности рельефа, возможно, это были дополнительные фортификационные сооружения, которые могли заграждать подступы к поселению с юго-запада вдоль левого берега р. Емурла. В пределах укрепленного поселения и рядом с ним наблюдаются западины, которые могут быть остатками древних жилищ. Не исключено, что эти западины могли образоваться в результате падения деревьев с корнем. Отсутствие раскопочных работ, а также высокая и густая травяная растительность не позволили уточнить причину происхождения западин (Соёнов В.И. 2012а, с. 4).

Описание археологических работ.

В ходе работ 2011 года нами были получены географические координаты Емурлинского городища, составлено его описание и снят план фортификационных сооружений с помощью GPS-приемника Garmin. Кроме того, был собран подъемный керамический материал (рис. 2; 12) на грунтовой дороге, проходящей по территории городища (Соёнов В.И., 2012б, с. 54-55). На основании анализа топографического расположения объекта и керамики было предположено, что памятник относится к кругу укрепленных поселений гунно-сарматского времени (Соёнов В.И., 2012а, с. 5; 2012б, с. 58).

В полевой сезон 2012 года нами были продолжены исследования на Емурле. Во-первых, был уточнен план памятника путем разбивки участка на квадраты. Во-вторых, на краю грунтовой дороги в западной части памятника был заложен небольшой шурф для более точного определения культурно-хронологической принадлежности объекта и установления мощности культурного слоя. В-третьих, произведена предварительная площадная съемка геомагнитного поля территории городища и прилегающих участков, а также детальная площадная и профильная съемка на площадке размерами 47х34 м в северной части городища для выявления искусственных сооружений и отработки методики полной геомагнитной съемки территории городища и окрестностей.

Описание шурфа 1 (рис. 3-11). Размеры – 2х1 м. Ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Координаты углов: N – $51^0 33^{//} 687$; E – $085^0 52^{//} 012$ (№ 891); N – $51^0 33^{//} 687$; E – $085^0 52^{//} 012$ (№ 892); N – $51^0 33^{//} 687$; E – $085^0 52^{//} 010$ (№ 893); N – $51^0 33^{//} 686$; E – $085^0 52^{//} 010$ (№ 891/894). Условно шурф разбит на 2 квадрата. Квадрат 1 – северо-восточный, квадрат 2 – юго-западный.

Пласт 1 (рис. 4). Дерновый слой. Снят в северо-западной части шурфа до уровня колеи грунтовой дороги. В дерне находок нет, встречаются мелкие древесные угольки. При горизонтальном выравнивании в квадрате 1 обнаружено небольшое скопление мелких древесных угольков, в квадрате 2 – плоский рваный камень; 2 мелких неорнаментированных фрагмента керамики (рис. 5 – 2, 3); плоская галька небольших размеров (рис. 5 – 1).

Пласт 2 (рис. 6). Гумусированная почва с небольшими включениями суглинка. В пласте встречаются мелкие кусочки древесного угля. При снятии пласта в квадрате 1 обнаружено 10 небольших фрагментов керамики (рис. 7 – 13-22), среди которых имеется 1 фрагмент прямого венчика (рис. 7 – 14). В квадрате 2 найдены: фрагмент керамического пряслица биконической формы (рис. 7 – 1); 11 небольших фрагментов керамики (рис. 7 – 2-12), среди которых – 1 фрагмент венчика слегка изогнутого наружу с наплывом (рис. 7 – 2).

Пласт 3 (рис. 8). В верхней части – гумусированная почва с суглинком, в нижней части пласта начинается слой коричнево-серой (?) вязкой глины. В западном углу квадрата 1 выявлено темное пятно размерами 22х25 см, которое оказалось норой мелкого грызуна (пятно уходит в северо-западную стенку Д-А). Находки, представленные 9 небольшими фрагментами керамики (рис. 9), обнаружены только в районе пятна.

При зачистке стенок шурфа на уровне второго пласта обнаружены 3 фрагмента керамики: 2 – в стенке по С-Д, 1 – в стенке Б-С (рис. 10).

После горизонтального выравнивания и фиксации, контрольным перекопом слой глины прокопан до материка. Мощность – около 10 см. Далее идет материковый суглинок со щебнем и галечником.

Характеристика инвентаря.

В ходе сборов подъемного материала в северо-восточном краю памятника на грунтовой дороге нами обнаружены 7 фрагментов керамических сосудов, среди которых представлены 5 фрагментов стенок (рис. 12 – 1-5) и 2 – донных частей (рис. 12 – 6, 7), а при закладке шурфа 1 в северо-западном секторе найдены: фрагмент керамического пряслица биконической формы (рис. 7 – 1); галька небольших размеров (рис. 5 – 1); 33 фрагментов керамики (рис. 5 – 2, 3; рис. 9; рис. 10; рис. 7 – 2-22), среди которых имеются два обломка венчика (рис. 7 – 2, 14).

Пряслице, обнаруженное при закладке шурфа 1 (квадрат 2, пласт 2), изготовлено из глины и имело круглую в плане форму. В сечении оно было биконической формы, размеры составляли 4,1х3,2 см, диаметр отверстия под несущий стержень – 0,5 см. Фрагмент не орнаментирован.

Галька имела подовальную в плане форму. Ее размеры составляли 5,5х2,8 см, толщина гальки около 1,7 см. Одна половина гальки заужена и имеет «шейку», возможно, полученную искусственно путем неглубокой пикетажной обработки камня.

Керамический комплекс, обнаруженный на территории Емурлинского городища, представлен фрагментами лепных плоскодонных сосудов. Толщина стенок составляет 0,8-1,4 см. Цвет керамики колеблется от светло-коричневого до темно-коричневого. Все

фрагменты небольших размеров и редкие из них имеют следы орнаментации в виде вдавлений. Среди них выделяются фрагменты донной части плоскодонного сосуда (рис. 12 – 6, 7) (Соёнов В.И. 2012а, рис. 1 – 7) и два фрагмента венчиков. Один из фрагментов венчика слегка изогнут наружу с наплывом (рис. 7 – 2), второй – прямой, имел орнаментацию в виде вытянуто-овальных вдавлений (рис. 7 – 14).

Хронологическая принадлежность.

Емурлинское городище по своим топографическим и фортификационным характеристикам относится к террасным городищам Алтая (Соёнов В.И., 2011, с. 68-69; Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., 2011, с. 252-253; Soenov V.I., Konstantinov N.A., Soenov D.V., 2012. p. 60-76): оно располагается на краю высокой террасы около места выхода р. Емурлы из ущелья в долину Катуни. К террасным относится часть городищ, расположенных на территории Северного Алтая и его предгорий (в междуречье и на слиянии Катуни и Бии, а также по правому берегу р. Бия): Сайлап, Курлап-2, Енисейское-5, Бехтемир, комплекс городищ около Бийска, Усть-Иша-3а, Черемшанское, Манжерокское (Манжерок-3), Барангольское (Барангол-5), Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4 (Скопинцева Г.В., 1993, с. 62-71; Абдулганеев М.Т., 1997, с. 73-74; Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В., 2001, с. 93, 96; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 107; Казаков А.А., Кунгуров А.Л., 1993, с. 219-231; Казаков А.А., Исупов С.Ю., 1990, с. 109-112; Киреев С.М., 1991, с. 84-88; Бородовский А.П., 2002, с. 45-46; Тишкин А.А., 2002, с. 61-67; Бородовский А.П., 2007, с. 185-187; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 9, 64-65; Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И., 2010, с. 249-253; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В., 2011, с. 13-16, 22). Эти памятники, как и Емурлинское городище, располагаются на краю террас и, по сравнению с мысовыми, имеют меньшую зависимость от рельефа местности. Их укрепления часто представлены несколькими рядами валов и рвов. Фортификационная линия городищ обычно проходит по нескольким сторонам, а наиболее мощные крепостные сооружения нередко прослеживаются в месте выхода городища на террасу. По краю террас прослеживаются эскарпы. Памятники чаще всего имеют неправильно-овальную (Бийское городище-3, Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, Манжерок-3) или неправильно-многоугольную (Усть-Иша-3а, Бийское городище-7, Барангол-5) форму в плане. Таким образом, Емурлинское городище имеет сходство с террасными городищами Алтая и его северных предгорий, датируемых нами гунно-сарматским временем по специфике топографических и фортификационных характеристик, особенностям инвентаря и результатам радиоуглеродного (^{14}C) анализа (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В., 2011, с. 36-42).

Существенными чертами Емурлинского городища являются незначительная мощность его культурного слоя и небольшое количество инвентаря, зафиксированные при закладке шурфа. Обращает на себя внимание тот факт, что при закладке шурфа и сборах на городище не обнаружено других материалов, кроме камня и керамики. Отсутствие кости и металла в культурном слое, возможно, объясняется химическим составом почвы, из-за которого они не сохранились. В целом, инвентарь, найденный на Емурлинском городище, не содержит узко датирующих предметов. Но его типологический состав и морфологические особенности сопоставимы с материалами других террасных городищ гунно-сарматского времени и вполне могут быть использованы для определения хронологической принадлежности памятника.

Основной датирующий вещественный материал представлен фрагментами лепных керамических сосудов. По качеству изготовления вся керамика довольно однородна, что свидетельствует об ее привязке к культурному слою городища. Керамический комплекс, близкий к емурлинскому по внешнему виду, оформлению венчиков, орнаментации и составу теста встречается на вышеуказанных террасных городищах, датируемых гунно-сарматским временем: Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4, Манжерокское, Барангольское, Черемшанское, а также на других памятниках майминской культуры (Киреев С.М., 1991; Абдулганеев М.Т., 1997; Абдулганеев М.Т., 1998; Соёнов В.И., 2010; Соёнов В.И., Константинов Н.А., 2011; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В., 2011; и т.д.).

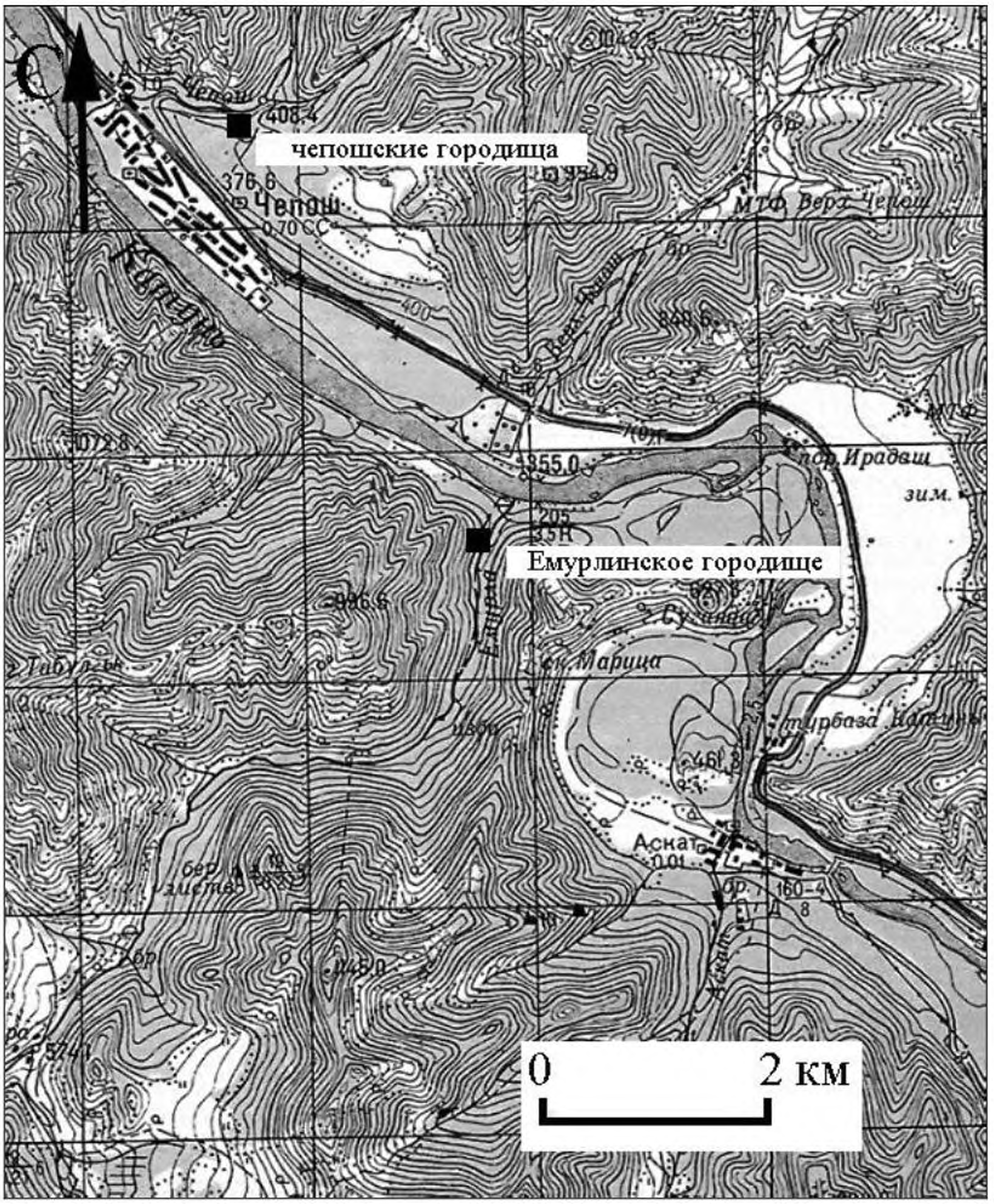

Рис. 1. Месторасположение Емурлинского городища.

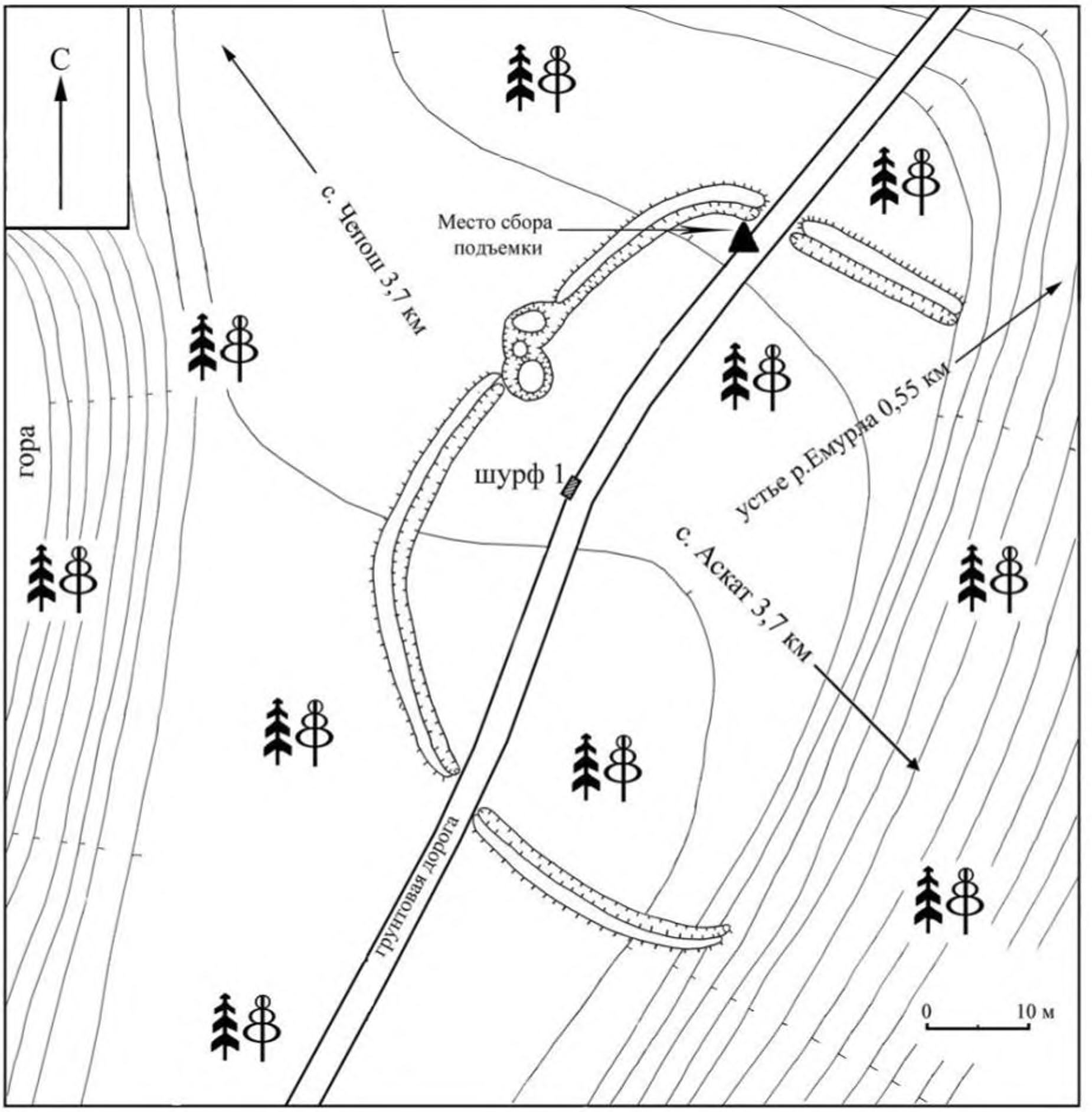

Рис. 2. План Емурлинского городища.

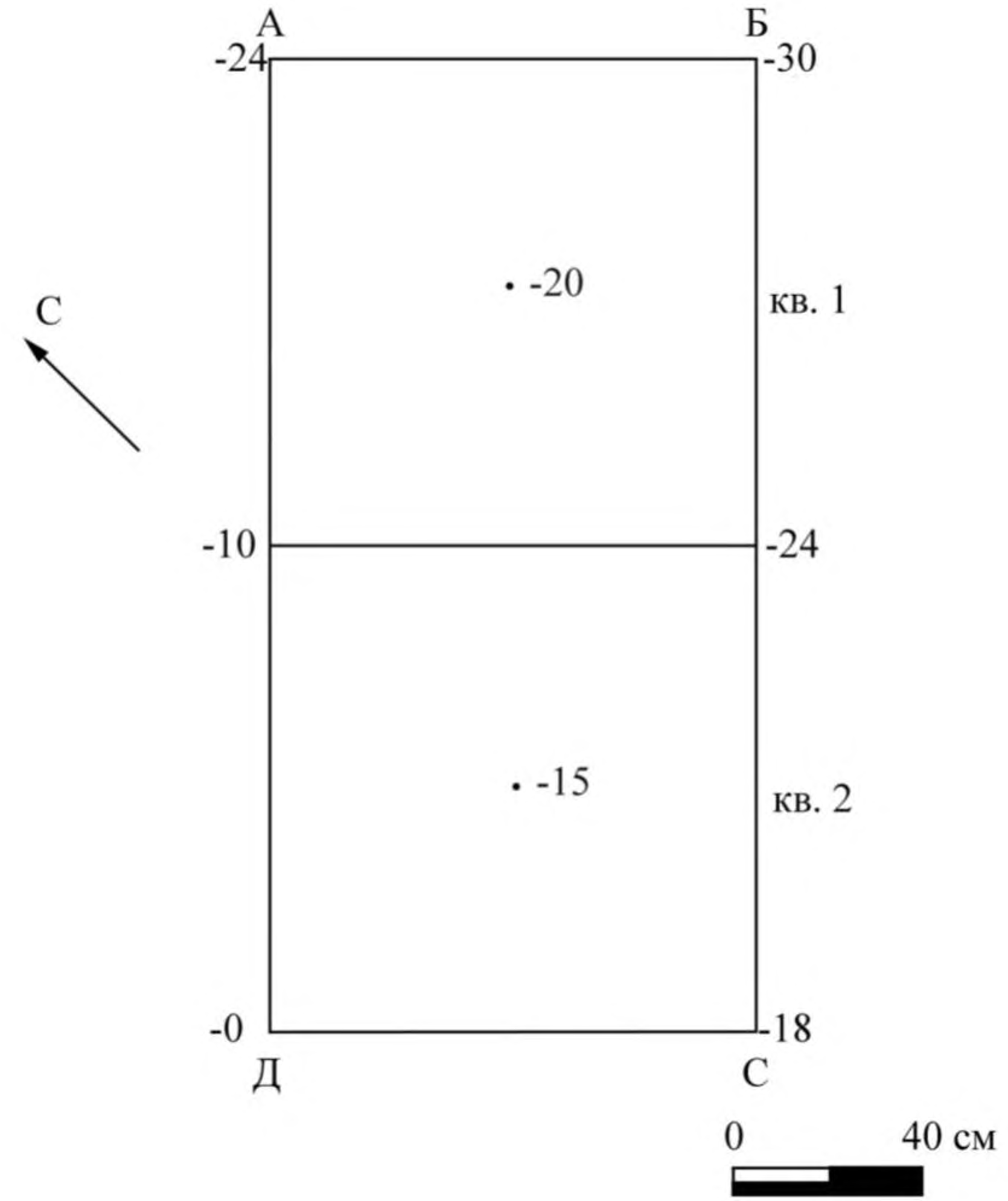

Рис. 3. План нивелировки дневной поверхности.
Шурф 1. Емурлинское городище.

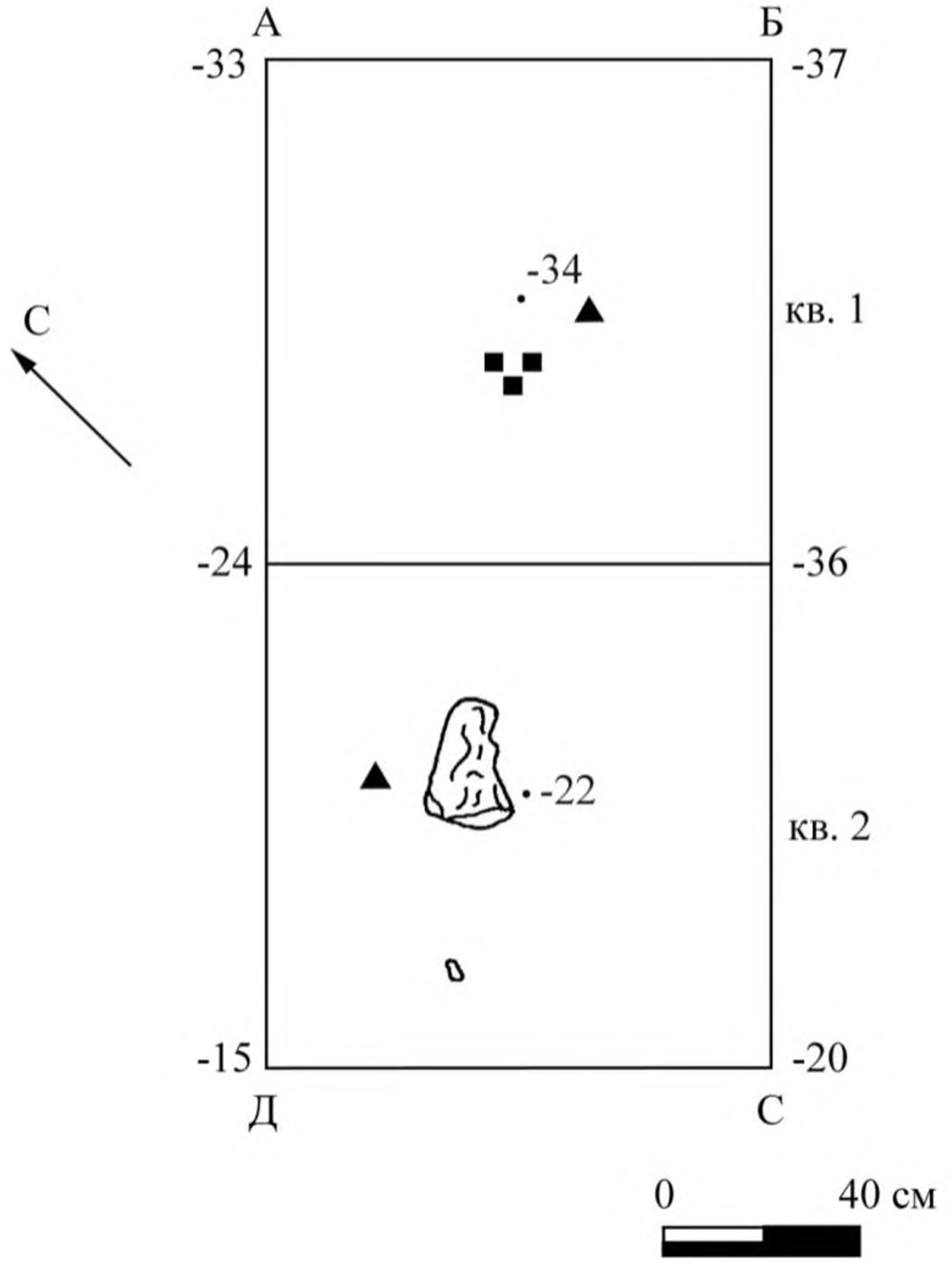

Рис. 4. План пласта 1. Шурф 1. Емурлинское городище.

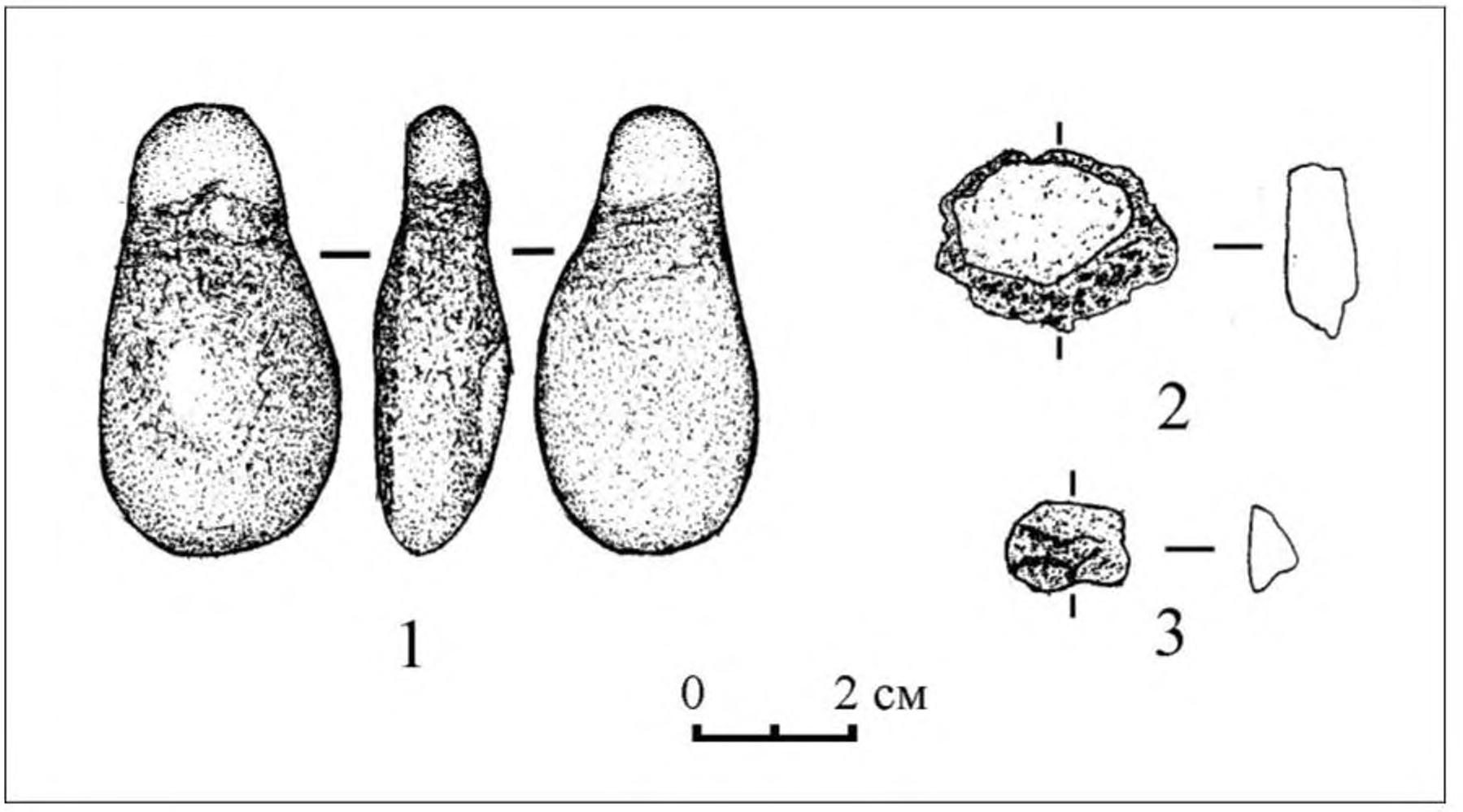

Рис. 5. Инвентарь пласта 1: 1 – галька (квадрат 2);
2-3 – фрагменты керамики (1 – квадрат 1; 2 – квадрат 2).
Шурф 1. Емурлинское городище.

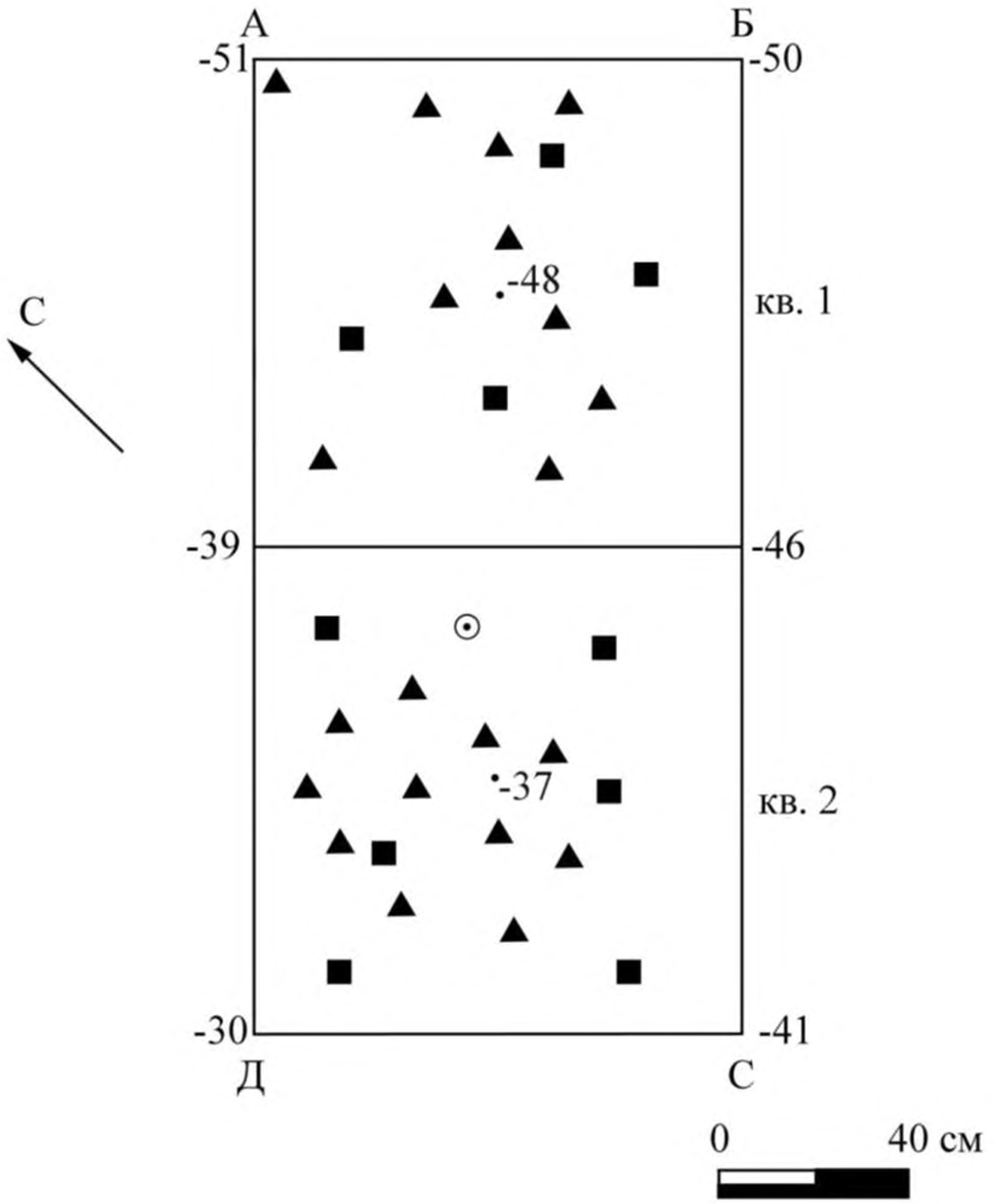

Рис. 6. План пласта 2. Шурф 1. Емурлинское городище.

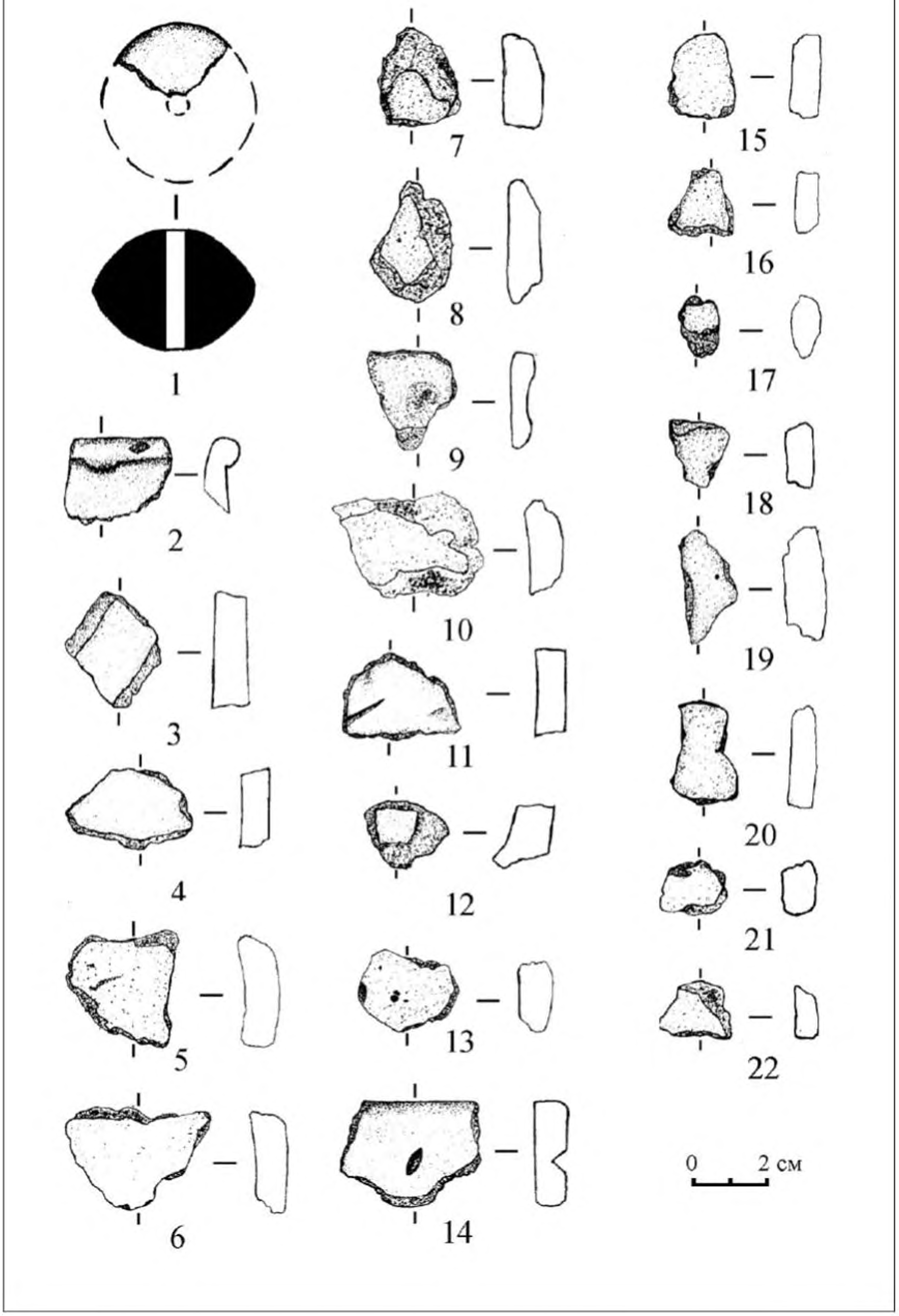

Рис. 7. Инвентарь пласта 2: 1 – фрагмент пряслица (квадрат 2);
2-22 – фрагменты керамики (13-22 – квадрат 1; 2-12 – квадрат 2).
Шурф 1. Емурлинское городище.

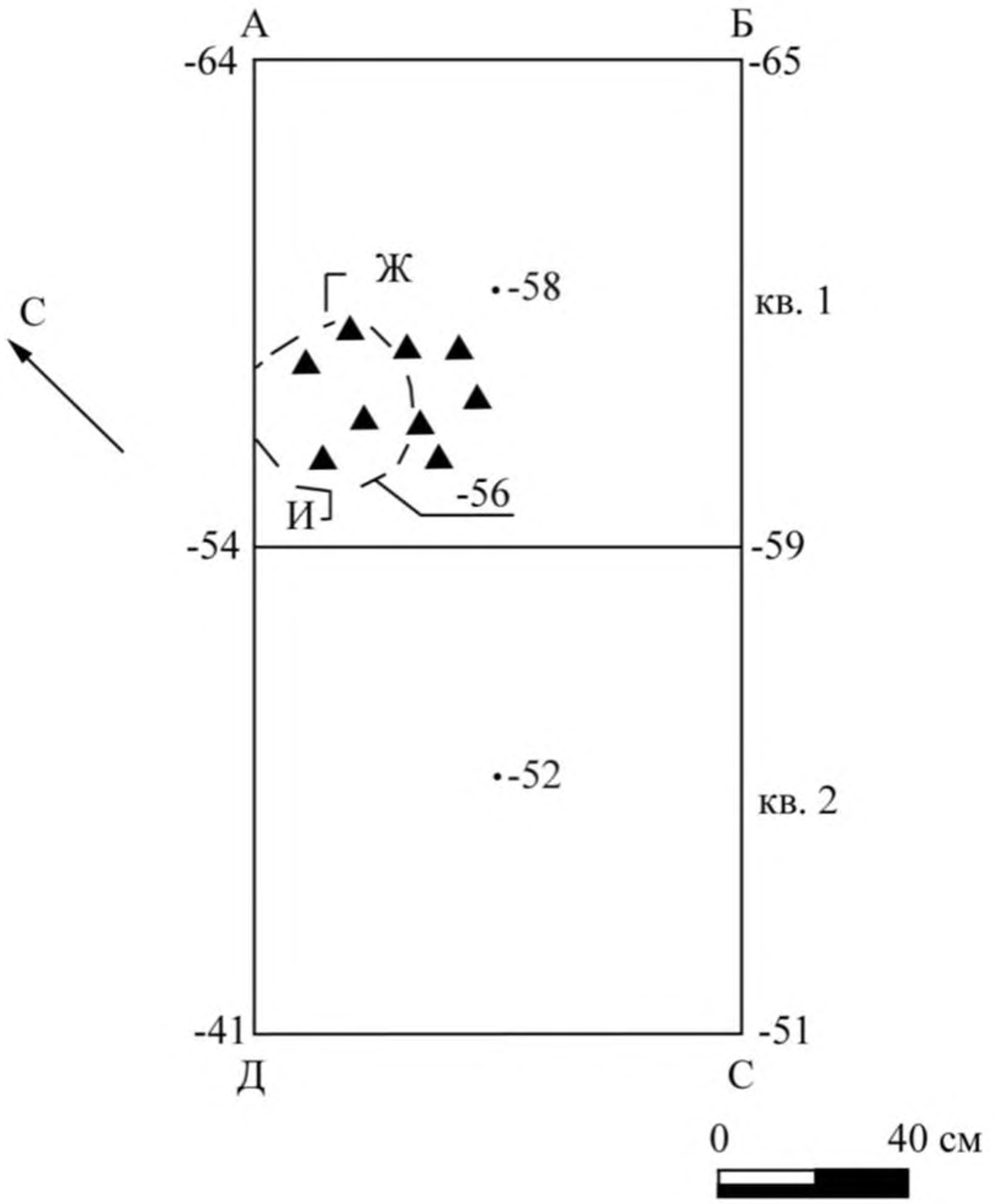

Рис. 8. План пласта 3. Шурф 1. Емурлинское городище.

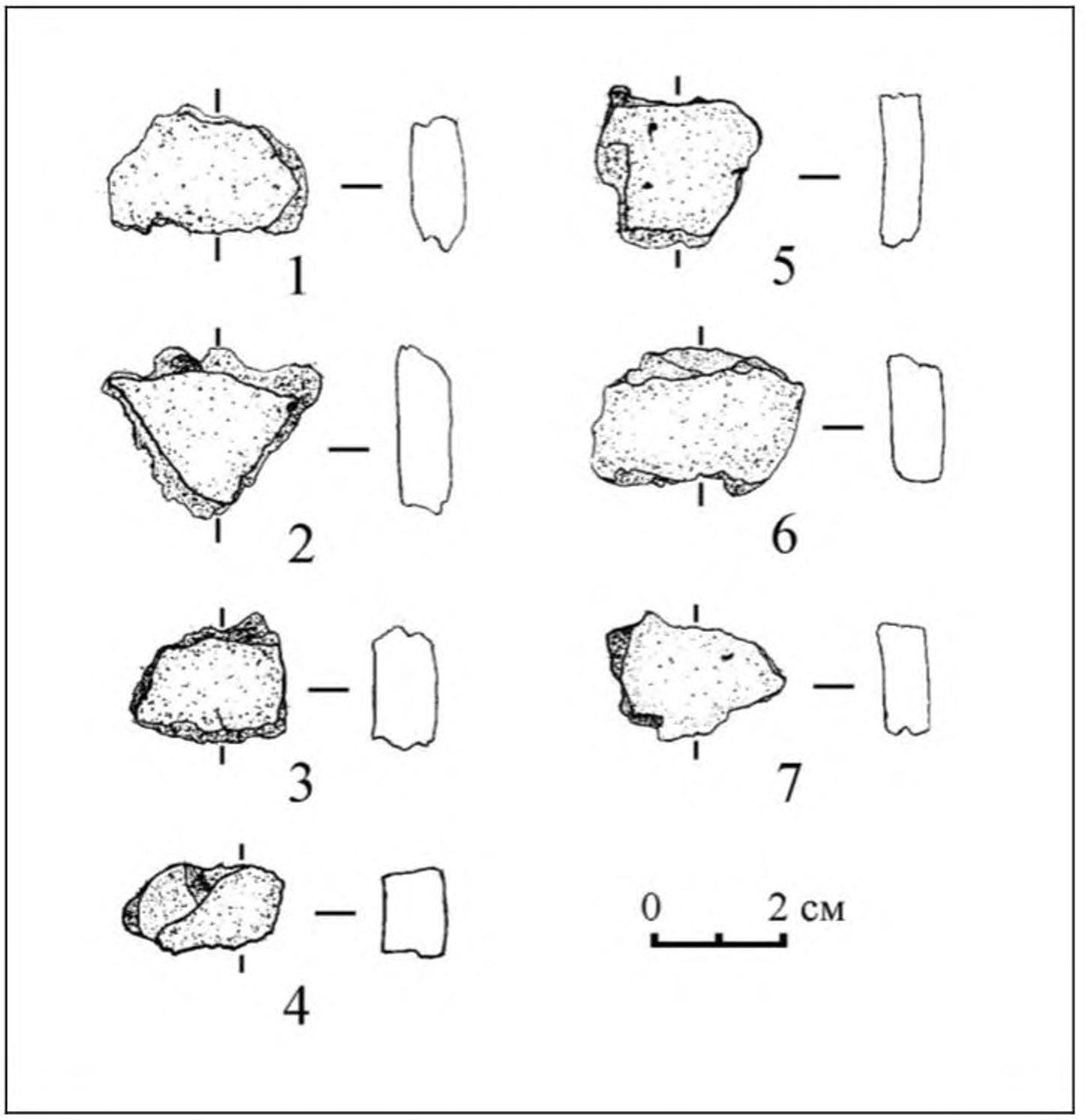

Рис. 9. Инвентарь пласта 3: фрагменты керамики (квадрат 1).
Шурф 1. Емурлинское городище.

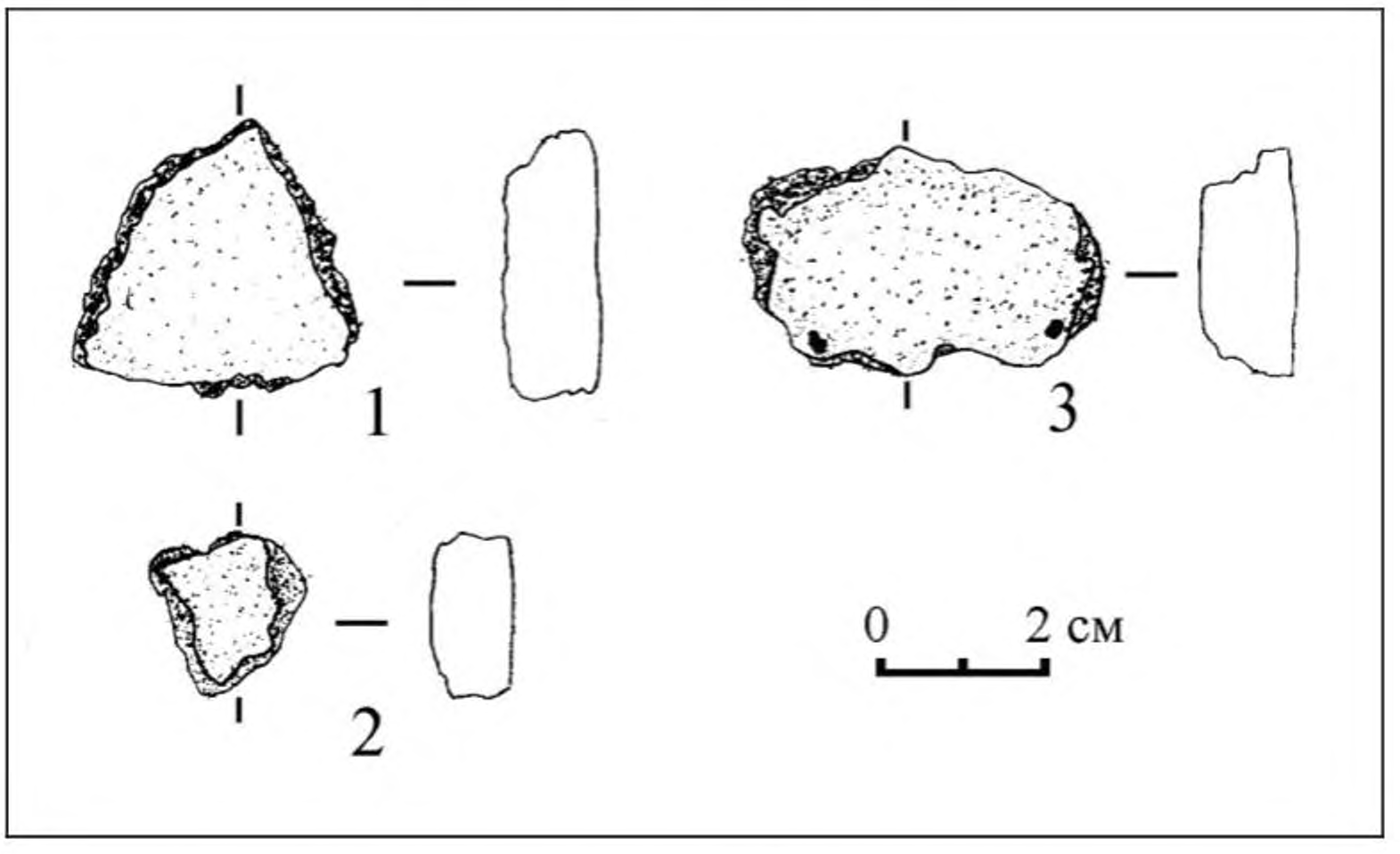
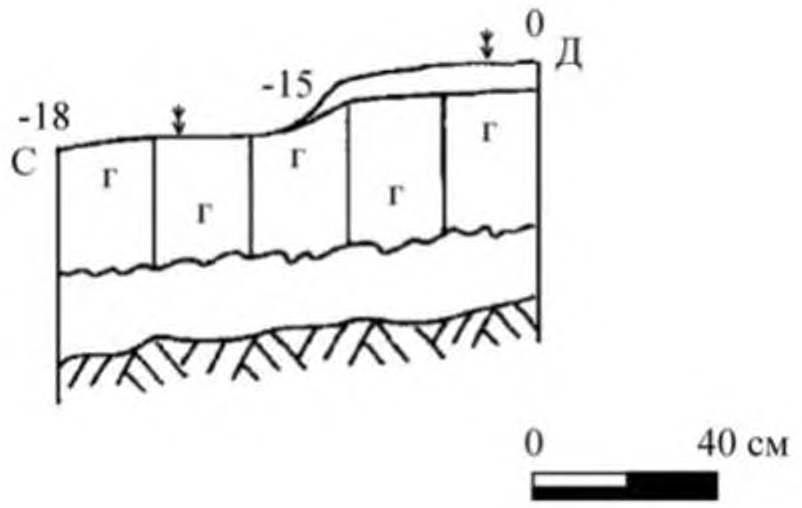
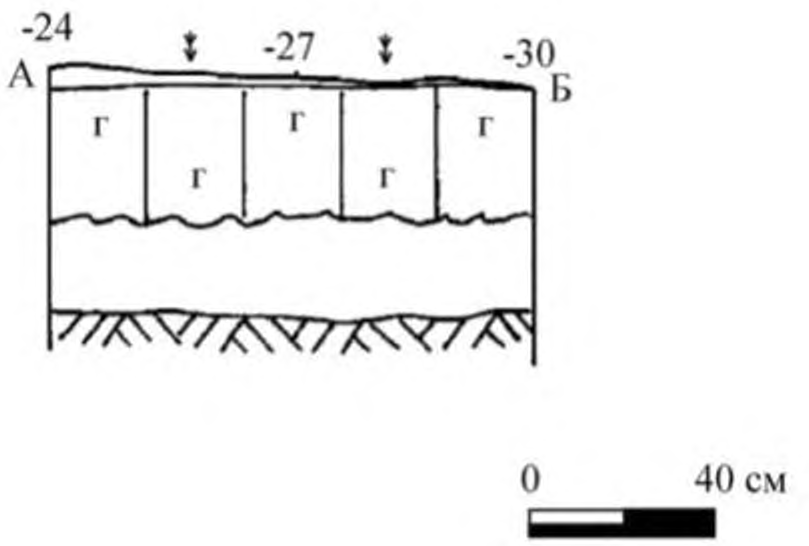

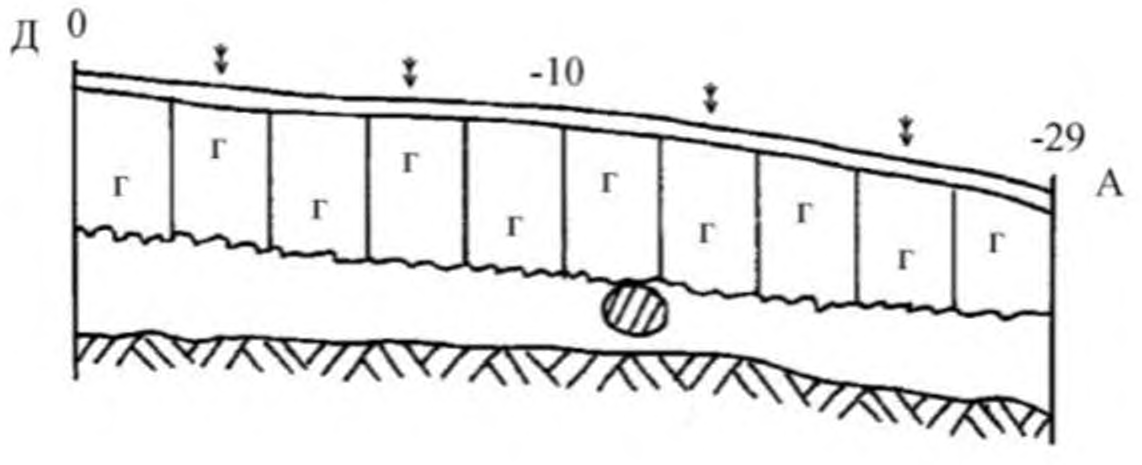
Рис. 10. Инвентарь со стенки С-Д: фрагменты керамики.
Шурф 1. Емурлинское городище.

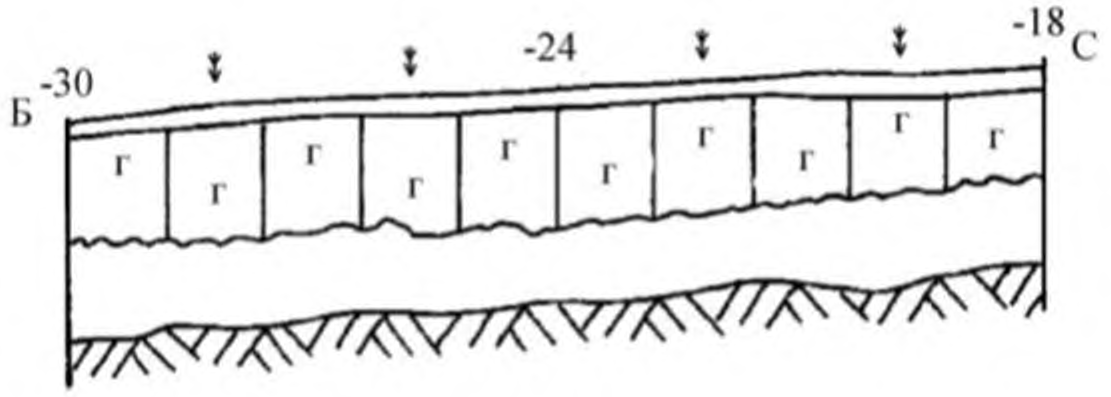
1

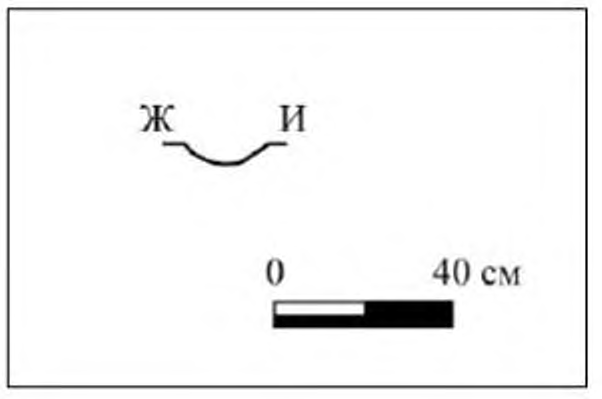
2

3

4

5

Рис. 11. Профили стенок (1-4) и разрез ямки (5). Шурф 1. Емурлинское городище.

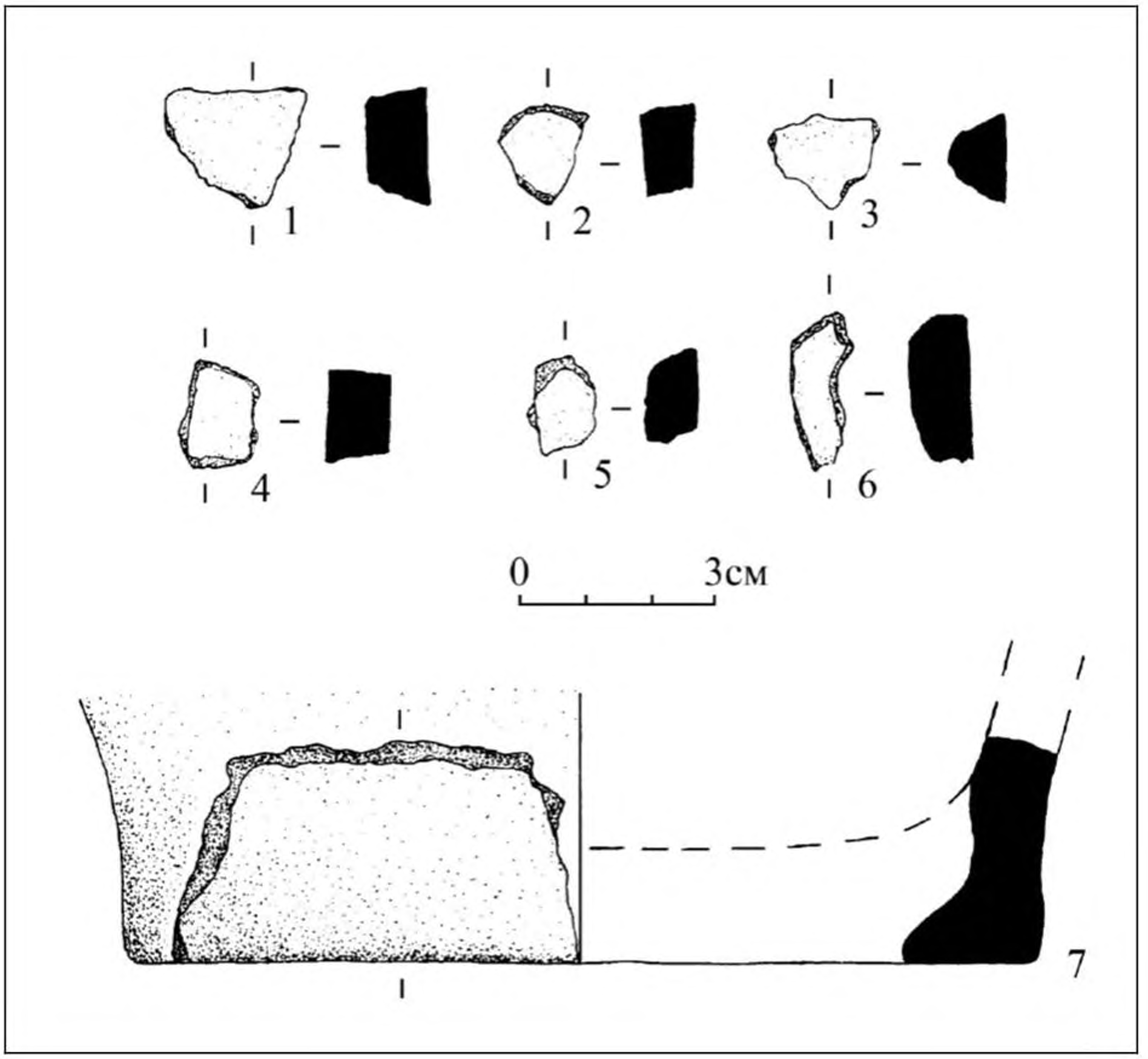

Рис. 12. Инвентарь (фрагменты керамики).
Подъемный материал, собранный в 2011 г. на северной части Емурлинского городища.

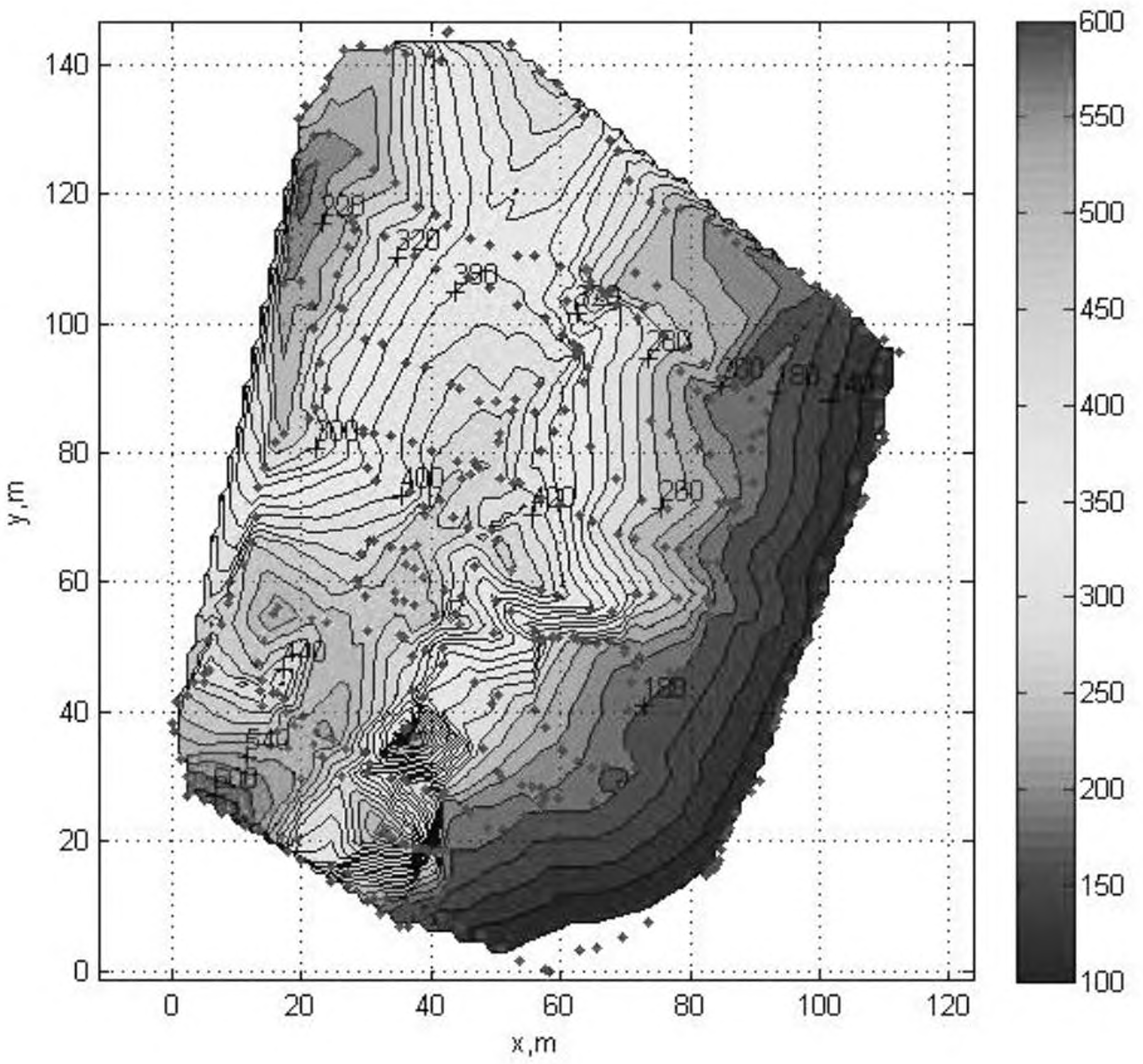

Рис. 13. Результаты предварительной площадной съемки геомагнитного поля участка террасы с Емурлинским городищем.

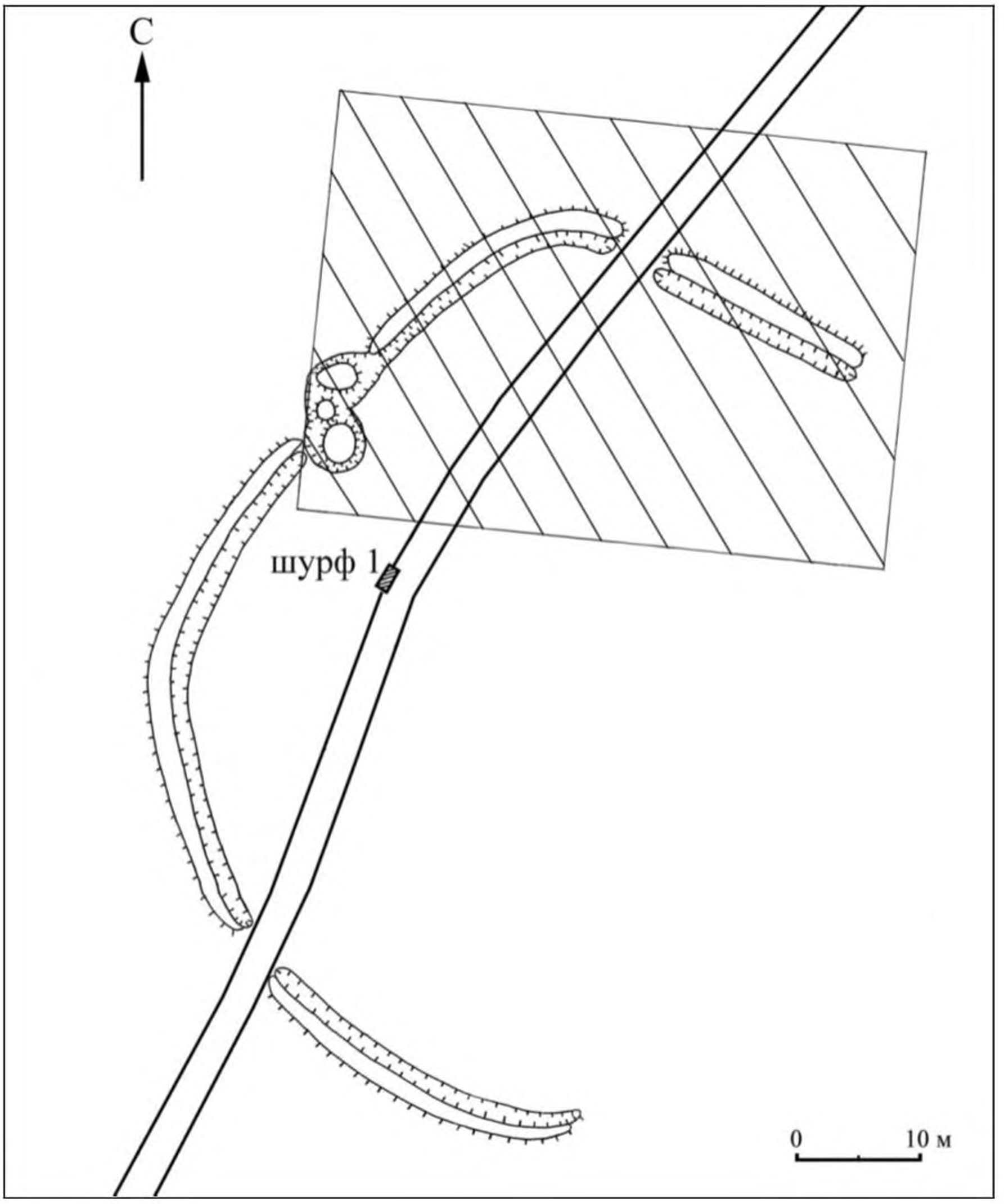

Рис. 14. Схема участка детальной площадной и профильной съемки геомагнитного поля на плане Емурлинского городища.

Пряслица не являются датирующими изделиями, если не имеют особых признаков. Но можно отметить, что фрагмент биконического глиняного пряслица с Емурлинского городища принадлежит изделию, близкому пряслицу гунно-сарматского времени, обнаруженному при раскопках на городище Нижний Чепош-3 в 2009 году (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В., 2011, рис. 136 – 5).

Галька не подвергалась дополнительным исследованиям и трасологическому анализу. Судя по форме и месту обработки, могла использоваться в качестве грузила при ловле рыбы. Также она может быть заготовкой фигурки человека, используемой в проведении, например, обрядовых действий. На сегодняшний день известно значительное количество разновременных гравированных галек и каменных плиток, обнаруженных на территории Горного Алтая (Трифанова С.В., Константинов Н.А., 2010, с. 295).

Таким образом, судя по топографическим и фортификационным характеристикам, а также типологическому составу и морфологическим особенностям инвентаря, Емурлинское городище, как и остальные алтайские городища, может датироваться в пределах конца I тыс. до н.э. – первых веков I тыс. н.э.

Городище, как поселение функционировало, видимо, совсем недолго. Об этом свидетельствуют небольшое количество найденного инвентаря и слабая мощность культурного слоя. Указанные обстоятельства косвенно подтверждают датировку городища, поскольку известные на Северном Алтае поселения с фортификационными сооружениями (Манжерок-3, Барангол-5, Нижний Чепош-4, Черемшанское городище) появились и функционировали небольшой промежуток времени в гунно-сарматский период, явно в условиях какой-то сложной военно-политической ситуации. Исключение составляет городище Нижний Чепош-3, где население продолжало проживать еще какое-то время после окончания военной угрозы.

Еще одним косвенным подтверждением датировки Емурлинского городища гунно-сарматским временем является его близкое расположение к чепошским городищам. Эти памятники (Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4) находятся рядом, на краю одной террасы, разделенной неширокой ложбинкой (Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И., 2010, рис. 1; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В., 2011, с. 22). Емурлинское городище, хотя и расположено на другом берегу Катуни, но находится на расстоянии визуального контакта с чепошскими городищами и имеет с ними, как отмечалось выше, аналогию по топографии. На наш взгляд, эти три городища одновременны и образуют некую систему укрепленных поселений.

Описание геофизических работ.

25-29 июня 2012 г. на городище и прилегающих к нему участках производилась съемка геомагнитного поля сотрудником Лаборатории геофизики Горно-Алтайского государственного университета А.И. Бакияновым. Съемка проводилась магнитометром MMPOS-1 (разработка Лаборатории квантовой магнитометрии Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ), абсолютная точность 0,2 нТл, отсчётная точность – порядка 1-10 пТл). На магнитной съемке были заняты два человека: один выполнял функцию оператора и работал с прибором, а второй, у которого при себе не было магнитных предметов, работал с датчиком в нескольких метрах от оператора.

Первоначально была произведена предварительная площадная съемка геомагнитного поля участка террасы (рис. 13). Затем осуществлена детальная площадная и профильная съемка на площадке размерами 47х34 м в северной части городища (рис. 14) для выявления искусственных сооружений и отработки методики полной геомагнитной съемки территории городища и окрестностей.

Для детального обследования выделенная площадка 47х34 м была разбита сеткой квадратов, которая ориентирована по сторонам света (с отклонением до 5°). При разбивке сетки использовался «египетский прямоугольный треугольник» со сторонами 30, 40, 50 м, в результате чего разница диагоналей прямоугольника 47х34 не превысила 20 см. Съемка на данном участке проводилась с шагом в 1 м на высоте 1 м. Для получения более точных сведений была проведена профильная съемка прямоугольника 8х18 м на двух высотах: 0,5 м и 1,5 м.

Объекты на территории памятника (ров, вал, современная грунтовая дорога и т.д.), а также понижения и повышения рельефа, по мнению геофизика, довольно четко отразились на карте магнитного поля. В настоящее время осуществляется фильтрация и интерпретация исходных магнитометрических данных в Лаборатории геофизики ГАГУ.

Заключение.

Емурлинское городище представляет собой остатки укрепленного поселения с фортификационными сооружениями, которые прослеживаются в виде оплывших и сильно задернованных вала и рва. Отсутствие узкодатирующих предметов затрудняет окончательную датировку памятника. Однако на основании изучения топографии и фортификационных особенностей, а также анализа инвентаря, найденного в результате сборов и раскопок, Емурлинское городище предварительно датируется нами гунно-сарматским временем.

Мы полагаем, что расположенные на расстоянии визуального контакта Емурлинское городище и городища Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4 существовали одновременно и представляли собой элементы единой оборонительной системы, функционировавшей непродолжительный период какой-то военной угрозы.

Что касается вопроса об этнокультурной принадлежности объекта, то он, судя по фрагментам керамики, предположительно может относиться к поселениям носителей майминской культуры. Для получения более полной информации и надежной интерпретации Емурлинского городища необходимо дополнительно провести комплексные широкомасштабные исследования.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Выпуск VIII. С. 73-77.
2. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибутация земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 165-171.
3. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Азбука, 2001. Выпуск XII. С. 93-97.
4. Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. №9. С. 42-52.
5. Бородовский А.П. Продолжение археологического обследования правобережья горной долины Нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2007. Выпуск XVI. С. 183-189.
6. Казаков А.А., Исупов С.Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1990. С. 109-112.
7. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 219-231.
8. Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул, 1991. С. 84-88.
9. Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. 144 с.
10. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск: АлтГУ, 1992. С. 7-47.
11. Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 62-71.
12. Соёнов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 337-340.

13. Соёнов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. №3(15). С. 3-6.
14. Соёнов В.И. Особенности топографического размещения и хронология городищ Алтая и северных предгорий // Международный симпозиум "Terra Scythica". Новосибирск, 2011. С. 68-69.
15. Соёнов В.И. Полевые работы Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ в 2011 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012а. №4(16). С. 3-8.
16. Соёнов В.И. Отчет об археологических разведках в Шебалинском и Майминском районах Республики Алтай в 2011 году. Горно-Алтайск, 2012б. 159 с. (Архив Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ).
17. Соёнов В.И., Константинов Н. А. Хронологическая и культурная принадлежность Манжерокского городища (Северный Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. №6(12). С. 183-190.
18. Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В. Особенности топографического размещения и хронология городищ Алтая и северных предгорий // "Terra Scythica". Материалы международного симпозиума "Terra Scythica" (17-23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). Новосибирск, 2011. С. 252-260.
19. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соенов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск, 2011. 228 с.
20. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В. Археологические памятники верховьев р. Песчаной // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012. №4(16). С. 27-69.
21. Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии. Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. С. 61-67.
22. Трифанова С.В., Константинов Н.А. Гравированные гальки из фондов музея археологии ГАГУ // Туухийн товчоо. Уланбаатар, 2010. С. 295-300.
23. ЦХАФ АК. ФД.81. Оп.1. Д.77.
24. Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И. Городища Нижний Чепош-3 и 4 // Известия Алтайского государственного университета. Серия история и политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 249-253.
25. Soenov V.I., Konstantinov N.A., Soenov D.V. Peculiarities of Topographical Arrangement and chronology of Hillforts of the Altai and its Northern Foothills // Scientific Bulletin of Gorno-Altaisk State University (Collection of Scientific Articles). Gorno-Altaisk: GASU press, 2012. P. 60-76.

Константинова (Штанакова) Е.А., Суразаков А.С.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

ПРОИЗВОДСТВО ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НА АЛТАЕ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам могильника Айрыдаш-I)*

Введение.

Остатки тканых и вязаных изделий относительно нечастая находка в археологических памятниках Горного Алтая гунно-сарматского времени. Фрагменты шерстяного и шёлкового текстиля, а также их отпечатки на металлических предметах были обнаружены в десяти погребальных памятниках II в. до н.э. – V в. н.э. (Сорокин С.С., 1977, с. 58; Захаров А.А., 1926, с. 79-80; Соёнов В.И., Глебова Н.И., 2003, с. 88; Худяков Ю.С., 2003, с. 79-80; Тишкин А.А., 2005, с. 196). Шёлковые ткани считаются более ценной находкой, так как являются точным датирующим материалом (Иерусалимская А.А., 1979, с. 114-120) и свидетельством торговых и дипломатических связей с другими государствами (Соёнов В.И., Глебова Н.И., 2003, с. 88). Шерстяным изделиям уделяется значительно меньше внимания. Изучение технологических особенностей шерстяной тканой и вязаной продукции даёт возможность для выявления местной традиции производства текстиля. До настоящего времени исследование текстиля из погребений гунно-сарматского времени представлено только реконструкциями костюма (Худяков Ю.С., 2003; Тишкин А.А., 2005).

В данной публикации приведены результаты анализа технологических характеристик текстиля, очевидно, местного производства, из погребений могильника Айрыдаш-I. При изучении коллекций тканей и трикотажей, все определения были сделаны на основе органолептического метода с использованием увеличительных стекол.

Могильник Айрыдаш-I расположен в 3 км от с. Куюс Чемалького района Республики Алтай. Разновременной могильник исследовался экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова в 1980, 1982, 1984-1990 гг. (Суразаков А.С., 1986, с. С. 203, 1987, с. 284-285, 1990, с.197-200). Раскопано 223 объекта погребального и поминального характера. Материалы раскопок не опубликованы и хранятся в Национальном музее имени А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске (Степанова Н.Ф., Соёнов В.И., 2009, с. 53-54). Инвентарные номера коллекций разных лет – 10652, 10661, 11935, 11936, 11966, 12111.

Текстильная шерстяная продукция гунно-сарматского времени из могильника Айрыдаш-I представлена фрагментами тканых и вязаных изделий, фрагментами ожелезнёной ткани и её отпечатками на железных изделиях.

Описание находок.

Фрагменты *тканых* изделий (табл. 1) были обнаружены в двух погребениях могильника – 60 и 67. Количество образцов в погребении 67 – 6. При этом первые три фрагмента находились в сложенном друг на друга состоянии и имели сгиб по одному краю. *Экземпляр 1* имеет тёмно-коричневый цвет, с внешней стороны прослеживается лёгкий серый налёт и зелёный оттенок. Размеры фрагмента – 3,5×2,5 см. На 1 см по основе приходится примерно 8 нитей, по утку – 20. Ткань имеет довольно плотную структуру. Тонина нитей основы – 0,3 мм, утка – 0,7 мм. Направление плетения полотняное. Крутка нити по основе и по утку – правая (Z). В качестве сырья использована шерсть. *Экземпляр 2* имеет тёмно-коричневый неравномерный цвет, местами слабо прослеживаются пятна красноватого оттенка. Размеры фрагмента совпадают с предыдущим образцом. На 1 см по основе приходится 9-10 нитей, по утку – 20-22. Ткань плотная (плотнее предыдущего образца). Фрагмент имеет полотняное переплетение. Тонину нитей основы определить не удалось. Тонина нитей по утку – 0,5 см. Направление крутки нити по утку – Z. Сырьё – шерсть. *Экземпляр 3* имеет темно-коричневый цвет. Согнут пополам. На одной из согнутых сторон прослеживаются

* Работа выполнена в рамках реализации проекта госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011).

остатки органического вещества. Размеры фрагмента в развёрнутом виде – 3,5×3,5 см. На 1 см по основе приходится 8-9 нитей, по утку – 20-22. Полотно не слишком плотное. Переплетение полотняное. Тонина нитей основы – 0,4 см, тонина нитей утка – 0,6 см. Направление крутки нити и по основе и по утку – Z. Сырьё – шерсть. *Экземпляр 4* представляет собой фрагмент ткани, сложенный в 2, местами в 3 слоя, имеющий множество сгибов и порывов. Слои склеились между собой в области, где наблюдаются остатки органического материала (?). Цвет тёмно-коричневый неравномерный, прослеживаются окислы зелёного цвета (от нахождения вблизи бронзового предмета). Размер «комка» 7×5 см. В среднем на 1 см основы приходится 5-7 нитей, 1 см утка – 15-16 нитей. Плотность фрагмента неравномерна. Небольшое количество нитей на 1 см обусловлено довольно большой тониной нитей. Фрагмент имеет полотняное переплетение. Тонина нитей по основе составляет – 0,8 см, по утку – 0,9 см. Правое (Z) направление крутки нитей, как по основе, так и по утку. Сырьё – шерсть. Стоит отметить, что через подогнутый край одной части фрагмента несколько раз продёрнута двойная нить очень слабой правой (Z) крутки. Предположительно это шов. Среди мятого фрагмента ткани был обнаружен небольшой фрагмент трикотажа (описание ниже). *Экземпляр 5* представляет собой фрагмент мятой ткани, вероятно. Цвет – тёмно-коричневый. Фрагмент имеет размеры – 3,5×2 см. Из-за плохой сохранности весьма трудно определить количество нитей приходящихся на 1 см основы и утка. На читаемых с трудом участках полотна их количество составляет по основе – 7, по утку – около 20. На нераспустившейся части материал достаточно плотный. Способ переплетения нитей полотняный. Тонина нитей по основе – 0,9 см, по утку – 1 мм. Направление крутки нитей по основе и по утку правое (Z). Сырьё, использованное для производства нитей ткани – шерсть. *Экземпляр 6* был сложен в два слоя, и согнут пополам. В сложенном виде фрагмент имеет размеры – 4×2 см. Цвет – тёмно-коричневый. Количество нитей на 1 см по основе – 8-9, по утку – 24. Ткань плотностная. Полотняное переплетение. Тонина нитей основы – 0,2-0,3 мм, утка – 0,6 мм. Направление крутки нитей по основе и по утку – правое (Z). Сырьё – шерсть.

В погребении 60 сохранилось два фрагмента ткани. *Экземпляр 1* был сложен в несколько слоёв и согнутый. Размеры фрагмента – 3×1,7 см. Цвет фрагмента – коричневый. На 1 см основы приходится 14-15 нитей, 1 см утка – 28-30. Ткань плотная и тонкая. Полотняное переплетение. Тонина нитей по основе – 01,-0,2 мм, по утку – 0,2-0,3 мм. Z-крутка нитей по основе и по утку. В качестве сырья использовалась шерсть. *Экземпляр 2* представляет собой фрагмент ткани, приклеившийся к трикотажу (описание ниже). Размеры – 1,5×1,5 см. Цвет фрагмента – тёмно-коричневый. На 1 см основы приходится около 12 нитей, на 1 см утка – 32. Материя плотная и тонкая. Полотняное переплетение. Тонина нитей утка составляет 0,3-0,4 мм. Тонину нитей основы определить затруднительно из-за небольших размеров фрагмента и целостности краёв. Нити имели Z-крутку. Сырьё – шерсть.

Фрагменты *трикотажа* (табл. 2) были обнаружены в тех же погребениях, что и ткани – 60 и 67. Из погребения 67 происходит шесть образцов трикотажа. *Экземпляр 1* находился рядом с экземпляром ткани под номером 4. Цвет – тёмно-коричневый неравномерный. Фрагмент имеет размеры 2,5×3 см. Тонина нитей 0,2-0,3 мм. Z-крутка нити. В качестве сырья для пряжи использована шерсть. *Экземпляр 2* имеет тёмно-коричневый цвет с сильным зелёным оттенком. Размеры фрагмента – 6×3,5 см Ширина одной петли 2-2,5 мм. Тонина нити – 0,5 см. Z-крутка нити. Сырьё – шерсть. Плетение представляет собой чередование двух лицевых и двух изнаночных петель (рис. 1 – а). *Экземпляр 3.* Цвет фрагмента – от золотисто-коричневого до тёмно-коричневого. Поверхность фрагмента покрыта большим количеством окислов зелёного цвета. На краю фрагмента сохранилась часть бронзового полусферического изделия (бляшка?). Фрагмент имеет размеры 4×10 см. Ширина одной петли 2 мм. Тонина нити 0,4-0,5 мм. Z-крутка нити. Сырьё – шерсть. Вертикально полотно представляет собой чередование двух изнаночных и двух лицевых петель. В одном из углов чередование переходит только в лицевые петли (рис. 1 – в). *Экземпляр 4* плохой сохранности. Спёкся с фрагментом бронзового изделия (стерженёк). Имеет тёмно-коричневый цвет и покрыт окислами ярко-зелёного цвета. Фрагмент размерами 2,5×1,5 см. Ширина одной петли – 1,5 мм. Тонина нити – 0,5 см. Z-крутка нити. Сырьё – шерсть. Полотно представляло собой чередование лицевых и изнаночных петель (рис. 1 – а). *Экземпляр 5* спёкся с окисленным железным и бронзовым изделием. Цвет – коричневый с жел-

товато-зелёным налётом. Размеры – 1×1,5 см. Ширина одной петли – 0,2 см. Тонина нити – 0,5 мм. Направление крутки нити – правое (z). Сырьё – шерсть. Наблюдается чередование одной лицевой и одной изнаночной петель (рис. 1 – г). *Экземпляр 6* имеет коричневый цвет и размеры 1,3×1,3 см. Ширина петли – 0,2 см. Тонина нити – 0,4-0,5 мм. Z-крутка нити. Сырьё – шерсть. Прослеживается чередование лицевых и изнаночных петель (рис. 1 – а).

Из погребения 60 происходит три фрагмента трикотажа. *Экземпляр 1* представляет собой трикотаж спёкшийся с фрагментом бронзового изделия (бляшка?). Цвет – от тёмно-коричневого до болотно-зелёного. Размеры – 4,5×1,8 см. Ширина петли – 1-1,5 мм. Тонина нити – 0,4-0,5 мм. Направление крутки нити – правое (z). Сырьё – шерсть. На фрагменте прослеживаются ряды из лицевых петель (около десяти), а затем начинается чередование двух лицевых и двух изнаночных петель (рис. 1 – б). *Экземпляр 2* – фрагмент плохой сохранности. Спёкся с полуобоймой-накосником из бронзы. Цвет фрагмента – коричневый с ярким зелёным налётом. Размеры – 3×1,5 см. Тонина нити – 0,2-0,3 мм. Z-крутка нити. Сырьё – шерсть. Ширина петли – около 1 мм. Трикотаж достаточно плотный. На сохранившемся фрагменте прослеживаются только лицевые петли (рис. 1 – д). *Экземпляр 3* состоит из нескольких фрагментов, представлявших собой единое целое. Фрагмент перегнутый пополам. В некоторых местах перегиб перетёрся. Трикотаж спёкся с булавовидной бронзовой подвеской и небольшим фрагментом тонкой плотной ткани. Цвет экземпляра – от тёмно-коричневого до болотного. Размеры фрагментов – 4,5×2 см, 3,5×2 см. Ширина петли – 1-1,5 мм. Тонина нитей – 0,5 мм. Направление крутки нити – Z. Сырьё – шерсть. Верхний фрагмент представляет собой чередование двух лицевых и двух изнаночных петель, переходящих в полотно только из лицевых петель (рис. 1 – б). На нижнем фрагменте прослеживается чередование двух лицевых и двух изнаночных петель (рис. 1 – а).

Отпечатки тканей на железных предметах и фрагменты *ожелезнёной ткани* были обнаружены в 12 погребениях могильника. В основном это предметы поясной гарнитуры (пряжки, пластины и пр.).

Погребение 21. Фрагменты ожелезнёной ткани на поясной щитковой пряжке. Размер фрагмента ткани – 1,3×0,8 см. Полотняное переплетение. Ткань плотная, нити тонкие.

Погребение 31. Отпечатки ткани на фрагменте железного изделия неизвестного назначения. Размеры отпечатков – 0,7×1,2 см, 1,1×1,2 см. Полотняное переплетение.

Погребение 53. Ожелезнёная ткань на детали поясной гарнитуры. Размеры отпечатков – 2×1,8 см. Полотняное переплетение.

Погребение 60. Фрагмент ожелезнёной ткани и частично её отпечатки на железном предмете, представляющим собой две узкие пластины, с одной стороны скреплённые шпеньком. Пластины вкруговую покрывает ожелезнёная ткань. На перегибах ткань выкрошилась. На поверхности одной пластины прослеживается двойной слой ожелезнёной ткани. Часть ткани отделилась от железа, оставив отпечатки. Размеры участков – 5×1,2 см, 5,5×0,7 см, 4×1,2 см, 0,7×0,3 см, 3,7×0,8 см. На 1 см по основе – 10 нитей, по утку – 24 нити. 0,6 мм. Ткань имеет Z-крутку нитей. Полотняное переплетение.

Погребение 79. Отпечаток мелкозернистой ткани на фрагменте железного кольца (деталь поясной гарнитуры). Размеры отпечатка – 2×0,8 см. Отпечаток плохой сохранности, из-за чего трудно распознать технологические характеристики ткани.

Погребение 107. Отпечатки ткани на фрагментах железного изделия неизвестного назначения. Размеры отпечатков – 1,5×1,5 см, 1×1,5 см, 1,7×1,7 см, 0,8×0,8 см, 2,5×0,9 см, 1,3×0,6 см. Тонина – 0,3-0,4 см. Очевидно, ткань была достаточно плотной, а нить тонкой. Полотняное переплетение.

Погребение 125. Отпечатки ткани на фрагменте железного изделия неизвестного назначения. Размеры отпечатков – 1,4×1,2 см, 1,2×1 см. Отпечаток плохой сохранности, из-за чего трудно распознать технологические характеристики ткани.

Погребение 126. Отпечаток ткани на железной пряжке округлой формы. Располагается на внутренней стороне вокруг края пряжки. Размер отпечатка – 1,6×1 см. Полотняное переплетение.

Погребение 144. Отпечатки ткани на детали поясной гарнитуры (подвесное кольцо с зажимными пластинами, на которых располагаются отпечатки). Размеры отпечатка – 1,8×1,2 см, 0,5×0,5 см. Полотняное переплетение.

Погребение 148. Отпечаток ткани на фрагменте железного изделия неизвестного назначения. Размер отпечатка – 1,8×1,3 см. Тонина – 0,6 мм. Полотняное переплетение.

Погребение 149. Ожелезнёная ткань на поясной пряжке. Размеры ткани – 2×1,3 см. Тонина нити – 0,6-0,7 мм. Ткань имеет Z-крутка нити. Полотняное переплетение.

Погребение не известно. Ожелезнёная ткань и её отпечатки на всей поверхности железной трубочки. Размер самого большого фрагмента – 2×1,7 см. Полотняное переплетение.

Обсуждение результатов.

По результатам изучения образцов ткани из погребения 67 можно констатировать, что все образцы имеют полотняный характер переплетения нитей, но при этом у каждого из фрагментов свои особенности, проявляющиеся в разнообразных сочетаниях крутки, тонины и плотности нитей. Некоторые характеристики являются общими для всех образцов. Это такие признаки, как крутка нити (Z-крутка у всех экземпляров) и сырьё (в качестве сырья во всех случаях была использована шерсть). Фрагменты различались по таким признакам, как количество нитей на 1 см по основе и утку и тонина нитей основы и нитей утка. Таким образом, из шести фрагментов условно выделилось две группы по наиболее схожим показателям. Первая группа – экземпляры 1, 2, 3, 6. В этих фрагментах количество нитей на 1 см по основе составляет 8-10, по утку – 20-24. Тонина нитей основы – 0,2-0,3 мм, нитей утка – 0,4-0,7 мм. Вторая группа – экземпляры 4, 5. Для них количество нитей на 1 см по основе составляет 5-7, по утку – 15-20. Тонина нитей основы – 0,8-0,9 мм, нитей утка – 0,9-1 мм. Таким образом, в погребении 67 мы прослеживаем наличие двух тканей, очевидно, различного назначения. Первая более тонкая, вторая – толще. Производство тонких тканей, в основном, было ориентировано на такое качество, как эластичность, а ткани толстых нитей на непроницаемость. Ткани из средних нитей имели полифункциональный характер (Глушкова Т.Н., 2002, с. 87). Определение принадлежности к какой-либо разновидности одежды затрудняет отсутствие информации о местоположении фрагментов внутри погребения.

Оба образца из кургана 60 имеют близкие друг к другу показатели. Тонина нитей основы – 0,1-0,2 мм, утка – от 0,2 до 0,3 мм. Плотности по основе – 12-15 нитей, по утку – 28-32. Фрагменты ткани достаточно плотные и тонкие. Вероятно, являлись фрагментами одного полотна.

Фрагменты ожелезнёной ткани и её отпечатки дают минимальное количество информации. Точно может говорить только о том, что все образцы имеют полотняное переплетение нитей. У некоторых прослеживается крутка (везде правая). У нескольких экземпляров удалось проследить тонину только нитей утка – от 0,3 до 0,6 мм.

Результаты, полученные при изучении тканей могильника Айрыдаш-I соответствуют и продолжают общую традицию изготовления шерстяных тканей в раннем железном веке на территории как Горного Алтая, так и Западной Сибири. Это подтверждает, прежде всего, одинаково скрученные нити основы и утка, различие в толщине нитей основы и утка (тонина уточной нити несколько больше основной) (Садако Като, 1994, с. 111-114; Глушкова Т.Н., 1994, с. 114-121; Глушкова Т.Н., 2000, с. 158-161; Глушкова Т.Н., 2002, с. 94; Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л., 2005, с. 32, 177). Кроме того, ткани полотняного переплетения, наряду с тканями другого характера переплетения, продолжают изготовлять до начала XX в. народы Сибири. Для их производства применялся горизонтальный ткацкий станок с одной ниченкой (Попов А.А., 1955; Карасёва Н.К., 2007, с. 60). Существует предположение, что такие приспособления были известны в древности, наряду с вертикальным ткацким станком (Глушкова Т.Н., 2005, с. 37). Беря во внимание то, что часть тканых фрагментов из погребений могильника Айрыдаш-I имеет достаточно плотную структуру, близкую к репсовым тканям, можно полагать, что они были изготовлены на горизонтальном ткацком станке.

Общими технологическими признаками для тканей и трикотажей из могильника Айрыдаш-I является то, что для обоих в качестве сырья использовалась шерсть, а нити все имели Z-крутку. Надо отметить, что нити трикотажного полотна были значительно тоньше тканых – от 0,2-0,3 мм до 0,5 мм. В результате чего трикотажное изделие получалось достаточно тонким. Такая тонкая, но тёплая (шерстяная) материя могла идеально подходить для нижней нательной одежды, что подтверждается археологическими свидетель-

ствами (Худяков Ю.С., 2002, с. 104). Данные фрагменты были обнаружены в области черепа и шейно-плечевого отдела, с бронзовыми украшениями – полусферическими бляшками-нашивками, полуобоймами-накосниками, булавовидными подвесками. Они, очевидно, были фрагментами одежды либо головного убора.

Ширина одной петли на разных образцах колеблется в районе 1,2-2,5 мм. То есть вязание было достаточно мелким, но могло предполагать различные рисунки и их комбинации. Так по фрагментам рассматриваемого в работе трикотажа можно проследить несколько рисунков. Первый – чередование одной изнаночной и одной лицевой петель (рис. 1 – г). Второй – чередование двух изнаночных и двух лицевых петель (рис. 1 – а). Третий – сплошное полотно лицевых петель (рис. 1 – д). Два фрагмента сочетают в себе два рисунка – чередование двух лицевых и двух изнаночных петель, переходящее в сплошное полотно лицевых петель (рис. 1 – б, в).

Приспособлениями для изготовления трикотажа, очевидно, служили две (или более) спицы (крючков), подобные тем, что широко используются в современном мире для ручной вязки.

Изготовление вязаных изделий и ткачество традиционно было женским занятием, что находит отражение в этнографии (Вербицкий В.И., 1993; Потапов Л.П., 1953; Попов А.А., 1955). Это свидетельство может быть справедливо и для гунно-сарматского времени.

Заключение.

Производство тканей в Горном Алтае в гунно-сарматское время, судя по имеющимся материалам и сведениям, не отличалось широким разнообразием производимой продукции. Однотипная ткань различалась по толщине и плотности материи. Это объясняется разными направлениями использования полотняной ткани. Относительная плотность некоторых фрагментов позволяет сделать вывод о том, что население Горного Алтая гунно-сарматского времени было знакомо с малым горизонтальным станком.

Для изготовления трикотажных изделий использовался набор простых лицевых и изнаночных петель. В результате их комбинирования возникали несложные рисунки.

Изучение текстиля из могильника Айрыдаш-I свидетельствует о том, что во II в. до н.э. – V в. н.э. на Алтае ткачество и изготовление вязаных вещей не выходило за рамки домашних производств. Производимая продукция главным образом использовалась внутри хозяйства или отдельной семьи и являлось женским занятием.

Библиографический список

1. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 257 с.
2. Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха I) // Стерегущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. С. 114-121.
3. Глушкова Т.Н. Традиции изготовления пазырыкских тканей // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. С. 158-161.
4. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, Новосибирск: СурГПИ, 2002. 206 с.
5. Глушкова Т.Н. Эволюция приспособлений для ткачества в Западной Сибири по археологическим источникам // Культурное наследие народов Сибири и севера. Материалы шестых Сибирских чтений. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 35-40.
6. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // ТГИМ, М., 1926. Вып. 1. С. 71-106.
7. Иерусалимская А.А. Археологические ткани как датирующий материал // Проблема хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья / КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 114-120.
8. Карасёва Н.К. Домашнее производство кумандинцев предгорного Алтая в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 59-64.
9. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э). Новосибирск: «ИНФОЛИО», 2005. 232 с.
10. Попов А.А. Прядение и ткачество у народов Сибири // Сборник МАЭ. М.-Л., 1955. Т. XVI. С. 41-146.

11. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 443 с.
12. Садако Като. Штаны из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха I // Стерегущие золото грифы. Новосибирск: Наука, 1994. С. 111-114.
13. Соёнов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шёлковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 88-89.
14. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазарыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57-67.
15. Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш I в Горном Алтае // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 203.
16. Суразаков А.С. Раскопки могильника Айрыдаш I // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 284-285.
17. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 197-200.
18. Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2009. 212 с.
19. Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннуского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 195-201.
20. Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2002. Вып. 1. С. 102-113.

Рис. 1. Комбинации лицевых и изнаночных петель в трикотаже из могильника Айрыдаш-I.
0 – лицевая петля; «-» – изнаночная петля.

Табл. 1. Технологические характеристики археологических тканей из погребений гунно-сарматского времени могильника Айрыдаш-I

№ п/п	Образцы	Основа		Уток		Плотность		Сырьё	Характер переплетения
		Тонина	Крутка	Тонина	Крутка	По основе	По утку		
1.	П. 67. Экз. 1.	0,3	Z	0,7	Z	8	20	Шерсть	Полотняное переплетение
2.	П. 67. Экз. 2	-	Z	0,5	Z	9-10	20-22	Шерсть	Полотняное переплетение
3.	П. 67. Экз. 3	0,4	Z	-	Z	8-9	20-22	Шерсть	Полотняное переплетение
4.	П. 67. Экз. 4	0,8	Z	0,9	Z	5-7	15-16	Шерсть	Полотняное переплетение
5.	П. 67. Экз. 5	0,9	Z	1	Z	7	20	Шерсть	Полотняное переплетение.
6.	П. 67. Экз. 6	0,2-0,3	Z	0,6	Z	8-9	24	Шерсть	Полотняное переплетение.
7.	П. 60. Экз. 1	0,1-0,2	Z	0,2-0,3	Z	14-15	28-30	Шерсть	Полотняное переплетение.
8.	П. 60. Экз. 2	-	Z	0,3-0,4	Z	12	32	Шерсть	Полотняное переплетение
Фрагменты ожелезнёной ткани и её отпечатки на железных предметах									
1.	п. 126. Ткань.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение.
2.	П. 60. Ткань, отпечаток.	-	Z	0,6	Z	10	24	-	Полотняное переплетение
3.	П. 144. Отпечатки.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение
4.	П. 107. Отпечатки.	-	-	0,3-0,4 мм	-	-	-	-	Полотняное переплетение
5.	П. 21. Ткань.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение
6.	П. 148. Отпечатки.	-	-	0,6 мм.	-	-	-	-	Полотняное переплетение.
7.	П. 148. Отпечаток.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение
8.	П. 31. Отпечаток.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение
9.	П. 53. ткань.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение
10.	П. 149. ткань.	-	Z	0,6-0,7 мм.	Z	-	-	-	Полотняное переплетение
11.	П. 79. Отпечатки.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение.
12.	Погребение неизвестно.	-	-	-	-	-	-	-	Полотняное переплетение.

Табл. 2. Технологические характеристики археологических трикотажей из погребений гунно-сарматского времени могильника Айрыдаш-I

№ п/п	Образец	Ширина петли	Тонина нити	Крутки нити	Сырьё	Рисунок плетения
3.	п. 67. Экз. 1.	-	0,2-0,3 мм.	Z (правая)	Шерсть	Чередование двух лицевых и двух изнаночных петель
4.	п. 67. Экз. 2.	2-2,5 мм.	0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Чередование двух лицевых и двух изнаночных петель
5.	п. 67. Экз. 3.	2 мм.	0,4-0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Чередование двух изнаночных и двух лицевых петель и только лицевые петли.
6.	п. 67. Экз. 4.	1,5 мм.	0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Чередование одной лицевой и одной изнаночной петель.
7.	п. 67. Экз. 5	2 мм.	0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Чередование одной лицевой и одной изнаночной петель.
8.	п. 67. Экз. 6.	2 мм.	0,4-0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Чередование лицевых и изнаночных петель.
9.	п. 60. Экз. 1.	1-1,5 мм.	0,4-0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Ряды лицевых петель (около 10), а затем чередование двух лицевых и двух изнаночных петель.
10.	п. 60. Экз. 2	1 мм.	0,2-0,3 мм.	Z (правая)	Шерсть	Только лицевые петли.
11.	п. 60. Экз. 3	1-1,5 мм.	0,5 мм.	Z (правая)	Шерсть	Верхний фрагмент – чередование двух лицевых и двух изнаночных петель, переходящее сплошные лицевые петли. Нижний фрагмент – чередование двух лицевых и двух изнаночных петель.

Лукерина Я.Е.
(г. Барнаул, Россия)

БАЗА ДАННЫХ «ЛОШАДИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ, РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДЕНЕВЕКОВЬЯ»: СТРУКТУРА И НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Самым ярким признаком погребального обряда кочевых культур является сопроводительное захоронение лошадей с умершим человеком. Процесс накопления информации о конях из древних и средневековых памятников Алтая насчитывает уже более 145 лет (Тишкин А.А., Косинцев П.А., 2008, с. 216). За этот период накоплен огромный фактический материал, отражающий специфику разведения и использования скотоводами лошадей на ранних этапах истории. В настоящий момент обозначилась необходимость систематизации имеющегося массива информации. На кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета создана база данных (БД) «Лошади из археологических памятников Алтая поздней древности, раннего и развитого средневековья» и внесена в Реестр баз данных, регистрационный № 2012621030 от 03.10.2012 г.

Любая база данных важна не сама по себе. Она рассматривается как инструмент для дальнейшей работы: поиск тех или иных содержащихся в ней сведений, введение дополнений и ранее не учтенных фактов, сведений и материалов или аналитическая работа по анализу хранимых сведений. Создание БД позволяет:

1) систематизировать данные по археологическим памятникам Алтая с включением в них необходимой информации по каждому объекту;

2) обобщить и упорядочить массив остеологических находок из захоронений выбранного периода;

3) обеспечить оперативный доступ ко всем археологическим материалам, хранящимися в БД;

4) получить информацию в печатном варианте в виде отчетов.

К основным источникам создания и пополнения БД относятся: архивные источники (отчеты о полевых исследованиях), опубликованные материалы (монографии, статьи, тезисы, газетные и журнальные публикации).

Процесс проектирования базы данных представляет собой последовательность переходов от простого словесного описания информационной структуры предметной области к формализованному описанию объектов в терминах некоторой модели. Выделяют три основных этапа проектирования (Черноусова А.М., 2009, с. 34):

1. концептуальный (инфологический) на котором формируется первоначальный вариант описания археологического материала. Результатом этого процесса является концептуальная модель, отражающая продуманную структуру базы данных, независящей от каких-либо характеристик системы управления базой данных (СУБД).

2. логический (даталогический). Спроектировать логическую структуру означает определить все информационные единицы и связи между ними, задать им имена, определении типов отчетных документов по таблицам, разработке алгоритмов обработки информации (фильтрация, поиск, сортировка), создании форм для ввода и редактирования данных в базе (режим макета или конструктора).

3. физический этап проектирования включает в себя выбор типа носителя, методов доступа, выбор эффективного размещения БД на внешних носителях, буферизация. Результатом этого этапа является готовая к внедрению структура базы данных.

Важную роль при создании БД играет выбор программного обеспечения или, по терминологии информатики, системы управления базой данных. Для нашей БД была использованы СУБД Access, которая входит в состав пакета Microsoft Office и хорошо интегрирована с другими программными продуктами Microsoft. Кроме того, она хорошо зарекомендовала себя при использовании в сети (Кошелев В.Е., 2009, с. 29). В БД исполь-

зовался язык SQL − это язык нечисловой обработки данных, предназначен для работы с содержанием данных. Язык баз данных SQL включает в себя два языка: язык определения схемы (SQL-DDL) и язык манипулирования данными (SQL-DML). Язык DDL позволяет описывать и создавать такие объекты базы данных, как таблицы, индексы, представления и др. Язык DML дает возможность задавать поисковые и корректирующие запросы к базе данных. Операторы языка манипулирования данными SQL могут использоваться как самостоятельно (интерактивный или автономный SQL), так и совместно с операторами других языков манипулирования данными (встроенный SQL) (Копейкин М.В., Спиридонов В.В., Шумова Е.О., 2005, с. 64).

Ядром любой БД является модель данных – совокупность структур показателей и операций их обработки. К числу классических моделей относят иерархическую, сетевую, и реляционную. Кроме того, в последние годы стали использоваться такие смешанные модели, как постреляционная, многомерная и объектно-ориентированная (Горьев А.Н., Ахаян Р.В., 1997, с. 58).

Иерархическая модель позволяет строить базы данных с древовидной структурой, где каждый узел содержит свой тип данных.

Сетевая модель данных позволяет отображать разнообразные взаимосвязи элементов данных в виде произвольного графа, обобщая тем самым иерархическую модель.

Реляционная модель, используемая нами, относятся к теоретико-множественным моделям. Появление их в системах баз данных было предопределено настоятельной потребностью пользователей в переходе от работы с элементами данных, как это делается в графовых моделях, к работе с некоторыми макрообъектами (Конноли Т., Бегг К, 2003, с. 347). Развитие формального аппарата представления и манипулирования данными в рамках реляционной модели сделали ее наиболее перспективной для использования в системах представления знаний.

Постреляционная модель данных представляет собой расширенную реляционную модель, снимающую ограничение неделимости данных, хранящихся в записях таблиц. Эта модель допускает многозначные поля – поля, значения которых состоят из подзначений. Набор значений таких полей является самостоятельной таблицей, встроенной в основную.

Многомерная модель предназначена для интерактивной аналитической обработки информации.

В объектно-ориентированной модели предоставляется возможность идентифицировать отдельные записи базы. Структура такой модели графически представлена в виде дерева, узлами которого являются объекты. Основное отличие между иерархической и объектно-ориентированной моделью данных состоит в методах манипулирования данными.

На основании вышеизложенного анализа БД «Лошади из археологических памятников Алтая поздней древности, раннего и развитого средневековья» создавалась на основе реляционной модели данных.

Весь набор атрибутов, по которым характеризуются исследуемые объекты, в реляционной модели БД принято называть матрицей (Райордан Р, 2001, с. 124). Понятно, что при использовании многотабличной БД весь набор параметров будет разделен между несколькими таблицами. Для удобства работы, а также по техническим причинам, было принято решение разделить совокупность признаков, описывающих памятники с сопроводительным захоронением лошади, на две таблицы, которые получили соответствующие названия «Памятники» и «Лошади». В результате разработанная БД объединяет два крупных тематических блока – археологический и зоологический.

Основной таблицей в структуре БД является таблица «Памятники», содержащая 11 полей (рис. 1).

Первое поле – код, его тип – счетчик (оно содержит число, которое автоматически увеличивается на единицу, когда в таблицу добавляется новая запись).

Второе поле – название памятника и номер раскопанного объекта. Это поле, как и все последующие, с типом данных МЕМО (представляет собой строку, состоящую из букв, цифр, специальных символов. Этот тип поля может содержать до 65 535 знаков).

Третье поле – местонахождение комплекса. Указывается расположение памятника с имеющимися географическими привязками и координатами (долгота, широта), высотой над уровнем моря.

Четвертое поле – данные об его исследователях. Указывается автор, год раскопок, экспедиция и учреждение.

Пятое поле – культурная принадлежность и датировка объекта. С указанием радиоуглеродной датировки, если она имеется.

Шестое поле – размеры курганной насыпи. Указывается диаметр и высота.

Седьмое поле – параметры могильной ямы. Указывается форма, длина, ширина и глубина.

Восьмое поле – погребальная камера для человека. Указывается тип и параметры (длина, ширина, высота).

Девятое поле – пол и возраст и количество погребенных людей.

Десятое поле – положение и ориентация погребенного человека.

Одиннадцатое поле – архивные и литературные сведения.

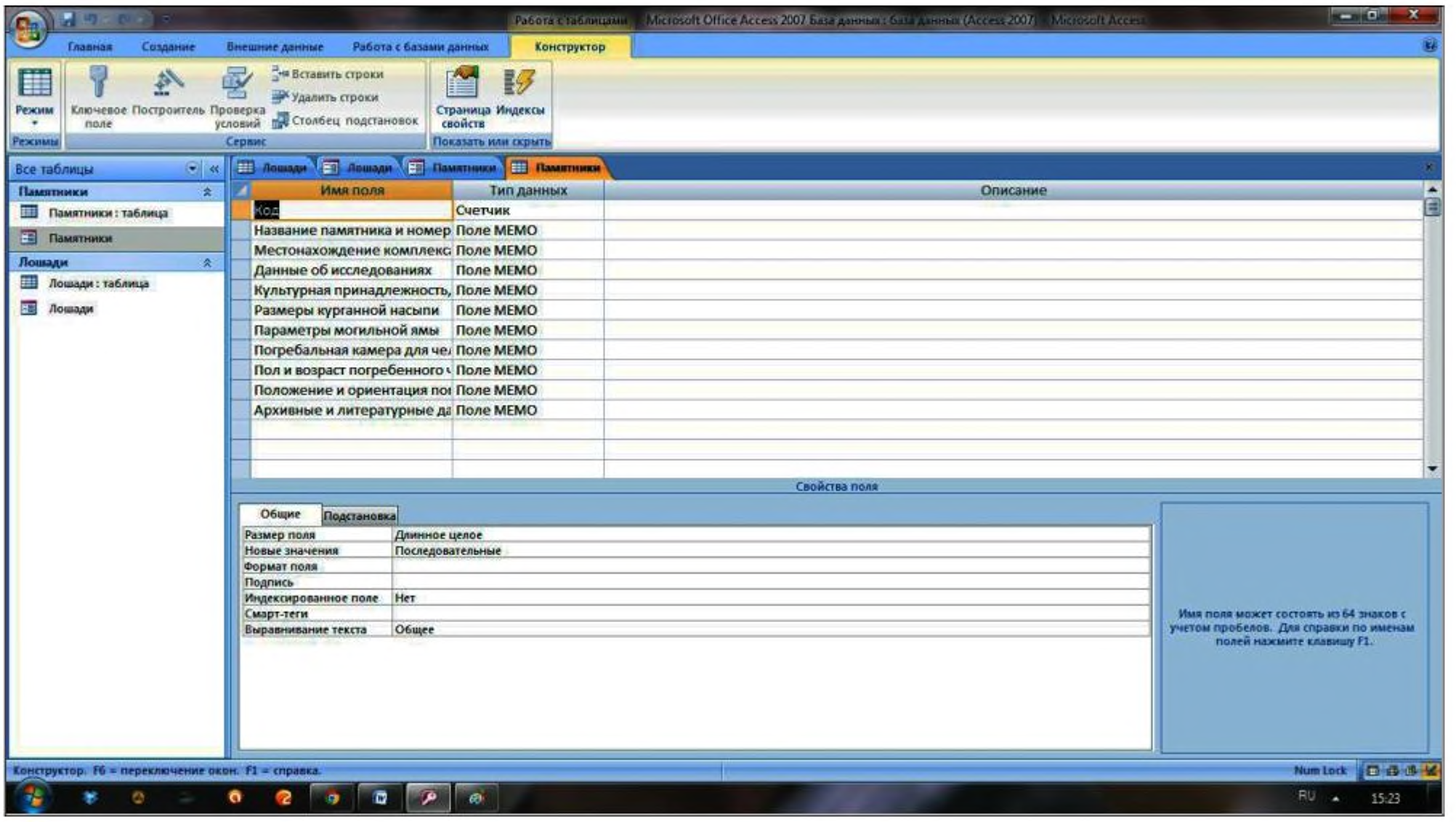

Рис. 1. Таблица «Памятники» в режиме макета.

Следующая таблица – «Лошади». В нем представлены данные об имеющихся копытных, позволяющие в определенной степени реконструировать внешний вид животного и его особенности. Таблица состоит из 14 полей (рис. 2).

Первое поле – код является первичным ключом с типом данных – счетчик.

Второе поле – количество животных.

Третье поле – пол животного.

Четвертое поле – ориентировка и поза лошади.

Пятое поле – снаряжение. Перечислены все найденные элементы конской амуниции.

Шестое поле – состав скелета.

Седьмое поле – способ забоя. Указывалось наличие следов и их локализацию от удара чеканом на черепе.

Восьмое поле – сезон забоя. Определений были проведены по регистрирующим структурам (ткани зуба и кости), а также по другим данным (Бачура О.П., 2008, с. 112).

Девятое поле – высота в холке (рост) лошади. Высота в холке высчитывалась согласно методике В.О. Витта по черепу и длине метаподий (Витт В.О., 1952, с. 173).

Десятое поле – возраст. Определение возраста проводилось по степени срастания эпифизов с диафизом, а также по состоянию зубной системы согласно специальным таблицам (Корневен, Лесбр, 1929).

Одиннадцатое поле – индекс широколобости. Высчитывался по отношению основной длины черепа к ширине (Цалкин В.И., 1952, с. 148).

Двенадцатое поле – тип лошади. В разных экологических нишах Юартом выделены свои породы, которые названы по типу местности: степные, лесные, плоскогорные. Эти типы были определены по показателям относительной ширины лба (Цалкин В.И., 1952, с. 148).

Тринадцатое поле – индекс тонконогости. Это отношение длины пясти к ее ширине.

Четырнадцатое поле – патологии или следы на костях скелета.

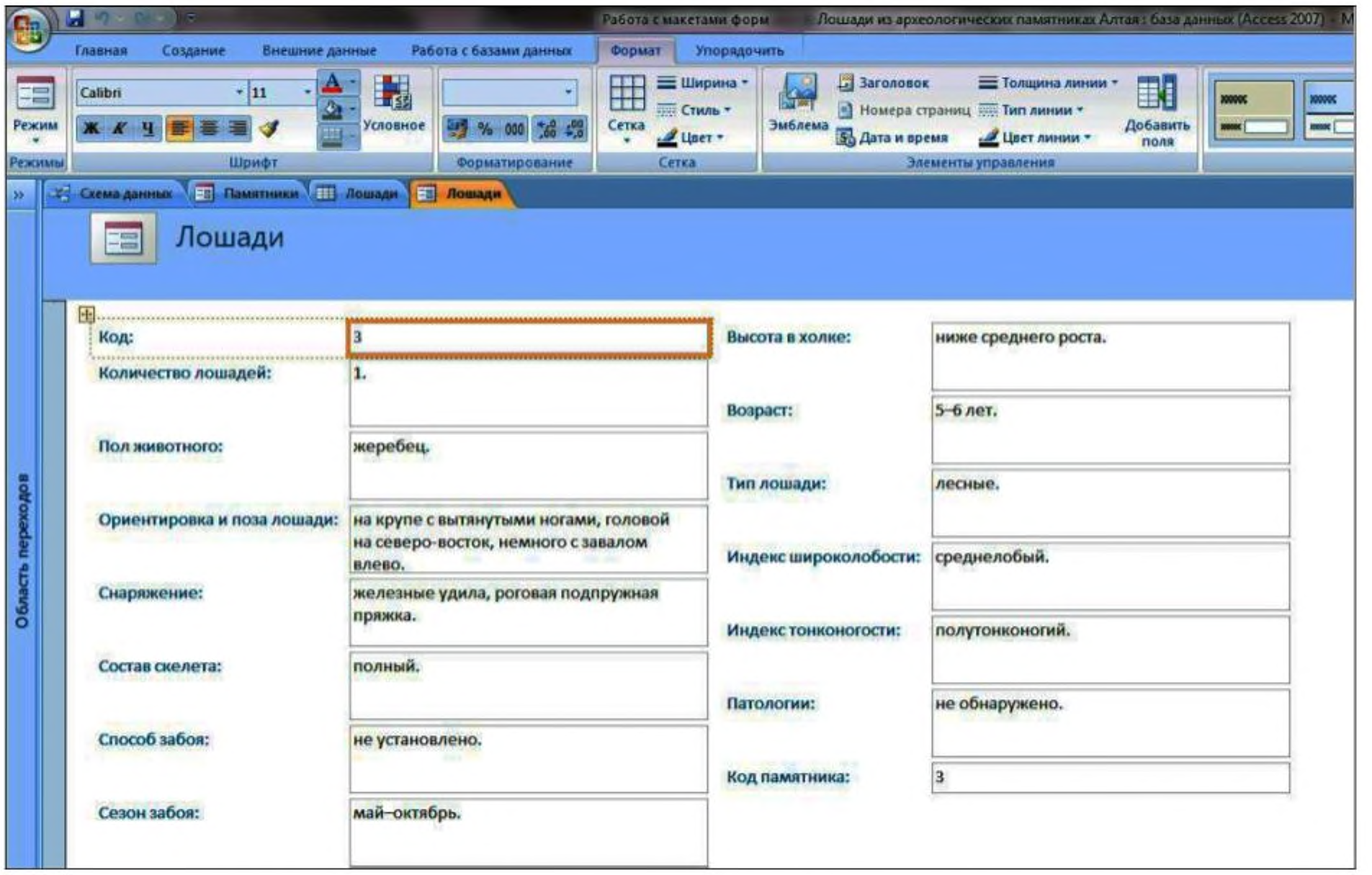

Рис. 2. Интерфейс таблицы «Лошади» в режиме конструктора.

В качестве примера, приведем подробное описание одного памятника.

Название памятника и номер раскопанного объекта: Степушка-2, курган №40.

Местонахождение комплекса: на правом берегу р. Урсул в 150 м от русла реки, в черте бывшего с. Степушка. Географические координаты: N-50^{0}45.267'; E-086^{0}24.453'.

Данные о полевых исследованиях: В.И. Соёнов, Научно-исследовательская лаборатория по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета.

Культурная принадлежность и датировка: бело-бомский этап булан-кобинской культуры, II – 1-я половина IV в. н.э.

Размеры курганной насыпи: овальной формы, диаметр 5 м, высота 3,6 м.
Параметры могильной ямы: неправильной формы, размеры 2,2х2х1,5 м.
Погребальная камера для человека: отсутствовала.
Пол и возраст погребенного человека (людей): мужчина.
Положение и ориентация погребенного: на левом боку, руки вытянуты вдоль тела. Череп завалился на левую сторону. Ноги слегка согнуты в коленях. Ориентирован головой на восток.
Архивные и литературные данные: Соёнов В.И. Отчет об археологических разведках в Майминском районе Республики Алтай и аварийных раскопках на могильнике Степушка-2 в Онгудайском районе в 2010 году. Горно-Алтайск, 2011. 441 с. (Архив Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Горно-Алтайского государственного университета).
Количество лошадей: 1.
Пол животного: жеребец.
Ориентировка и поза лошади: на правом боку, головой на восток. Череп и передняя часть костяка лежали на материковом валуне, задняя часть расположена ниже на 0,2 м. Передние и задняя правая ноги лошади подогнуты, левая задняя нога выпрямлена.
Снаряжение: железные удила, чумбурный блок.
Состав скелета: полный.
Способ забоя: не установлен.
Сезон забоя: не установлен.
Высота в холке: 120–128 см (мелкого роста).
Возраст: 12–15 лет.
Тип лошади: плоскогорные.
Индекс широколобости: узколобая.
Индекс тонконогости: полутонконогий.
Патологии: отсутствуют.

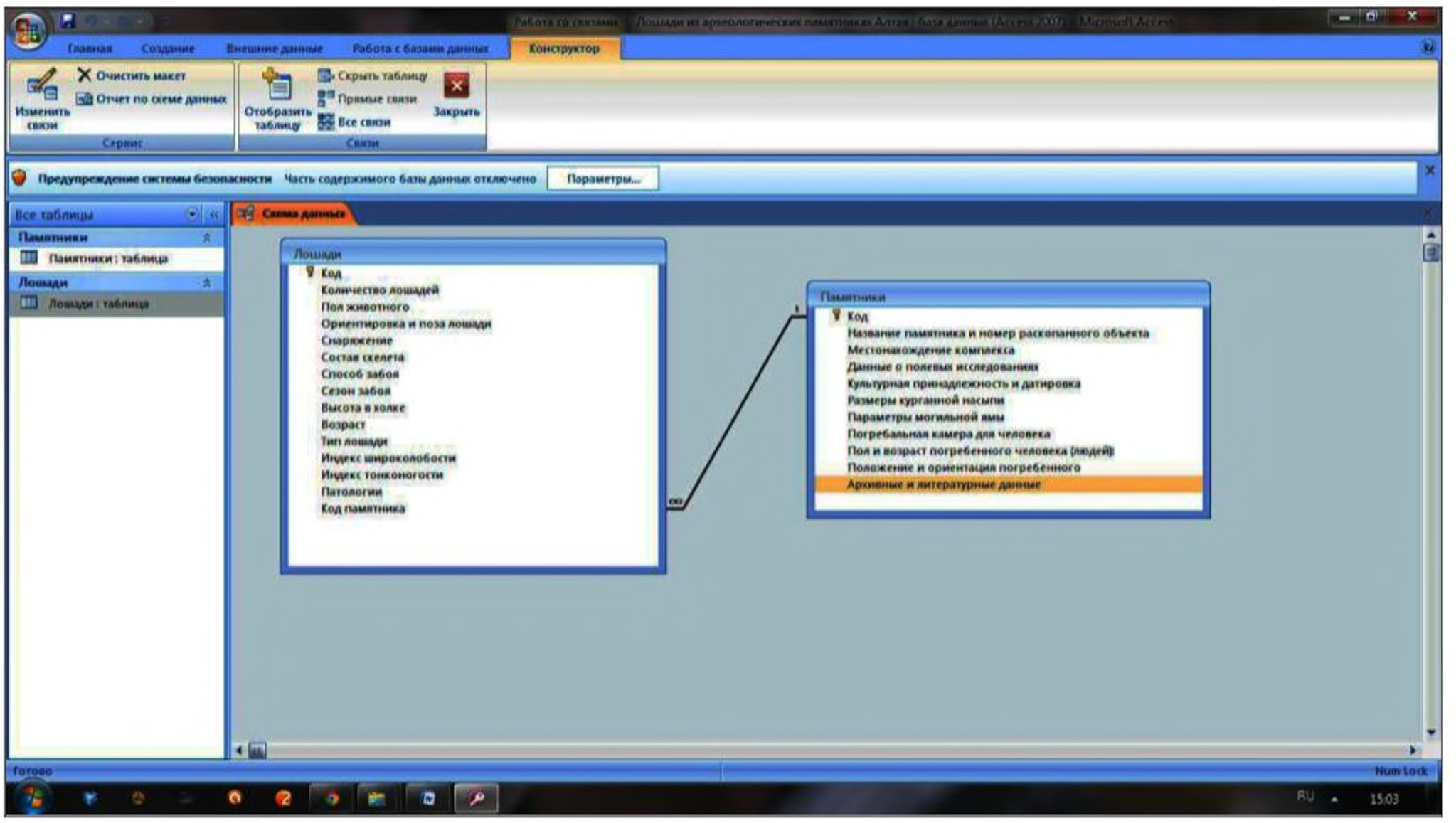

Рис. 3. Тип связи «один ко многим» между таблицами.

Все отношения в БД связаны между собой. Различают связи нескольких типов: один к одному, один ко многим, многие к одному (перевернутая связь один ко многим) и многие ко многим. Было установлено отношение «один ко многим» (рис. 3).

Оно связывает кортеж первой таблицы со всеми записями второй таблицы. В качестве родительской таблицы выбрана таблица «Памятники» с первичным ключом – код. Первичным ключом (ключом отношения, ключевым атрибутом) называется атрибут отношения, однозначно определяющий каждый из его кортежей (Диго С.М., 2008, с. 56). Он нужен для достижения следующих целей:

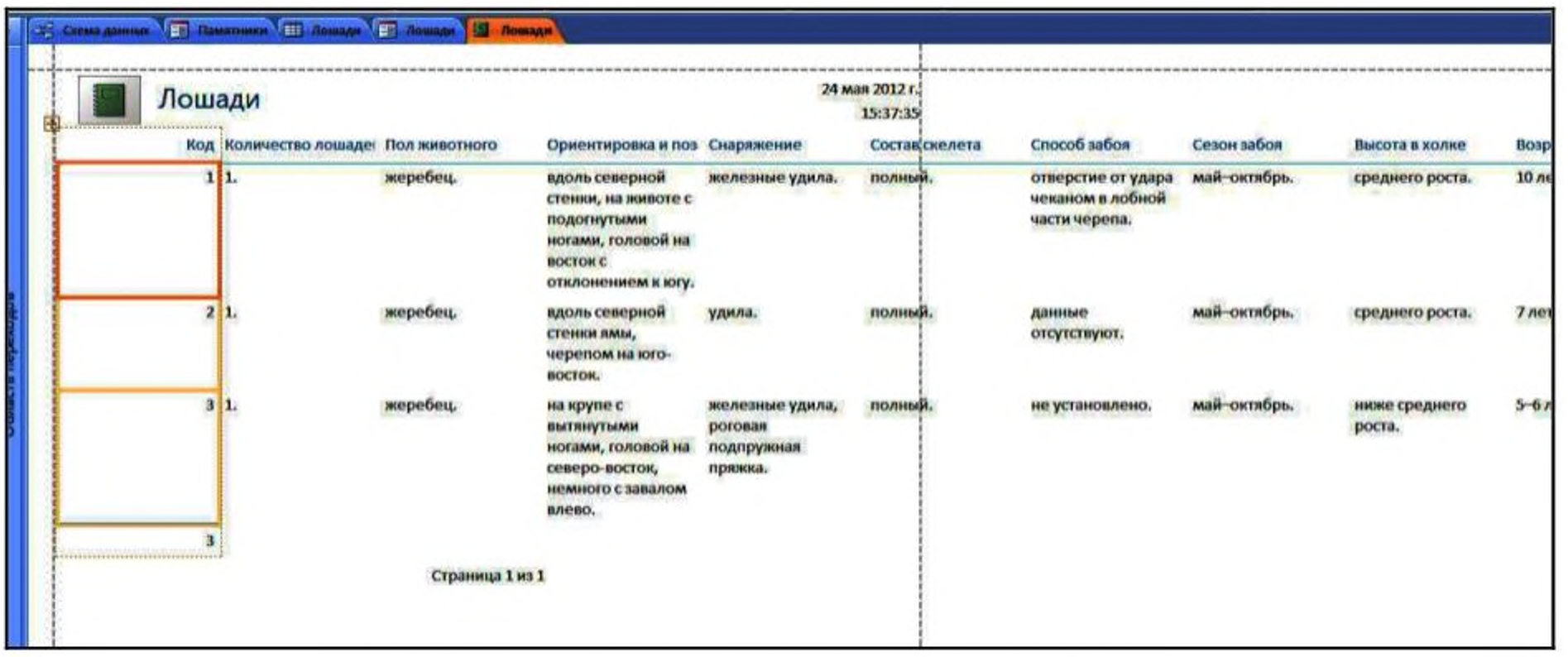
1) исключения дублирования значений в ключевых атрибутах;
2) упорядочения кортежей;
3) ускорения работы с кортежами отношения;
4) организации связывания таблиц.

Таблица «Лошади» была сделана дочерней с вторичным ключом код памятника. Значение этого поля совпадает с первичным ключом первой таблицы.

В базе данных основными объектами, кроме таблиц, являются также запросы, формы, отчеты, макросы и модули. Используя формы, можно выводить данные на экран или изменять их. С помощью макросов и модулей меняется ход выполнения приложения: открывать, фильтровать, изменять данные и т.д. (Ахмадеева И.А., 2004).

Для поиска необходимой информации используются: фильтрация, сортировка, поиск и запросы. Команды фильтрации находятся в меню для ячейки таблицы и для всей таблицы. Команды сортировки находятся в меню. Они связанны с ячейкой и со столбцом. Команды для работы с буфером обмена имеются сразу в нескольких меню. Существуют две команды сортировки: «по возрастанию» и «по убыванию». Они производят сортировку всего столбца, независимо от того, какой его фрагмент выделен (Шаров Ю.П.,1995, с. 32).

Для облегчения работы с созданной базой данных помимо макетов создались отчеты по каждой таблице (рис. 4). Есть возможность создания отчетов с данными двух таблиц одновременно. С помощью отчетов можно передавать данные в другие приложения.

Схема данных | Памятники | Лошади | Лошади | Лошади

Лошади

24 мая 2012 г.
15:37:35

Код	Количество лошадей	Пол животного	Ориентировка и поз	Снаряжение	Состав скелета	Способ забоя	Сезон забоя	Высота в холке	Возр
1	1.	жеребец.	вдоль северной стенки, на животе с подогнутыми ногами, головой на восток с отклонением к югу.	железные удила.	полный.	отверстие от удара чеканом в лобной части черепа.	май–октябрь.	среднего роста.	10 ле
2	1.	жеребец.	вдоль северной стенки ямы, черепом на юго-восток.	удила.	полный.	данные отсутствуют.	май–октябрь.	среднего роста.	7 лет
3	1.	жеребец.	на крупе с вытянутыми ногами, головой на северо-восток, немного с завалом влево.	железные удила, роговая подпружная пряжка.	полный.	не установлено.	май–октябрь.	ниже среднего роста.	5–6 л
3									

Страница 1 из 1

Рис. 4. Сводный отчет по таблице лошади.

По анализу материала из базы данных можно проводить различные реконструкции. Например, знание точного возраста и сезона забоя копытных, обеспечивает воссоздание элементов годового жизненного цикла кочевников. Патологические изменения на костях выявляют способы эксплуатации. Полученные данные необходимы для уяснения

принципов отбора лошадей для ритуала. Анализ следов от орудий на костях дает возможность реконструировать отдельные элементы погребального обряда. Комплексное исследование будет направлено на объективную оценку роли лошади в хозяйстве, в военном деле, в погребальной практике номадов Алтая.

Большое значение имеет также возможность применения БД в качестве информационно-поисковой системы. Организация БД позволяет постоянно пополнять ее новыми сведениями, расширять хронологически и географически.

Библиографический список

1. Ахмадеева И.А. Базы данных. Набережные Челны: Камский государственный политехнический институт, 2004. 237 с.
2. Бачура О.П. Результаты определения возраста и сезона забоя лошадей по регистрирующим структурам из памятников поздней древности Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 120-122.
3. Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская Ахеология, 1952. №16. С. 163-205.
4. Горьев А.Н., Ахаян Р.В. Эффективная работа с СУБД. СПб.: Питер Пресс, 1997. 706 с.
5. Диго С.М. Базы данных. Проектирование и создание. М.: ЕАОИ, 2008. 172 с.
6. Конноли Т., Бегг К. Базы данных. Проектирование, реализация и сопровождение. Теория и практика. М.: Вильтямс, 2003. 1436 с.
7. Копейкин М.В., Спиридонов В.В., Шумова Е.О. Базы данных. Основы SQL реляционных баз данных. Спб.: СЗТУ, 2005. 157 с.
8. Корневен, Лесбр. Распознавание возраста по зубам и другим производным кожи. М.: Новая деревня, 1929. 383 с.
9. Кошелев В.Е. Access 2007. Эффективное использование. М.: Бином-Пресс, 2009. 590 с.
10. Райордан Р. Основы реляционных баз данных. М.: «Русская Редакция», 2001. 384 с.
11. Тишкин А.А., Косинцев П.А. Древние и средневековые лошади Алтая: результаты и перспективы исследования // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 216-222.
12. Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // МИА. 1952. №24.
13. Черноусова А.М. Создание и использование баз данных. М.: ГОУ ОГУ, 2009. 244 с.
14. Шаров Ю.П. Введение в базы данных. М.: ABF, 1995. Кн. 3. 384 с.

Константинов Н.А.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В ПЕТРОГЛИФАХ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ*

1. Введение.

Охотничья деятельность народов Центральной Азии и Южной Сибири была одним из важных направлений хозяйственной деятельности. Охота давала мясо, шкуры, в том числе пушнину, материал для косторезного производства и др. Кроме хозяйственного значения, охота играла важную роль в военном деле для отработки тактики и приемов ведения боевых действий (Кушкумбаев А.К., 2009). Письменные источники указывают, что охота выступала одним из любимых занятий средневековой тюркской знати, включая и самую высшую – каганов и их окружение (Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С., 2008, с. 102).

Несмотря на важную роль этого вида деятельности в жизни раннесредневекового общества, изучению охотничьей деятельности населения Горного Алтая тюркского времени уделялось недостаточно внимания. На наш взгляд, это связано в первую очередь с отсутствием значительной источниковой базы. Поселения этого периода в указанном регионе практически не исследованы. Исключением является верхний культурный слой поселения Тыткескень-3, датированный А.Л. Кунгуровым тюркским временем (1994, с. 46). Письменные источники напрямую не касаются территории Горного Алтая и являются косвенными, поскольку памятники Южной Сибири «находятся как бы «в тени» письменной истории раннесредневековых этнополитических образований» (Савинов Д.Г., 2011, с. 14).

В силу этих и других причин, важную роль при изучении охоты получают изобразительные материалы. Сцены охоты, наряду с изображениями батальных сцен, получили набольшее распространение в алтайских петроглифах раннего средневековья. Значение изобразительных источников подтверждается их активным использованием исследователями при изучении различных аспектов жизни древних и средневековых обществ. Кроме прочего, они используются при изучении хозяйственных занятий древнего и средневекового населения Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и других регионов (Евтюхова Л.А., 1948, с. 89; Кубарев В.Д., 2001а, 2007а; Соёнов В.И., 2001, с. 20; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, с. 151; и др.).

2. Описание сцен охоты и аналогии.

Зафиксированные сцены охоты происходят из памятников, расположенных в Южном (Жалгыз-Тобе, Кургак, местонахождения долины р. Чаган и ее притоков), в Юго-Восточном (рисунок на стеле у с. Улаган), в Центральном (Туэкта, Устю-Айры, Бичукту-Бом, Тыныскайак, Кызыл-Тал и Калбак-Таш-II) и в Западном Алтае (петроглифы Усть-Кана). Известны изображения сцен охоты и на предметах материальной культуры. Сцены изучались П.П. Хороших, А.И. Минорским, Е.А. Окладниковой, В.Д. Кубаревым, А.И. Мартыновым, В.Н. Елиным, А.М. Тамимовым, В.А. Некрасовым, В.И. Молодиным, Е.А. Миклашевич, Д.В. Черемисиным, Г.В. Кубаревым, Р.М. Еркиновой, Е.Е. Ямаевой и др.

По разным причинам многие сцены, к сожалению, имели плохую сохранность, что неоднократно отмечалось исследователями (Миклашевич Е.А., 2006, с. 220, 222; Кубарев В.Д., 1984, рис. 14; и др.). Некоторые опубликованные сцены трудно анализировать без работы с оригиналом, поэтому они не учитывались. Нами было учтено 25 сцен охоты, отнесенных к раннему средневековью. Далее приведем описание содержания этих сцен.

* Работа выполнена в рамках проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№ 6.3494.2011) госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Наскальные рисунки, изображающие сцены охоты, выполнены, как правило, техникой граффити. Они прочерчивались на камне острым предметом из твердого материала. Одна сцена из Бичукту-Бома была выполнена темно-синей краской (Ямаева Е.Е., 2009). Рисунки отличаются точной прорисовкой малейших деталей, позволяющих использовать их в качестве источника для изучения этнографического облика средневековых тюрков, вооружения, конского снаряжения и др.

Все раннесредневековые сцены охоты, известные в Горном Алтае, отличаются динамизмом. Животные и, часто, охотники изображены в движении, в стремительном беге. Исключениями являются стоящие стрелки, лошади, привязанные к дереву или к поясу хозяина, и лежащие звери – скорее всего, убитая добыча. Часто звери и птицы изображались раненными стрелой (рис. 13), убитые изображались реже. Изображение убитой косули известно на костяной накладке седла из Кудырге (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – 12; XVI – 1). Что касается стоящих лошадей, то в раннесредневековых рисунках довольно часто они изображались рядом со спешившимся хозяином (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с. 52, рис. 18; Кубарев В.Д., 1995, с. 161, табл. I – 1, 3; Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004, рис. 4 – 1; и др.) (рис. 12).

Охотничья деятельность раннесредневекового населения Алтая в наскальных рисунках представлена сценами, в которых участвуют по несколько фигур. Многие сцены содержат только две фигуры – охотника и объекта охоты (Минорский А.И., 1951, рис. 55 – 4; 56 – 1; Окладникова, 1988, рис. 3 – 1; Черемисин Д.В., 2004, рис. 3; 7а; Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М., 2006, рис. 530; Ямаева Е.Е., 2010, рис. 19 на стр. 60) (рис. 3; 4 – 2; 6 – 1; 8 – 1, 2, 4). Обычно в сцене изображались один или два охотника и несколько объектов охоты.

Субъекты охоты. Раннесредневековые охотники были изображены на скалах как пешими, так и верхом на лошади. Изображения пеших охотников встречены в восемнадцати сценах, изображения всадников – в четырнадцати из всех учтенных нами сцен охоты. В трех сценах лошадь была нарисована рядом с пешим охотником, привязанной чумбуром к поясу, либо к дереву (рис. 1 – 2; 2; 9 – 1). Одиночные охотники были изображены в шестнадцати сценах (рис. 3-6; 8), в остальных сценах участвуют два и более охотника. Только в туэктинской сцене сохранились изображения четырех охотников: трех всадников и одного пешего (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5) (рис. 1 – 1).

Почти все охотники нарисованы с луками и стрелами. Стрелы изображались на поясе в колчане, либо просто пучком (обычно три стрелы). У некоторых всадников были прорисованы налучья (Кубарев Г.В., 2004, рис. 4) (рис. 10 – 1), иногда в сочетании с колчаном (Черемисин, 2004, рис. 7а, 9) (рис. 3 – 1; 4 – 3). Имеются изображения охотников, вооруженных ловчей птицей и копьем. В сцене из Усть-Кана всадник изображен с соколом (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1991, рис. 1 – 1; 1994, рис. 1, 1.3) (рис. 1 – 2). Три сокола, атакующие зайцев(?), были зафиксированы в одной из сцен Бичикту-Бома. В этой сцене один из охотников держал в руках «длинный предмет» (Ямаева Е.Е., 2009, с. 58). Охотник из местонахождения в долине р. Чаган изображен с копьем верхом на лошади, идущей шагом. Собака гонит на него козла (Черемисин Д.В., 2004, рис. 9) (рис. 4 – 3).

Из животных и птиц, используемых человеком на охоте, кроме лошадей, в некоторых сценах участвуют собаки и ловчие птицы. Собаки были изображены, как минимум, в четырех сценах (рис. 1 – 1; 4 – 3; 5 – 1; 9 – 2; 11). В туэктинской сцене, были нарисованы четыре собаки (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5). Одна собака изображена преследующей раненную косулю, три других гонятся за медведем. В двух сценах из местонахождений долины Чагана зафиксированы моменты охоты, когда собака загоняет добычу (в одном случае марала, в другом горного козла) на охотника (Черемисин Д.В., 2004, рис. 8, 9).

В раннесредневековых погребениях могильников Курай III, Курата II и Балык-Соок-I известны находки костяков собак (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 97; Суразаков, 1999, с. 172; Кубарев Г.В., 2005, с. 380, табл. 122). В этих случаях впускные погребения собак, по-видимому, должны были осквернить могилу врага (Суразаков А.С., 1999). По мнению Н.А. Кузнецова, костяки собак, находимые в средневековых погребениях Южной Сибири являются сопогребением охотничьей собаки с хозяином. Исследователь утверждает, что погребение собак с человеком является социальным маркером знатных погребений: «присутствие собаки в погребении маркирует степного «аристократа» …» (Куз-

нецов Н.А., 1998, с. 305). Впускной характер погребений из могильников Курата-II и Балык-Соок-I (а может быть и на Курае-III) позволяет нам связать эти факты скорее с традицией нарушения могилы, чем с социальным положением погребенного. Фрагменты костей собак встречались в культурных слоях многих поселений, исследованных П.И. Шульгой (1994, с. 54-55).

Про алтайских охотничьих собак, использовавшихся в этнографическое время, мы находим мало сведений. В.В. Радлов отмечал, что собаки, которых он видел во множестве у алтайских юрт, были призваны охранять стада домашних животных от волков. Он описывал этих собак худыми, плохо накормленными и очень злыми (Радлов В.В., 1989, с. 152). Видимо, основная задача этих собак была пасти и охранять скот. Имеются сведения об использовании на охоте алтайцами в 20-е гг. XX в. лайки (Романова Е.Е., 2012). В.П. Дьяконова отмечала, что у южных алтайцев имелись «специально натасканные собаки», которые «всегда находили раненного зверя». Использовались собаки и в загонной охоте – *агырту (агыртар)* (Дьяконова В.П., 2001, с. 33).

Соколы были изображены в двух сценах (Константинов Н.А., Соёнов В.И., 2012, с. 374). В сцене охоты около с. Усть-Кан один сокол изображен летящим, другой нарисован взлетающим с руки всадника и, видимо, готовящимся атаковать спаренных куропаток (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1991, рис. 1 – 1; 1994, рис. 1; 1.2; 1.3) (рис. 1 – 2). В бичуктубомской сцене нарисованы три сокола, которые атакуют трех зайцев (Ямаева Е.Е., 2009, с. 59). Опубликовано только описание сцены, без прорисовки, а на сегодняшний день, эта сцена, судя по всему, утрачена. В Горном Алтае изображения хищных птиц известны по петроглифам Каракола, Елангаша, Карагема, плиты из Ини, Мыюты (Минорский А.И., 1951, с. 188, рис. 56 – 5; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1984, рис. 2 – 12; Маточкин Е.П., 1997, с. 57-58, рис. 1 – 1; Соёнов В.И., Суханов Г.П., 2001, с. 138-139, рис. 1; Бородовский А.П., 2009, с. 226). В соседних и отдаленных от Горного Алтая регионах (Центральная Сибирь, Тува, Монгольский Алтай, Казахстан, Тянь-Шань) имеется ряд раннесредневековых сцен соколиной охоты, изображенных на предметах материальной культуры, стелах и скалах (Радлов В.В., 1891, прил., табл. III – *е*; табл. IV; Кызласов И.Л., 1998, с. 145, рис. 12-14; Кубарев В.Д., 2001б, с. 98, 100, рис. 9 – *а, б;* Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч., 2003, 112-113; Железняков Б.А., 2011, рис. 3, с. 293; и др.). На раннесредневековых тюркских изваяниях Казахстана также встречаются изображения птиц, сидящих на руке (Шер Я.А., 1966, с. 12, 114, 116, рис. 5, табл. XXIII; Чариков А.А., 1989, с. 184, рис. 1 – 1; Ермоленко Л.Н., 1999). Упоминание об охоте с хищной птицей на журавлей есть и в минусинских рунических эпитафиях: «… Пусть множатся журавли Тогудая: того кто мог охотиться на них с ловчей птицей – мудрого тутука, – нет, пусть множатся! Великий кравчий остался (один)…» (Кормушин И.В., 2008, с. 140). Охота с применением хищной птицы хорошо известна в этнографическое время у народов Казахстана, Центральной и Средней Азии (Хороших П.П., 1947, с. 31; Симаков Г.Н., 1998; Потапов Л.П., 2001, с. 39; Жуковская Н.Л., 2002, с. 97). Соколиная охота имела значительное распространение у населения Южной Сибири и Центральной Азии, как минимум, с эпохи раннего средневековья.

Объекты охоты. Объекты охоты, изображенные в сценах на петроглифах, представлены животными, обитающими на территории Горного Алтая. Копытные представлены изображениями оленей и косуль, горных козлов, архаров, кабанов; хищные звери представлены изображениями медведей и волков; птицы представлены изображениями «куропаток-кекликов» и журавля.

Наиболее распространенными в сценах охоты являются изображения оленей и косуль. Они присутствуют в качестве объекта охоты, как минимум, в восемнадцати сценах. В некоторых сценах присутствует по 6-7 фигур оленей и косуль (Усть-Кан и Тыныскайак) (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, рис. 1; Ямаева Е.Е., 2010, рис. 3 на стр. 40).

Результаты определений остеологических коллекций, происходящих из немногочисленных исследованных в Горном Алтае поселений, показали, что косуля является излюбленным и основным объектом мясной охоты, начиная, по крайней мере, с неолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2005, табл. 2, 3; Гальченко А.В., 1994, с. 15; Гальченко А.В., Шульга П.И., 1992, табл. 1-5; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004, с. 53; Шульга П.И., 1996, с. 111; 1998, с. 52, табл. 2; Соёнов В.И. и др., 2011, с. 47; и т.д.). Изображения косулей и маралов есть на кудыргинской накладке седла (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV –

12; XVI – *1*). Косуля на одной накладке изображена убитой. Имеется изображения косули(?) на металлическом наконечнике ремня из кургана 2 могильника Узунтал-I (Савинов Д.Г., 1980, рис. 7). Автор раскопок назвал изображенное животное «пятнистой ланью» (там же, с. 107). Впрочем, черточки на теле изображенного животного могли выступать в качестве изобразительного приема, использованного для выделения туловища животного из общего фона. Подобные приемы зафиксированы на рисунках на костяных изделиях и некоторых петроглифических памятниках (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – *12*; XVI – *1*; Черемисин Д.В., 2004, рис. 8; Ямаева Е.Е., 2010, рис. 1, 3 на с. 40 и др.).

Изображения горных козлов в сценах охоты в раннесредневековых петроглифах Горного Алтая распространены не так широко как сцены с участием косулей и оленей (всего четыре сцены с изображениями козлов) (рис. 3 – 2; 4 – 3; 5 – 2; 10 – 1). Изображения горных козлов, как отмечалось, является наиболее распространенным образом в петроглифах Алтая (Суразаков А.С., Соёнов В.И., 2010, с. 40). Широко распространенными в раннем средневековье были тамги, изображающие горных козлов: «тамгообразные рисунки горных козлов стали своего рода символами Древнетюркских каганатов» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 244-245).

Изображения архаров зафиксированы в двух сценах охоты (рис. 3 – 1; 10 – 1). Стоит отметить оформление рога архара в сцене из долины Чагана (Черемисин Д.В., 2004, рис. 7а) (рис. 3 – 1), напоминающее среднеазиатские и переднеазиатские изображения горных козлов и архаров (Литвинский Б.А., 2002; Орбели И.А., Тревер К.В., 1935, табл. 32).

Изображения кабанов эпохи раннего средневековья встречены в двух сценах охоты из Усть-Кана и Улагана (Кубарев В.Д., 1984, рис. 14; Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, рис. 1; 1.2) (рис. 1 – 2; 7 – 1). Как отмечал В.Д. Кубарев, изображения кабана в пределах Российского Алтая немногочисленны (2003, с. 72).

Медведи были нарисованы в двух сценах. В сцене из Кургака хорошо прорисованный медведь изображен статично, в отличие от других фигур, участвующих в сцене (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1) (рис. 1 – 1). В туэктинской сцене медведь(?) изображен в стремительном беге, его преследуют три собаки (рис. 9 – 2). Но нельзя исключать вероятность того, что это могло быть изображение собаки крупной породы (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5, с. 223). Костяки «гигантских собак» были обнаружены в погребениях аскизской культуры монгольского времени в Хакассии (Кызласов Л.Р., 1975, с. 202, 207). Бегущий медведь изображен на кудыргинской накладке седла (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – *12*; XVI – *1*).

Волки изображены только в одной сцене из Кара-Оюка (Окладникова Е.А., 1988, рис. 3 – 3) (рис. 8 – 3). Интересно, что у волка(?) из этой сцены нарисованы длинные когти. Эта черта свойственна кошачьим хищникам.

Довольно редким образом в горноалтайских петроглифах раннего средневековья являются птицы. Птицы в качестве добычи выступают всего в двух сценах. В туэктинской сцене нарисован журавль, раненный стрелой (Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5) (рис. 1 – 1), а в усть-канской сцене изображены спарившиеся «куропатки-кеклики», которых готовится атаковать сокол (Елин В.Н., Некрасов В.А., 1994, рис. 1; 1.3) (рис. 1 – 2). Журавль в качестве объекта охоты изображен на металлическом сосуде, найденном в кургане рядом с Красноярском (Радлов В.В., 1891, прил., табл. III – *e*; табл. IV). Упоминается охота на журавлей и в енисейских рунических надписях (Кормушин И.В., 2008, с. 140).

3. Обсуждение.

Сложно установить виды охоты, изображенные на скалах. Отдельные сцены охоты можно определить как загонные. Например, к этому виду охоты можно отнести сцену из Кургака. В сцене конный охотник изображен без оружия (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1) и, вероятно, он является загонщиком, а пеший охотник – стрелок, который готовиться стрелять во вспугнутого всадником марала. Значительная часть раннесредневековых сцен охоты можно отнести к изображениям индивидуальной пешей и верховой охоты гоном. Изображения одиночных охотников встречены в шестнадцати сценах. Отметим, что изображались только сцены из активных видов охоты.

На скалах и предметах чаще всего изображалась охота на тех животных, которых было трудно добыть либо в силу их проворности, либо в силу их опасности для челове-

ка – медведя, кабана, крупных копытных. Изображения таких животных чаще всего изображались и в более ранние периоды (Грязнов М.П., 1950, с. 53). К этим видам охоты, скорее всего, относилась охота на птиц. Попадание стрелой в летящую птицу, несомненно, являлось показателем высоких стрелковых способностей. Виды охоты, изображенные на скалах и предметах материальной культуры, были «престижными» у средневековых тюрков.

Охотничьи и военные сцены известные по наскальным рисункам, по мнению многих исследователей, были связаны с героическим эпосом. Героический эпос, зародившийся еще «в эпоху ранних кочевников» (Грязнов М.П., 1961, с. 31; Суразаков А.С., 1979, с. 269), с самого начала выдвинул героя – богатыря-охотника и богатыря-воина, в эпосе были «даны яркие картины погони богатыря на коне за маралами, конь загоняет зверей к охотнику...» (Суразаков С.С., 1973, с. 2-3). Судя по археологическим находкам, большое развитие героический эпос населения Южной Сибири и других территорий получил в гунно-сарматское время (Грязнов М.П., 1971; Пугаченкова Г.А., 1987). В этих эпических сценах охота стоит в одном ряду с батальными сюжетами (Грязнов М.П., 1979, с. 145). Подобного мнения придерживаются и другие исследователи: «идейное содержание петроглифов заключается в прославлении воинских и охотничьих подвигов древнетюркских воинов, воспевании военного профессионализма, выделении оружия и конского убранства» (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009, с. 131). Многие сцены могли быть связаны с какими-либо эпическими сюжетами. По мнению Д.В. Черемисина, на местонахождениях петроглифов в долине Чагана и его притоков изображались эпические герои, «с которыми могли отождествлять себя местные суверены, предводители тюркских племен, обитавших на юго-востоке Горного Алтая в VI – IX в.» (Черемисин Д.В., 2004, с. 47). Возможно, многие эпические произведения, зафиксированные у современных народов Центральной Азии и Южной Сибири, зародились в тот отдаленный период, или еще раньше. Каждая историческая эпоха внесла свой отпечаток на эти эпические сюжеты, но какие-то отдельные черты этих древних фольклорных произведений могли сохраниться до недавнего времени. В подтверждение об эпическом характере наскального искусства, иногда удается проследить аналогии устоявшимся сюжетам, распространенным на значительные расстояния друг от друга (Черемисин Д.В., 2004, с. 49).

Все объекты охоты, изображенные в исследуемых сценах, представлены видами, обитающими на Алтае. В этих сценах нет изображений кошачьих хищников*, известных по сюжетам, украшающим передние луки раннесредневековых седел (материалы могильника Кудырге в Горном Алтае и Копёнского чаатаса в Хакассии). Однако, наличие на кудыргинской обкладке сцены охоты вместе с изображениями тигров, участие кошачьих хищников в сцене охоты в копёнском сюжете, говорит о близости наскальных сцен охоты и сцен, украшающих седла. Тем не менее, на более ранней кудыргинской композиции отчетливо видна грань между присутствующими на ней сюжетами: сценой охоты, аналогии которой хорошо известны по петроглифам и геральдическим изображением двух тигров (Савинов Д.Г., 2005, с. 20). Позднее, «петроглифическая» традиция изображения сцен охоты, с присущими для нее динамизмом и участием в сценах привычных для региона объектов охоты, слилась с геральдической традицией изображения животных. Результатом синтеза этих двух направлений изобразительного искусства стало появление копёнского сюжета: в нем хорошо прослеживаются черты «петроглифической» традиции (динамичная сцена «героической» охоты) и черты геральдического стиля (изображения кошачьих хищников и симметричность сюжета). Своеобразие копёнского седельного декора, отмеченное П.П. Азбелевым (2010, с. 83-84), по нашему мнению, заключается

* Нерешенным остается вопрос о том, насколько экзотичен для Саяно-Алтайского региона тигр, изображения которого известны на костяных обкладках передней луки седла из могильника Кудырге и бронзовых пластинах из Копёнского чаатаса (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV – 12; XVI – 1; Евтюхова Л.А., 1948, рис. 87-88). По крайней мере, в литературе есть упоминания о встречах с тигром в начале XIX в. в предгорьях Алтая (Евтюхова Л.А., 1948, с. 91). Вероятно, тигр был известен раннесредневековому населению Алтая, если не как постоянный обитатель региона, то хотя бы по эпизодическим заходам на эту территорию. Несмотря на это, саяно-алтайские изображения тигров, скорее всего, связаны не с тем, встречал или не встречал художник тигра, а в большей степени отражают его знание распространенного раннесредневекового геральдического сюжета.

именно во влиянии героического эпоса на геральдический стиль. Появление этого стало возможным в результате развития общих изобразительных традиций раннесредневекового населения Саяно-Алтая и сопредельных территорий.

Рядом с тремя сценами охоты были зафиксированы надписи. Рунические надписи были вырезаны рядом с кургакской и туэктинской сценой (Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2002, рис. 1; Миклашевич Е.А., 2006, рис. 5). В сцене из Бичикту-Бома, нарисованной «темно-синей тушью», сохранилась надпись, выполненная древнеуйгурским письмом(?) (Ямаева Е.Е., 2009, с. 57, 60). Кургакская руническая надпись была прочитана С.Г. Кляшторным и оказалась эпитафией. О назначении надписей из Туэкты и Бичикту-Бома говорить сложно. Две туэктинские надписи сохранились плохо. Плоскость со сценой и надписью в Бичикту-Боме, описание которой приведено горно-алтайским этнографом Е.Е. Ямаевой, в современное время утрачена. Стоит отметить, что надпись, выполненная краской, известна на святилище Большой Яломан-III (Тишкин А.А., 2006, с. 6).

Рунические надписи, расположенные рядом с изображениями всадников с ловчими птицами, были обнаружены в Центральном Тянь-Шане на памятниках Кок-Сай и Бойрок-Булак (Кочкорская долина). По мнению К.Ш. Табалдиева и Ч. Жолтошева, эти сцены и рунические надписи связаны с человеческой смертью, то есть носят эпитафийный характер (Табалдиев К.Ш., Жолтошев Ч., 2003, с. 116).

Исходя из прочтения кургакской надписи и находок в Кыргызстане можно предположить, что хотя бы некоторая часть сцен охоты в петроглифах также имеет «эпитафийное» назначение, то есть были нарисованы в честь когда-то реально существовавших раннесредневековых тюркских воинов-охотников. Возможно, в наскальных рисунках были отражены какие-либо реальные случаи из жизни этого воина-охотника, в которых он проявил особую удаль, храбрость, стрелковые навыки и т.п., либо изображался тот вид охоты, которым больше всего любил заниматься умерший. Тем более, в некоторых енисейских рунических эпитафиях охота звучит как любимое занятие человека, которому посвящена надпись (Кормушин И.В., 2008, с. 310).

4. Заключение.

В изобразительном творчестве населения Горного Алтая в период раннего средневековья наибольшее распространение получили военные сцены и сцены «героической» охоты (Кубарев В.Д., 2001б, с. 96; Черемисин Д.В., 2004, с. 46; Миклашевич Е.А., 2006, с. 223; и др.). Судя по всему в мировоззрении средневекового населения, между этими двумя видами деятельности, образно выражаясь, стоял знак равенства.

Раннесредневековые сцены охоты на петроглифах и предметах материальной культуры дают нам далеко не полное представление о способах ведения охоты, как считалось ранее (Евтюхова Л.А., 1948, с. 89). На этих сценах изображались эпические сюжеты, какие-то легендарные истории, в которых охота выступала, в первую очередь, как иллюстрация мифологических действ и проявления богатырской удали, а не как направление хозяйственной деятельности. Поэтому изобразительные источники не могут отражать все приемы и способы ведения охоты, а передают только некоторые виды активной охоты, связанные с мифологическими сюжетами и престижными видами охоты.

Находки поминальных надписей рядом со сценами охоты и планиграфически связанными с ними позволяют связать изображения некоторых охотничьих сцен с эпитафийной традицией. То есть в этих сценах изображался какой-то реально существующий мужчина, герой. О том, что изображался какой-то конкретный человек говорит наличие изображения лично-фамильной(?) тамги на лошади охотника из долины р. Чаган (Черемисин Д.В., 2004, рис. 7а; Кызласов И.Л., 2008, с. 459) (рис. 3 – 1). Изображения всадников с ловчей птицей из Кочкорской долины на Тянь-Шане были даже подписаны именем изображенного воина – «Моё мужское имя Адык…» (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 2002, с. 125-126).

Престижными видами охоты, представленными в сценах охоты, занимались знатные воины, главным образом, не для добывания пищи, а в качестве военных тренировок или своего рода забав. «…Охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода манёврами» (Гумилев Л.Н., 1967, с. 70). О знатности воинов, изображенных на

петроглифах, может свидетельствовать всадник из охотничьей сцены из Хар-Салаа с ловчей птицей, нарисованный с престижным атрибутом – стеком или булавой (Кубарев В.Д., 2001б, с. 98).

Таким образом, сцены охоты в наскальном искусстве населения Горного Алтая эпохи раннего средневековья могут использоваться в качестве источников по изучению образа жизни и мировоззрения раннесредневековых тюркских воинов, которые составляли основу Тюркских каганатов. Эти сцены дают нам представление о некоторых социальных ценностях того времени. Представители средневековой тюркской знати предстают в этих сценах умелыми и ловкими охотниками, стреляющими по летящим птицам, проворным и опасным зверям не промахиваясь и не боясь их.

Библиографический список

1. Азбелев П.П. К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. №3 (15). С. 75-91.
2. Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С. Развитие охотничьих промыслов и оружия у тюркских этносов Южной Сибири под влияниям контактов с русскими в эпоху позднего средневековья и новое время // Изучение историко-культурного наследия наров Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 102-109.
3. Бородовский А.П. Гравировки эпохи средневековья в Мыютинском петроглифическом комплексе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 224-228.
4. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с.
5. Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 14-19.
6. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 94-106.
7. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.
8. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3. С. 7-31.
9. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. Л., 1971. Вып. 13. С. 94-106.
10. Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.
11. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
12. Дьяконова В.П. Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. 223 с.
13. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.
14. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиций // Труды ГИМ. М., 1941. С. 75-117.
15. Елин В.Н. Некрасов В.А. Новые петроглифы Горного Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 145-148.
16. Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблему сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 77-78
17. Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С.116-122.
18. Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 88-97.
19. Ермоленко Л.Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 86-91.

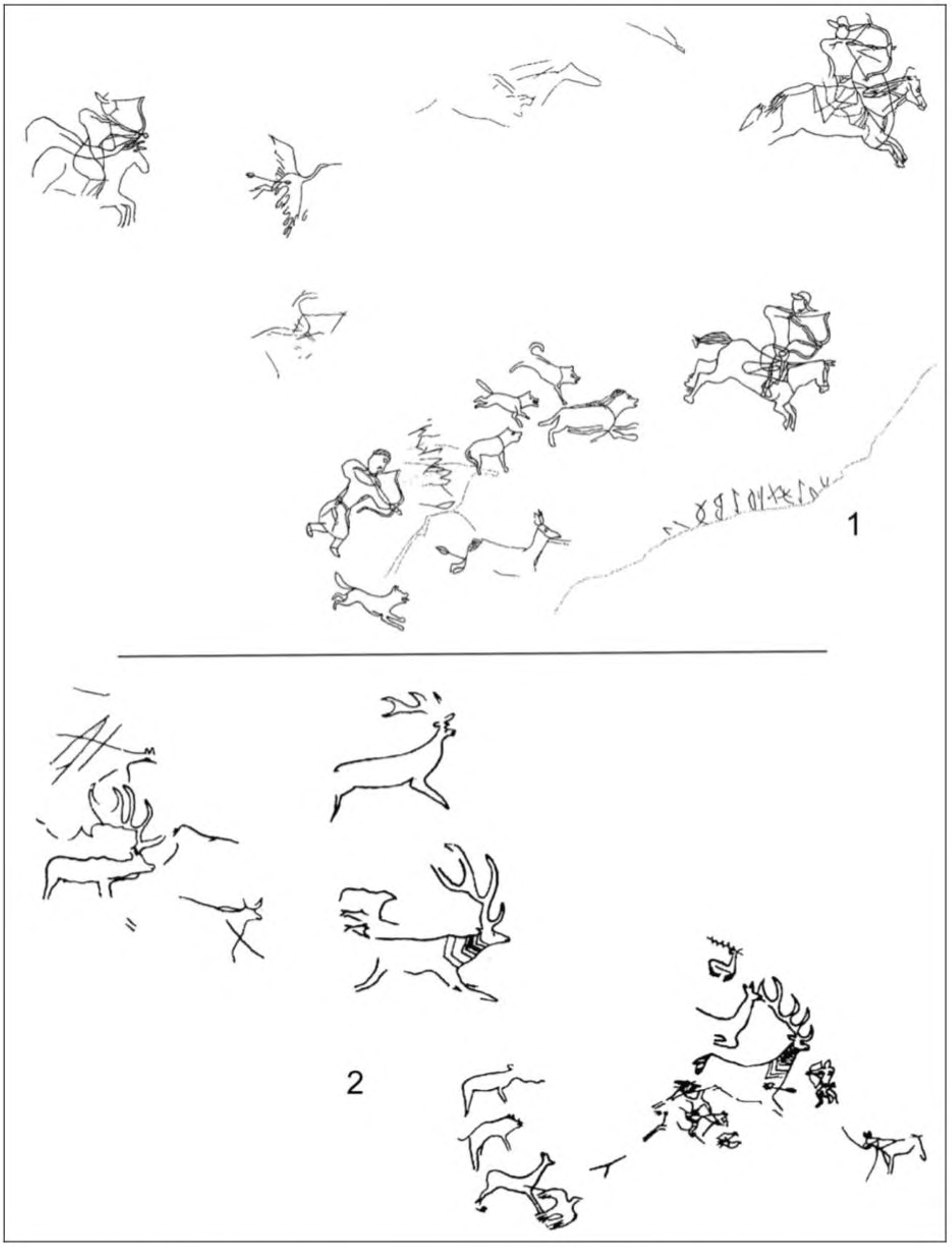

Рис. 1. Сцены охоты из петроглифов Туэкты (1) и Усть-Кана (2)
(1 – по Миклашевич Е.А., 2006; 2 – по Елину В.Н., Некрасову В.А., 1994).
Масштаб разный.

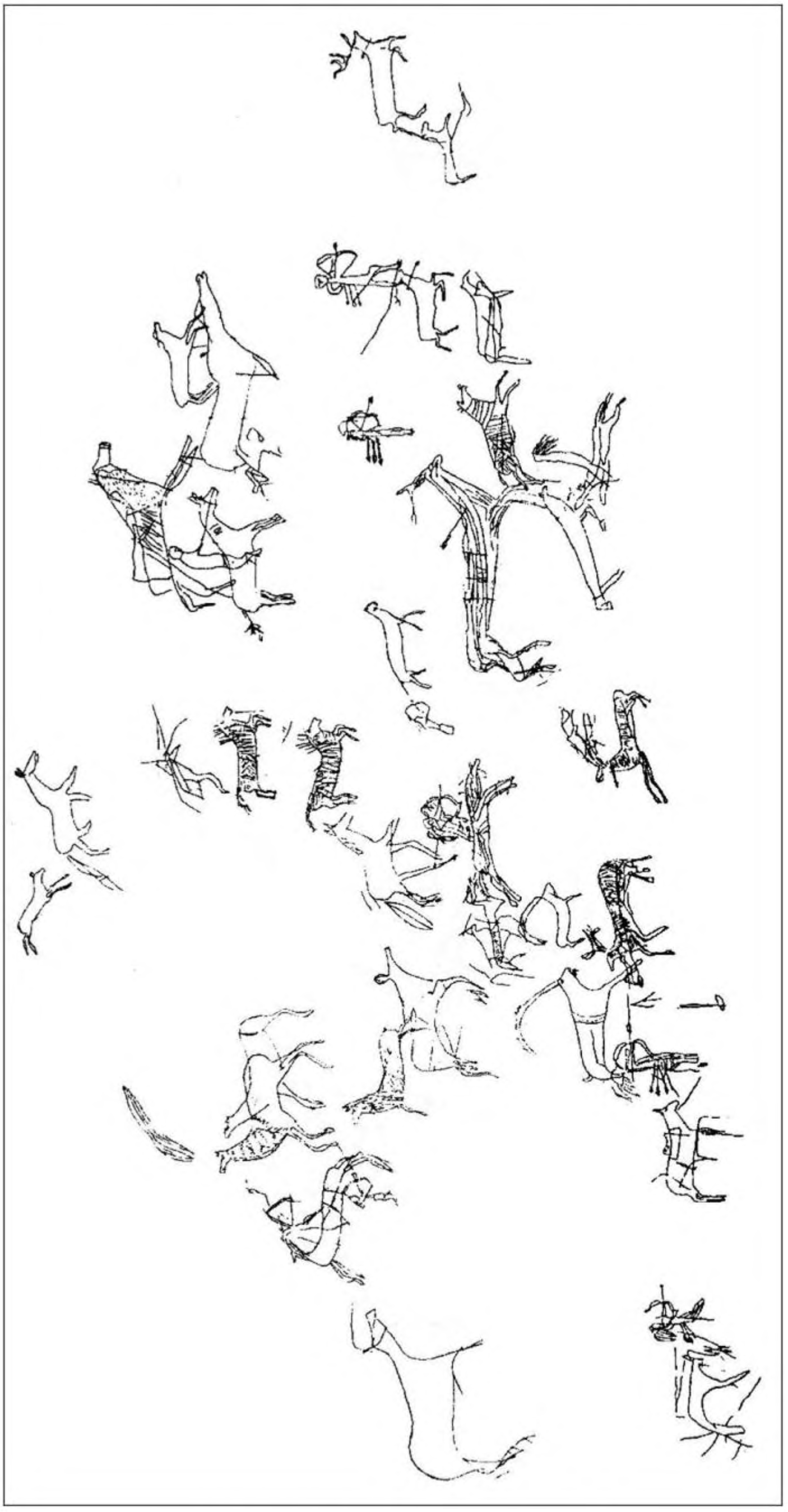

Рис. 2. Сцена охоты из Бичикту-Бома
(по Мартынову А.И., Елину В.Н., Еркиновой Р.М., 2006). Масштаб разный.

Рис. 3.
Сцены охоты из долины р. Чаган
(по Черемисину Д.В., 2004).
Масштаб разный.

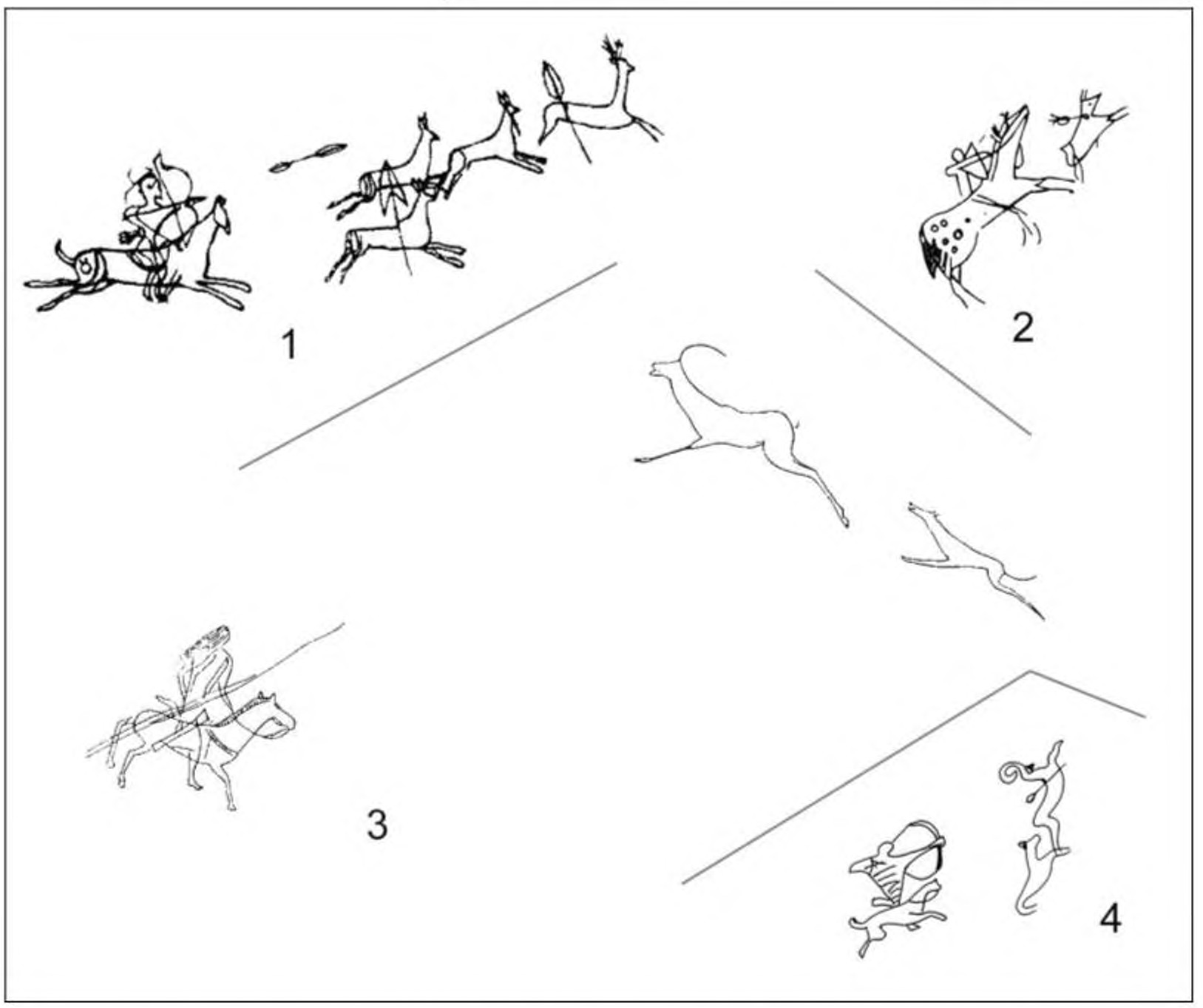

Рис. 4. Сцены охоты из Калбак-Таша-II (1), Кара-Оюка (2),
петроглифов долины р. Чаган (3) и горы Жалгыз-Тобе (4)
(1 – по Кубареву В.Д., 2007б; 2 – по Окладниковой Е.А., 1988;
3 – по Черемисину Д.В., 2004; 4 – по Елину В.Н., Тамимову А.М., 1992).
Масштаб разный.

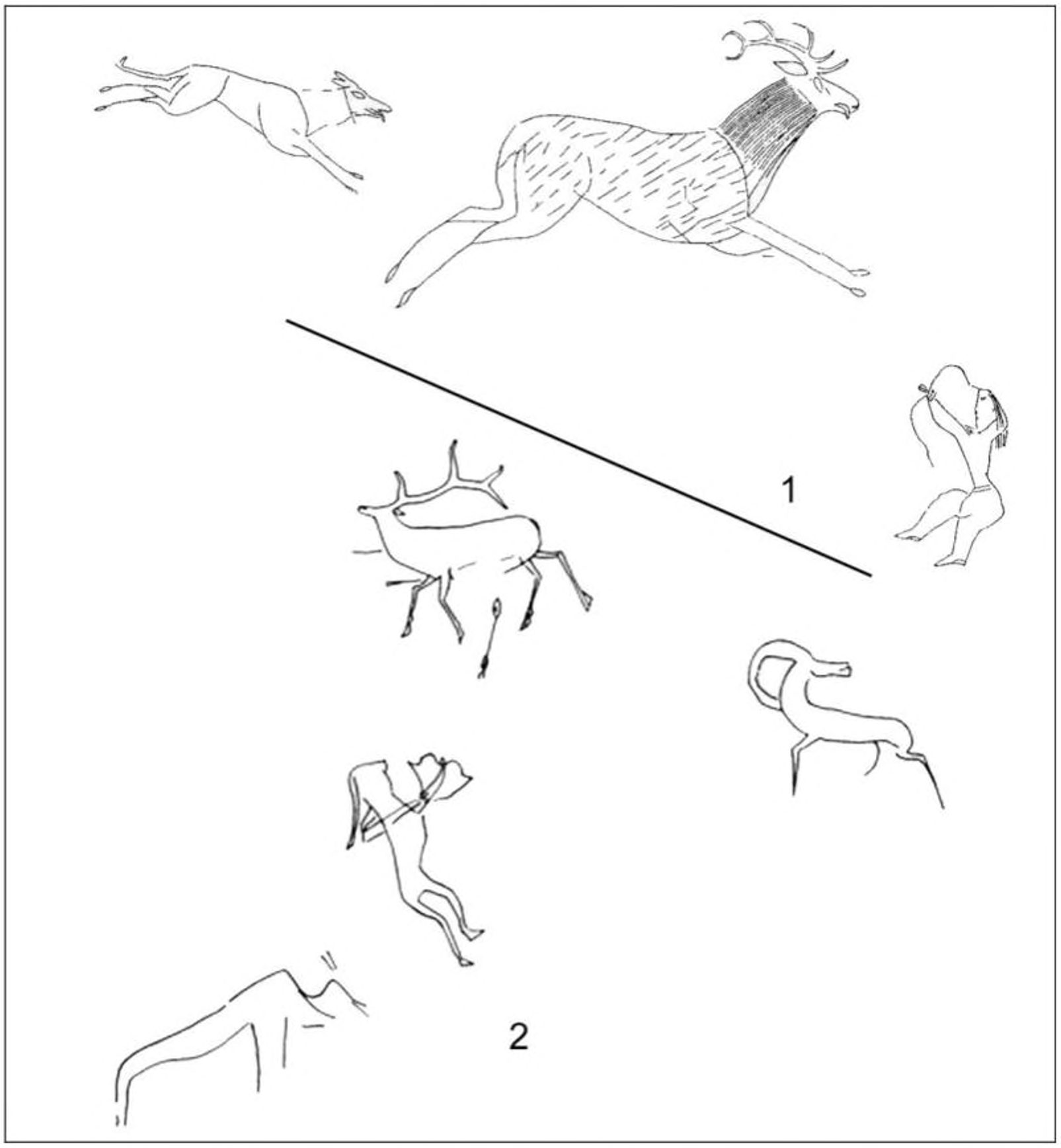

Рис. 5. Сцены охоты из петроглифов долины р. Чаган (1) и горы Жалгыз-Тобе (2) (1 – по Черемисину Д.В., 2004; 2 – по Cheremisin D., 2002). Масштаб разный.

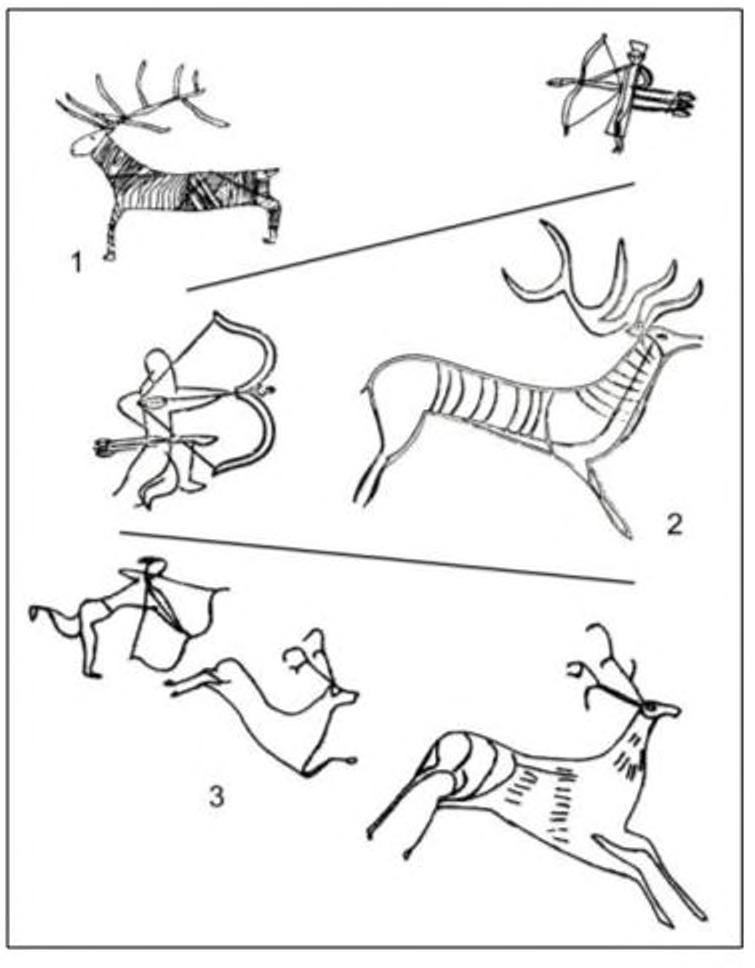

Рис. 6.
Сцены охоты из Бичикту-Бома (1, 2) и Тыныскайака (3) (1 – по Мартынову А.И., Елину В.Н., Еркиновой Р.М., 2006; 2 – по Минорскому А.И., 1951; 3 – по Ямаевой Е.Е., 2010). Масштаб разный.

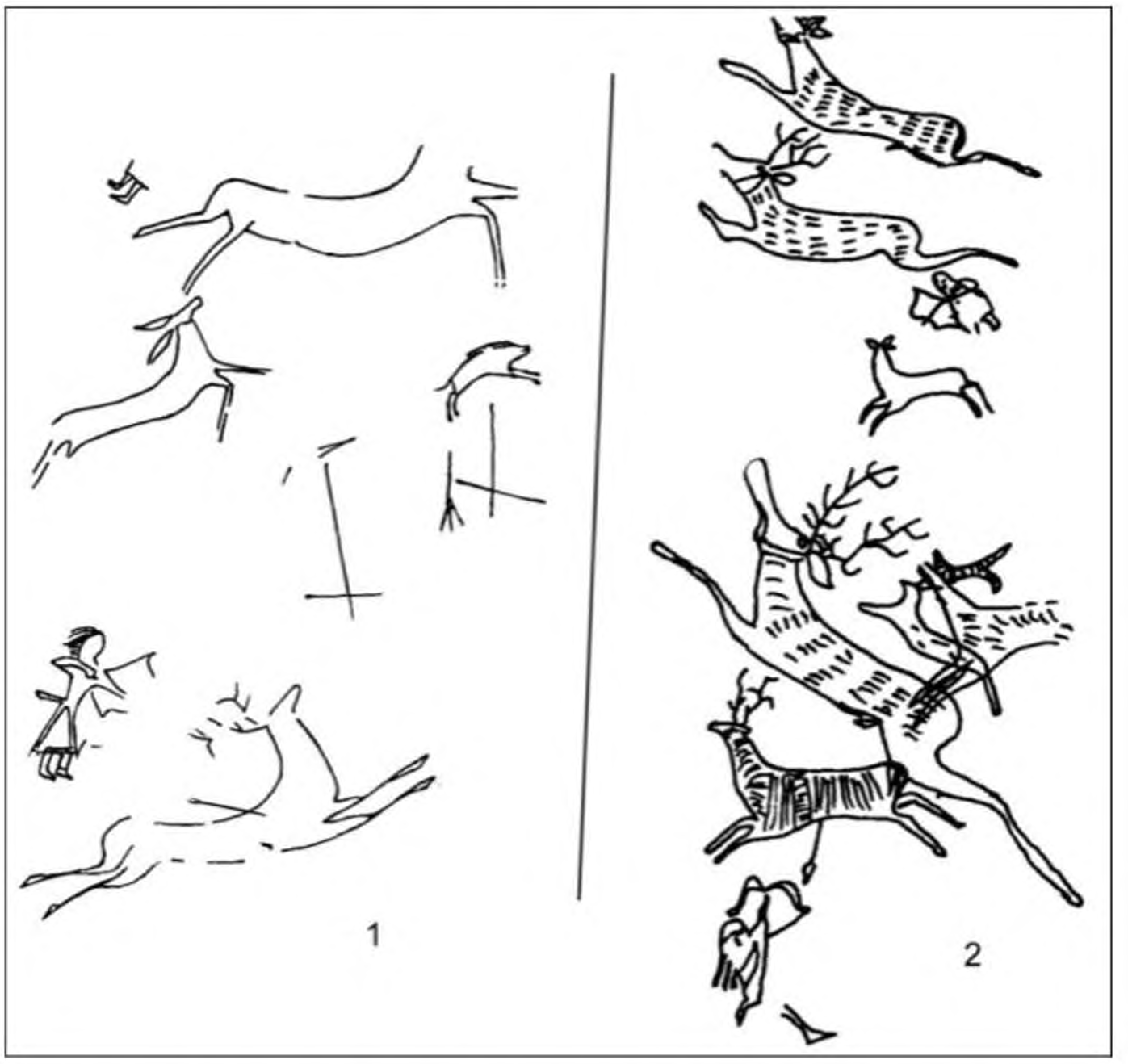

Рис. 7. Сцены охоты из окрестностей с. Улаган (1) и петроглифов Тыныскайака (2) (1 – по Кубареву В.Д., 1984; 2 – по Ямаевой Е.Е., 2010). Масштаб разный.

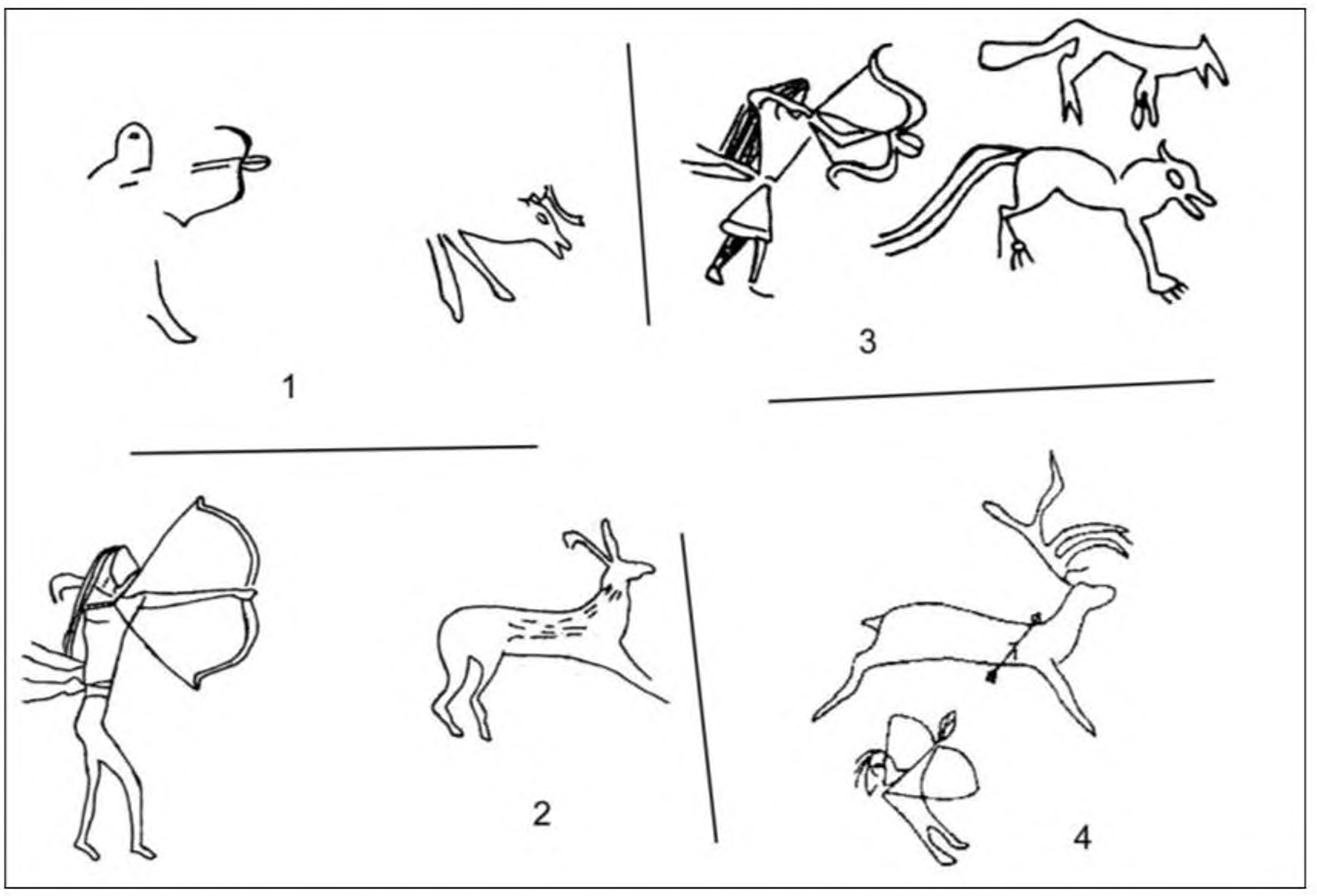

Рис. 8. Сцены охоты из Каракольской долины (1, 2, 4) и Кара-Оюка (3) (1 – по Минорскому А.И., 1951; 2 – по Ямаевой Е.Е., 2010; 3 – по Окладниковой Е.А., 1988; 4 – по Мартынову А.И., Елину В.Н., Еркиновой Р.М., 2006). Масштаб разный.

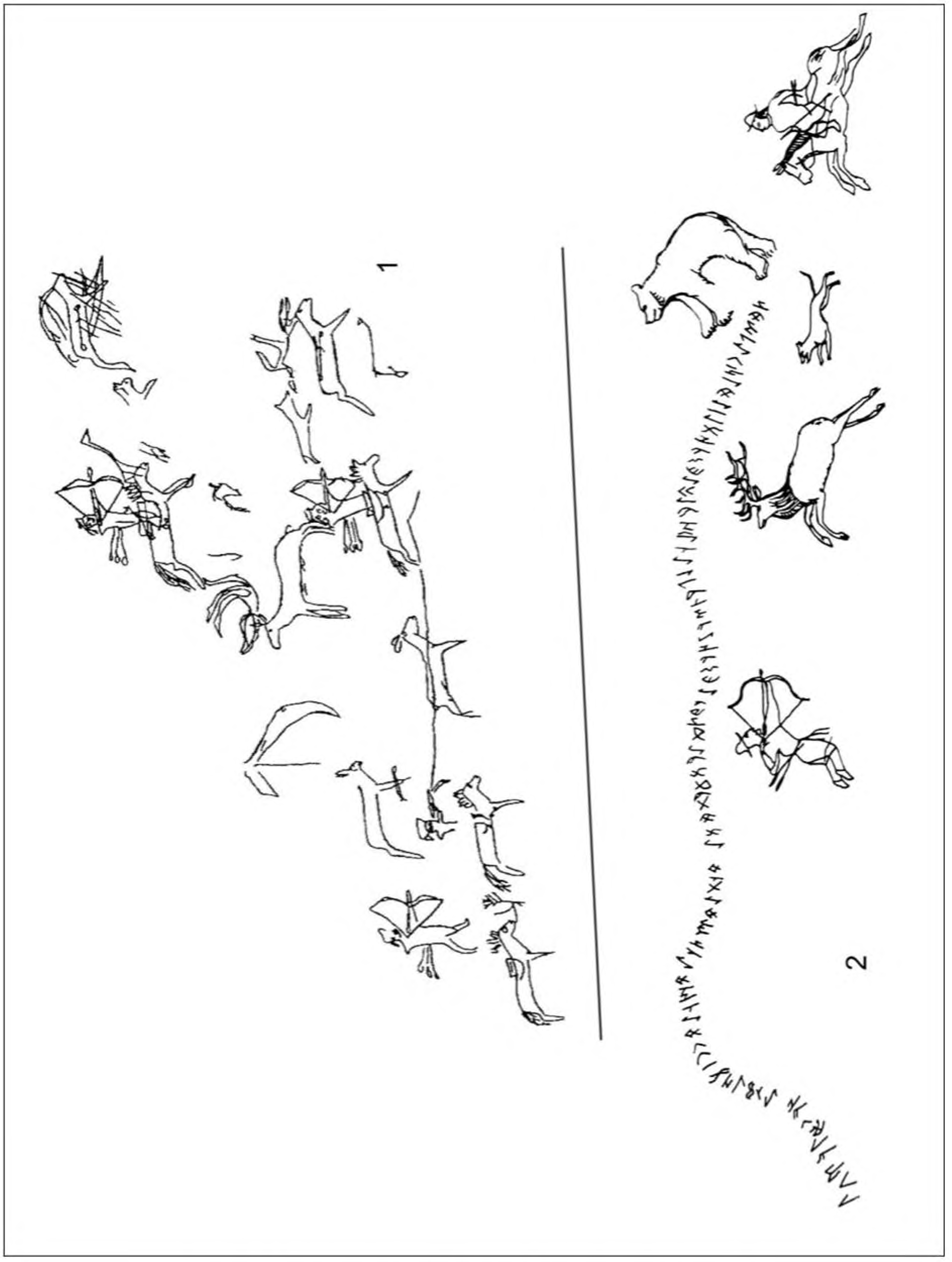

Рис. 9. Сцены охоты из Бичикту-Бома (1) и Кургака (2)
(1 – по Мартынову А.И., Елину В.Н., Еркиновой Р.М., 2006;
2 – по Кляшторному С.Г., Кубареву Г.В., 2002). Масштаб разный.

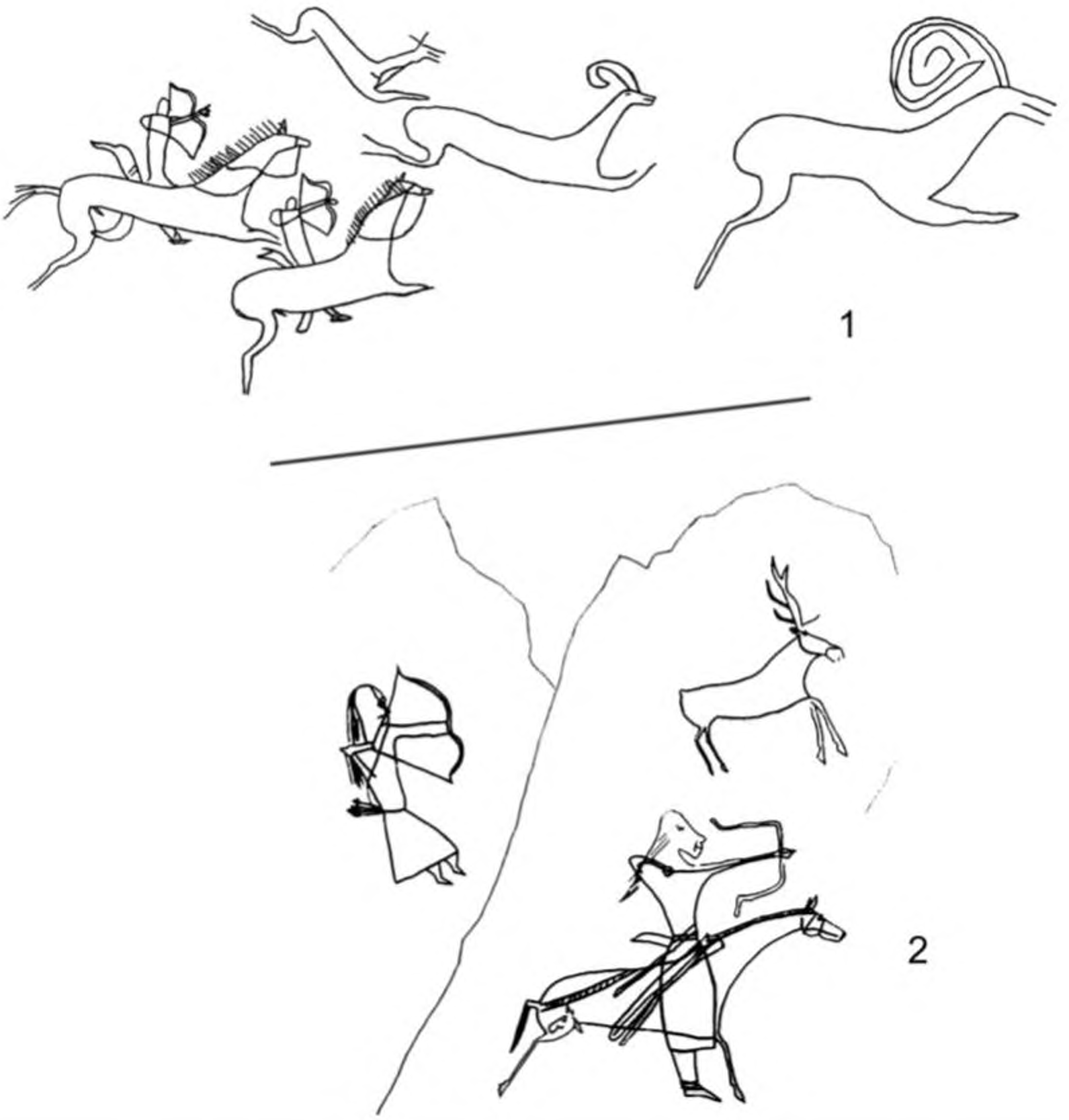

Рис. 10. Сцены охоты из петроглифов горы Жалгыз-Тобе (1) и Устю-Айры (2) (1 – по Кубареву Г.В., 2004; 2 – по Миклашевич Е.А., 2003). Масштаб разный.

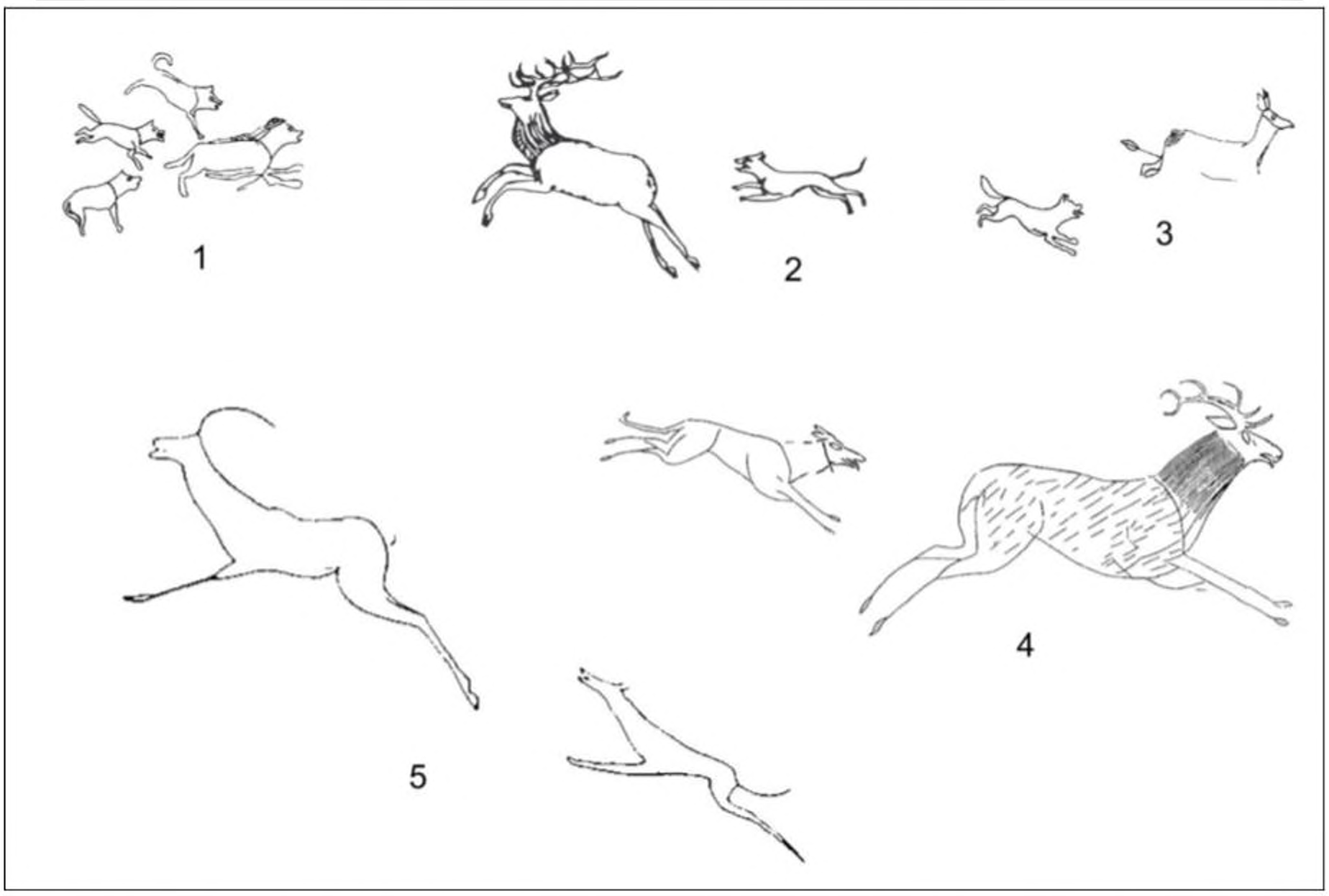

Рис. 11. Изображения собак, преследующих добычу, на раннесредневековых охотничьих сценах Горного Алтая (1, 3 – по Миклашевич Е.А., 2006; 2 – по Кляшторному С.Г., Кубареву Г.В., 2002; 4, 5 – по Черемисину, 2004). Масштаб разный.

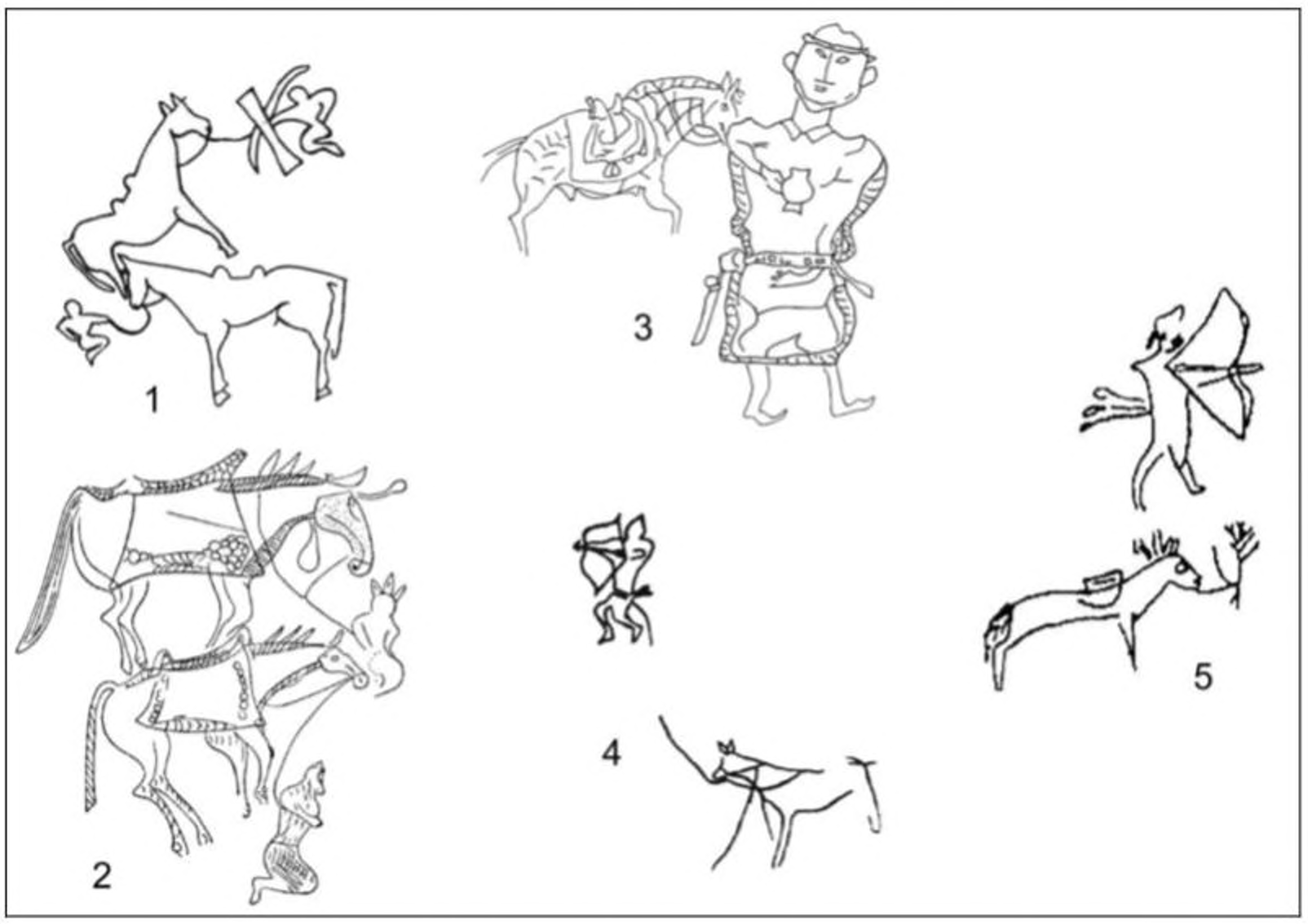

Рис. 12. Изображения лошадей рядом с хозяином в раннесредневековых рисунках Алтая (1 – по Кубареву В.Д., 1995; 2 – по Руденко С.И., Глухову А.Н., 1927; 3 – по Еркиновой Р.М., Кубареву Г.В., 2004; 4 – по Елину В.Н., Некрасову В.А., 1994; 5 – по Мартынову А.И. Елину В.Н., Еркиновой Р.М., 2006). Масштаб разный.

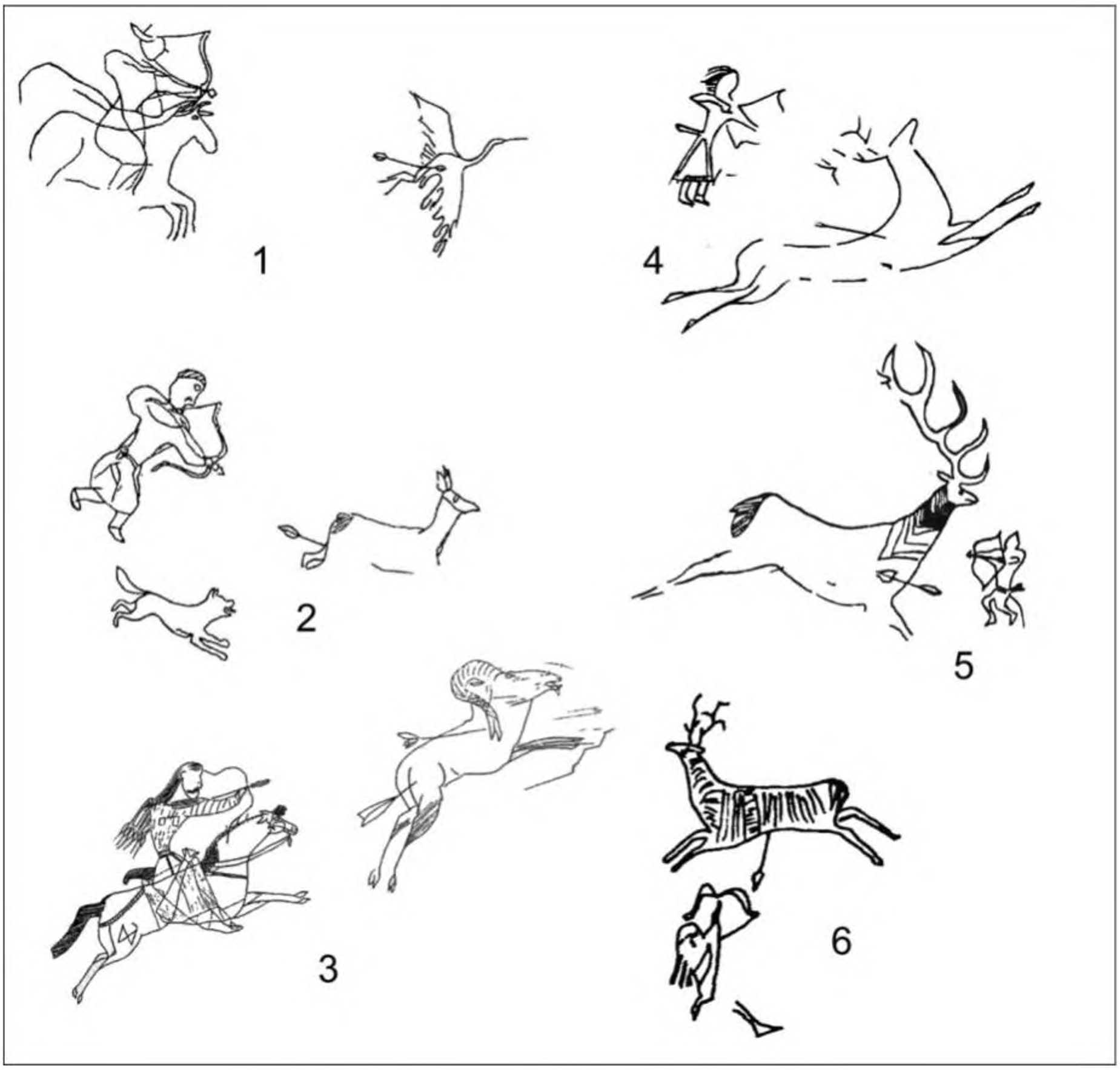

Рис. 13. Изображения раненных зверей и птиц
на раннесредневековых охотничьих сценах Горного Алтая
(1, 2 – по Миклашевич Е.А., 2006; 3 – по Черемисину Д.В., 2004;
4 – по Кубареву В.Д., 1984; 5 – по Елину В.Н., Некрасову В.А., 1994;
6 – по Ямаевой Е.Е., 2010). Масштаб разный.

1. Жатканбаев А., Турлыбаев А. «Кусбегы» – охота с хищными птицами в Казахстане // Охота и охотничье хозяйство [Электронный ресурс]. 1990. № 7. (http://www.piterhunt.ru /library/articles/zhatkanbaev_a/kusbegy_okhota_s_khishchnymi_ptitsami_v_kazakhstane.htm).
2. Железняков Б.А. Документирование петроглифов ущелья Сункарсай // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 3. С. 292-297.
3. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.
4. Киреев С.М., Ларин О.В. Разведки на поселении Усть-Куба // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. № 12. С. 53-58.
5. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Реконструкция некоторых аспектов хозяйственной деятельности населения поселения Тыткескень-2 // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 3-13.
6. Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. Сборник к 60-летию Д.Г.Савинова. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 213-215.
7. Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002. Т. 2. С. 78-82.
8. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с.
9. Константинов Н.А., Соёнов В.И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Монг. гос. ун-т, 2012. Вып. 3. Т. 2. С. 374-381.
10. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 348 с.
11. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
12. Кубарев В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 158-162.
13. Кубарев В.Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001а. №7. С. 155-159.
14. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001б. № 4 (8). С. 95-107.
15. Кубарев В.Д. Образ кабана в петроглифах Алтая // Археология Южной Сибири. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. С. 72-77.
16. Кубарев В.Д. Палеоэкономика населения Монгольского Алтая (по петроглифам и этнографическим источникам) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2007а. С.275-285.
17. Кубарев В.Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2007б. С. 282-287.
18. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 86-100.
19. Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 75-84.
20. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. 400 с.
21. Кузнецов Н.А. О правомерности использования термина «боевые собаки» (по материалам раскопок курганов Южной Сибири) // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998. Т. 1. С. 299-307.
22. Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 43-58.
23. Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: Колешек-2030, 2009. 170 с.

24. Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (факты вторичного использования древнетюркских оградок VI-VIII вв. в раннем средневековье) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 143-165.
25. Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. Москва: ИА РАН, 2008. С. 451-463.
26. Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 193-211.
27. Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте. // ЗВОРАО. Новая серия. Том I (XXVI). СПб: Петербургское востоковедение, 2002. С. 181-213.
28. Маточкин Е.П. Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 57-63.
29. Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 178-185.
30. Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. С. 84-91.
31. Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4. С. 219-235.
32. Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 184-188.
33. Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальное рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 91-93.
34. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник МАЭ. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 140-158.
35. Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.–Л.: Academia, 1935. 48 с. 85 табл.
36. Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев. (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб., 2001. 167 с.
37. Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции) // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 56-65.
38. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб, 1891. Т. 1. Вып. 2. 80 с. 8 табл. 9 прил.
39. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К.Д. Цивиной, и Б.Е. Чистовой. М.: Наука, 1989. 749 с.
40. Романова Е.Е. Охотничий промысел на Алтае в 20-е годы (по материалам архивного фонда Ойратского областного кооперативно-промыслового союза) // Звезда Алтая. 2012. № 143-146. С. 4.
41. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37-52.
42. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102-122.
43. Савинов Д.Г. Парадные сёдла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 19-24.
44. Савинов Д.Г. Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Труды II (XVIII) Археологического съезда. М.: ИА РАН, 2011. Т. IV (доп.). С. 13-18.
45. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб: Петербургское востоковедение, 1998. 320 с.
46. Соёнов В.И. Рыболовство на Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. С. 16-32.
47. Соёнов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. № 6. С. 138-141.
48. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В. Чепошские городища. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. 228 с.

49. Суразаков А.С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. 1979. № 3. С. 265-269.
50. Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений// Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГУ, 1999. С.171-173.
51. Суразаков А.С., Соёнов В.И. Зооморфный колчанный крючок из могильника Айры-даш-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 37-40.
52. Суразаков С.С. Этапы развития алтайского героического эпоса: автореф. дис. ... д. филолог. наук. М., 1973. 41 с.
53. Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. Бишкек, 2003. С. 111-136.
54. Тишкин А.А. Историко-культурное наследия Алтая. Древности Онгудайского района. 2006. Вып. 1. 12 с.
55. Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 26–34.
56. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2009. 292 с.
57. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тань-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 124-131
58. Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // СА. 1989. № 3. С. 184-192.
59. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 39-50.
60. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 140 с.
61. Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48-60.
62. Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 106-124.
63. Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 146-164.
64. Ямаева Е.Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. № 4. С. 57-61.
65. Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. 75 с.
66. Cheremisin D. The study of the Djalgys-tobe petrogliphs // INORA. 2002. № 32. P. 20-25.

Серегин Н.Н.
(г. Барнаул, Россия)

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2-Я ПОЛОВИНА V – XI ВВ.)

В изучении различных аспектов истории раннесредневековых тюрок, в том числе особенностей погребальной обрядности кочевников, до сих пор преобладает региональный подход, предполагающий приоритетное исследование памятников данной общности, раскопанных на отдельных территориях (Грач А.Д., 1961; Кубарев В.Д., 1984; Войтов В.Е., 1996; Табалдиев К.Ш., 1996; Кубарев Г.В., 2005; Худяков Ю.С., 2004; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009; и др.). Изолированное рассмотрение традиций, характерных для населения конкретных регионов, позволяет детально рассмотреть специфику исследуемых комплексов, однако серьезным образом сужает возможности анализа общих тенденций развития общности в Центральной Азии и на сопредельных территориях. Иллюстрацией такой ситуации является уровень осмысления динамики обрядовой практики раннесредневековых тюрок. На сегодняшний день имеющиеся наблюдения исследователей в указанном направлении носят, преимущественно, характер отдельных наблюдений, основанных на довольно ограниченном материале.

Некоторые выводы, связанные с рассмотрением изменений в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок на различных этапах развития культуры, представлены в ряде обобщающих монографий отечественных исследователей. В известной работе А.А. Гавриловой (1965, с. 58–72) приведена краткая характеристика захоронений, отнесенных к разным этапам развития культуры кочевников. Общий обзор специфики погребений раннесредневековых тюрок, исследованных на территории Центральной Азии, представлен В.А. Могильниковым (1981). Круг признаков, характеризующих погребения «алтае-телеских тюрков» на различных тапах развития культуры, обозначен Д.Г. Савиновым (2005, с. 219–230).

Определенный интерес представляют наблюдения исследователей, связанные с рассмотрением динамики отдельных элементов обряда раннесредневековых тюрок. Примерами подобных заключений археологов являются дискуссия об изменении направлений ориентировки умерших по сторонам горизонта, развернувшаяся при исследовании материалов раскопок на территории Тувы (Грач А.Д., 1966; Кызласов Л.Р., 1969. с. 18–19, 178), а также ряд публикаций, посвященных исследованию проблемы появления подбоев в обрядовой практике номадов (см. обзор: Серегин Н.Н., 2012).

В целом следует подчеркнуть, что эволюция культуры раннесредневековых тюрок иллюстрировалась, главным образом, при рассмотрении предметного комплекса кочевников, наиболее динамично отражающего изменения, связанные с поиском оптимальных форм изделий, престижностью отдельных категорий вещей и др. Существенным фактором, обусловившим фрагментарность изученности процессов развития погребальной обрядности номадов, является очевидная консервативность данного элемента культуры. С другой стороны, указанное обстоятельство подчеркивает значимость детального исследования любых изменений в этой сфере и необходимость изучения всех вызвавших их обстоятельств. Проведенный анализ некрополей тюркской культуры Центральной Азии (более 350 захоронений) позволил нам обозначить эволюцию погребальных комплексов номадов с акцентом на выявление традиций и новаций в реализации различных компонентов обрядовой практики, а также причин и факторов, обусловивших специфику зафиксированных процессов.

Изучение традиций и новаций в обрядовой практике кочевников предполагает фиксацию изменений, происходивших на конкретных хронологических этапах развития культуры. Во 2-й половине XX века разработан ряд культурно-хронологических и периодизационных схем (Гаврилова А.А,, 1965; Вайнштейн С.И., 1966; Овчинникова Б.Б., 1990; Савинов Д.Г., 1984; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; и др.). На сегодняшний день наи-

более развернутой и обоснованной представляется концепция развития культуры тюрок, представленная в публикациях барнаульских археологов (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 161–163; Тишкин А.А., 2007, с. 193–201). Данная схема продолжает наполняться содержанием и конкретизироваться (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011). Она основана на археологических материалах Алтая, однако при определенных допущениях применима и при интерпретации комплексов, раскопанных на сопредельных территориях. В развитии тюркской культуры выделено шесть этапов: кызыл-ташский (2-я половина V – 1-я половина VI вв.), кудыргинский (2-я половина VI – 1-я половина VII вв.), катандинский (2-я половина VII – 1-я половина VIII вв.), туэктинский (2-я половина VIII – 1-я половина XI вв.), курайский (2-я половина IX – 1-я половина X вв.), балтарганский (2-я половина X – XI вв.). Каждый из периодов обеспечен различным количеством раскопанных памятников; весьма неравномерно и количество объектов, исследованных в каждом из рассматриваемых регионов распространения культуры. Поэтому в настоящее время в эволюции погребальной обрядности кочевников представляется возможным выделять только основные тенденции, которые при дальнейшем накоплении и интерпретации материалов могут быть уточнены и детализированы.

Ранний ***кызыл-ташский этап*** в развитии тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв.) (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011) представлен памятниками, раскопанными только на Алтае. Судя по всему, это отражает территорию формирования и первоначальной локализации населения данной общности. Количество объектов, относящихся к рассматриваемому времени, весьма незначительно. Вместе с тем, анализ известных материалов позволяет обозначить ряд признаков, отличающих комплексы кызыл-ташского этапа.

При исследовании ряда памятников данного периода зафиксированы черты погребальной обрядности, демонстрирующие возможную связь с традициями, характерными для булан-кобинской культуры Алтая «гунно-сарматского» времени. В одном случае отмечено помещение лошади над погребением человека (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233), что является наиболее распространенным способом расположения животного в обрядовой практике «булан-кобинцев» (Матренин С.С., 2005, с. 41–42). Другим вариантом данной традиции у населения Алтая «гунно-сарматского» времени было помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация зафиксирована в самом раннем погребении тюркской культуры, исследованном на территории Тувы (Грач В.А., 1982, рис. 1). Вероятно, с традициями «гунно-сарматского» времени следует связывать также некоторые «одиночные» погребения тюркской культуры, в том числе, относящиеся к раннему кызыл-ташскому этапу (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4).

Помимо признаков погребальной обрядности, демонстрирующих возможную связь памятников раннего этапа в развитии тюркской культуры с традициями предшествующего времени, выделяются и другие черты, отличающие комплексы Алтая 2-й половины V – 1-й половины VI вв. н.э. Прежде всего, следует отметить наибольшую простоту в оформлении наземных конструкций. Курганные насыпи, чаще всего, представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленной процессами формирования новой общности кочевников. С другой стороны, на кызыл-ташском этапе фиксируется сложение норм обряда, ставших впоследствии характерными признаками погребальной практики населения тюркской культуры. Так, при исследовании одного из поздних объектов кызыл-ташского этапа (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, рис. 4.-1) отмечено полное соблюдение стандарта ритуала, получившего распространение в последующее время: захоронение человека с лошадью, помещенной слева от него при ориентировке умершего в восточный сектор горизонта и противоположном направлении животного (Серегин Н.Н., 2010, с. 177). Лошадь присутствовала и в относящихся к кызыл-ташскому этапу кенотафах (Савинов Д.Г., 1982, с. 103; Кубарев В.Д., 1985, с. 142–143). С оформлением сопроводительного захоронения животного связано появление приступки при сооружении объектов середины VI в. (Тиш-

кин А.А., Горбунов В.В., 2005, рис. 23, 30). В это же время, хоть еще в несколько специфичной форме, фиксируется каменная перегородка, отделявшая лошадь от умершего человека (Грач А.Д., 1982, рис. 1).

Одним из устойчивых показателей, отличающим комплексы тюркской культуры 2-й половины V – 1-й половины VI вв. н.э. от памятников данной общности более позднего времени, является низкая степень социальной дифференциации, зафиксированная в материалах погребений. Судя по всему, это отражает начальный этап в становлении общества раннесредневековых тюрок на Алтае.

Погребальные комплексы кызыл-ташского этапа, несмотря на свою немногочисленность, позволяют рассматривать процессы формирования тюркской культуры. Важно отметить, что анализ погребального обряда кочевников демонстрирует весьма слабую связь с традициями населения Алтая предшествующего «гунно-сарматского» времени. Преемственность находит выражение, главным образом, в предметном комплексе номадов (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 28). Основные характеристики обрядности, получившие распространение в рассматриваемом регионе в 1-й половине I тыс. н.э., практически не представлены в комплексах кызыл-ташского этапа. С одной стороны, данное наблюдение очевидным образом демонстрирует приход на Алтай нового населения и может быть сопоставлено с известными сведениями письменных источников. Согласно информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жуань-жуани переселили на Алтай племя Ашина. Имеются все основания для утверждения о том, что это и было пришлое население, составившее основу для формирования новой общности – тюркской культуры. С другой стороны, фрагментарность черт, свидетельствующих о преемственности культур Алтая «гунно-сарматского» и тюркского периодов, вызывает целый ряд вопросов, связанных с исследованием исторических судеб носителей булан-кобинской культуры.*

Важной вехой в истории кочевых обществ Центральной Азии стала середина VI в. н.э. Из письменных источников известно, что объединенные племена тюрок нанесли поражение империи жуань-жуаней и образовали в 552 г. Первый Тюркский каганат. Успешные военные походы способствовали быстрому расширению державы номадов и распространению традиций обрядовой практики и материальной культуры на обширные территории. Данные процессы нашли отражение в памятниках ***кудыргинского этапа*** тюркской культуры (2-я половина VI – 1-я половина VII вв.) (Гаврилова А.А., 1965, с. 58–60; Могильников В.А., 1981, с. 32–33; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 203–209; Тишкин А.А., 2007, с. 196–197; и др.). Археологические комплексы этого периода исследованы на обширных территориях Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии. При этом памятники каждой из обозначенных территорий отличаются по целому ряду характеристик, демонстрирующих специфику развития тюркской культуры и требующих отдельного рассмотрения. Ниже представлен опыт систематизации и анализа материалов раскопок погребальных комплексов тюркской культуры 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. с акцентом на выявление традиций и новаций в реализации различных компонентов обрядовой практики.

Основная масса погребальных комплексов кудыргинского этапа известна на Алтае. Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования тюркской культуры, но и как базы для первых военных походов раннесредневековых кочевников. Наиболее крупным некрополем Алтая данного периода является могильник Кудыргэ. Различным аспектам изучения эпонимного памятника посвящена обширная литература. В ряде работ отечественных исследователей представлен опыт рассмотрения и интерпретации некоторых сторон погребальной обрядности населения,

---

* Не останавливаясь подробно на данной проблеме, решению которой посвящена отдельная публикация (Серегин Н.Н., 2012), отметим, что имеющиеся материалы демонстрируют участие «булан-кобинцев» в сложении «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок. Судя по всему, часть населения Алтая предтюркского времени была вовлечена в активную военную экспансию тюрок после основания Первого каганата, о чем свидетельствует целый ряд специфичных характеристик погребальной обрядности раннесредневековых кочевников рассматриваемой общности на территории Минусинской котловины.

оставившего могильник (Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Азбелев П.П., 2000, с. 4–5; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 205–206; и др.). Поэтому в настоящей работе отметим лишь наиболее показательные черты данного комплекса, демонстрирующие как некоторые особенности некрополя, так и признаки, характерные для культуры раннесредневековых тюрок в целом.

При первом рассмотрении материалов раскопок на могильнике Кудыргэ может сложиться впечатление о специфичности погребальной обрядности населения, оставившего некрополь. Однако при подробном анализе памятника и сопоставлении с общими традициями тюркской культуры становится очевидным, что могильник не представляет собой исключительного явления. Так, описанные А.А. Гавриловой (1965, с. 22–28) и отраженные в иллюстрациях специфичные наземные сооружения в виде «овала из камней» или «прямоугольника из плит», представляют собой обычную курганную насыпь, в основе которой была крепида из крупных камней (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 165–166). Многочисленные аналогии в комплексах тюркской культуры имеют такие элементы конструкций, как перекрытие могильной ямы, сооружение приступки по одной из ее стенок и погребальная камера в виде гроба, отмеченные при исследовании ряда объектов могильника Кудыргэ.

Также достаточно традиционными являются для обрядовой практики раннесредневековых тюрок являются отдельные «одиночные» погребения людей и лошадей, исследованные на рассматриваемом некрополе. Подобные объекты, известные и на других комплексах (Серегин Н.Н., 2008; 2010), на могильнике Кудыргэ расположены на определенном расстоянии друг от друга (Гаврилова А.А., 1965, табл. II) и имеют отдельные наземные сооружения. Анализ материалов раскопок показывает, что обоснованным является отнесение объектов №1, 3 и 8 некрополя к отдельным захоронениям лошадей, а могил 2, 4, 6 – к «одиночным» погребениям людей. Могила 22 может быть обозначена как «парный» кенотаф. Характеристика подобных объектов достаточно подробно раскрыта в ряде работ (Савинов Д.Г., 1987; Серегин Н.Н., 2008, с. 145–146).

Единственной действительно специфичной чертой погребальной обрядности, выделяющей некрополь на фоне других комплексов тюркской культуры, является нетипичная для носителей рассматриваемой общности ориентировка умерших в южный сектор горизонта. Однако в данном случае имеются основания для предположения о том, что отличие в обозначенном элементе погребального обряда обусловлено не особенной этнокультурной принадлежностью населения, а характеристиками местности. Замечено, что долина, в которой находится некрополь, имеет выходы только в северном и южном направлениях (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 157), Похожая ситуация, демонстрирующая влияние ландшафта на преобладающую ориентировку умерших людей в определенный сектор горизонта, наблюдается и на других комплексах Алтая различных хронологических периодов (Матренин С.С., 2005, с. 38).

Рассмотрение показателей погребального обряда, зафиксированных на других памятниках Алтая кудыргинского этапа, позволяет более подробно раскрыть особенности комплексов данного периода. Наземные сооружения представлены простыми насыпями, чаще всего без каких либо дополнительных конструкций. Только в одном случае зафиксирована крепида по периметру наброски (Могильников В.А., 1990, рис. 3). Также однажды отмечен околокурганный объект в виде небольшой каменной выкладки, пристроенной с юго-запада к насыпи (Кубарев Г.В., 2011, с. 229). Редким показателем являлось сооружение перекрытия могильной ямы, которое было каменным (Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 165) или деревянным (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 100). Не исключено, что такие конструкции присутствовали и в некоторых ограбленных захоронениях, где зафиксированы их следы (Могильников В.А., 1990, с. 141). В абсолютном большинстве случаев населением тюркской культуры Алтая во 2-й половине VI – 1-й половине VII вв. сооружалась простая могильная яма; только однажды отмечена приступка по одной из ее стенок, на которой помещена лошадь (Могильников В.А., 1990, рис. 2). Несколько большее распространение получила другая конструкция, связанная с оформлением сопроводительного захоронения животного – перегородка, отделявшая человека. Такие сооружения были деревянными или каменными, причем в одном захоронении подобная конструкция находилась с обоих боков лошади, образуя своего рода

каменный ящик (Могильников В.А., 1990, рис. 4). Каменный ящик представляет собой и единственный вариант погребальной камеры для человека, отмеченный в одном из захоронений Алтая (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, с. 12).

Погребальный ритуал, зафиксированный в комплексах тюркской культуры Алтая кудыргинского этапа, выглядит достаточно унифицированым и соответствует общему стандарту обряда рассматриваемой общности (Серегин Н.Н., 2010, с. 177). В большинстве захоронений данного региона 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. умерший человек ориентирован в восточный сектор горизонта, а лошадь, положенная слева от него, направлена головой на запад. Формирование данной совокупности показателей отмечено в материалах раскопок комплексов предшествующего периода, однако именно в памятниках кудыргинского этапа стандарт погребального ритуала получает наиболее устойчивое выражение. Вместе с тем, отмечена и другая традиция. В двух погребениях тюркской культуры рассматриваемого региона зафиксирована ориентировка умерших людей и сопровождавших их лошадей в северном направлении при расположении животного справа от человека (Могильников В.А., 1990, с. 140–141; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., 1997, с. 12).

Погребальные комплексы тюркской культуры, относящиеся ко 2-й половине VI – 1-й половине VII вв., за пределами Алтая достаточно немногочисленны. Всего три таких объекта исследованы на территории Тувы (Грач А.Д., 1960, с. 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн С.И., 1966, с. 302–303; Трифонов Ю.И., 1971, рис. 5). Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии. Вместе с тем, на указанной территории имеется серия случайных находок данного периода, а также материалы 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. из оградок (Dorjsuren C., 1967; Санжмятав Т., 1993, табл. 107; Дундговь аймагт …, 2010, т. 311–312; и др.), что указывает на возможность распространения памятников.* На таком фоне довольно представительной выглядит серия погребений кудыргинского этапа, раскопанных в различных районах Средней Азии и Казахстана (Спришевский В.И., 1951; Бернштам А.Н., 1952, с. 81–83; Кибиров А.К., 1957, с. 86–87; Кадырбаев М.К., 1959, с. 184–186; Винник Д.Ф., 1963, с. 87; Курманкулов Ж.К., 1980; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 15–16; и др.).

Общими особенностями погребальных комплексов 2-й половины VI – 1-й половины VII вв., раскопанных в Туве, Казахстане и Средней Азии, является преимущественная простота оформления наземных конструкций, наличие каменной перегородки, отделявшей умершего человека от сопровождавшей его лошади, расположение животного на невысокой приступке, а также появление захоронений в подбое. Крайне редко отмечена крепида по периметру наземной конструкции (Трифонов Ю.И., 1971, рис. 2–3), а также околокурганные объекты (Вайнштейн С.И., 1966, с. 302, рис. 19). Погребальный ритуал в большинстве захоронений, исследованных на обозначенных территориях, представлен стандартным соотношением показателей, охарактеризованных выше при рассмотрении памятников Алтая.

Особенности распространения тюркской культуры в различных регионах наиболее ярко демонстрируют археологические комплексы кудыргинского этапа, раскопанные в Минусинской котловине. Судя по имеющимся материалам, в середине VI в. произошло сложение «минусинского локального варианта, специфика которого нашла проявление и в традициях погребальной обрядности. К кудыргинскому этапу относятся объекты, исследованные на памятниках Усть-Тесь (Киселев С.В., 1929, с. 146; Евтюхова Л.А., 1948, с. 60–61), Белый Яр-II (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999), Терен-Кель (Худяков Ю.С., 1999). Материалы раскопок данных комплексов не имеют принципиальных отличий от других объектов тюркской культуры на территории Минусинской котловины, специфика которых подробно рассмотрена в целом ряде работ отечественных исследователей (Нестеров С.П., 1985; Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998; Худяков Ю.С., 2004; Серегин Н.Н., 2009; и др.).

Обратим внимание на то, что общей чертой комплексов 2-й половины VI – 1-й половины VII вв., раскопанных на всех рассмотренных территориях, является их немного-

---

* Не исключено, что погребальных комплексов кудыргинского этапа в Туве и Монголии раскопано больше. Конкретизации количества объектов данного периода будет способствовать публикация не введенных в научный оборот материалов исследований прошлых лет.

численность. Это в какой-то степени объяснимо для предшествующего кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI вв.), когда происходило формирование культуры и становление традиций обряда, однако выглядит абсолютно нелогичным при рассмотрении памятников кудыргинского этапа, отражающих историю общности тюрок в период ее наивысшего развития. Тем не менее, предложим некоторые возможные варианты интерпретации ситуации, зафиксированной по материалам раскопок археологических комплексов.

Нельзя исключать, что памятники кудыргинского этапа, в силу различных причин, еще не исследованы. В данном случае, главным образом, следует учитывать слабую степень изученности Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов.

Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрок, датируемых 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв., связано с высокой степенью подвижности кочевников, обусловленной активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть номадов на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов. Ко 2-й половине V – 1-й половине VII вв. относится серия «классических» кенотафов, сооруженных, судя по всему, в честь погибших на чужбине воинов (Гаврилова А.А., 1965, с. 27; Савинов Д.Г., 1982, с. 103; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117). По мнению ряда исследователей (см. обзор: Серегин Н.Н., 2010, с. 79) схожие функции могли выполнять «ритуальные» курганы. Основной характеристикой таких объектов является отсутствие каких-либо конструкций под курганной насыпью. Показательно, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов тюркской культуры зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к ранним этапам развития обозначенной общности – 2-й половине V – VI вв. (Илюшин А.М., 1990, рис. 1; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-14–21, 55.-7–8; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, с. 117, рис. VI.-24, 25). Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных объектов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах развития тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Отдельного исследования требует вопрос о возможном рассмотрении как кенотафов каменных «поминальных» оградок тюркской культуры. Не решая его в рамках настоящей работы, отметим некоторые ключевые моменты, свидетельствующие в пользу такой интерпретации. Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади (Гаврилова А.А., 1965, табл. III–V; Могильников В.А., 1992, рис. 10–11; Мамадаков Ю.Т., 1994, рис. 2.-7–12; Илюшин А.М., 2000, рис. I–II; и др.). Весьма вероятным представляется предположение о том, что такие конструкции в раннетюркских оградках, схожие по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры, отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода (Матренин С.С., 2005, с. 37; Матренин С.С., Сарафанов Д.В., 2006, с. 210).

Анализ материалов раскопок погребальных и «поминальных» комплексов тюркской культуры демонстрирует высокую степень сходства в таком показателе, как возведение сопроводительных сооружений. «Околокурганные» объекты представлены балбалами, стелами, изваяниями, небольшими «пристройками» и кольцевыми выкладками, расположенными, преимущественно, с восточной стороны от насыпи (Серегин Н.Н., 2010). Такие же сооружения сопровождают и каменные оградки раннесредневековых тюрок. Отметим, что в ряде случаев «околокурганные» объекты обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства этих комплексов и каменных оградок.

Добавим, что чертой, которая некоторым образом объединяет кенотафы, «ритуальные» курганы и оградки тюркской культуры, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и части кольчуги являются весьма редкой находкой в погребениях тюрок. Остатки защитного вооружения встречены лишь однажды при раскопках «элитного» кургана (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003, рис. 6). Кроме единичной находки на поселении, все остальные фрагменты доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах (Грач А.Д., 1960, с. 129–139; Кызласов Л.Р., 1979, с. 122, 129–131; Илюшин А.М., 1990, рис. 1.-8; Загородний А.С., Григорьев Ф.П., 1998, с. 118–122; Горбунов В.В., 2004, с. 96; Кубарев Г.В., 2007, с. 51–52, рис. 2.-5; 2, рис. 4, 7; Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 38–39; и др.). Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека.

Представленные наблюдения демонстрируют высокую степень сложности погребально-поминальной обрядности населения тюркской культуры, весьма ярко проявившуюся уже на кудыргинском этапе развития общности. В 1-й половине VI – 2-й половине VII вв. фиксируется не только распространение памятников кочевников на обширные территории, но и определенная эволюция обрядовой практики номадов. Основным ее направлением стало постепенное усложнение наземных и внутримогильных сооружений и большая их вариабельность. Наряду с установившейся высокой степенью унификации погребального ритуала отмечен ряд отклонений, в том числе появление северной ориентировки умерших. Распространение тюркской культуры за пределы Алтая определило специфику обряда на отельных территориях. Получение новых материалов кудыргинского этапа, а также введение в научный оборот результатов раскопок прошлых лет позволит уточнить представленные выше наблюдения и более детально реконструировать специфику погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии в 1-й половине VI – 2-й половине VII вв.

На последующих ***катандинском, туэктинском и курайском этапах*** развития тюркской культуры (2-я половина VIII – 1-я половина X вв.) тенденция, связанная с усложнением погребальных сооружением, увеличением вариабельности конструкций фиксируется на новом уровне. Необходимо отметить, что к рассматриваемому времени относится основная масса исследованных комплексов, что позволяет иллюстрировать отмеченные изменения более полно.

Динамика ряда показателей обрядности раннесредневековых тюрок, очевидно, была связана с усложнением устройства общества кочевников. Заметно общее увеличение параметров наземных и внутримогильных погребальных сооружений. Курганная насыпь в значительном количестве случаев сопровождалась дополнительными конструкциями в виде крепиды или ограды; гораздо чаще, чем в предыдущее время, фиксируются околокурганные объекты. Помимо стандартных для тюркской культуры округлых насыпей встречены сложные по структуре подквадратные наземные сооружения. Вариабельность внутримогильных конструкций иллюстрируется распространением погребений в подбое, стабильным присутствием в значительном количестве объектов приступки для лошади. Если на кудыргинском этапе развития тюркской культуры присутствие в погребении двух лошадей было исключением, то начиная со 2-й половины VII в. появляются могилы с сопроводительным захоронением трех и даже четырех животных. В материалах многих погребений фиксируется увеличение количества присутствовавшего в захоронении сопроводительного инвентаря, а также расширение спектра предметов. К примеру, начиная со 2-й половины VII в. заметно распространение импортных изделий.

Обозначенные показатели в разной степени демонстрируют развитие социальной организации номадов, а также присутствие в обществе различных групп населения, для которых были характерны определенные традиции погребальной обрядности. Ряд признаков некрополей отражают широкие этнокультурные контакты раннесредневековых тюрок.

Количество погребений, относящихся к позднему ***балтарганскому этапу*** к развитии тюркской культуры (2-я половина X – XI вв.) весьма незначительно. Территория распространения памятников значительно сокращается, за редким исключением все исследованные памятники расположены на Алтае. В целом, материалы раскопок захоронений этого времени отражают упадок традиций обрядности рассматриваемой общности. Од-

ной из особенностей балтарганского этапа является распространение впускных погребений и появление скальных объектов, что, в целом, не характерно для населения тюркской культуры. Обозначенная ситуация вполне соотносится с известными событиями политической истории Центральной Азии. Раннесредневековые тюрки в это время входили в состав Кыргызского каганата, находившегося на стадии ослабления и распавшегося на отдельные княжества. Какие-либо упоминания о тюрках в письменных источниках после X в. отсутствуют (Худяков Ю.С., 2007. С. 132).

Итак, анализ погребальных комплексов позволил выявить динамику обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Очевидно, что зафиксированные тенденции являются отражением ключевых этнокультурных и политических процессов, происходивших в регионе и известных по письменным источникам. Традиции и новации в погребальной обрядности раннесредневековых кочевников в полной мере коррелируют с результатами изучения «поминальных» объектов, а также предметного комплекса из памятников тюркской культуры, исследованных на обширных территориях.

Библиографический список

1. Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 4–5.
2. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.
3. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. 224 с.
4. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.
5. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
6. Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.
7. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
8. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
9. Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. Вып. 12. С. 95–114.
10. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002. С. 174–180.
11. Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.
12. Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.
13. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.
14. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1966. С. 188–193.
15. Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
16. Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: бага газрын чулуу / Археологийн судлал. Т. XXVII. Улаанбаатар, 2010. 347 тал.
17. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
18. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып 16. С. 75–117.

19. Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алмааты; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.
20. Илюшин А.М. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: АГУ, 1990. С. 117–119.
21. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
22. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.
23. Кибиров А.К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.
24. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. 1998. №3. С. 165–175.
25. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.
26. Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартьянова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.
27. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
28. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
29. Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.
30. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.
31. Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.
32. Кубарев Г.В. Женское древнетюркское погребение из могильника Джолин III (Юго-Восточный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 221–240.
33. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.
34. Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1980. С. 191–197.
35. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
36. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
37. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.
38. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
39. Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51.
40. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3-4. С. 203–218.
41. Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.
42. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

43. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
44. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.
45. Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.
46. Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.
47. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
48. Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.
49. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
50. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
51. Савинов Д.Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.
52. Санжмятав Т. Архангай аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 1993. 198 тал.
53. Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТу, 2008. С. 144–153.
54. Серегин Н.Н. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 28–33.
55. Серегин Н.Н. Вопросы этносоциальной интерпретации одиночных погребений тюркской культуры // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 251–254.
56. Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2010. Вып. IV. С. 78–83.
57. Серегин Н.Н. «Околокурганные» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 201–205.
58. Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.
59. Серегин Н.Н. К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 536–541.
60. Серегин Н.Н. Могилы с подбоем в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий: проблемы интерпретации // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 134–142.
61. Спришевский В.И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Тр. Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.
62. Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.
63. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
64. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

65. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.
66. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
67. Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.
68. Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.
69. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.
70. Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2007. 156 с.
71. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.
72. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.
73. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2009. 293 с.
74. Dorjsuren C. An early medieval find from Nothern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 429–430.

Рыбаков Н.И.
(г. Красноярск, Россия)

БОДХИСАТТВА МАУДГАЛЬЯЯНА В ИЮССКИХ ПЕТРОГЛИФАХ

Дополнительные материалы по изучению Енисейских "загадочных фигур в мантиях" (открытие Аспелина И.Р. – 1887) дают новые ориентиры к атрибуции этого явления. Персонаж (рис. 1 – 2) из группы классических переводов финской экспедиции (Appelgren Kivalo., 1931, p. 58, abb. 304-308) находит сближение с образом одного из первых учеников Будды Шакьямуни бодхисаттвой Маудгальяяной (пали *Mogallana*). Трехлопастной жезл подмышкой персонажа в мантии, изображенного на плите (Подкамень) по образцам иконографических источников раннего буддийского пантеона, имеет прямое сходство с жезлом (khakkhara) буддийского святого. Маудгальяяна в буддийской мифологии наряду с Шарипутрой и Анандой главный ученик Шакьямуни. Он обладал наибольшими магическими способностьями: мог создавать разнообразные формы живых существ и сам принимать по желанию любой облик; неоднократно пребывал во втором небесном мире Траястринса, которое находится на вершине горы Меру. Часто изображается рядом с Шакьямуни в выцветшей оранжевой тоге и с посохом странствующего монаха (Волкова О.Ф., Мялль Л.Э., 1982, с. 123; Ervin Baktay, 1963, s. 57). Посох имеет набалдашник в виде ступы-чаитьи, симметрично составленный из металлических круглооформленных парных сочленений в три яруса с кольцеобразными подвесками. Тождественные соответствия (рис. 1 – 1,3) наблюдаем в иконографии пластических рельефов пагоды Чжуан-Чоу (Ch'uan-chou), одного из памятников раннего средневековья Центрального Китая (Demieville P., 1935, s. 75, 14e). О сопоставлениях жезлов в буддийской и ламаистской традиции Центральной Азии подробно: (Rybakov N.I., 1911, s. 51, fig. 1 – 7-8).

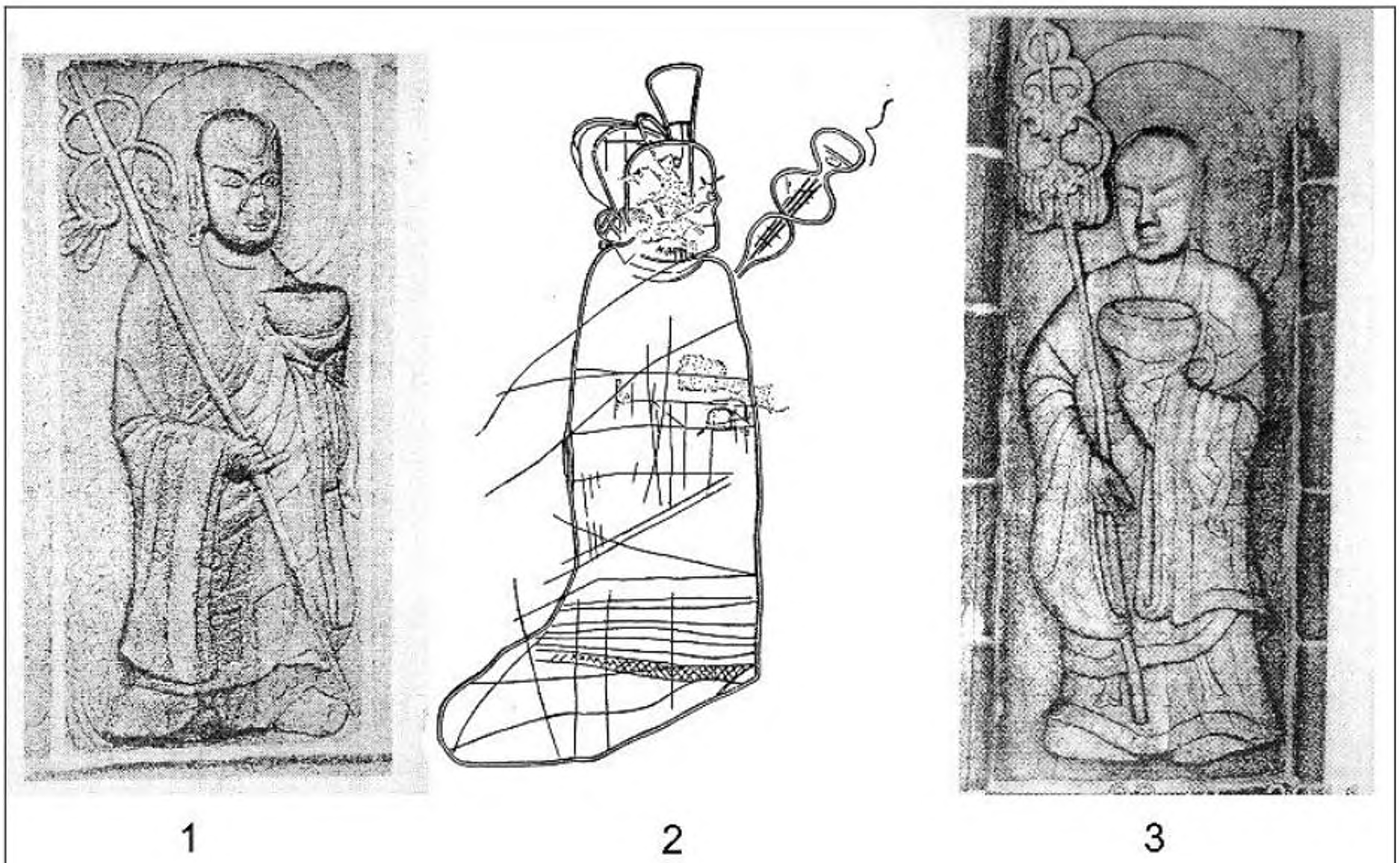
Сходство буддийского посоха из культовых паломнических атрибутов чаньского Китая и сложносоставной предмет енисейского персонажа (Подкамень) дает наиболее перспективное понимание некоторых вопросов происхождения енисейских загадочных фигур в мантиях. Ограничимся краткими выводами по этому явлению.

Вся иконография из состава памятников, задокументированных в конце XIX в. и обнаруженная автором по результатам поисковых экспедиций в районе Северной Хакасии в период 2000-2006гг., характеризует один и тот же круг чужеземных религиозно-исторических группировок, малых по численности, но разновременных, как исторический факт миграционных процессов средневековья, зарегистрированных в Междуречье двух Июсов, по месту ставки кыргызской администрации. Предполагаемый период этих продвижений, часть из которых, вероятно, принудительных или временно восстановленных, датируется второй половиной VIII в. – первой половиной IX в. до начала кыргызской экспансии (840 г.). Иконографический облик священнослужителей составляет синкретический в своей основе образ, который именно по этой причине является трудноопределимым. Однако разъединение всех иконографических составляющих и сопутствующих символов выявляет три религиозно-исторических субстрата: буддийский, манихейский и шаманистский центрально-азиатский.

Касательно енисейского манихейского субстрата можно сказать следующее: все ранние суждения автора по этому вопросу не отвергаются, но, исследования последних лет свидетельствуют, что манихеи первой волны (согдийско-туркестанский исток), точнее представители Восточной манихейской церкви, в "чистом" виде на Енисей не прошли. Енисейская иконография "чужеродного импорта" показывает представителей смешанного облика, костюмированных в гибридные наряды, и убедительно подчеркивает наличие некоторых угасающих, остаточных нормативно-культовых элементов центрально-азиатского манихейства. Скорее, она характеризует суррогатные черты манихейства затухающего периода после его инкорпорации в буддизм. Буддийский и буддийско-шаманистский вектор по мере изучения указывает на тибетский культурно-исторический комплекс эпохи средневековья. (Исследования продолжаются).

Библиографический список

1. Волкова О.Ф., Мялль Л.Э. Маудгальяяна // Мифы Народов Мира. Т. 2. М., 1982. С. 123.
2. Appelgren-Kivalo N. Alt-Altaische Kunstdenkmaeler. Helsingfors,1931. P. 58, abb. 304-308.
3. Baktay Ervin Die kunst Indiens. Terra-Verlag-Budapest. 1963. P. 57.
4. Demieville P. Ikonography and History // The twin pagodas of zayton // A study of later Buddhist sculpture in China. Cambridge, Harvard University Press. 1935. P. 29-95.
5. Rybakov Nikolay Materials of Ynisei Manichaeism // CHRONICA Annual of the Institute of History University of Szeged. 2011. Vol. 11. P. 50-61.

1 2 3

Рис. 1. Иконография бодхисаттвы Маудгальяяны.
1, 3 – Барельефы пагоды Чжуан-Чоу. Китай (по Demieville P., 1935. P. 75. 14E);
2 – Персонаж с трехлопастной ваджрой Подкамень
(по Appelgren-Kivalo N., 1931, P. 58, abb. 304-308).

Руденко К.А.
(г. Казань, Россия)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА ИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ИХ СИБИРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Металлические зеркала эпохи позднего средневековья Евразии не раз становились объектом внимания ученых. Из российских исследований второй половины XIX – XX вв. можно отметить труды А.Ф. Лихачева, А.П. Смирнова, С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова, В.А. Иванова и В.А. Кригера, Э.В.Шавкунова, Л.М. Плетневой, Е.И. Лубо-Лесниченко, а также многочисленные статьи других ученых, в которых рассматриваются эти артефакты. Поволжские находки позднего средневековья детально изучены Г.А. Федоровым-Давыдовым по материалам Селитренного и Царевского городищ, а так же позднекочевнических захоронений (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 78-84; 1994, с. 202-203), детальному анализу были подвергнуты зеркала Увекского городища Л.Ф. Недашковским и А.И. Ракушиным (Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И., 1998, с. 32-51).

Из последних публикаций отметим исследование уникального комплекса золотоордынских находок в местечке Брик Алга в Башкортостане. Найденные здесь металлические зеркала отличаются своеобразием, что было показано в монографии С.В. Рязанова, А.Ф. Яминова и Г.Н. Гарустовича (Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф., 2005, с. 111, рис. 21). Нельзя не упомянуть и опубликованные относительно недавно Г.Н. Белорыбкиным и В.А. Винничеком находки целых и фрагментированных металлических зеркал на городищах и селищах Южного Посурья. Отметим, что среди них имеются и просверленные фрагменты таких изделий[1] (Белорыбкин Г.Н., 2001, с. 51, рис. 30 – 2).

Особо стоит остановиться на работах Г.Ф. Поляковой, которая тщательно исследовала металлические зеркала Булгарского городища (Полякова Г.Ф., 1996, с. 154-268), а так же обозначила ряд проблемных вопросов касающихся их датировки[2], систематизации и места изготовления (Полякова Г.Ф., 1977, с. 78-82). Исследователь считает, что самая ранняя и немногочисленная группа булгарских металлических зеркал относится к X в. Связана она с салтовским кругом памятников. В дальнейшем металлические зеркала практически не встречаются у булгар, в отличие от их кочевых соседей. Новый период распространения зеркал в Булгарии относится по её мнению к золотоордынской эпохе, хотя, вслед за А.П. Смирновым (Смирнов А.П., 1951, с. 117), она не исключает возможность их бытования у булгар и в домонгольское время. В золотоордынский период некоторые типы зеркал, например с изображениями драконов могли изготавливаться в Булгаре (Полякова Г.Ф., 1978, с. 217). Кроме того, Г.Ф. Полякова разработала классификацию средневековых булгарских зеркал, основываясь на ряде признаков, один из которых (по её мнению определяющий), – форма бортика, – является типообразующим[3]. Эту систему взял за основу Л.Ф. Недашковский, систематизируя зеркала Увека (Недашковский Л.Ф., 2000, с. 50).

Металлические средневековые зеркала из Волжской Булгарии кроме Г.Ф. Поляковой, эпизодически исследовалась другими учеными. Так, находки фрагментов зеркал с селищ XI – XIII вв., опубликовал в начале 1990-х гг. Е.П. Казаков (Казаков Е.П., 1991, с. 90, рис. 33 – 30-39), продолжил эту тему К.А. Руденко (Руденко К.А., 2001а, с. 88-91, 206-

---

[1] Просверленные фрагменты зеркал имеются в могильниках Верхнего Приобья (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 45, табл. XVI – 3,6) и на Алтае (Тишкин А.А., 2009, цветная вклейка, фото 46-47; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011, с. 52, 55, 57, табл. XXVII; XXX; XXXII). Здесь зеркала с отверстиями – китайские, а в Посурье – половецкие.

[2] К сожалению, в публикации находок с Болгарского городища Г.Ф. Полякова привлекла зеркала преимущественно из собрания Национального музея Татарстана, и частично из ГИМа, практически все из подъемного материал, не использовав материалы из раскопок со стратиграфическими датами.

[3] Сначала она придерживалась мнения, что орнамент является «общепринятым критерием при выделении типов зеркал» (Полякова Г.Ф., 1978, с. 216).

209, рис. 47-50; Руденко К.А., 1999а, с. 100, рис. 11 – 1-8). Е.П.Казаковым ранее были опубликованы зеркала из разрушенного кочевнического могильника на востоке Татарстана (Казаков Е.П., 1978, с. 94, рис. 47 – 4-6). Информация об этих изделиях содержится в публикациях 2000-х гг. других казанских исследователей (например, городища Казанский кремль, Джукетау)[1].

О широком бытовании металлических зеркал в золотоордынское время в Булгарском улусе и их особом месте в мировоззрении проживавшего здесь населения свидетельствуют находки из раскопок на селищах этого времени и кочевнических могильниках (Руденко К.А., 1998, с. 60-71; 1998а, с. 14-15; 1999, с. 61-76; 2000, с. 54-58; 2001, с. 46-49).

Коллекцию булгарских металлических средневековых зеркал из собрания Национального музея Татарстана, исследовал К.А. Руденко (Руденко К.А., 2004, с. 111-156). Они были систематизированы на основе разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым типологии (дополненной В.А. Ивановым и В.А. Кригером (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988)). В основе ее – сюжеты изображений на обратной стороне зеркал. Г.А. Федоров-Давыдов детально и всесторонне изучил эту категорию артефактов как археологический источник, а в специальной работе как произведения искусства (Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 162, 181). Последний эпизод был продолжен З.В. Доде в анализе ряда орнаментальных сюжетов на этих изделиях (Доде З.В., 2010, с. 88-89).

В булгарской коллекции выделяется несколько групп зеркал с изображениями, имеющими разное происхождение. Первая группа восточная – китайская и чжурчженьская (образы дракона, иероглифы, парные рыбы, птицы, фигурные края изделия, рельефные элементы декора и т.д.). Вторая – юго-восточная – мусульманская (Аль Бораки, арабские надписи и арабески, «гон животных» и т.д.). Третья – южная и юго-западная – кочевническая – аланско-половецкая (или аланско-кыпчакская) (деление орнаментального поля на сегменты, геометрические узоры, солярные символы, стилизованные изображения рыб, наличие миниатюрной боковой ручки или центральной петельки и т.п.). Четвертая – поволжско-золотоордынская (растительные мотивы, занимающие всю поверхность, высокий бортик и т.д.). Встречается большое количество зеркал и без рисунков.

Наибольшую близость комплекс находок из Булгарии находит соответствие в Поволжском регионе (Пьянков А.В., Раев Б.А., 2004, с. 219-251). Причем, в нижневолжских золотоордынских городах, где так же имеются весьма представительные серии таких изделий (Федоров-Давыдов Г.А., 2001, рис. 46 – 1,2; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 10-11) соотношение типов зеркал иное, чем в Болгаре. Это, вероятно, отражает специфику каждого конкретного нижневолжского золотоордынского города, и его кочевого окружения (Яворская Л.В., 2001, с. 76-92).

Попытаемся проанализировать истоки сюжетов на булгарских зеркалах «двигаясь» в направлении с востока на запад. Центры производства металлических зеркал в азиатском регионе в средневековую эпоху находились в Корее, Японии и Китае. Корейские зеркала, изготовленные в период государства Корё (935-1392 гг.) с характерными зооморфными и растительными мотивами в орнаментике вероятно до Булгара не доходили (Ветер, 2010, с. 176, кат. 137).

В чжурчженьских материалах мы находим единичные совпадения с булгарскими зеркалами в сюжетах (сходных с китайскими), например, изображение пары рыб (тип Н-I: Руденко К.А., 2004, рис. 18). Однако в данном случае булгарские зеркала не имеют декоративного пояска по периметру орнаментального поля, как и центральной петельки для ремешка, что встречается на чжурчженьских изделиях (Хорев В.А., 2012, с. 224, рис. 117 – 4). Вместе с тем, в коллекции с Булгарского городища встречаются фрагменты зеркал с фигурным краем (Руденко К.А., 2004, с. 154, рис. 19 – 11) и иероглифами (Руденко К.А., 2004, с. 150, рис. 15 – 8,9). Они либо оригинальные – чжурчженьские, либо сделаны по их образцам (ср.: Хорев В.А., 2012, с. 225, рис. 118 – 1). Однако подавляющее большинство типов чжурченьских зеркал, в том числе и такие характерные, как зеркала-календари, заимствованные чжурчженями у китайцев (Артемьева Н.Г., Артемьева П.А., 2012, с. 178) в Булгарии не известны. Других свидетельств о прямом чжурчженьском импорте в булгар-

[1] Мы не рассматриваем историю изучения этих артефактов в целом, поскольку это отдельная и обширная тема.

ских материалах мы не встречаем. Вместе с тем, в поволжском регионе в целом, известны: фрагменты зеркал с иероглифами и чжурчженьская обойма в виде лежащего тигра, обнаруженные на Золотаревском поселении в Посурье (Винничек В.А., Киреева К.М., 2010, с.187). Из потенциальных экспортеров образцов металлических зеркал в Поволжье можно исключить Прибайкалье, куда зеркала в XII – XIV вв. привозились из Северного Китая (Николаев В.С., 2004, с. 69, рис. 96 – 2).

Оригинальные китайские зеркала стали проникать на Среднюю Волгу в IX-X вв. через степи Казахстана, Оренбуржье, Предкавказье и, возможно, Нижнее Поволжье. Например, китайское зеркало эпохи Тан (618-907 гг.) обнаружено в Армиевском могильнике в Пензенской области (Белорыбкин Г.Н., 2003, с. 113, рис. 75). Аналогии ему весьма многочисленны. В качестве примера приведем зеркала из Шанхайского (Сокровища, 2007, с. 225, кат. 92) и Минусинского музеев (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, рис. 15). Более того, копия с оригинала такого зеркала встречена в Салтовском могильнике второй половины VIII – начала X в. (Кочевники, 2012, с. 211, кат. №574).

Сюжеты некоторых китайских зеркал периода Тан стали источником орнаментальных композиций достаточно большой категории булгарских изделий уже золотоордынского времени. Многократно копированные, они (в конечном итоге) утратили почти полностью исходные очертания рисунка и дошли до нас с очень схематичным и нечитаемым орнаментом (тип К-II: Руденко К.А., 2004, с. 149, рис. 14). Поэтому их можно интерпретировать и расшифровывать по-разному. Судя по форме декора можно предполагать, что часть их соотносится с китайскими зеркалами с изображением пар легендарных зверей и птиц (Сокровища, 2007, с. 226-227, кат. 93) или с изображением цветов и растений (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, рис. 77).

Привозные зеркала Минусинской котловины исследованы Е.И. Лубо-Лесниченко (1975). Из них полные аналогии с булгарскими (тип Ш-I: Руденко К.А., 2004, с. 122, рис. 19 – 1-6) имеет зеркало с изображением Аль Бораков[1] (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с.105, рис.100). Вне территории Волжской Булгарии такое зеркало обнаружено на Золотаревском поселении в Посурье (Белорыбкин Г.Н., 2001, с. 21, рис.11 – 9; Винничек В.А., Киреева К.М., 2010, с. 206, рис. 1 – 9) и из кочевнических захоронений на Нижней Волге. Зеркала с этим сюжетом являются импортом из мусульманских стран Среднего Востока, поступая оттуда и в Южную Сибирь, и в Булгарию. По крайней мере, можно считать, что первые появившиеся на Средней Волге зеркала с Аль Бораками (возможно еще в XII в.) были привозными. В XIII в. изготавливаются и подражания им, точнее стилизации таких изделий (Руденко К.А., 2001а, с. 209, рис. 50 – 1). Они очень немногочисленны и получили распространение как в кочевой степи (например: Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф., 2005, с. 111, рис. 21 – 7)) и в золотоордынской Булгарии.

В этой связи стоит отметить и родственный вариант этого типа зеркала, где вместо Аль Бораков помещено изображение всадника на охоте. Это зеркало и сюжет изображенный на нём является ключевым в изучении ряда принципиальных моментов в истории позднесредневековых зеркал Урало-Сибирского региона, поэтому остановимся на нем подробнее. Гипотеза о родстве вышеупомянутых сюжетов была высказана еще Н.Ф. Катановым, исследовавшего зеркало из Минусинского музея; описание которого блестяще сделал известный искусствовед Д.В. Айналов (Катанов Н.Ф., 1900, с. 5-7). В настоящее время количество таких зеркал, как и изображений на керамических и стеклянных изделиях, аналогичных по содержанию и композиции рисунку на зеркалах, заметно выросло, что позволяет рассмотреть этот вопрос более детально[2].

Сравнение этих изображений с сибирской находкой показывает, что минусинское зеркало является более поздней репликой таких изделий. Это видно если рассмотреть детали этих рисунков. В раннем варианте в центральном круглом медальоне размещалось изображение всадника во время охоты в головном уборе (в чалме с развевающимся

[1] В литературе их называют сфинксами, что не совсем верно.

[2] В этой связи стоит сказать, что сложившаяся в начале XI в. композиция (она включала в себя благопожелательную надпись и изображение конного охотника) представляла некий тематический сюжет, хорошо известный в сельджукское время в Средней Азии. Причем иконография его независимо от того где это изображение помещалось – на зеркале или керамической чаше, была четко выдержана.

окончанием или в короне или шапке) с нимбом, в длинном халате восседающим в седле с высокими луками на скачущем галопом коне (Кочевники, 2012, с. 249, кат. 689). На сибирском изделии, на голове всадника – остроконечная шапка с нимбом. Здесь детали изображения менее проработаны – «о существовании седла можно догадываться лишь по выпуклости сзади всадника» (Катанов Н.Ф., 1900, с. 6).

Конь и всадник развернуты к зрителю в профиль, в левую сторону (фигура всадника на минусинском зеркале развернута вправо). В левой руке всадника копье, которым он поражает льва (?), а в поднятой правой руке сжаты поводья. Детали одежды проработаны достаточно слабо. Можно различить одежду типа кафтана с узкими рукавами и высоким воротником. На обоих зеркалах эти детали практически совпадают.

Вокруг всадника размещены птицы и разные животные – собака, лани (или джейраны). Фоном изображения служат растительные побеги. Здесь количество животных одинаково, но их трактовка различна. Совпадает изображение собаки под крупом коня, а другие животные отличаются в раннем и позднем варианте – на минусинском зеркале часть их явно ассоциируется с пушными зверьками, тогда как на раннем варианте зеркала с этим сюжетом показаны копытные животные.

По краю зеркала идет бордюр с надписью арабскими буквами, разделенной объемными декоративными полумесяцами (этой детали на минусинском зеркале нет). Зеркала имеют широкую прямую боковую ручку.

Происхождение зеркал с охотящимся всадником в настоящее время может быть связано с территорией Караханидского государства (см.: Кочевники, 2012, с. 249, кат. №689). Датировка их – XI – XII вв. Само изображение, которое помимо зеркал встречается и на керамике, было распространено шире территориально, но в этих же хронологических рамках. В трактовке этого сюжета на керамике встречаются различные варианты (см., например, Крамаровский М.Г.,1991. рис. 3; Ру Ж.-П., 2005, с. 77). Таким образом, зеркала с изображением охотящегося всадника и в Предуралье и в Сибирь поступали из ремесленных центров расположенных на территории караханидского государства. В основе сюжета (как это неоднократно отмечалось исследователями), лежит композиция «царская охота» схожая с изображениями на сасанидских изделиях. Однако не менее вероятным будет предположение, что данный образ трансформировался в восприятии мусульман с популярным тогда мифологическим героем – Александром Македонским.

Сюжет с охотящимся всадником имеется на бронзовой бляхе из Болгара, которая была интерпретирована Г.Ф. Поляковой как матрица (Полякова Г.Ф., 1996, с. 165, рис. 59 – 3). Она же провела параллели прикамских серебряных блях с изображением «сокольничего» с этим артефактом, что позволило другим ученым связывать непосредственно «матрицу» с прикамскими изделиями с всадническим сюжетом, и утверждать, что они булгарского происхождения. По мнению, Г.Ф. Поляковой данная композиция сложилась под влиянием иранского искусства и имела религиозный смысл, «представляя антропоморфное божество, покровительствующее животному миру» (Полякова Г.Ф., 1996, с. 165). Однако внимательное рассмотрение булгарской находки не позволяет согласиться с некоторыми моментами в таких трактовках.

Во-первых, это сам «всадник»[1]. Антропоморфное существо (не ясно какого оно пола – мужского или женского, в любом случае, изображение может быть истолковано по-разному) сидит верхом на неком приземистом существе (отнюдь не лошади !) с четырьмя лапами, хвостом, заканчивающимся растительным (?) побегом и необычной головой, похожей на волчью, но с клювом (?). На шее животного имеются две полоски из точек, которые можно было бы счесть за поводья, если бы им соответствовало расположение хотя бы одной из рук, если бы таковые у существа были. В данном случае эти полоски, скорее всего схематическое изображение оперенья, то есть это голова грифона с перьями[2]. За ушами на голове имеется роговидный выступ. Он несколько отодвинут вглубь изображения и как бы отделен от самого существа. Вероятно, это было сде-

[1] В целом эта композиция очень напоминает широко распространенные в Поволжье, Прикамье, Урале и Западной Сибири, так называемых всадниц или всадников. Близки ей и некоторые сюжеты пермского звериного стиля.

[2] Такие комбинированные изображения известны в Прикамье с раннего железного века.

лано в силу того, что мастер не очень ясно представлял назначение этого «рога», поместив его на рисунке на второй план.

Не менее оригинально изображение «человека». Не ясно имеет оно одежду или нет. На первый взгляд, очевидно, что оно либо обнажено, при этом тело покрыто шерстью, переданной несколькими парными насечками на туловище, либо облачено в обтягивающий костюм типа комбинезона мехом наружу. Голова завершается конической шапочкой или прической когда волосы собраны в пучок на макушке. Руки у существа отсутствуют, либо они подняты в стороны (что представляется сомнительным).

Аналогия такой фигуре имеется в булгарских древностях. Это литое объемное изображение обнаженного двухполого существа (с одной стороны, судя по выраженным признакам пола, – мужчина, с другой – женщина) в коническом головном уборе, с одной ногой и одной рукой. Найдена она была на Змеёвском булгарском городище домонгольского времени (Руденко К.А., 2007, рис. 120 – 1). В целом такая композиция совпадает с так называемыми «маклашеевскими всадником и всадницей» – навесными бронзовыми замочками в виде «единорога» на спине которого сидит верхом мужчина (в одном случае) или женщина с ребенком (в другом случае). Найдены они были у булгарского домонгольского Маклашеевского II городища в Татарстане, из-за чего получили название «маклашеевские». Мужская и женская фигуры имеют преднамеренно сделанные дефекты – отсутствует одна рука и нога. Эти фигурки отнесены исследователями к группе так называемых «уродцев» – миниатюрных объемных скульптур или односторонних отливок, изображающих обнаженные мужские или женские фигуры с преднамеренными дефектами. В Булгарии они известны в основном с Билярского городища и его округи (Руденко К.А., 2007, рис. 120). Не вдаваясь в подробности этой темы, отметим, что помимо этой пары, имеется достаточно большая серия просто замочков в виде единорога, распространившаяся в Булгарии в XII в. Они имеют аналогии в караханидских древностях XI – XII вв.

Любопытна и остальная часть композиции. Отметим, что фигура всадника/цы занимает только ½ орнаментального поля. Остальную часть её в нижней части занимают изображения крупных (осетровых?) рыб и двух зверьков – возможно соболя и волка (?) развернутых на 180^0 по отношению друг к другу. Под клювом у грифона взлетает филин (?) или какая-то другая птица с длинным хвостом (глухарь или тетерев). Аналогичный сюжет имеется на костяной пластине лучника из Биляра (Руденко К.А., 2005, с. 27-35). Происхождение сюжетов с изображениями таких птиц – западносибирское[1].

Другая летящая птица с развернутыми крыльями изображена у правого плеча антропоморфной фигуры и как будто бы «вырастает» из её правого плеча. Голова птицы повернута клювом вправо. У клюва, почти вплотную к нему на заднем плане намечена еще одна птичья (?) фигурка. Птица с развернутыми крыльями имеет многочисленные аналогии в прикамских, уральских и зауральских древностях. Его трактуют как изображение птицы-души. Они встречены в могильниках XI – начала XIII в Прикамья (например, Кузьминский могильник в Удмуртии) и в Булгарии (Руденко К.А., 2008, с. 230-232). Немало таких изображений в Сибири.

У правого крыла птицы находится еще одна фигура птицы, спокойно сидящая на хвосте четырёхного существа. Она изображена в профиль. Такие птички изображалась на булгарских серебряных черневых перстнях XI – XII вв. Впрочем их иконография настолько проста, что связывать их только с булгарскими артефактами будет не корректно. Таким образом, это изображение не имеет никакого отношения к иранскому искусству, как к собственно и булгарскому. Нельзя его связывать и с теми сюжетами, которые имеют место на металлических зеркалах. Происхождение, композиция, да и само содержание рисунка совершенно различны.

Бронзовое зеркало аналогичное по форме и даже общей композиции вышерассмотренным изделиям с всадником, обнаружено в Томском Приобье (могильник в Малой Киргизки, курган 59). При этом в центре его помещено изображение павлина (?), с повернутой назад головой, а в орнаментальной полосе вокруг центрального картуша имеются изображения летящих птиц, растения и цветы (Плетнёва Л.М., 1997, с. 90, рис. 153). Это зеркало имеет аналогии (что отмечено в публикации Л.М. Плетнёвой) в зеркалах Мину-

[1] Такие изображения есть на археологических памятниках Приобья и Томской области.

синской котловины. Е.И. Лубо-Лесниченко связывает этот тип зеркал с периодом создания каракиданьского государства[1] (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 24).

В Минусинской котловине достаточно многочисленны зеркала с изображениями драконов. Они весьма разнообразны по иконографическим особенностям и деталям. Аналогичные по сюжету зеркала встречаются у булгар (типы Л-I,II,III: Руденко К.А., 2004, с. 117, 118, рис. 19 – 7-12). Г.Ф. Полякова считала, что они местного производства. По ее данным можно рассматривать два варианта таких зеркал – с фигурным краем и ровным (круглым). По размерам они одинаковы: диаметр 13-14 см. «Орнаментальная композиция состоит из двух симметрично расположенных драконов, обращенных головами к центру диска. Драконы изображены в виде больших змей со звериными лапами и раздвоенными хвостами. Тела драконов погружены в бушующие волны, переданные в виде мелких завитков, волнистых и зубчатых линий» (Полякова Г.Ф., 1978, с. 216). Это замечательное описание очень точно характеризует стиль изображения. Однако в деталях этих предметов есть определенные отличия: наличие декоративного пояска из меандров (тип Л-III), форма края бортика и т.д.

Известны в Булгарии фрагменты зеркал и изображением одного дракона. Последняя композиция явно соотносится с буддийским мотивом: «дракон, играющий с пылающий жемчужиной», и практически до деталей совпадает с орнаментами на шелковых тканях династии Юань (Watt J., 2011, p. 264, fig. 286). Скорее всего, некоторые сюжеты с драконами воспроизводились в Поволжье не с оригиналов зеркал, а по изображениям на шелковых тканях (ср.: Доде З.В., 2001, с. 63, рис. 43). Одежда из шелка широко распространилась среди состоятельных слоев Золотой Орды (Доде З.В., 2006, с. 77-162), став частью сословного костюма и оказав в свою очередь влияние на формирование вкусов городской золотоордынской элиты. Зеркала с изображениями драконов в этом плане играли статусную роль.

Встречаются фрагменты зеркал – оригиналов, с четко проработанными деталями и хорошим рельефом без затёков (Руденко К.А., 2004, с. 154, рис. 19 – 8). Вместе с тем есть и изделия, явно многократно тиражировавшиеся, со сглаженным и невыразительным рисунком (Руденко К.А., 2004, с. 154, рис. 19 – 7).

Представляется, что в большинстве своем зеркала с изображением драконов были привозными. Они немногочисленны и достаточно разнообразны в деталях изображений, что свидетельствует не в пользу их булгарского производства. Однако и с китайскими зеркалами с этим сюжетом они полного тождества не имеют (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, рис. 55,78,79). Не исключено, что часть таких зеркал с плохо читаемым «сглаженным» рисунком изготавливалась в Булгарском Улусе.

Переработкой китайского орнаментального сюжета с изображением гусей и бабочек (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, рис. 22) является булгарское зеркало с летящими птицами (тип Я-IV: Руденко К.А., 2004, с. 151, рис. 16 – 9). Этот мотив так же был распространен на шелковых китайских тканях.

В могильниках Томского Приобья XII – XIV вв. встречены металлические зеркала китайского происхождения. Часть их имеют аналогии в кочевнических древностях восточноевропейской степи IX-X вв. (Плетнёва Л.М., 1997, с. 91). Преобладает китайский импорт, причем в большинстве случаев зеркала встречены во фрагментах, а целые образцы очень редки (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 61, 176, рис. 10 – 14-19; рис. 29 – 3).

Особый интерес вызывает находка здесь редкого образца зеркала с изображением фантастического существа – сенмурва (Плетнева Л.М., 1997, с. 281, рис. 119 – 1) или точнее, грифона. Оно имеет практически полный аналог из Билярского городища[2]. Зеркала совпадают размерами: диаметр 8 см, высота – 0,8 см. оба изделия имеют петельку для подвешивания. На обратной стороне зеркала изображен грифон – существо с туловищем кошачьего животного и головой хищной птицы. Он показан стоящим на трех лапах, правая передняя лапа полусогнута. Хвост зверя изогнут, и заканчивается пушистой

[1] В этот период, по мнению этого исследователя, и появляются зеркала с боковыми ручками (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 24).

[2] Коллекция НМ РТ, № 5468-7, АА-60-20, инв. №6399.

кисточкой. На мощную шею с короткой гривой посажена крупная голова, напоминающая орлиную: с массивным клювом и… ушами как у собаки. За спиной грифона обозначены крылья, точнее одно стилизованное крыло с крупными распушенными перьями.

Билярское зеркало происходит из коллекции XIX в. и датировать его можно лишь в пределах существования всего археологического комплекса – XI – XIV вв. Тем не менее, факт этих находок весьма симптоматичен и примечателен. В могильнике у устья Малой Киргизки, где было найдено зеркало с сенмурвом, оно находилось в подкурганном погребении с набором вещей, к сожалению не полным, поскольку курган был ограблен. В числе вещей помещенных в могилу были (кроме зеркала) пара железных стремян, фрагменты железных предметов, нож, бусина и несколько других изделий (Плетнева Л.М., 1997, с. 180, 285, рис. 118; 123 – 1,2). По этим артефактам узко датировать это захоронение затруднительно. Тем не менее, оно было совершено не ранее XII в. и не позднее XIII в.

В Лесостепном и Горном Алтае в захоронениях монгольского времени (XIII – XIV вв.) обнаружены металлические зеркала. Интересна одна особенность – здесь помимо прочих встречаются зеркала восточноевропейских кыпчакских (половецких) типов (Тишкин А.А., 2009, с. 107, рис. 70 – 3: могильник Островное-III). Ряд изделий имеет оригинальную композицию в определенной степени близкую ряду орнаментальных мотивов на булгарских зеркалах и зеркалах Минусинской котловины (Тишкин А.А., 2009, с. 124-125, рис. 80 – 1). Причем в Горном Алтае чаще встречаются китайские зеркала (например, Бертек-20, Тишкин А.А., 2009, с. 159, рис. 106 – 5).

Есть еще один любопытный момент – это определенная категория украшений из ляпис-лазури или лазурита – подвески, как правило, ромбической и близкой к ней формы. На Алтае они встречены в одном захоронении в урочище Бичикту-Бом и датируются XII в. (Тишкин А.А., 2009, с. 162, 192, рис. 110; 135). Весьма насыщены такими украшениями могильники басандайской культуры. Встречаются они и на булгарских памятниках XII – начала XIII в. Анализ этих украшений и археологического контекста булгарских лазуритовых украшений, показывает, что часть их, вероятно, попала на Среднюю Волгу из этих мест (скорее всего вместе с их носителями). Учитывая факт распространения лазуритовых украшений и в половецкой среде в XII в., вполне объяснимо и появление зеркал восточноевропейских типов в Сибири, в ареале распространения лазуритовых украшений.

Интересен и тот факт, что у других племен, например, огузов или печенегов (в отличие от кипчаков-половцев) металлические зеркала особого распространения не получили (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001). Хотя в культуре сельджукидских государств эти артефакты имеют место, но с явно выраженным местным колоритом и с заимствованиями из мусульманской культуры (благопожелательные надписи арабской графикой, мифологические сюжеты и т.п.). Если эта гипотеза верна, то местом зарождения такого стиля металлических зеркал нужно считать Хорезм, и в частности земли бывшей Согдианы. В последующем на протяжении домонгольского периода эта инновация стала развиваться на территории Восточного Ирана, входившей в Караханидское государство, найдя здесь благоприятную почву, связанную с доисламскими художественными и мифологическими традициями. Традиция эта стала активно развиваться в конце XII – начале XIII в., в период перед монгольским завоеванием государства Хорезмшахов, с появлением нового населения на границах Хорезма, на территории современного Казахстана.

Связующим звеном между зеркалами Поволжья и Сибири эпохи Золотой Орды являются материалы памятников Казахстана. Особо интересно городище Отрар – остатки пограничной крепости располагавшийся в устье реки Арысь, в месте ее впадения в Сырдарью. Часть населения этого города и его округи имела кипчакское происхождение. Даже после монгольского разорения эта этническая особенность данного региона сохранялась. Вероятно в силу этого, в Отраре в XIII – XIV вв. было налажено производство металлических зеркал (Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б., 1987, с. 194). Орнаментика их сочетала в себе традиции мусульманского искусства и мифологии («гон животных», Аль-Бораки, цветы и растения), кара-киданьские и найманские традиции (геометрические и стилизованные растительные мотивы), и опосредованно – китайские сю-

жеты (например, драконы)[1] (Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б., 1987, с. 74, 195, рис. 29; 85). Значительная часть аналогичных (по сюжету рисунков) зеркал имеется в Булгаре (например, типы С-II; Ц-I; Ч-I: Руденко К.А., 2004, с. 120-122). Распространялись зеркала этих типов преимущественно в западном направлении – в Сибири они практически не встречаются, за единичными исключениями. Указанные типы зеркал тиражировались во многих крупных городах Золотой Орды и не исключено, что и в степи[2].

М.Ш. Кдырниязов отмечает, что «близость художественных элементов дальневосточных и золотоордынских зеркал позволяет предполагать, что последние сложились под влиянием первых. Возможно, и в Хорезме бронзовые и серебряные зеркала изготовляли по образцам китайских» (Кдырниязов М.Ш., 1981, с. 127). Изготавливали в Хорезме и «кальки» с чжурженьских образцов (Толстов, С. П., 1962, рис. 183 – 5) которые известны в Булгаре[3] (Балымерские курганы, Булгарское городище). Это отчасти подтверждается и тем, что некоторые типы зеркал встречены как в Минусинской котловине, так и в Поволжье, и в Казахстане (например, городище Тальхир) (Байпаков К.М., 1998).

Вместе с тем, вполне очевидно, что ряд типов металлических зеркал сформировался в Хорезме или в приграничных с ним землях. Это зеркала украшенные благопожелательной арабской надписью, которая в отличие от караханидских изделий, заполняла все орнаментальное поле (тип С-II: Руденко К.А., 2004, с. 120). Фоном им служили стилизованные растительные побеги. Таких орнаментальных сюжетов на металлических зеркалах нет в сибирских материалах, но в Поволжье они распространены весьма широко. Известны они и в Булгаре (Катанов Н.Ф., 1898, с. 662-664).

Продукция и влияние одного из крупнейших центров производства металлических зеркал в домонгольское время – Северного Кавказа (Полякова Г.Ф., 1996, с. 237), в рассматриваемом контексте проявилась более всего в Поволжье, и лишь в единичных случаях оставила свой след на восточных территориях. Г.Ф. Полякова совершенно справедливо отметила, что рассматривать Волжскую Булгарию как значительный центр по изготовлению металлических зеркал не верно (Полякова Г.Ф., 1996, с. 237-239), хотя сам факт зеркального производства в Булгаре для золотоордынского времени вполне очевиден.

Вместе с тем, какие именно зеркала производили в Булгаре пока не известно[4]. Зеркала все литые, поэтому логично предположить, что имелись формы для их отливки. В музейных коллекциях из Болгара имеются литейные формы (2 экз.) для производства небольших зеркал без орнамента (Полякова Г.Ф, 1996, с. 156, 160, рис. 54 – 6; 56 – 5). Одна форма каменная, вторая – из обожженной глины. Причем на одной форме имеется орнамент, который на зеркалах из Булгара, как впрочем, и с других территорий, вообще не известен.

Г.Ф. Полякова предполагала, что часть зеркал получили путем отливки по оттискам в глине готовых изделий. Признаки таких изделий по её мнению: шероховатая поверхность орнаментальной плоскости; сглаженность узора; повторяемость деталей рисунка. При этом она считает, что литье проводилось в закрытых формах (об этом, по её мнению, говорят наплывы по краям изделий). Однако детального обоснования такой версии пока нет.

Г.Ф. Полякова писала, что лицевая сторона зеркал после отливки тщательно полировалась (Полякова Г.Ф., 1996, с. 239). В этой связи, можно отметить, что часть изученных нами зеркал имела специальное покрытие (амальгаму) и полировке не подвергалась. Что касается, отливок по оттискам в глине, с этим можно согласиться, с оговоркой, что аналогичные признаки могли получиться и при литье в опоках, хотя доказательств и в том и в другом случае немного.

---

[1] Интересны зеркала с 4 «кнопками» (тип Т-I: Руденко К.А., 2004, с. 148, рис.13) – рудимент орнамента китайских зеркал эпохи Хань.

[2] Какие именно типы зеркал изготавливались мастерами в кочевых ставках и зимовьях пока не установлено.

[3] Можно предполагать, что эти изделия появились вместе с кочевыми группами во второй половине XIV в. от северных границ Хорезма через Южный Урал (Тлявгуловские курганы) и далее на левобережье Волги.

[4] Зеркала с драконами могли изготавливаться в Булгаре, однако это не доказано пока ничем кроме нескольких готовых изделий обнаруженных здесь.

Таким образом, можно утверждать, что в домонгольский период в Булгарии, налаженного производства металлических зеркал не было. Кратковременный и слабый салтовский импульс использования ранними булгарами на Волге зеркал в IX в.(в быту и отчасти в погребальной практике), в культуре булгарской повседневности классического периода (и соответствующего ремесленного производства) не закрепился. Временами появлявшиеся в Булгарии в XI – XII вв. зеркала были среднеазиатским – иранским импортом или «приходили» вместе с носителями этих культурных предпочтений из кочевой половецкой среды.

В Сибири наряду с обширным импортом из Китая и его периферии, а так же сопредельных государств, вероятно, производились и местные копии металлических зеркал. Кроме того из Средней Азии сюда импортировались и зеркала выполненные в новых традициях – с элементами мусульманской изобразительной традиции. Из этого же среднеазиатского центра они попадали на территорию Волго-Камья.

Южный кыпчако-половецкий «коридор» связавший Приобье (басандайская культура) и Поволжье в XI – XII в. проявился в «движении» металлических зеркал как с востока на запад, так и в виде культурного заимствования – с запада на восток. Интересно, что он не пересекался с другим – более северным путем, проходившим по границе леса и степи, связанным с распространением аскизских древностей из Южной Сибири в Волго-Камье и Приочье. В конце XII – начале XIII в. какая-то часть сибирского тюркского населения передвигается на Запад, привнеся с собой характерные комплексы с украшениями из лазурита, и редкими образцами металлических зеркал (с изображением грифона). Ранее, во второй половине XI в. на Среднюю Волгу приходит миграция части населения аскизской культуры.

В период Золотой Орды общая картина существенно изменилась. На всем пространстве от Дальнего Востока и до Поволжья стали распространяться новые мотивы из обширной иконографии орнамента на зеркалах китайских и чжурчженьских. Границу между прямым импортом, удачными репликами и местными подражаниями на этой территории вряд ли удастся точно установить в ближайшем будущем. Однако можно предполагать, что кипчако-половецкий фон весьма сильно повлиял (в отношении металлических зеркал) на Поволжско-Приуральский регион, а в Сибири преобладало чжурчженьско-китайское влияние. При этом с разгромом Хорезма монголами приток зеркал из этого региона в Сибирь сократился, если не прекратился совсем, но, тем не менее, отдельные изделия в 1360 - 80-х гг. попадали из Сибири и на территорию золотоордынского Хорезма и Булгара.

Булгар в то же время находясь в территориальных пределах Монгольской Империи вместе с Хорезмом, многое заимствовал из хорезмийской культуры, в том числе и ряд типов металлических зеркал. В период конфронтации правителей Золотой Орды с Хулагидами в XIV в. в Поволжье распространяются и северокавказские зеркала. Они, однако, не проникали в Улус Шибана, включавшего в себя значительную часть территорию Сибири. На протяжении XV в. металлические зеркала в Золотой Орде (включая Сибирские территории и Поволжье) постепенно выходят из употребления, а их массовое изготовление прекратилось еще в конце XIV в.

Библиографический список

1. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII-XV веках. Алма-Ата, 1987. 353 с.
2. Артемьева Н.Г., Артемьева П.А. Календари-амулеты из чжурчженьских памятников Приморья // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2012. Выпуск 1. С. 172-182.
3. Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с
4. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.– Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. 198 с.
5. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. 200 с.
6. «Ветер в соснах…» 5000 лет корейского искусства. Из Национального музея Кореи: каталог выставки. СПб., 2010. 304 с.

7. Винничек В.А., Киреева К.М. Восточный импорт на юго-западных землях Волжской Булгарии в предмонгольский период // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2010. Выпуск 5. С. 185-211.
8. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.
9. Гарустович Г.Н., Рязанов С.В., Яминов А.Ф. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкортостане. Уфа: Тау, 2005. 152 с.
10. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 136 с.
11. Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог // Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VI. М., 2006. С. 77-162.
12. Доде З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск X. Москва-Ставрополь, 2010. 248 с.
13. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.). М.: Наука,1988. 94 с.
14. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.,1978.132 с.
15. Казаков Е.П. Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.
16. Катанов Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу Археологии, Истории и Этнографии // Известия ОАИЭ. 1898. Т. XIV. Вып.6. С. 662-664.
17. Катанов Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному музею г. Минусинска Енисейской губ., и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими. Казань, 1900. 21 с. (отдельный оттиск из Известий ОАИЭ. 1900. Т. XVI. Вып. 3. С. 273-291).
18. Кдырниязов М.Ш. Ремесло Хорезма в XIII–XIV вв. Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1981. 231 с.
19. Кочевники Евразии на пути к империи: из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб, 2012. 272 с.
20. Крамаровский М.Г. Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники культуры на территории СССР. СПб., 1991. С. 69-91.
21. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения южной Сибири). М., 1975. 166 с.
22. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН,2000. 224 с.
23. Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Средневековые металлические зеркала с Увенкского городища // Татарская археология. 1998. №1(2). С.32-51.
24. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII – XIV вв.: усть-талькинская культура. Владивосток - Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 306 с.
25. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.
26. Полякова Г.Ф. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Булгарии // Древности Волго-Камья. Казань 1977. С. 78-82.
27. Полякова Г.Ф. Зеркала с драконами из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 216-219.
28. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154-268.
29. Пьянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Выпуск 2. Волгоград, 2004. С. 219-251.
30. Ру Ж.-П. Чингисхан и империя монголов. М.: Астрель: АСТ, 2005. 144 с.
31. Руденко К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1. С. 60-71.

32. Руденко К.А. Хронология булгарских древностей. Часть II. Золотоордынское селище и могильник Песчаный остров // Проблемы хронологии волжских болгар. Тезисы научной конференции. Казань, 1998а. С. 14-15.
33. Руденко К.А. Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Средневековая археология Среднего Поволжья / Татарская археология. 1999. № 1-2 (4-5). С. 61-76.
34. Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI – XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск-Глазов, 1999а. С. 73-102.
35. Руденко К.А. К вопросу о булгаро-пермских контактах в золотоордынскую эпоху (на примере селища Песчаный остров) // Пермское Прикамье в истории Урала и России (материалы Всероссийской научной конференции). Березники, 2000. С. 54-58.
36. Руденко К.А. Селище и могильник «Песчаный остров» в Татарстане и их округа (к вопросу об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в золотоордынское время) // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Нижний Новгород. 2001. С. 46-49.
37. Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: «Школа», 2001а. 244 с.
38. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. №1-2 (12-13), 2004. С. 111-156.
39. Руденко К.А. Защитные пластины Предуралья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2005. №1 (7-8). С. 27-35.
40. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа», 2007. 244 с.
41. Руденко К.А. Птицевидная привеска из фондов музея Алексеевского района Татарстана // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции. СПб, 2008. С. 230-232.
42. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск, 2008. 424 с.
43. Смирнов А.П. Волжские Булгары: Труды ГИМ. Выпуск XIX. М., 1951. 275 с.
44. Сокровища Шанхайского музея: каталог выставки. СПб., 2007. 230 с.
45. Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
46. Тишкин АА., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.
47. Толстов, С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 322 с.
48. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
49. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусство народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 226 с.
50. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 232 с.
51. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001. 256 с.
52. Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 340 с. (Свод археологических источников по средневековой истории Приморья. Средневековые города Приморья XII – XIII вв.)
53. Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей – удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.
54. Яворская Л.В. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Выпуск. 1. Волгоград, 2001. С. 76-92.
55. Watt James C.Y. The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dynasty. N.-Y., 2011. 342 p.

Илюшин А.М.
(г. Кемерово, Россия)

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС №3 НА КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ИШАНОВО

В 2004 году Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) приступила к раскопкам курганного могильника Ишаново расположенного на территории Кузнецкой котловины в долине нижнего течения р. Ур на территории современного села Русскоурское в Ленинске-Кузнецком районе Кемеровской области. Этот памятник был открыт А.М. Илюшиным в 1995 году и вошел в свод археологических объектов Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области как два самостоятельных объекта – курганная группа Русскоурское и одиночный курган Русскоурское-1 (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А., 1995, с. 33-35, рис. 87-90). Однако в процессе археологических разведок и раскопок, а также сбора этнографической информации летом 2004 года были выявлены новые курганы и артефакты, а также получены сведения от информаторов, которые позволили нам интерпретировать этот памятник как курганный могильник Ишаново. Село Русскоурское ранее называлось Ишаново, где кроме русских проживали представители малого коренного этноса телеуты (аз-кыштымы) (Илюшин А.М., 2005, с. 77-79). Крупное племя аз-кыштымы автономно существовало на территории примыкающей к Салаирскому кряжу в XVII-XVIII вв. и лишь во второй половине XIX века, по одной версии, было активно втянуто в процесс формирования более крупных североалтайских этносов (Функ Д.А., 1993, с. 25-75), а по другой – превратилось в обрусевших кузнецких татар (тюрков) (Васильев Е.А., Дремов В.А., Бардина П.Е., 1994, с. 40-41). В этой связи сведения информаторов о том, что коренные жители Ишаново в недалеком прошлом совершали на курганах обряд поминовения давно усопших родственников (своих первопредков), представляются весьма важными при изучении этногенетических процессов на территории Кузнецкой котловины в позднем средневековье и новое время. Более того раскопки отдельных курганов позволяют расширить хронологические рамки подобных исследований, так как в них фиксируются вторичные следы совершения поминальных действий в период позднего средневековья по отношению к погребенным в период развитого средневековья в них людям. Одним из таких поминально-погребальных комплексов на курганном могильнике Ишаново является курган №3. Цель настоящей работы опубликовать результаты раскопок этого объекта и провести анализ новых материалов на основе этноархеологического подхода к исследованию.

В 2004 году на памятнике был раскопан один курган за №3. Приводим описание раскопанного кургана.

Курган №3 располагался в центральной части памятника, в середине цепочки насчитывающей четыре земляных курганных насыпей вытянутых по линии ССЗ-ЮЮВ. До начала раскопок, курган представлял собой овальную, сильно задернованную и оплывшую, земляную насыпь размерами З-В = 10 м, С-Ю = 9,30 м и высотой 0,30 м. Южная пола насыпи кургана была полностью разрушена при прокладке и функционировании грунтовой дороги. Практически вся северная и центральная части курганной насыпи была подвержены разрушения многочисленными норами грызунов. При раскопках было выявлено, что курганная насыпь располагалась в ЮЗ и центральной частях сакрального пространства, оконтуренного рвом подчетырёхугольной формы с заоваленными углами. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки пространства, оконтуренного рвом, и выборки заполнения рва были выявлены первоначальные размеры погребальных сооружений и зафиксированы следы ритуальной тризны. Насыпь кургана на 0,70 м возвышалась над уровнем материка (светло-серый суглинок) и состояла из слоя дёрна 0,13-0,22 м, чернозёма 0,25-0,43 м, погребённой почвы (смешанный слой чернозема и светло-серого суглинка) 0,06-0,12 м. В процессе раскопок насыпи кургана в центральной, северо-восточной и восточной части на глубине 0,05 м, 0,15 м, 0,58 м, 0,35 м и 0,55 м были зафиксированы берцовая кость, пяточная кость, ребро, шейный позвонок и локтевая кость

взрослого человека, а на глубине 0,57 м – череп барсука. Кроме этого на глубине 0,28 м и 0,46 м были найдены 2 костяных орудия, вероятно, использовавшихся для чистки шкур или при изготовлении и украшении керамической посуды (рис. 1; 2 – 1, 2). Под северной полой насыпи кургана был зафиксирован деревянный столб диаметром 0,18 м, который на 0,12 м возвышался над материком и не был углублен в него (рис. 1). Ров длинной осью был ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Его внешние и внутренние размеры составляют 13,54 х 12,05 м и 11,75 х 10,45 м, а глубина – 0,80-1,05 м, от уровня материка. В СВ части рва имеется небольшой перешеек (вход в сакральное пространство – А.И.) длиной 1,50 м и шириной 0,75 м. В СЗ части рва на глубине 1,35-1,55 м было найдено скопление фрагментов (21 экз.) керамического сосуда (рис. 1; 2 – 3-23), а в ЮЗ части рва на глубине 1,45 м были зафиксированы кости животных.

В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены и обследованы пять могил. Приводим их описание.

Могила 1 расположена под ЮВ полой насыпи кургана на глубине 0,85 м и представляет собой подверженное частичному разрушению грызунами погребение женщины в возрасте 35-45 лет (половозрастные определения сделаны в кабинете антропологии ТГУ к.и.н. М.П. Рыкун) в грунтовой яме. Могильная яма углублена в материк на 0,15 м и имеет форму овала размерами 1,45 х 0,56 м, который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ-ВСВ. Дно могилы имеет небольшой уклон, стенки слегка пологие. Заполнение могилы представляло собой чернозем и следы жизнедеятельности животного. Каких-либо следов внутримогильных дополнительных конструкций не выявлено. В южной части могилы на глубине 0,63-0,81 м были зафиксированы останки захоронения взрослого человека по обряду ингумации. Сохранились лишь отдельные кости (шейные позвонки, левая лопатка, кости левой руки и ног, череп) некоторые из них были в анатомическом сочленении. По сохранившимся костям скелета можно предположить, что погребение было совершено в скорченном положении на спине, с согнутыми в коленках ногами, выступающими над грунтовой могильной ямой. Левая рука была вытянута вдоль туловища. Погребенный человек был ориентирован головой на ВСВ, а лицевая часть черепа повернута на юг. Находок в могиле не было (рис. 1; 3).

Могила 2 расположена под Ю полой насыпи кургана на глубине 1,15 м и представляет собой погребение девушки в возрасте 14 лет в грунтовой яме. Могильная яма углублена в материк на 0,45 м и имеет форму овала размерами 1,90 х 0,75 м, который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ-ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем и следы жизнедеятельности животного. Захоронение было совершено на дне грунтовой ямы на глубине 1,12-1,15 м в вытянутом положении на спине головой на ВСВ. Все кости скелета человека сохранились в анатомическом порядке. На тазовых костях погребенной, в районе поясницы и позвоночного столба на глубине 1,13-1,15 м были найдены бронзовая заколка и фрагмент бронзового зеркала подверженного воздействию огня, коренной зуб взрослого человека, а также бусы из стекла и пасты (рис. 1; 4; 5 – 1-18).

Могила 3 расположена под Ю полой насыпи кургана на глубине 0,70 м и представляет собой погребение грудного (новорожденного) ребенка совершенное на уровне материка. Кости скелета погребенного сохранился частично (фрагменты черепа, нижней челюсти, ребра, кости рук, ног и позвонки). По сохранившимся останкам можно предполагать, что новорожденный ребенок был погребен по обряду ингумации на спине в вытянутом положении и был ориентирован головой на ВЮВ. Находок в могиле не было (рис. 1; 6).

Могила 4 расположена под центральной частью насыпи кургана на глубине 1,15 м и представляет собой сильно разрушенное грызунами парное погребение взрослого человека (мужчина в возрасте 50-55 лет) и ребенка (возраст 1,5-2 года) в одной грунтовой ступенчатой яме. Не исключено, что первоначально детская могила и могила взрослого человека не были соединены друг с другом, а находились по соседству. Однако в дальнейшем грызуны разрушили не только сами могилы, но и перемычку между ними. Косвенно на это указывает форма могильной ямы, которая углублена ступенями в материк на 0,29 м и 0,45 м, и имеет грушевидную форму с заоваленными углами размерами 2,17 х 1,22 м, длинной осью ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. Заполнение могилы пред-

ставляло собой чернозем, светло-серый материковый суглинок и следы жизнедеятельности животного. Захоронение ребенка, вероятно, располагавшееся в северной части могилы на верхней ступени было полностью разрушено. Кости скелета ребенка фиксировались в неупорядоченном состоянии в разных местах грунтовой могильной ямы при разборке заполнения. Фрагменты ребер и черепа были зафиксированы в северной и центральной частях могилы на глубине 0,85 м, 1,07 м и 1,11 м. Захоронение мужчины было совершено в южной части могилы на глубине 1,13-1,15 м на уровне нижней ступени грунтовой могильной ямы. От скелета захоронения человека сохранились лишь кости ног, таза, рук, ребра и черепа, которые фиксировались при разборке заполнения и зачистки могилы на глубине 0,97-1,15 м. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям ног погребенного и расположению других костей скелета, можно предполагать, что захоронение было совершено по обряду ингумации в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ. В районе тазовых костей и поясницы погребенного на глубине 1,15 м были найдены железные фрагменты деталей удил и узды, а также кольчатые серьги из бронзы и серебра. Близ коленного сустава и голени левой ноги на глубине 1,15 м были найдены миниатюрный керамический сосуд и фрагмент серебряного зеркала (рис. 1; 7; 8 – 1-16)

Могила 5 расположена под центральной частью курганной насыпи на глубине 0,88 м и представляет собой подверженное частичному разрушению погребение ребенка (возраст 4-5 лет) в грунтовой яме. Могильная яма углублена в материк на 0,18 м и имеет форму овала размерами 1,40 х 0,56 м, который длинной осью ориентирован по линии ЗЮЗ-ВСВ. Заполнение могилы представляло собой чернозем, светло-серый материковый суглинок и следы жизнедеятельности животного. Захоронение ребенка было совершено на дне грунтовой ямы на глубине 0,85-0,88 м в вытянутом положении на спине головой на ВСВ. Практически, все кости скелета человека сохранились в анатомическом порядке (кроме отдельных рёбер и костей правой руки). В северной части могилы на глубине 0,87 м были найдены три фрагмента от керамического сосуда (рис. 1; 9 – А, 1-3).

Информация о результатах раскопок на курганном могильнике Ишаново частично уже была введена в научный оборот, и памятник предварительно был датирован в пределах развитого и позднего средневековья (Илюшин А.М., 2005, с. 77-79; 2009, с. 69-72; 2009а, с. 118-124; 2010, с. 127-132; 2012, с. 29-34; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 2008, с. 60-66; Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. , 2007, с. 98-99; Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С., 2007, с. 163-165). Материалы раскопок кургана №3 публикуются впервые, поэтому вопросы их датировки и этнокультурной интерпретации требуют специального изучения.

Костяные орудия труда, найденные в курганной насыпи (рис. 1; 2 – 1, 2) издревле и вплоть до нового времени использовались населением Кузнецкой котловины для чистки шкур, при изготовлении и нанесении орнамента на керамическую посуду (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2012, с. 46, рис. 23 – 223; 31 – 132; 50 – 2-4). Фрагменты керамического сосуда, найденные в СЗ части рва (рис. 1; 2 – 3-23) имеют аналогии в материалах позднего средневековья в этом же регионе. Горшки, украшенные сердцевидными вдавлениями, известны на поселении Красная горка, где был выявлен позднесредневековый комплекс, отождествляемый с культурой аз-кыштымов (Илюшин А.М., 2003, с. 226-231; 2010а, с. 55-60).

Из закрытых предметных комплексов большой интерес представляют находки из могилы 2, где была погребена юная девушка (рис. 4; 5 – 1-18). Среди украшений наиболее узкую дату имеют стеклянные полосатые бусы цилиндрической и эллипсовидной формы (рис. 5 – 10-13). Аналогичные изделия известны у кочевников Восточной Европы и в древнерусских памятниках XII-XIII вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 74), а также в материалах XII-XIV вв. н.э. Басандайской археологической культуры Томского Приобья (Плетнева Л.М., 1997, с. 96). По корреляции вышеназванных дат комплекс находок из могилы 4 можно датировать XII-XIII вв. Необходимо отметить, что этой дате противоречит точка зрения И.Л. Кызласова о принадлежности бронзовых заколок (булавок) с навершием в виде феникса (рис. 5 – 1) исключительно хакасским женщинам в конце I тыс. (Кызласов И.Л., 1977, с. 83-104; 1983, с. 41-42, рис. 22). Сейчас накоплены новые материалы по археологии кочевников степной Евразии, позволяющие датировать подобные изделия

в пределах развитого средневековья и связывать их широкое распространение от Южной Сибири до Закавказья с монгольскими завоеваниями. В этой связи предложенная дата сооружения могилы 2 XII-XIII вв. сомнений не вызывает.

Второй закрытый комплекс из могилы 4 (рис. 7; 8 – 1-16) обращает на себя внимание необычной формой крепления железных кольчатых псалий к удилам. По конструкции эти изделия отдаленно напоминают материалы XII-XIV вв. аскизской археологической культуры (Кызласов Л.Р., 1983, табл. II), но близких аналогий нет. В качестве хорошо датируемых изделий можно назвать кольчатые серьги из бронзы и серебра (рис. 8 – 14-16), которые имеют широкий круг аналогий на территории Кузнецкой котловины в период развитого средневековья в погребальных комплексах кочевников (Илюшин А.М., 2005, табл. 14 – 59; 16 – 55, 56; 18 – 40, 41; и др.). Можно отметить, что серебряные кольчатые серьги были найдены на погребальных памятниках Мусохраново-3 и Конево, датируемых второй половиной XII-XIII вв. н.э. и рубежом XII-XIII вв. н.э. (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с. 86, рис. 15 – 12, 13; Илюшин А.М., 2012, с. 43, 70, рис. 31 – 50). Эти аналогии позволяют датировать весь комплекс находок в могиле 4 концом XII-XIII вв.

Фрагменты керамического сосуда из могилы 5 (рис. 9 – А, 1-3) не были орнаментированы и не дают возможность реконструировать форму, поэтому датировка этого закрытого комплекса затруднительна.

На основе сравнительного анализа, результатов исследования хронологии кургана №3 по артефактам, можно сделать предварительный вывод о наличии двух культурно-хронологических комплексов. Один представлен артефактами развитого средневековья (конец XII-XIII вв.), а другой поздним средневековьем. Это обстоятельство заставляет более внимательно исследовать набор элементов погребального обряда выявленных в процессе раскопок. Исследование элементов-признаков позволяет сделать ряд наблюдений и выводов.

Во-первых, захоронение женщины в могиле 1 (рис. 2) совершенное в скорченном положении на спине, с согнутыми в коленках ногами и головой повернутой лицевой стороной на юг имеет аналогии в традиционной культуре ранних монголов.

Во-вторых, захоронения трех детей в центральной и северной части кургана не было характерно для культуры кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины. Это обстоятельство позволяет предположить, что могилы 3 и 5 и остатки детского погребения в могиле 4 представляют собой впускные захоронения, которые могли быть сооружены в позднем средневековье. При этом если захоронения детей в могилах 4 и 5 можно отнести к позднему средневековью с большой осторожностью, то в отношении захоронения новорожденного в могиле 3 сомнений практически нет.

В-третьих, небольшая глубина могил 1, 2 и 4, которые были сооружены в развитом средневековье, может указывать на два обстоятельства – низкий социальный статус погребенных или (и) их сооружение на хронологическом пограничье развитого и позднего средневековья.

В-четвертых, курган №3 представляет собой погребально-поминальный комплекс. Именно так к этому сооружению относилось население развитого и позднего средневековья совершавшее на нем погребальные и поминальные действия. Последнее представляется очень важным в плане сохранения культурной традиции аборигенного населения среднего течения р. Ур в Кузнецкой котловине.

В-пятых, в силу того, что на этой территории в развитом и позднем средневековье проживали аз-кыштымы с культурой этого племени можно связывать появление и функционирование не только кургана №3, но и самого памятника курганного могильника Ишаново.

Библиографический список

1. Васильев Е.А., Дремов В.А., Бардина П.Е. Общие сведения о народах Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 12-62.
2. Илюшин А.М. Позднесредневековые древности в долине нижнего течения р. Касьмы // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 226-231.

3. Илюшин А.М. Курганный могильник Ишаново – памятник культуры аз-кыштымов в Кузнецком Присалаирье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Матер. регион. науч.-пркт. конф. Вып. XIV. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 77-79.
4. Илюшин А.М. Бронзовые игольники у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вопросы культурологи. 2009. №1. С. 69-72.
5. Илюшин А.М. Новые материалы по средневековой истории аборигенов Кузнецкой котловины // Проблемы археологии и истории Северной Азии: Сборник, посвященный юбилею Л.А. Чиндиной. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2009а. С. 118-124.
6. Илюшин А.М. К вопросу о материальной и духовной культуре аз-кыштымов (по материалам археологических раскопок на курганном могильнике Ишаново) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. С. 127-132.
7. Илюшин А.М. Позднесредневековая керамика Кузнецкой котловины как показатель этнокультурных процессов // Труды Томского областного музея. Т. XVI. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010а. С. 55-60.
8. Илюшин А.М. Новые материалы по средневековой истории и культуре кыштымов в Кузнецкой котловине // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящен. 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова. Ч. 1. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012. С. 29-34.
9. Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.
10. Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. С. 98-100.
11. Илюшин А.М., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г., Роговских В.С. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2007 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №6. С. 163-168.
12. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 212 с.
13. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 79-106.
14. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Погребение конного лучника в Кузнецкой степи (к вопросу о развитии военного дела в эпоху средневековья) // Известия Алтайского государственного университета №4/2. Барнаул, 2008. С. 60-66.
15. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Ковалевский С.А. Отчет об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово, 1995. 59 с.
16. Кызласов И.Л. Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. С. 87-104.
17. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
19. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 18: Телеуты. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. 326 с.

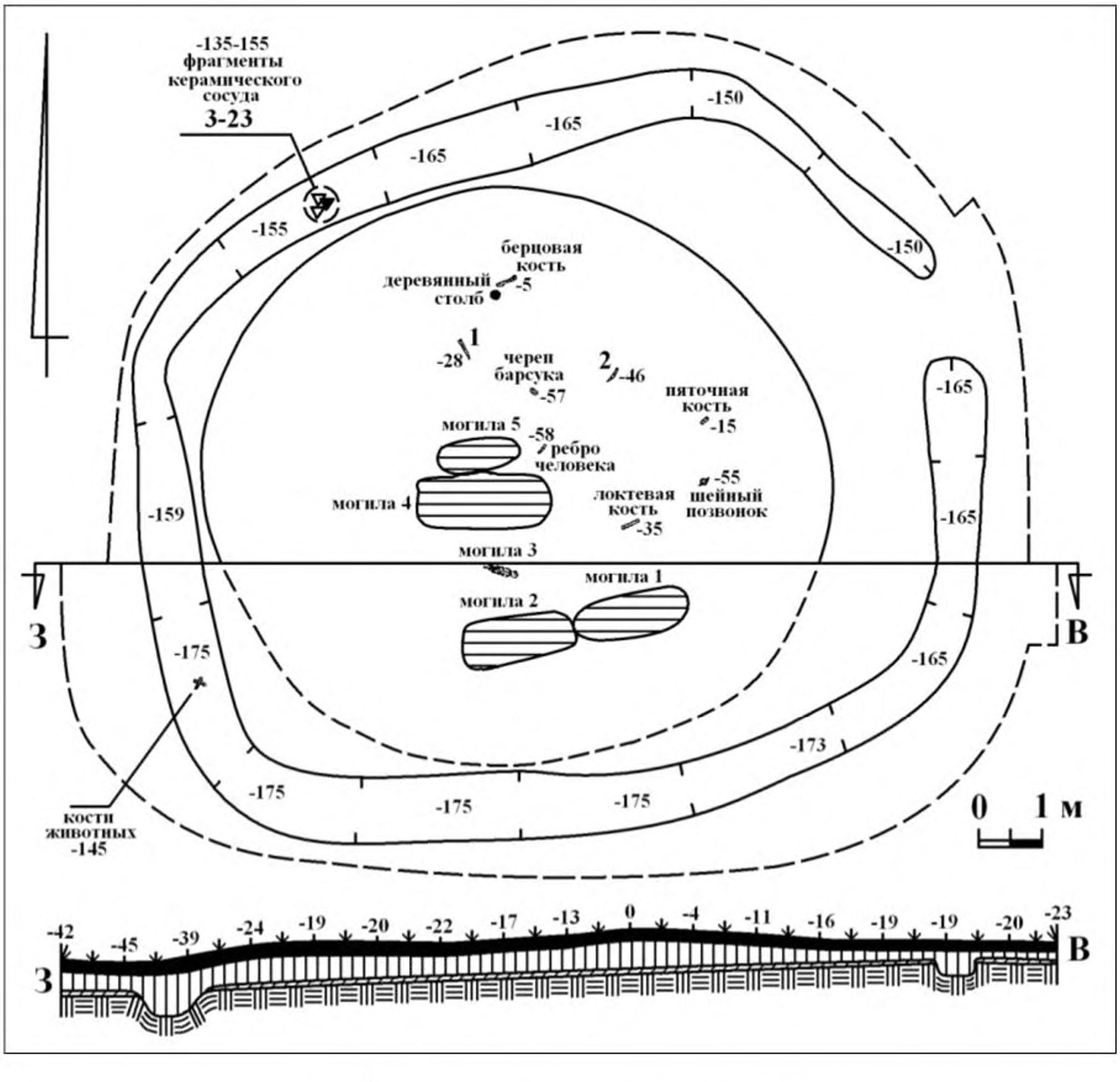

Рис. 1. Курганный могильник Ишаново.
План и разрез кургана №3.

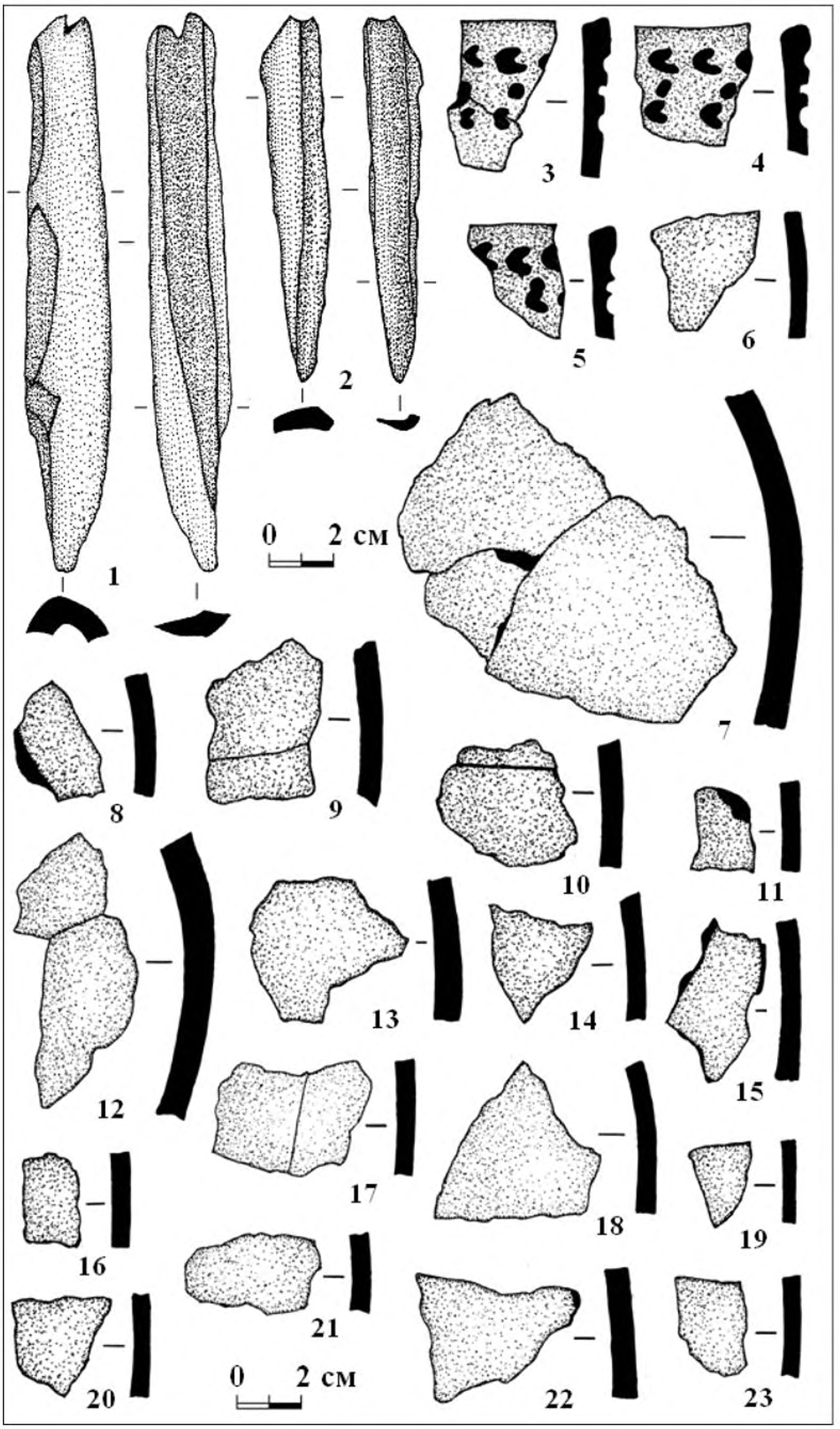

Рис. 2. Курганный могильник Ишаново. Курган №3. Находки из насыпи и рва:
1, 2 – орудия для чистки шкур, 3-23 – фрагменты сосуда; 1, 2 – кость; 3-23 – керамика.

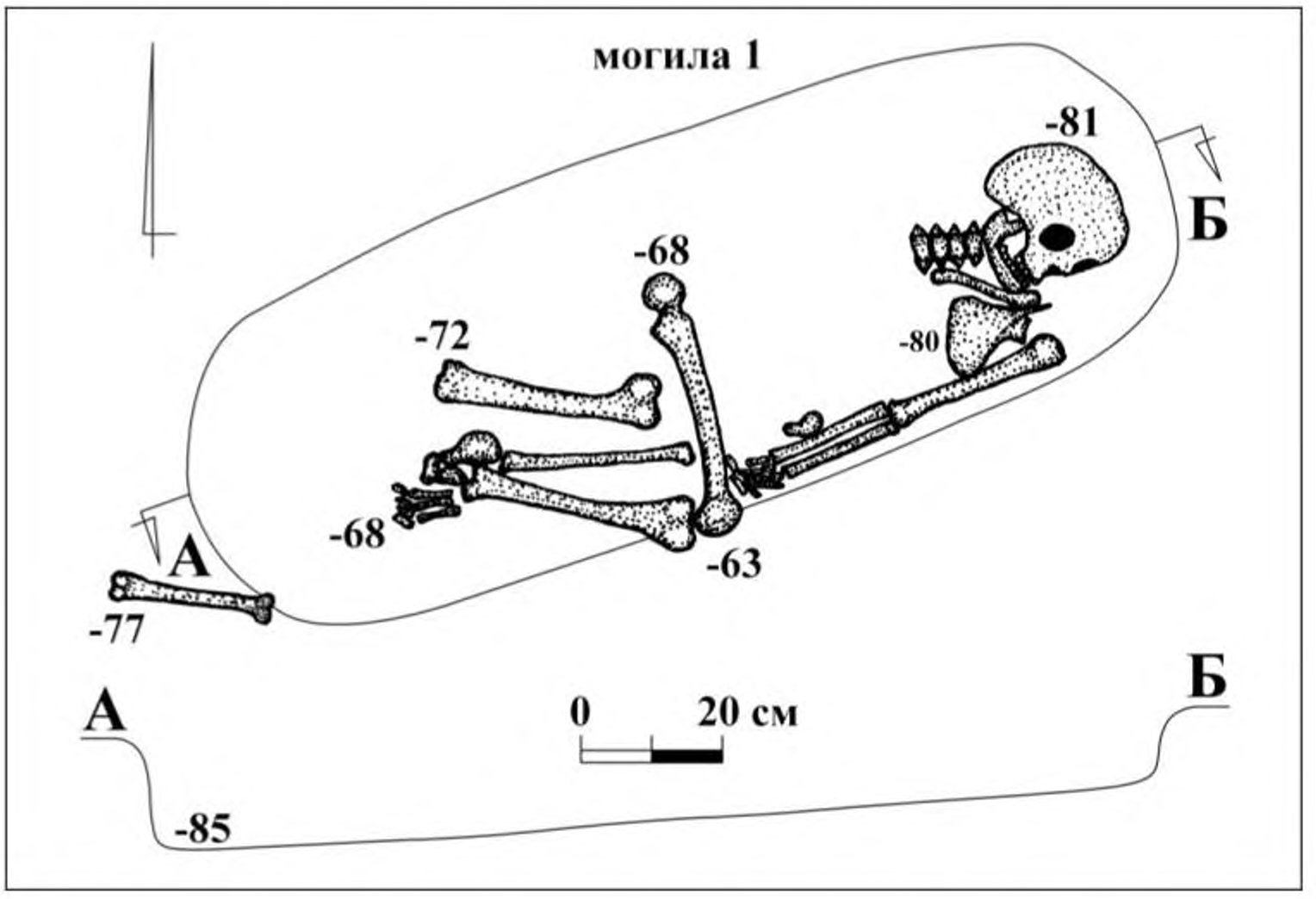
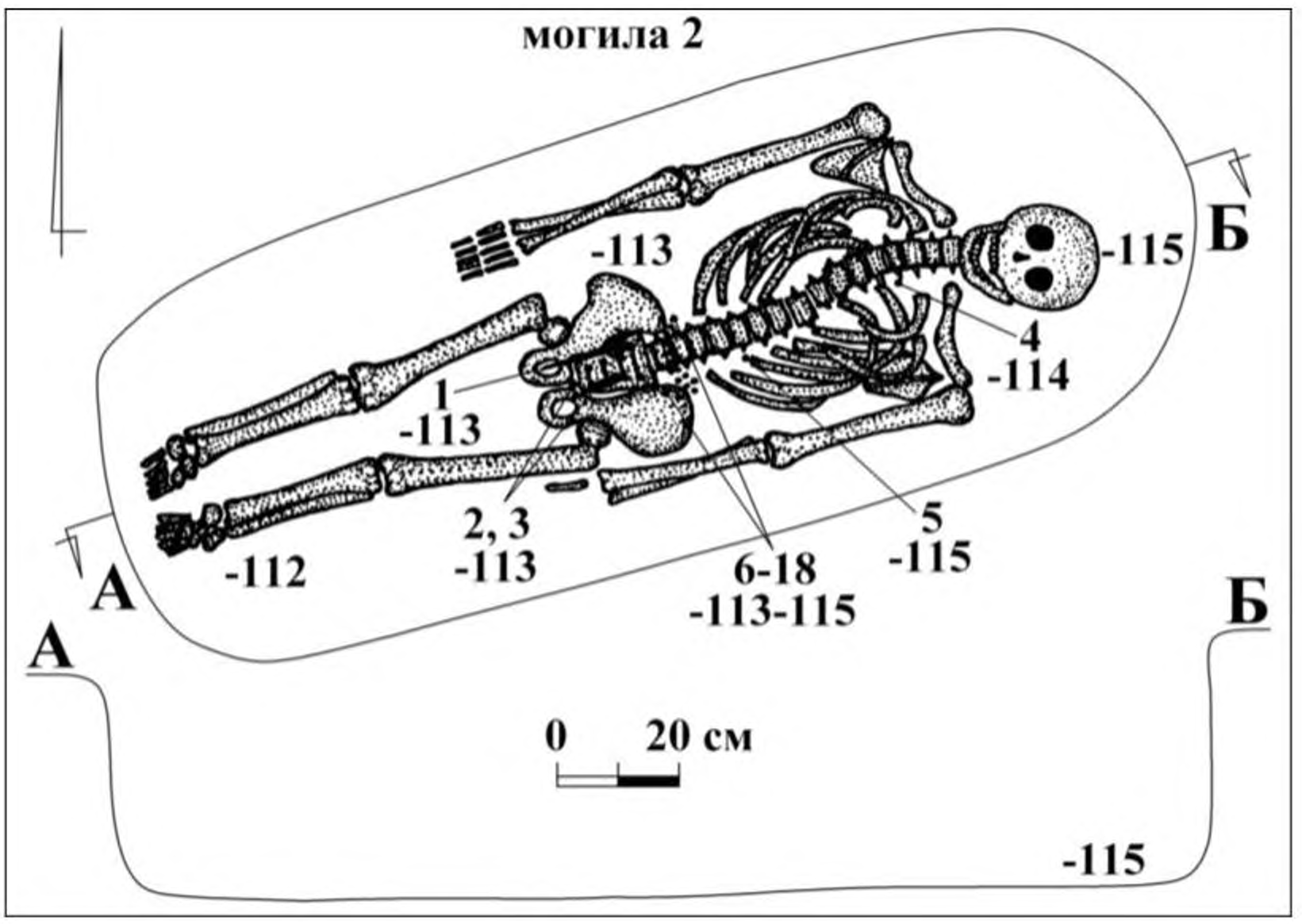

Рис. 3. Курганный могильник Ишаново. Курган №3.
План и разрез могилы 1.

Находки:
1 – заколка, 2 – фрагменты зеркала, 3 – коренной зуб,
4-18 – бусы; 1, 2 – бронза, 3 – неорганика, 4,
10-13– стекло, 5-9, 14-18 – паста

Рис. 4. Курганный могильник Ишаново. Курган №3.
План и разрез могилы 2.

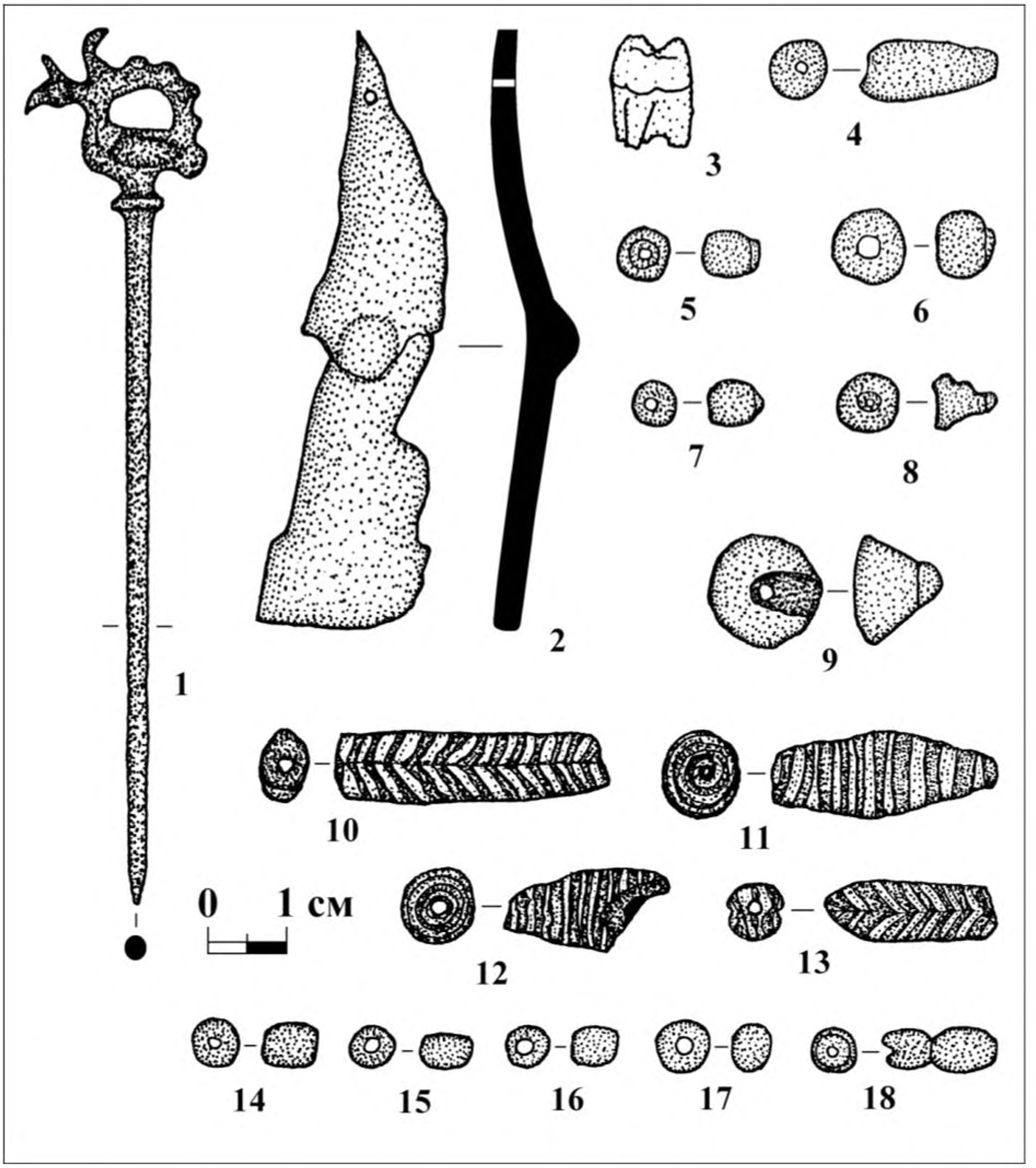

Рис. 5. Курганный могильник Ишаново. Курган №3. Находки из могилы 2:
1 – заколка, 2 – фрагмент зеркала, 3 – коренной зуб, 4-18 – бусы;
1, 2 – бронза, 3 – неорганика, 4, 10-13 – стекло, 5-9, 14-18 – паста.

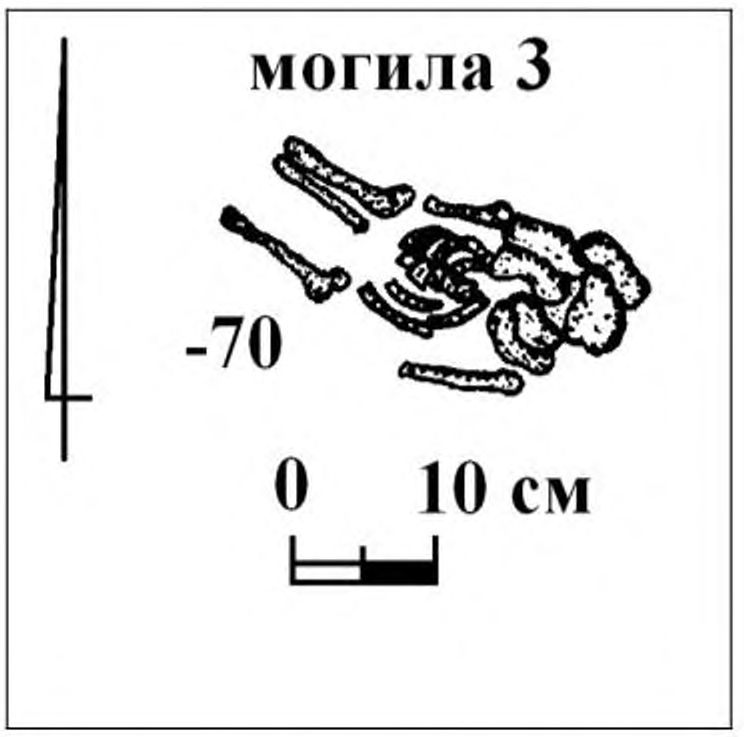
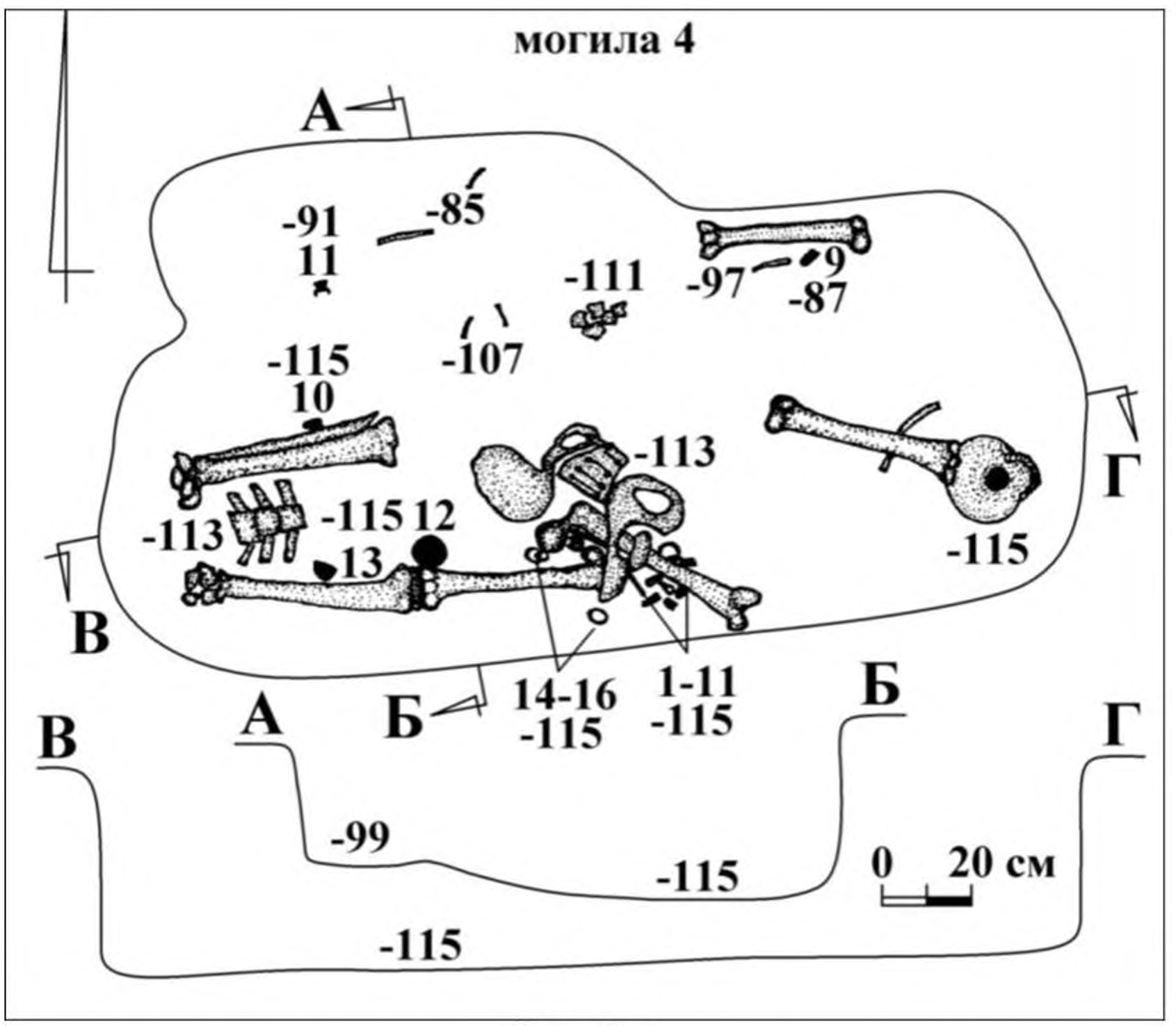

Рис. 6. Курганный могильник Ишаново.
Курган №3. План могилы 3.

Находки:
1–11 – фрагменты деталей удил и узды, 12 – сосуд, 13 – фрагмент зеркала (амулет), 14-16 – серьги; 1-11 – железо, 12 – керамика, 13, 14, 16 – серебро, 15 – бронза

Рис. 7. Курганный могильник Ишаново. Курган №3.
План и разрез могилы 4.

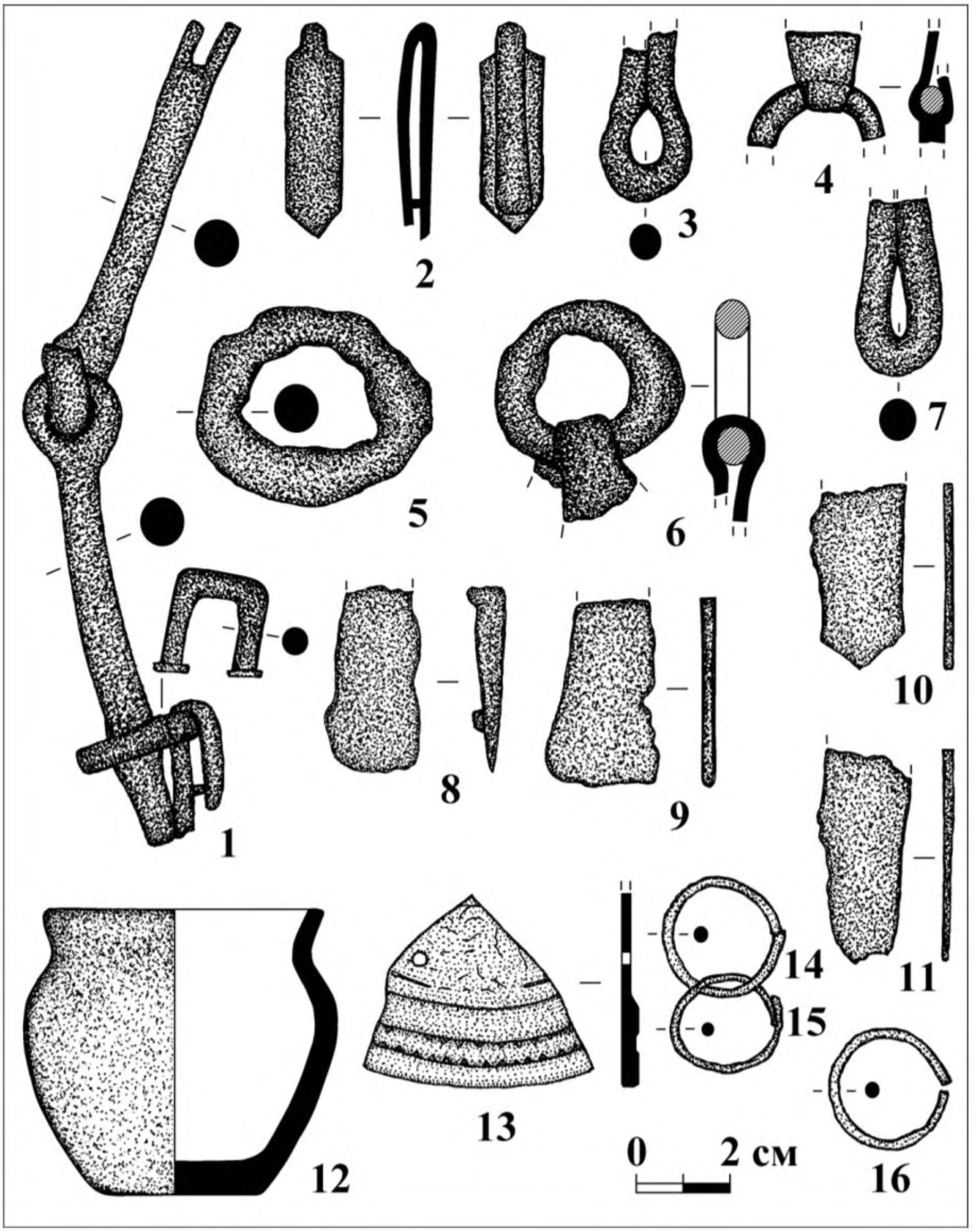

Рис. 8. Курганный могильник Ишаново. Курган №3. Находки из могилы 4:
1–11 – фрагменты деталей удил и узды, 12 – сосуд, 13 – фрагмент
зеркала (амулет), 14-16 – серьги; 1-11 – железо, 12 – керамика,
13, 14, 16 – серебро, 15 – бронза.

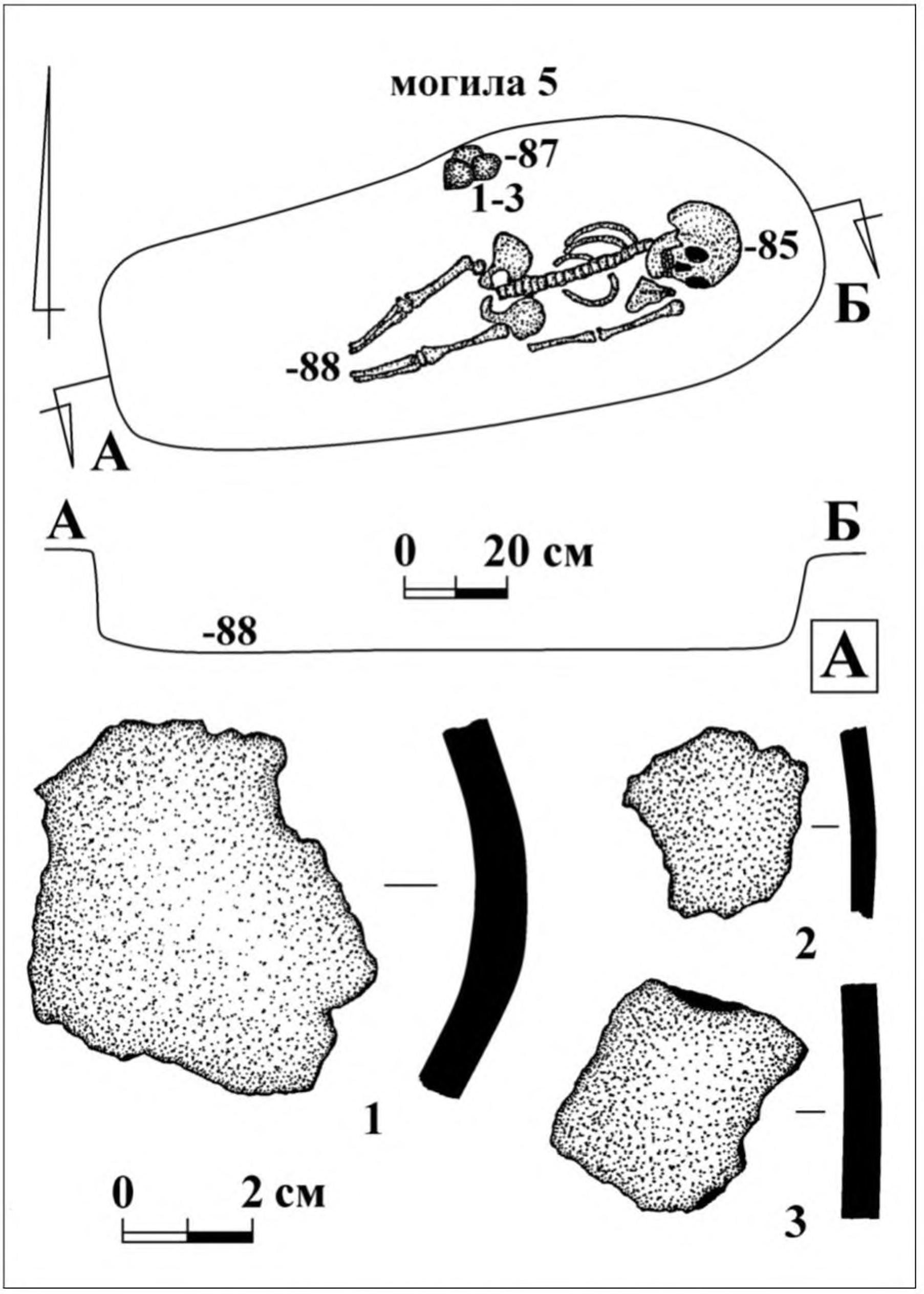

Рис. 9. Курганный могильник Ишаново. Курган №3.
План и разрез могилы 5 (А) и находки из неё:
1-3 – фрагменты сосуда; 1-3 – керамика.

Бобров Л.А.
(г. Новосибирск, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ ДЛИННОДРЕВКОВОГО ОРУЖИЯ МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVII-XIX вв.*

Одним из интереснейших элементов комплекса вооружения кочевников Центральной Азии эпохи Средневековья и раннего Нового времени является колющее длиннодревковое оружие, которое, в зависимости от формы, размеров и пропорций пера традиционно подразделяется в отечественной историографии на «копья», «рогатины» и «пики».[1] Относительная простота изготовления, ресурсоемкость, эффективность боевого применения, все эти факторы обеспечили высокую популярность длиннодревкового оружия среди воинов Великой Степи. При поверхностном взгляде может показаться, что копья и пики присутствовали в арсеналов номадов всегда. Однако детальное знакомство с источниками наглядно демонстрирует, что эволюция длиннодревкового оружия кочевников Центральной Азии была достаточно сложным и противоречивым процессом. Времена расцвета «копейного боя» сменялись периодами упадка этого воинского искусства и сокращением числа копейщиков в войсках номадов. Все эти изменения были тесно связаны с особенностями эволюции других видов оружия дистанционного и ближнего боя, защитного вооружения, военной организации и тактики ведения боя того или иного народа. Так, например, в комплексе вооружения хуннов III в. до н.э. – II в. н.э. вв., отдававших приоритет лучной перестрелке, копья не играли сколько-нибудь существенной роли. Рост популярности тяжелых ударных копий пришелся на Сяньбийскую эпоху и достиг пика в период существования Тюркских каганатов, когда номады Центральной Азии и Южной Сибири массово освоили тяжелый ламеллярный доспех, новый тип твердого седла и стремена. В период развитого Средневековья популярность длиннодревкового оружия и копейного боя начала постепенно снижаться. Место конных латников-копейщиков, действующих в плотном строю, постепенно заняли панцирники, вооруженные саадаками и саблями, эффективно использующие разряженные построения. Процесс вытеснения тяжелой копейной конницы с полей степных сражений дошел до своего логического завершения в XVI в. В войсках тюркских кочевников Восточной Европы и Средней Азии (крымских татар, кочевых узбеков, казахов) применение копий сократилось до минимума, а у ногаев ударное длиннодревковое оружие и вовсе вышло из широко военного обихода. Казалось, что история копейной конницы в Великой степи подошла к своему концу. Однако произошло нечто прямо противоположное. За какое-то столетие пики и копья не только вернули себе былую популярность, но и превратилось в главное оружие ближнего боя. Эта очередная «революция копья» была связана с трансформацией комплекса вооружения и тактики номадов Монголии и Ойратии XVI-XVII вв.

На протяжении многих столетий ударные копья и пики играли важную роль в комплексе вооружения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Однако, в эпоху раннего и развитого Средневековья длиннодревковое оружие применялось преимущественно воинами тяжелой конницы, в то время, как легковооруженные номады использовали копья лишь эпизодически. Ситуация принципиально изменилась в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. В XVI-XVII вв. монгольские и ойратские пол-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации МК-4281.2012.6.

[1] Отличительной особенностью рогатин является тяжелый массивный наконечник с широким пером насаженный на толстое и достаточно короткое древко. Пика, напротив, имеет узкое вытянутое, ромбическое или треугольное в сечении перо и длинное тонкое древко. Копье занимает промежуточное положение между рогатинами и пиками. Оно имеет наконечник средних размеров с граненым или уплощенным в сечении пером удлиненно-ромбической, или удлиненно-треугольной формы.

ководцы, стремясь усилить атакующую мощь своих конных армий, начали массово снабжать копьями и пиками не только латников, но и бездоспешных лучников. В конечном счете, это привело к появлению новой разновидности конницы составленной из легковооруженных копейщиков. Первоначально, такие воины поддерживали атаку панцирных всадников, но, впоследствии, центральноазиатские военачальники стали применять отряды легких копейщиков, как самостоятельные воинские подразделения, способные атаковать противника, как в разряженном, так и в плотном строю (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008, с. 538, 567; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2010, с. 126-129, 166; Бобров Л.А., 2012б, с. 62, 63).

Решение снабдить конных стрелков копьями, при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов, отряд снабженный луками и пиками имел очевидные преимущества перед отрядом вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй «копийным напуском», нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости, воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук. В столкновении с панцирниками противника легковооруженные копейщики так же имели определенное преимущество перед обычными лучниками, так как длинные пики позволяли вести бой на средней дистанции, не подпуская вражеского латника на расстояние сабельного удара. Наконец, копья были ресурсоемким и недорогим оружием, доступным для большинства воинов.[1] Все эти факторы оказали значительное влияние на стремительное перевооружение легкой конницы копьями и пиками. Идея, реализованная ойратами и монголами, оказалась весьма привлекательной и для других народов Великой степи. В течение относительно короткого времени пиками были снабжены легковооруженные алтайские, казахские, башкирские и киргизские воины (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008, с. 653-655; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2010, с. 129). А вскоре примеру кочевников последовали прибайкальские, забайкальские, донские, яицкие (уральские) и оренбургские казаки (Бобров Л.А., 2012б, с. 62, 63).

Внедрение в казахских и джунгарских войсках ручного огнестрельного оружия и применение практики спешивания ружейных стрелков в ходе сражений открыло новые перспективы для применения длинных пик на поле боя. Пожалуй, впервые, в военной истории кочевников длиннодревковое оружие начинает относительно широко использоваться не только в конной, но и в пешей схватке. Сошедшие с коней ойратские и казахские копейщики прикрывали ружейных стрелков и лучников в ходе оборонительного боя и участвовали в атаках, производимых в пеших порядках. Причем, судя по данным изобразительных и письменных источников, в ходе таких боевых столкновений степные пикинеры составляли отдельные ударные подразделения, или включались в состав отрядов ружейных стрелков (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008, с. 577, 578, 599; Бобров Л.А., 2012а, с. 111, 120).

В конечном счете, в войсках кочевников Центральной и Средней Азии копья и пики становятся главным оружием ближнего боя. Их применяют как конные панцирники, так и самые бедные воины, не имеющие средств на покупку саадака, или ружья. В походах всадник мог везти с собой не одно, а два, или даже три копья. Кроме того, в обозах центральноазиатских военачальников могли храниться дополнительные запасы копий и пик, которые перед сражением выдавалось воинам (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008, с. 295, 296, 577, 578). Для пополнения арсеналов, джунгарские правители не только организовали производство копейных наконечников на государственных оружейных предприятиях, но и понуждали рядовых кочевников изготовлять или приобретать их самостоятельно в рамках отработки специальной повинности (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008, с. 296).

По мере распространения в армиях номадов длиннодревкового оружия постепенно меняется отношение к боевому назначению копий и пик. Они перестают восприниматься исключительно, как оружие первого удара. Пику стараются сохранять в ходе

[1] Судя по данным письменных источников, самые бедные ойратские и казахские воины применяли деревянные пики без железных наконечников. Конец такой пики заострялся и обжигался на огне.

первого боевого столкновения и применять в последующей конной схватке и преследовании противника.[1]

Интенсификация и рост популярности копейного боя приводят к трансформации длиннодревкового оружия и профильных боевых техник. Степные воины XVII – первой половины XIX вв. активно экспериментировали с фиксированным и свободным способом удержания копья, применяя «таранный удар», «штыковой» (нижний и верхний) и «дротиковый» хват, различные приемы фехтования древком и т.д.[2] Основной разновидностью длиннодревкого оружия кочевников Центральной и Средней Азии в этот период становится пика, увенчанная длинным наконечником с узким граненым (треугольным, или ромбическим в сечении) пером с долами и конической втулкой с шаровидным ограничителем («яблоком»).[3] Такие наконечники были эффективны, как против панцирных, так и против легковооруженных воинов противника, а узкое перо позволяло легко выдернуть пику из тела поверженного врага и продолжить бой. Тем не менее, риск повреждения и утраты наконечника в ходе рукопашной схватки был весьма велик, что стимулировало бурное развитие копьевидных подтоков, которые в случае необходимости могли заменить в сражении основной наконечник. Наконечники и подтоки насаживались на очень длинное (3-5 м) и тонкое (около 3,5 см в диаметре) деревянное древко, которое позволяло поражать противника на максимально возможном расстоянии, не подпуская его на дистанцию сабельного удара.

Не удивительно, что широкое распространение пик стимулировало развитие военной практики по борьбе с ними. Судя по данным изобразительных и письменных источников, вооруженные саблями и боевыми топорами воины пытались перехватить древко пики левой рукой и, приблизившись, достать копейщика оружием, зажатым в правой руке. Очень популярен был и рубящий удар сверху, целью которого было обрубить верхнюю часть пики вместе с наконечником и, тем самым на время обезоружить противника. В ходе боестолкновения наиболее уязвимым элементом пики была верхняя часть тонкого деревянного древка (казахск. «бас», «сагак»). Именно туда обрушивались удары клинкового и ударно-рубящего оружия противника. Естественно, что ответным ходом мастеров-копейщиков стали работы по усилению этой части древка. Представляется возможным выделить четыре основных разновидности таких усилителей: «прожилины», накладки, проволочная обмотка и «отрезы».

Популярной формой защиты древка были «прожилины» («пожилины») представлявшие собой продольные (как правило, парные, реже одинарные или тройные) железные полосы, приклепанные к втулке наконечника, или составляющие с ним единое целое. Данный тип металлического усилителя деревянного древка был известен тюркским и монгольским кочевникам Центральной и Средней Азии, узбекам, башкирам, волжским калмыкам. В первой трети XIX в. пики с прожилинами использовались российскими кавалеристами, а в 1839 г. был утвержден унифицированный образец казачьей пики снабженной железными прожилинами. С этого времени данный конструктивный элемент становится неотъемлемой частью длиннодревкового оружия российской кавалерии. Он воспроизводился на кавалерийских пиках образца 1843 и 1862 гг. и казачьей пике образца 1901 г. (Кулинский А.Н., 1994, с. 135-140).

Вторым типом усилителя копейного древка были обоймицы (в виде более или менее широких железных «браслетов»), металлические кольца и трубки, а также короткие железные накладки прямоугольной, квадратной, округлой или вырезной формы, которые набивались встык, или на некотором расстоянии друг от друга, на верхнюю часть дере-

---

[1] В эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени складывается обновленный комплекс вооружения легковооруженных номадов (быстро заимствованный русскими казаками) состоящий из пики, саадака (и/или ружья) и ножа. Не удивительно, что в условиях отсутствия у воина традиционно дорогого длинноклинкового оружия (сабель, палашей), именно пика становится главным оружием ближнего боя. Ее утеря, или поломка, означала обезоруживание в ходе рукопашной схватки, что вынуждало обращаться с пикой максимально бережно и сохранять ее до конца схватки.

[2] Более подробно копейный бой кочевников Центральной и Средней Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени будет рассмотрен в специальной работе.

[3] Среди длиннодревкового оружия ойратов, монголов и казахов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени наконечники пик составляют 60-70% от общего числа наконечников серии.

вянного древка. Усиленное металлическими пластинами древко, иногда еще дополнительно обматывалось кожаными ремешками или сухожилиями.[1]

Третьим вариантом усилителя пики была железная проволока, которую наматывали на древко с большим или меньшим зазором. Данный элемент был наиболее характерен для восточных районов Великой Степи (Монголии) и Тибета (Бобров Л.А., Худяков Ю.С., 2008, с. 298, рис. 93, *1,6*, с. 615). Однако, судя по изображениям на кулпытасах Западного Казахстана, он применялся и казахскими кочевниками XVIII-XIX вв. (Ахметжан К.С., 2007, с. 117, рис. 4).

Все вышеперечисленные металлические усилители выполняли задачу пассивной защиты верхней части деревянного древка пики от ударов сабель и топоров противника. Функциональное назначение «копейного отреза», было значительно более широким. Копейный «отрез» представляет собой вытянутую, треугольную в сечении, железную пластину удлиненно-прямоугольной, или удлиненно-трапециевидной формы. В отличие от прожилин, «копейный отрез» не наклепывался на древко, а крепился к нему встык, образуя достаточно широкое железное «ребро». Внешняя сторона железной пластины затачивалась, превращая «отрез» в разновидность рубящего оружия. Длина и ширина такого клинка могла существенно варьироваться. Так, например, длина регламентированного цинского «отреза» составляла 44,8 см, при ширине – 1,6 см. Размеры подлинных образцов из частных коллекций составляет 54,4 см на 3,6 см (рис. 1 – *12*) и 49,8 на 6,3 см (рис. 1 – *13*) соответственно. При этом первый отрез существенно сужается в нижней части (до 2,7 см), а второй незначительно в верхней (до 6,1 см.). На изображениях казахских, джунгарских, киргизских и уйгурских копий встречаются отрезы прямоугольной формы (рис. 1 – *5, 14*). Однако значительно чаще, оружейники обрезали верхний (рис. 1 – *8, 11, 13*), или нижний (рис. 1 – *3, 10, 18*) угол пластины. Если обрезались оба угла, то клинок приобретал характерную трапециевидную форму (рис. 1 – *1, 2, 4, 6, 12, 15, 16*).

Судя по подлинным образцам, а также изображениям «отрезов» в цинской иконографии, существовало несколько способов крепления пластины к копейному древку. Преобладающим было крепление с помощью пары обоймиц (рис. 1 – *1, 2, 12, 18*). Несколько реже «отрез» вставлялся в специальную щель в древке и фиксировался гвоздями (рис. 1 – *13*). Судя по изображениям, использовались и комбинированные варианты крепления. Во всех случаях «отрез» размещался непосредственно под наконечником, или на незначительном расстоянии от него.

Комплексный анализ собранных материалов позволяет очертить основной ареал распространения копейных «отрезов». Наиболее активно их применяли кочевники Центральной и Средней Азии – ойраты, казахи, киргизы, а в Восточной Европе – волжские калмыки (рис. 1 – *1-15, 17, 18*). Вероятно, именно от номадов идея применения копейных «отрезов» на длиннодревковом оружии было усвоена представителями оседло-земледельческих народов. Более того, в некоторых армиях (например, в цинской) конструкция и размеры копий с дополнительным лезвием были четко регламентированы: «Длинное копье Отборного отряда (Цзяньжуйин). Почтительно докладываю, что на 14 году эры правления под девизом Цяньлун [1749] высочайше утверждено длинное копье для Отборного отряда, изготавливаемое из закаленной стали. Общая длина 1 чан 3 цунь [3,296 м], длина наконечника 9 цунь [28,8 см], заострен, как надмогильный обелиск, в середине ребро жесткости. Деревянное древко длиной в 9 чи [2,88 см], в обхвате 4 цунь 6 фэнь [14,72 см], сбоку крепится клинок как у сабли, крепится под наконечником, длина 1 чи 4 цунь [44,8 см], ширина 5 фэнь [1,6 см]. Под ним дерево обмотано по кругу красным и черным конским волосом. Есть железная втулка сверху, длина 4 цунь [12,8 см][2]» (Хуанчао…, 2004, с. 705). Таким образом, цинское копье длинной более 3 м, имело наконечник с пером удлиненно-ромбической формы и ребром жесткости, под которым крепился «отрез» представлявший собой вытянутую железную пластину со срезанными углами (рис. 1 – *16*).

На другом конце Великой степи идею снабжать пики острыми «отрезами» усвоили российские казаки. Анализируя вооружение донских казаков второй половины XVIII в. И.-

---

[1] Наряду с верхней частью пики обоймицами, иногда, усиливали и места соединения сегментов составного деревянного древка.

[2] Перевод с китайского А.М. Пастухова.

Г. Георги отмечал: "Вооружение их состоит, во-первых, из пики, или копья, козаками называемого дротиком, который состоит из трёхгранного остроконечного железа с трубкой, двумя дырками для гвоздей, которая более четверти аршина [более 17,75 см], надевается на ратовьё, длины двух сажень [около 304 см], липовое или сосновое, укрепляется ремнём, *а от дротика по ратовью прибивается ребром острое железо длиной в аршин* [71 см] *и называется отрезом, потому что когда неприятель при ударе хватается за дротик, то руки при сопротивлении обрежет, но сии отрезы, как и железные скобки, мало прибивают* … (курсив наш – Л.Б.)» (Георги И.-Г, 2005, с. 583). Таким образом, русская пика, сопоставимая по длине с цинским копьем (3,2 и 3,3 м соответственно) была снабжена «отрезом» более чем в полтора раза превосходящим по длине свой цинский аналог (44,8 и 71 см соответственно).

Тема появления и начальных этапов эволюции «копейных отрезов» остается открытой. Большинство их изображений относится к XVIII в. Однако, вполне вероятно, что данный конструктивный элемент использовался и ранее, а его появление связано с интенсификацией конного копейного боя в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. В Южном Казахстане и в Киргизии пики с «отрезом» продолжали применяться даже в начале второй половины XIX в. (рис. 1 – *1, 2*).

Представляется возможным выделить три основных функции копейного «отреза»:

1. Пассивная защита древка от ударов клинкового (сабли, палаши) и ударно-рубящего (топоры) оружия противника. В данной связи характерно, что в ходе атаки пика всегда удерживается «отрезом» вверх (рис. 1 – *17, 18*).

2. Активная защита древка. Судя по изображениям, в ходе рукопашной схватки противники копейщиков достаточно часто пытался ухватить древко левой рукой, одновременно нанося удар оружием, зажатым в правой руке. Снабженный заточенным лезвием «отрез» не только не позволял совершить подобный захват, но и грозил существенно травмировать руку вражеского воина. Интересно, что именно с этим назначением «отреза» связано и оригинальное название данного копейного элемента на русском языке (см. выше).

3. Нанесение рубящих ударов. В отличие от прожилин, накладок и проволочной обмотки, «отрез» являлся не только элементом защиты древка, но и своеобразным оружием нападения. Вооруженный пикой с «отрезом» воин мог чередовать традиционные колющие удары копейного наконечника с мощными рубящими ударами клинком «отреза», который фактически представлял собой палаш на длинном древке. Объектом атаки могли выступать, как незащищенные участки тела противника (голова, руки, плечи) и его боевого коня, так и древко вражеского копья. Некоторые фехтовальные приемы пикой с «отрезом» в спешенном положении, зафиксированы на портретах джунгарского военачальника Аюши перешедшего на сторону Цинской империи. Пика удерживается согнутой в локте левой рукой в верхней половине древка ладонью вниз. Правая рука джунгарского воина отведена назад, как при фехтовании на клинковом оружии. Корпус повернут к зрителю левым боком, левая нога выдвинута вперед. Древко повернуто таким образом, что «отрез» расположен справа. Находясь в таком положении, воин может выбросить руку вперед, нанося колющий удар пером копейного наконечника, или мощный боковой (горизонтальный) рубящий удар лезвием «отреза».

Подводя итог, необходимо отметить, что распространение среди воинов Великой степи и сопредельных территорий пик с узким граненым наконечником с «яблоком», подтоком и длинным усиленным древком было связано с ростом популярности и интенсификацией мобильного конного копейного боя. Одним из наиболее ярких конструктивных элементов позднесредневековых пик были «копейные отрезы». Их функциональное назначение заключалось в защите деревянного древка и нанесении рубящих ударов. Сочетание на одном древке наконечника с прямым пером, предназначенным для укола, с боковым лезвием призванным выполнять рубящую функцию, позволяет отнести пики с «отрезом» к числу комбинированного длиннодревкового оружия. Остро заточенный «отрез» был особенно опасен для противника, не имеющего защитного вооружения. В данной связи характерно, что рост популярности копейных «отрезов» совпал по времени с процессом постепенного вытеснения из широкого военного обихода металлического защитного вооружения.

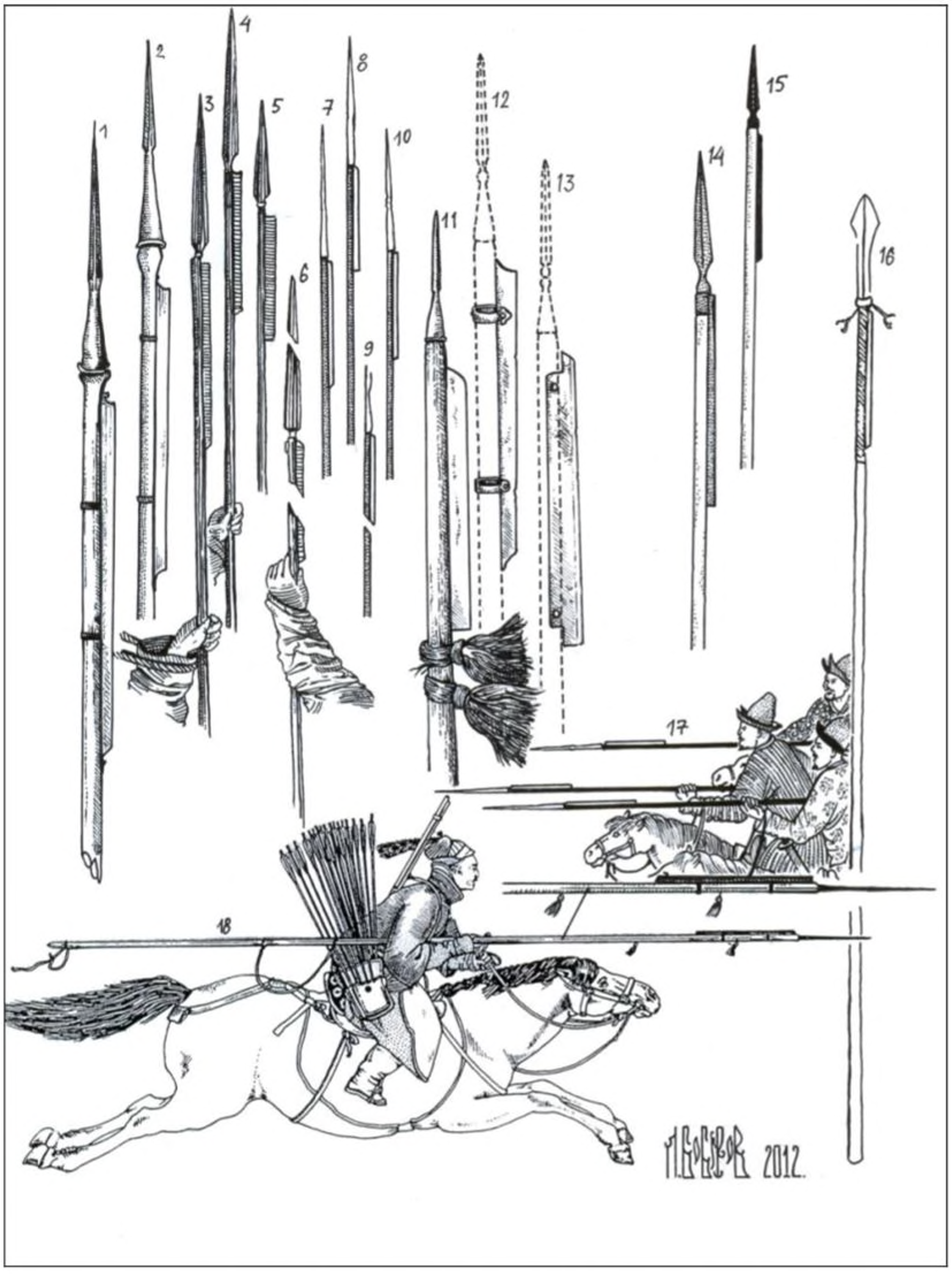

Рис. 1. Изображения длиннодревкового оружия снабженного копейными «отрезами» XVIII-XIX вв. (1-10, 14-18) и подлинные образцы копейных «отрезов» эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени (11-13). Рисунок выполнен Л.А. Бобровым.

1 – С цветного рисунка П.М. Кошарова «Оружие и другие вещи Дико-каменных и Большой Орды Киргизов», 1857 г. «Альбом к путешествию П.П. Семенова на Тянь-Шань» (РГО, Санкт-Петербург).

2 – С карандашного наброска П.М. Кошарова «Этнографические рисунки: Одежды, утварь, оружие и другие вещи Дико-каменных и Большой Орды Киргизов. Рис. с нат. худож. Кошаровым»; МАЭ, коллекционный № 2643-1: Стр. 5.

3-6. С изображений конных воинов-кочевников вооруженных копьями с «отрезом». С гравюры «Битва при Курмане», начало второй половины XVIII в.

7-10,17 – С изображений джунгарских, казахских, уйгурских и киргизских воинов на цветных цинских картинах цикла «Завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана», середина XVIII в.

11 – Прорисовка калмыцкой пики с «отрезом» с фотографии собрания предметов из старых коллекций Оренбургского музея.

12,13 – Копейные «отрезы» эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени с территории Южной Сибири. Хранятся в частных российских коллекциях.

14,15,18 – С цинских портретов джунгарского военначальника Аюши, перешедшего на сторону Цинской империи, середина XVIII в.

16 – Цинское копье «Отборного отряда (Цзяньжуйин)» с «отрезом», утвержденное императорским указом 1749 г. Прорисовка изображения из цинского регламента «Хуанчао лици туши» (1759 г.).

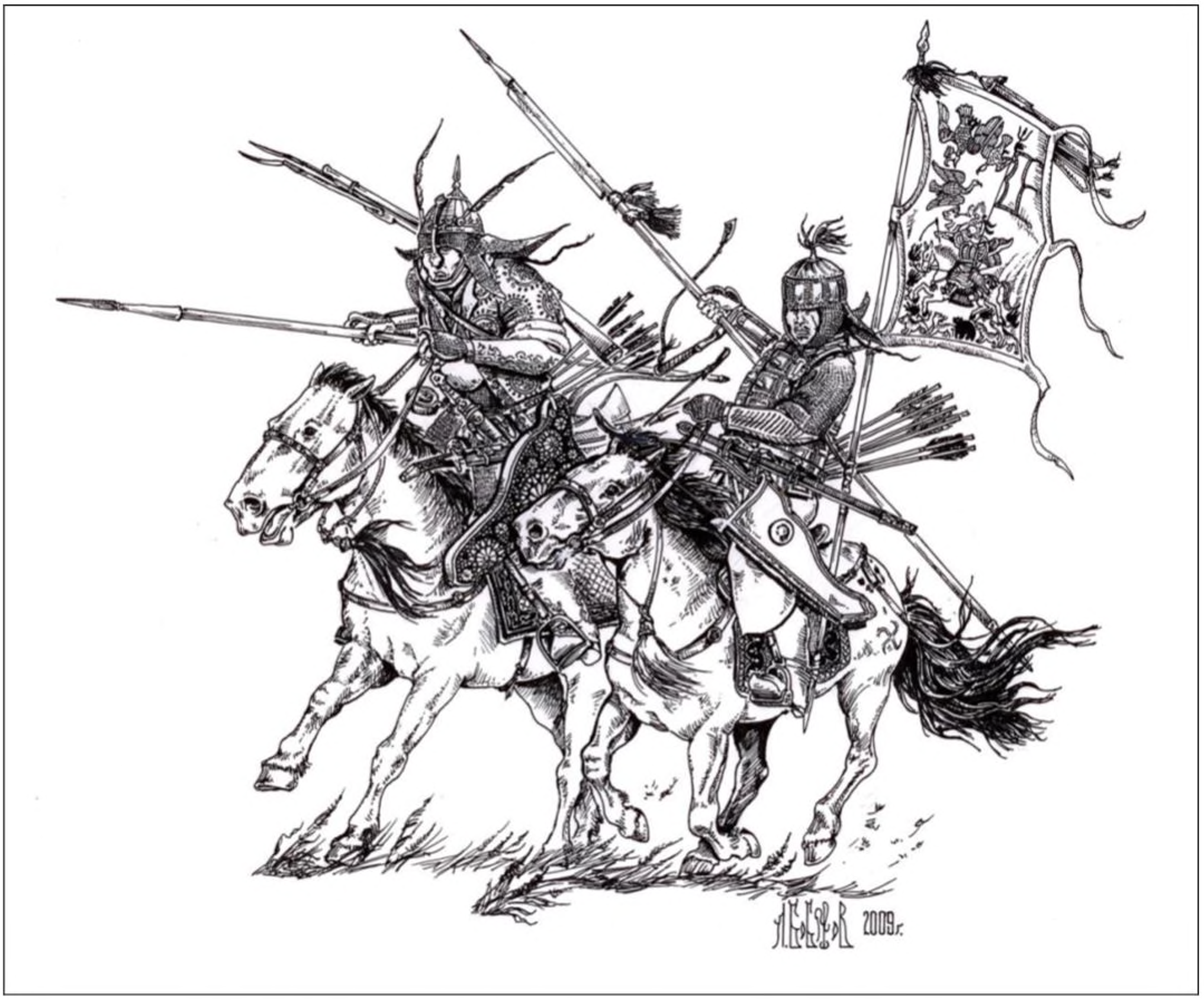

Рис. 2. Художественная научно-историческая реконструкция комплексов вооружения калмыцкой знати второй половины XVIII в. Реконструкция Л.А. Боброва по материалам музейных собраний РФ, КНР, изобразительным и письменным источникам.

Реконструкция демонстрирует пример «вестернизации» комплекса вооружения калмыцкой знати второй половины XVIII в. В этот период основная масса калмыцких воинов уже не использовала металлического защитного вооружения. Панцири, шлемы и наручи продолжали применять в основном представители знати и их окружение. Изображенные на реконструкции комплексы вооружения калмыцкой знати представляют собой «сплав» военно-культурных традиций Центральной и Западной Азии (с преобладанием последней). В рассматриваемый период внешний вид калмыцких панцирников уже мало отличался от их мусульманских противников на Северном Кавказе и Средней Азии, так как значительная часть вооружения импортировалась в Калмыкию из Черкесии, Ирана и Хивы. Воины носят шлемы характерные для западноазиатского региона: сфероконический «кула худ» (1) и кабардинский кольчато-пластинчатый шлем с ойратским плюмажом «улан зала» (2). Корпус латников защищают кольчуги (1-2), зерцальный доспех из четырех округлых пластин (1), кольчато-пластинчатый панцирь покроя «жилет» с осевым разрезом (2). Защита конечностей представлена кабардинскими и иранскими створчатыми наручами с кольчатой «полурукавицей». Саадаки панцирников выполнены по западноазиатским образцам. За спину одного из всадников заброшено кремневое ружье черкесского производства (1) снабженное, по среднеазиатской традиции, парными сошками. Длиннодревковое оружие представлено калмыцкими пиками с граненными наконечниками и массивными втулками. Древко пики воина справа снабжено железным «отрезом», предназначенным для нанесения рубящих ударов, и парой волосяных бунчуков (2). Клинковое оружие представлено ойратским палашом (2), саблей крымского или черкесского производства (1) и северокавказским кинжалом (1).

Несмотря на относительно широкое распространение пик с «отрезом» среди ойратских и казахских воинов, они не стали преобладающей разновидностью длиннодревкового оружия в Центральноазиатском регионе. На наш взгляд, это было обусловлено несколькими причинами. Эффективное обращение с таким оружием требовало определенных воинских умений и навыков, которыми обладали далеко не все копейщики степных армий. Кроме того, на изготовление длинного массивного «отреза» (сопоставимого по размерам и весу с клинками ойратских и монгольских палашей), шло значительное количество железа, которое традиционно относилось в степях к числу дефицитных товаров. Снабдить свою пику дополнительным лезвием мог позволить себе далеко не каждый кочевник. Таким образом, пики с «отрезом» могли применять наиболее подготовленные и хорошо обеспеченные воины. В то же время эффективность такого оружия была достаточно высокой, что обусловило длительность его бытования в регионе. В Южном Казахстане и Кыргызстане пики с «отрезами» продолжали применяться вплоть до второй половины XIX в., то есть до завершения существования военного искусства кочевников, как самостоятельного военно-исторического феномена.

Библиографический список

1. Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.
2. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI-середине XIX вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.I. СПб: «ВИМАИВиВС», 2012а. С. 105-135.
3. Бобров Л.А. О казахском влиянии на комплекс вооружения российских казаков в XVII-середине XIX вв. // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана, 2012б. С. 62-64.
4. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Н.: Новосиб. Гос. Ун-т, 2010. 288 с.
5. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
6. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2005. 816 с.
7. Кулинский А.Н. Русское холодное оружие военных и гражданских чинов 1800-1917 годов. СПб.: «МАГИК-ПРЕСС», 2012. 184 с.
8. Хуанчао лици туши. Янчжоу, пр. Цзянсу: Гуанлин шушэ, 2004. (на китайском языке).

Список сокращений

ГЭ – Государственный Эрмитаж
КНР – Китайская Народная республика.
РГО – Русское Географическое Общество.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азбелев Павел Петрович *– методист 1-й категории (с.н.с.) Государственного Эрмитажа. 190000, Дворцовая наб., 34, г. Санкт-Петербург. Тел.: +7(911)713-11-61, e-mail: azb13@hotmail.com*

Бакиянов Алексей Иванович *– лаборант, ассистент кафедры физики и методики преподавания физики Горно-Алтайского государственного университета. 649000, ул. А. Ленкина, 1, ГАГУ, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. E-mail: absh_04@list.ru*

Бобров Леонид Александрович *– доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук. 630079, ул. Вертковская, 38, кв. 90, г. Новосибирск. E-mail: spsml@mail.ru*

Горбунов Вадим Владимирович *– профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», доктор исторических наук, доцент. 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. E-mail: gorbunov@hist.asu.ru*

Илюшин Андрей Михайлович – *профессор кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета (г. Кемерово), доктор исторических наук. 650000, ул. Весенняя, 28, г. Кемерово. E-mail: Ilushin1963@mail.ru.*

Кирюшин Кирилл Юрьевич *– доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидат исторических наук. 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. E-mail: kiril-kirushin@mail.ru*

Константинов Никита Александрович *– научный сотрудник Музейного комплекса и Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории. 649000, ул. А. Ленкина, 1, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. Тел.: +7(913)990-34-94, e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru, knikita1988@mail.ru*

Константинова (Штанакова) Евгения Александровна *– научный сотрудник отдела фондов Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина и Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, аспирантка кафедры археологии и всеобщей истории. 649000, ул. А. Ленкина, 1, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. E-mail: shtanakova.evgenia@yandex.ru*

Кузин-Лосев Валерий Иванович *– научный сотрудник Донецкого областного краеведческого музея. ул. Челюскинцев 189а, г. Донецк, Украина. E-mail: msr.val@yandex.ru*

Лихачева Ольга Сергеевна *– аспирантка кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. E-mail: lihaolga@yandex.ru*

Лукерина Яна Евгеньевна *– аспирантка кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. E-mail: dija19@bk.ru*

Папин Дмитрий Валентинович *– научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. Тел.: 8(3852)29-81-05, e-mail: papin@mc.asu.ru*

Подобед Вячеслав Анатольевич *– старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея. 83015, б. Школьный, 14, кв. 56, г. Донецк, Украина*

Редников Антон Александрович *– научный сотрудник краевого бюджетного учреждения «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края», кандидат исторических наук. 656043, ул. Ползунова, д. 39, г. Барнаул*

Руденко Константин Александрович *– профессор Казанского государственного университета культуры и искусств, доктор исторических наук. E-mail: murziha@mail.ru*

Рыбаков Николай Иосифович *– действительный член Петровской академии наук и искусств, член Союза художников России, Заслуженный художник России. 660017, а/я 20899, г. Красноярск. Тел.: 8-960-752-78-25, 8-923-298-18-04, e-mail: nikolayrybakov@yahoo.com*

Серегин Николай Николаевич *– старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидат исторических наук. 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. Тел/факс: 8(3852)29-81-03, e-mail: nikolay-seregin@mail.ru*

Соёнов Василий Иванович *– руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, доцент кафедры археологии и всеобщей истории, кандидат исторических наук, доцент. 649000, ул. Улагашева, 16-5, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. E-mail: soyonov@mail.gorny.ru; soyonov@mail.ru*

Соёнов Денис Васильевич *– научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории. 649000, ул. Улагашева, 16-5, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. E-mail: soyonovd@mail.ru*

Суразаков Александр Сазонович *– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. E-mail: suraleksandr@rambler.ru*

Трифанова Сынару Вениаминовна *– заведующая Музейным комплексом Горно-Алтайского государственного университета, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов, кандидат исторических наук. 649000, ул. А. Ленкина, 1, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай. E-mail: trifanovasv@mail.ru*

Усачук Анатолий Николаевич *– старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, кандидат исторических наук. 83047, ул. Багратиона, 9а, кв. 12, г. Донецк, Украина. E-mail: dood@mail.ru*

Федорук Александр Сергеевич *– инженер кафедры археологии, этнографии и музеологии ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидат исторических наук. 656049, пр-т Ленина, 61, г. Барнаул. Тел.: 8(3852)29-81-03, e-mail: fedorukas@mail.ru*

Фролов Ярослав Владимирович *– заведующий отделом археологии краевого бюджетного учреждения «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края», кандидат исторических наук. 656043, ул. Ползунова, д. 39, г. Барнаул. Тел.: 8(3852)63-09-83, e-mail: frolov_jar@mail.ru*

Цимиданов Виталий Владиславович *– ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, кандидат исторических наук. 86108, пос. Котовского, 27, кв. 15, г. Макеевка, Украина*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Кузин-Лосев В.И. (г. Донецк, Украина)
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМЫ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ **3**

Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А. (г. Барнаул, Россия)
ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПЕСЬЯНОВ МЫС **14**

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (г. Донецк, Украина)
КОНСКАЯ УЗДА – АТРИБУТ ИНИЦИАЦИЙ ?
(По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы
и начала раннего железа) **23**

Фролов Я.В. (г. Барнаул, Россия)
МЕСТО КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА РУБЛЕВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА В КРУГУ ПАМЯТНИКОВ
РАННЕСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КУЛУНДЫ **45**

Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю., Лихачева О.С. (г. Барнаул, Россия)
ОБ ОДНОМ ТИПЕ КОСТЯНЫХ ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН,
ИСПОЛЬЗУЕМОМ НАСЕЛЕНИЕМ АЛТАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ **58**

Федорук А.С., Фролов Я.В., Папин Д.В. (г. Барнаул, Россия)
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-XIV
(раскопки 2010-2011 гг.). **64**

Азбелев П.П. (г. Санкт-Петербург, Россия)
К ИЗУЧЕНИЮ ПАЗЫРЫКСКИХ ТАТУИРОВОК **78**

Соёнов В.И., Константинов Н.А., Соёнов Д.В.,
Трифанова С.В., Бакиянов А.И. (г. Горно-Алтайск, Россия)
ЕМУРЛИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА АЛТАЕ **83**

Константинова (Штанакова) Е.А., Суразаков А.С.
(г. Горно-Алтайск, Россия)
ПРОИЗВОДСТВО ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НА АЛТАЕ
В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (по материалам могильника Айрыдаш-I) **103**

Лукерина Я.Е. (г. Барнаул, Россия)
БАЗА ДАННЫХ «ЛОШАДИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ
ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ, РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДЕНЕВЕКОВЬЯ»:
СТРУКТУРА И НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ **111**

Константинов Н.А. (г. Горно-Алтайск, Россия)
ОТРАЖЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ
В ПЕТРОГЛИФАХ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ **118**

Серегин Н.Н. (г. Барнаул, Россия)
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(2-Я ПОЛОВИНА V – XI ВВ.) **137**

Рыбаков Н.И. (г. Красноярск, Россия)
БОДХИСАТТВА МАУДГАЛЬЯЯНА В ИЮССКИХ ПЕТРОГЛИФАХ **148**

Руденко К.А. (г. Казань, Россия)
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛАИЗ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
И ИХ СИБИРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ **150**

Илюшин А.М. (г. Кемерово, Россия)
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС №3
НА КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ИШАНОВО **161**

Бобров Л.А. (г. Новосибирск, Россия)
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ
ДЛИННОДРЕВКОВОГО ОРУЖИЯ МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVII-XIX вв. **173**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА **181**

Научное издание

ДРЕВНОСТИ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
№5(17)

Сборник научных трудов

Ответственный редактор – **В.И. Соёнов**

Статьи публикуются в авторской версии

Составление, оформление, компьютерная верстка,
корректура, макет – **В.И. Соёнов**

Подписано в печать 04.03.2013.
Формат 60x84 1/8. Усл.печ.л. – 23,0.
Заказ № 43. Тираж – 300 экз.

РИО Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1